

Евгения Сафонова

Иногда
счастливый конец
требует жертв

Некротман:С

Орус 2

Annotation

Тьма над Керфи сгущается. Чтобы удержать свою власть, королева Айрес готова на всё. Другой враг уже подобрался к Избранной вплотную. Пока Герберт ищет способ вернуть Еву к жизни, девушка пытается убедить противников королевы действовать сообща. Но могут ли её слова перечеркнуть десятилетия вражды и непонимания?

Кольцо интриг сжимается всё стремительнее. Пьеса подходит к концу. И одним богам известно, какую партию в ней сыграет демон с синими глазами, что следует за Евой по пятам.

Продолжение захватывающего романа «Некроманс. Opus 1» Евгении Сафоновой.

Издание дополнено иллюстрациями от художницы Полины Граф. Тиражи предыдущих книг автора превысили 50 000 экземпляров. Интриги и месть, древние пророчества, смерть и – музыка!

- [Евгения Сергеевна Сафонова](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)

o [30](#)

Евгения Сергеевна Сафонова

Некроманс. Opus 2

С благодарностью Наталье Платоновой – за вычитку,

*Ришику – за песню Кейлуса
и Марии Поташковой – за то, что вернула мне радость созидания;
с любовью ко всем творцам, спасающим и множащим красоту.*

Opus – лат. opus, «произведение».

Обозначение порядкового номера данного сочинения в списке (чаще всего хронологическом) произведений данного автора.

Перефразируя словари

Допускать, чтобы смерть подкрадывалась к тебе незаметно, – это не лучшее решение. С ней надо быть накоротке. О ней надо говорить: либо словами, либо – как в его случае – музыкой.

Джулиан Барнс, «Шум времени»

После тишины лучше всего невыразимое выражает музыка.

Олдос Хаксли

** * **

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо

иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Сафонова Е. С., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Глава 1

Doloroso^[1]

На дворе медленно гас день, но в небе, ещё светлом, висела луна – бледно-розовая и прозрачная, как истончившийся леденец. Луна Мерки восходила на четверть месяца раз в столетие, и в эти дни она являла людям свой лик задолго до того, как к ней присоединялась луна Мегинум, в голубом свете которой керфианцы привыкли странствовать по ночам.

Сидя в своём кабинете, отодвинув кожаное кресло от столешницы (с годами службы она затвердела так, что тёмный дуб больше напоминал камень), Герберт смотрел на луну. В пальцах, выпачканных чернильной кровью многочасовых трудов, застыла книга для записей, исчерканная формулами до прорех в плотной бумаге; глаза невидяще уставились на розовый круг.

Гербеуэрту тир Рейолю он напоминал циферблат часов, по которым ползла невидимая стрелка, отсчитывая дни, оставшиеся до свершения семисот тридцатого пророчества Лоурен.

– Не выходит? – участливо спросил Мэт, проявляясь в воздухе за письменным столом.

Герберт молчал; посреди стола в медном подсвечнике сиял единственный магический кристалл, и полутьма, разливаясь по комнате, пахла пылью, бессонницей и тщетными усилиями.

– Не расстраивайся. В конце концов, ты сейчас тратишь силы на то, чтобы держать в стазисе целого мёртвого дракона. – Демон вздохнул, скрестив на груди руки, облитые мерцающей звёздной синевой. – Подгадила вам милая тётушка с этим убийством, конечно... Хотя я бы сказал, что удача и так сопутствовала вам неприлично долго.

– Ничего непоправимого не произошло, – в голосе некроманта мёртвые листья шелестели под крадущимися шагами. – Я изначально не рассчитывал, что на момент свершения пророчества дракон будет живым.

– Златовласке это скажи. Только голову береги. Сам знаешь, она у нас отличается забавной привычкой привязываться к разным странным несимпатичным зверушкам... вроде тебя.

Герберт отвернулся. Придвинув кресло к столу, шлёпнул книгу на стол; взяв перо, в сотый раз начал писать неподдающуюся рунную формулу.

Ножки скрипнули по паркету так, словно тонкий голосок ехидно хихикнул, насмехаясь над его неудачами.

– Не тревожит, что твоя любовь всё больше отчаивается, а ты ничем не можешь ей помочь?

– А она отчаивается? – не поднимая головы, уточнил некромант.

– Неживой быть невесело, знаешь ли. Пока ты кормишь её одними только обещаниями, а ими вечно сыт не будешь. – Мэт небрежно

стряхнул с рукавов невидимые пылинки. – Она, конечно, бодрится как может и лицо старается держать, чтобы тебя не расстраивать, но...

Герберт не ответил. Лишь сидел ещё долго, царапая пером желтоватую бумагу, склонившись над столом так низко, что золотистые пряди почти касались чернильных строк.

Потом, в который раз перечеркнув написанное, швырнул перо перед собой, смазав невысохшие чернила, и открыл нижний ящик стола.

– Я мог бы подсобить с её воскрешением. Мне нетрудно. И цену возьму умеренную.

– Справлюсь своими силами, – сказал Герберт, достав маленькую деревянную табакерку.

– Не совсем своими.

Поставив табакерку рядом с книгой, Герберт откинул резную крышку.

На свету порошок, черневший в лакированной коробочке, едва заметно отливал серебристым. Керфианцы прозвали его «звёздной пылью», хотя, конечно, звёзды тут были ни при чём: порошок этот добывали из цветка, когда-то росшего только в горах, а теперь заботливо культивируемого людьми, которые зарабатывали на этом немалые деньги. Впрочем, говорили, что звёздная пыль может помочь увидеть хоть звёзды, хоть луны, хоть самого Жнеца.

Если промахнуться с дозировкой, вероятность встречи с последним резко увеличивалась.

– Можешь сколько угодно думать, что эта дрянь не вреднее спиртного, которым баловался твой батюшка, но я-то знаю. В прошлый раз тебе повезло. В этот может не повезти, – прочувственно молвил Мэт. – Подумай хорошенько. Вдруг проще договориться... чем делать то, что ты делаешь последние дни.

– Прочь.

Качнув головой – таким жестом любящий старший брат мог бы прощаться с непутёвым младшим, – демон медленно растаял во мраке, сползавшемся к Герберту из дальних углов.

Смочив палец слюной, Герберт коснулся рассыпчатой чёрной горки. Повернув ладонь, пару секунд смотрел, как стремительно темнеют крупинки, прилипшие к коже.

Последний раз. Это же может быть последний раз, верно? Ему осталось чуть-чуть, чтобы заглянуть за ту грань, где прятался от него правильный ответ. Буквально пара шагов, которые так трудно сделать самому. Гораздо легче, когда тебя не сковывают узкие рамки черепной коробки, когда ты забываешь о существовании невозможного, когда разум словно высвобождается из клетки и летит в заоблачную высь, скрывающую истину, а тело – бесполезный кожный мешок, полный мяса и костей, – перестаёт бесконечно требовать еду, отдых, сон...

Даже если не выйдет сейчас, ночью он попробует снова. И, может, ещё чуть-чуть увеличит дозу.

В конце концов, он увеличивал её уже не раз, и это не привело ни к чему дурному.

– Справлюсь, – повторил Герберт, прежде чем слизнуть порошок с руки.

* * *

Эльен заглянул в «детскую», когда последнее нежное ре «Размышления» Массне ещё не истаяло в жарком блеске рассыпанного по полу золота.

Ре-мажорная тоника, отстранённо думала Ева, широко и бережно ведя смычок в завершающем движении. *Забавно*. Ре мажор звучит в их маленькой сокровищнице – тональность золота для синестетика Скрябина, тональность, в которой старый Барон из «Скупого рыцаря» Рахманинова любовался своими драгоценностями...

– Урок танцев, лиоретта, – мягко напомнил призрак, когда в тишине остался лишь один звук: потрескивание негаснущего огня.

Ева покорно поднялась со стула. Уложив Дерозе в футляр, погладила на прощание яйцо.

– Я вернусь, – зачем-то сказала она, прежде чем вскинуть виолончель на плечо и выйти, плотно прикрыв за собою дверь.

Герберт сообщил, что, если держать яйцо в нужных условиях, маленький дракончик вылупится и без матери. Слабое, но всё-таки утешение. Хотя оно не помешало Еве впасть в истерику – вторую за два дня, – когда некромант принёс весть о гибели Гертруды.

Ева сама удивилась, как эта весть выбила её из колеи. Казалось бы, она знала драконицу всего ничего. И за это «ничего», как выяснилось, успела так к ней прикипеть, что, когда схлынула первая постыдная эмоция – облегчение, что формулировка клятвы не утянула Герберта следом, – расплакалась и самозабвенно наорала на некроманта. Крича, что это их вина, что она знала, что он не подумал...

Тот даже не отпирался. Стоял, опустив руки, опустив голову, такой покорный, что Еве тут же стало стыдно.

«Я виноват, – тихо возразил Герберт, когда она обняла его, бормоча слова извинения, твердя, что он ни в чём не виноват. – И я искуплю вину. Исправлю то, что ещё могу».

Что ж, если они помогут единственному уцелевшему детёнышу Гертруды появиться на свет, вырасти дракончиком, который однажды расправит крылья и взлетит в зовущее его небо, – наверное, это и правда немножко искупит их вину. Так что боль Ева топила в занятиях, до изнеможения отрабатывая двадцать четвёртый каприс Паганини: она загорелась сыграть виолончельное переложение с тех пор, как впервые услышала его в исполнении Йо-Йо Ма. Дома она пару раз едва не переигрывала руки, заучивая вечно фальшивящее пиццикато в девятой вариации или проклятые децимы в шестой, но в волшебном мире мышцы – всегда холодные – даже не уставали. А дозанимавшись в своей комнате до ощущения, что пальцы вот-вот начнут кровить, растворив всю тоску в утомлённом отупении, она шла в «детскую» маленького дракончика: надеясь, что песни Дерозе могут хоть немного заменить те песни, что он уже никогда не услышит от мамы.

О том, что услышать маму ему не суждено, Ева рассказывать не стала. Плакать в обнимку с яйцом тоже, хотя хотелось. Оставалось надеяться, что он ещё слишком маленький, чтобы слышать истину в сердцах, как Гертруда.

Прорваться в музыке Ева этой истине не позволяла.

– Эльен, вы знали, что Герберт боится смерти? – спросила она невпопад, следом за призраком возвращаясь в спальню, – страстно желалось поговорить и подумать о чём угодно.

Как Айрес могла так поступить? Без раздумий уничтожить то, чего наверняка даже не понимала, чьей красоты наверняка не могла оценить?..

– Странная особенность для некроманта, – откликнулся призрак невозмутимо, учтиво раскрывая перед ней дверь. Ева так и не поняла, был это положительный или отрицательный ответ. – Хотя... ты можешь каждый день иметь дело со смертью других, но твоя собственная продолжит пугать тебя.

– Он слишком много имел дел со скелетами. И слишком мало с живыми людьми. – Вернувшись в свою комнату, Ева опустила футляр с Дерозе на пол и принялась протирать струны и корпус инструмента. В сокровищнице делать это не хотелось – всё равно что выносить закулисные тайны на сцену. – С чего он вообще заперся здесь в окружении одной нежити? Помимо всего, что я уже знаю?

– Двух слуг поймали на шпионаже. Вскоре после гибели его родителей. Одного подкупила королева, другого – лиэр Кейлус. Тогда господин Уэрт решил, что вполне сможет обойтись прислугой, которая точно его не предаст.

Ева лишь нахмурилась, скользя мягкой тряпочкой по лакированному дереву.

– Он так хорошо знаком с последствиями смерти, что теперь для него всё тлен. Суэта и пыль. Всё, кроме того, что может его обессмертить. – Закончив с инструментом, она прошла с чисткой по древку смычка. – А самое обидное, что в чём-то он прав. Я вот тоже боюсь умирать.

– Смерть – естественная часть жизни. То, что придаёт ей смысл. Лишь смерть заставляет нас ценить дарованные нам мгновения.

– Да. Знаю. Слышала. – Убрав смычок на его законное место в футляре, Ева аккуратно опустила крышку, пытаясь не ассоциировать это действие с тем, что совершают на похоронах. – Но всё равно хотела бы, чтобы этих мгновений было как можно больше.

Мысли неумолимо возвращались к Гертруде.

Конечно, странно задаваться вопросом, как королева могла так поступить. Если Айрес хотела во что бы то ни стало предотвратить исполнение пророчества, вполне логично, что следом за обещанной Лоурэн спасительницей она уничтожила и обещанное Лоурэн чудовище. Герберту королева могла говорить что угодно, но Ева была уверена: отправляясь в замок Гертруды, в первую очередь Айрес руководствовалась предсказанием. Чудесно ведь всё складывается: Избранная мертва, чудовище, которое той суждено было прикончить,

тоже. Сиди себе спокойно на троне да лелей дальше тиранические планы. А им остаётся лишь осуществить тот план, что Герберт задумал изначально: разыграть спектакль, где мертва не только Избранная, но и убиваемый ею дракон.

Он наведлся в опустевший драконий замок вскоре после празднества, обернувшегося кошмаром. Ныне законсервированное тело Гертруды ждало часа, когда некромантия и иллюзии, дым и зеркала ненадолго придадут ему подобие жизни, прежде чем оно упокоится навсегда – на дне озера.

Ева не знала, чего Герберту стоит одновременно поддерживать три стазиса – её, Гертруды и Мелка. Выглядел он в последние дни... не сказать, чтобы плохо, но странно.

– Некоторые вещи просто не созданы для того, чтобы медленно увядать, – проговорил Эльен мягко. – Одни огни загораются, дабы тлеть медленно и долго, тихо согревая тех, кто вокруг. Другие – чтобы прогореть в один миг яркой вспышкой, оставив за собой пламенный след в истории или чьей-то памяти. Не нам судить, почему боги готовят нам столь разное предназначение и столь разные сроки.

– Мы собираемся использовать её тело, Эльен. Гертруды. Поднять её, чтобы я могла «убить» её у всех на глазах. – Ева встала и яростно тряхнула головой. – Это так... мерзко.

Слова вырвались произвольно. Наверное, потому что думать о собственном сроке ей не слишком хотелось. Несмотря на непрошибаемый оптимизм, на котором Ева благополучно дотянула до своей семнадцатой весны, тихий пакостный голосок всё чаще напоминал ей, что формально она составляет Гертруде компанию – и имеет все шансы скоро присоединиться к ней с концами. Если до Евы в ближайшее время не доберётся Айрес, в далёкой перспективе доберётся отчаяние. Она слишком хорошо знала себя, чтобы не понимать: она не сможет вечно жить – *существовать* – как сейчас. Даже долго не сможет.

Забавно: яснее всего осознаёшь, что с твоей жизнью что-то всерьёз не так, когда в попытках отвлечься от невесёлых мыслей приходишь к мыслям ещё менее весёлым...

– Вы слишком много значения придаёте плотским останкам, лиоретта. – Призрак, явно не видевший в этом никакой крамолы, с лёгким осуждением качнул головой. – Все религии проповедуют

бессмертие души, но отчего-то придают невероятное значение посмертию тела. Здесь, в Керфи, к смерти относятся так, как и должно к ней относиться. Смертная оболочка – только обёртка. Фантик для души сродни конфетному. Вы некогда говорили, что в вашем мире деяния некромантов мнят надругательством над мёртвыми... Но ведь мы просто бережём фантик вместо того, чтобы выбрасывать его, позволяя бесполезно и бесславно пропасть. Даём ему выполнять то же, что он выполнял, пока суть его была в нём. Разве это не дань уважения к тому, кто всё равно уже нас покинул? Я лично ни капли не возражал бы, если б сейчас в кухне трудился и мой скелет, будь он к тому пригоден. И не думаю, что возражала бы ваша драконица. – Взгляд призрака будто касался щеки тёплой ласковой ладонью. – Ей это тело всё равно уже ни к чему. Если оно может оказать кому-то добрую услугу вместо того, чтобы истлеть... Помочь изменить этот мир к лучшему, помочь спасти чужие жизни... Разве не лучше использовать его с пользой?

Лучшая слышанная мною речь в защиту посмертного донорства, подумалось Еве саркастично.

– А вы, Эльен? – спросила она то, что интересовало её уже давно. – Почему вы решили остаться здесь не только телом, но и душой? Или вам не оставили выбора?

– Оставили. – Дворецкий, усмехнувшись, повернулся к ней, чтобы невесомой рукой слегка погладить по волосам. – А что бы вы с господином Уэртом сейчас без меня делали?

Эта ласка, и взгляд, и тон слишком напомнили ей папу, где-то за гранью другого мира наверняка оплакивающего уже второго потерянного ребёнка.

Не выдержав, Ева обняла призрака за талию, уткнувшись лбом в полупрозрачный бархат сюртука на его плече. Странное это было ощущение... Будто утыкаешься в пышные шифоновые оборки, под которыми скрыто холодное стекло. Но когда Эльен приобнял её в ответ, столь желанная поддержка была настоящей.

– Я не тороплюсь за грань, лиоретта. – Шелестящие прикосновения огладили её спину. – Уверен, там всех нас ждёт нечто потрясающее и потрясающе интересное, однако пока я не представляю, как оставлю тех, кому поклялся служить. К тому же не думаю, что по ту сторону меня ждёт тёплая встреча.

– Это ещё почему?..

– Видите ли, исполняя свой долг вассала, я вершил не только благие дела. А Жнец не слишком жалуется тех, кто крадёт его урожай, срезая жатву раньше уготованного Им дня. – Почувствовав её замешательство, Эльен мягко выскользнул из её рук; отстранился, и Ева увидела его печальную улыбку. – Смерти не нужно жаждать, лиоретта, но и не нужно бояться. Смерть – не недостаток и не ошибка. Она завершает то, чему логично иметь завершение. А бессмертие – не всегда благо.

– Многие с вами не согласились бы, – пробормотала Ева, пытаюсь совместить в сознании картинку уютного заботливого Эльена, к которому она привыкла, с гипотетическим Эльеном-убийцей. – Герберт, в частности.

– На них не стоит равняться. – Призрак отвернулся, сцепив руки за спиной, и подошёл к окну. – В те дни, когда я был ещё жив, мне довелось бывать в Риджии. Господин взял меня туда, когда дела свели его с тамошними магами. Помните, кто её населяет?

– Люди, эльфы, дроу, лепреконы, – машинально откликнулась Ева, как откликалась прежде на их уроках.

– Да. Много больше долгоживущих народов, чем во всех других странах. – Эльен вздохнул. Ева порой удивлялась, как он может вздыхать, если в принципе не способен дышать, но, видимо, призраки сохраняли некую иллюзию привычной работы лёгких. – В Риджии мой господин встречался с эльфами, и я тоже. Были среди них прекрасные, поэтические создания, истинные Дети Солнца, как называют их там... Но были и те, кто мнил себя лучше людей на том лишь основании, что в отличие от смертных они живут вечно. Дроу, как вы помните, некогда даже развязали войну, стремясь уничтожить людей. Сочли простых смертных недостойными жить подле них – неумирающих, нестареющих. Это так... высокомерно. С каких пор долгота жизни стала столь важным фактором в столь сложном вопросе? – Вскинув ладонь, призрак рассеянно выплел пальцами в воздухе витиеватый вензель, явно призванный выразить брезгливость. – Смертные сотворили столько вечного, столько прекрасного, столько вещей выше и волшебнее себя, сколько иной из эльфов и дроу не создаст за всю свою бесконечно долгую жизнь. И сама Риджия... закаменевшая. Отстающая. Лишь сейчас нагоняющая другие страны, ушедшие далеко вперёд. Ведь

в трёх из четырёх её королевств вместо стариков, закосневших в устоях трёхвековой давности, к власти наконец пришли дети... И принесли с собой свежие мысли, идеи, взгляды. – Оглянувшись, он горестно опустил руку. – Посмотрите на меня. Я бессмертен, но кто я? Реликт, пережиток прошлого, тень уже ушедшей эпохи.

– Нашли тут пережиток! – фыркнула Ева в искреннем возмущении. – Для пережитка вы слишком хорошо танцуете.

– Чем, к слову, нам и следует наконец заняться вместо, безусловно, приятной беседы.

И они занимались, благо настроение у Евы самую капельку поднялось. Занимались до самого прихода Герберта, ворвавшегося в комнату без стука, точно надеясь застать их за чем-то непристойным.

Впрочем, по тому, как некромант вместо приветствия порывисто впился губами в её губы, Ева постановила, что он просто соскучился.

– Эльен, фейр, – бросил Герберт потом. Дождавшись, пока призрак безмолвно ускользнёт выполнять приказ, рывком увлёк Еву на кровать.

Станный он был эти дни... Все трое суток, минувших с известия о гибели Гертруды, некромант ходил то безучастнее, чем в первые дни их знакомства, то вдруг являлся с горящими глазами, и в движениях его прорывалась странная нервная лихорадочность. А ещё почти непрерывно работал над чем-то в своём кабинете. Ева даже практиковалась теперь одна – что в заклятиях в тренировочном зале, что в прогулках по воде, на которые она каждодневно вылезала на улицу.

Надо сказать, в саду без Герберта она чувствовала себя неуютно. Внутренний параноик и вовсе время от времени нашёптывал, что она ощущает на себе чей-то пристальный взгляд. Хорошо хоть Мэт, пользуясь ситуацией, разбавлял обстановку – то предлагал ещё и воду в вино обратить, то рассуждал, что Мираклу ни к чему будет нормальное знание экономики, если его жёнушка откроет в себе талант кормления тысячи страждущих одним жалким багатом. Как-то и вовсе пропел противным тоненьким голоском *«Ви-идишь, там, на горе-е»*, вынудив Еву от изумления искупаться в ледяной воде.

Чего-чего, а знания песен «Наутилуса» она от него никак не ожидала^[2].

– Как себя чувствуешь? – спросил Герберт, вжав её в покрывало.

– А я должна чувствовать себя как-то не так? – осторожно уточнила Ева.

– Нет. Но если хорошо, это значит, что всё работает. – В льдистых глазах блеснуло непонятное шальное веселье. – Я отрезал тебе доступ к моей энергии, прежде чем вошёл.

Ева оторопело замерла.

– Я изменил чары, пока ты спала сегодня. – Действительно, этой ночью она принимала очередную ванну... Но для Евы процедура ничем не отличалась от прочих. – Теперь, если лишишься подпитки от меня, ты начнёшь питаться от собственного резерва сидиса. Судя по всему, ты ничего не ощутила?

– Нет, – прислушавшись к ощущениям, в некотором замешательстве подтвердила она. – Ничего.

– Как я и думал. – Некромант с задумчивым удовлетворением заправил ей за уши растрепавшиеся светлые пряди. – Переводить тебя на постоянное самообеспечение я пока не рискну. Так что завтра повторим привязку на алтаре. Но, судя по всему, на поддержку существования ты тратишь не больше, чем восстанавливаешь – в целом количество сидиса в ауре остаётся без изменений... Надо ещё проверить, как это совмещается с колдовством и регенерацией. Посмотрим что-нибудь?

Потянувшись за планшетом, ждавшем своего часа на прикроватном столике, Ева покосилась на Герберта почти насторожённо:

– А ты как себя чувствуешь?

– Я в порядке. – Он уставился, не щуря глаза, на белое сияние волшебных кристаллов, и откликнулся без запинки. Так, точно ожидал вопроса. – В полном. Просто много работы.

Его глаза, вдруг поняла Ева. Что-то с ними не так, но что?

– Какой работы? – Листая папки в поисках нужной, она судорожно пыталась понять, что именно царапнуло душу тревожным наждаком.

– Сначала дорабатывал чары, чтобы ты не погибла вместе со мной, если что-то случится. Теперь бьюсь над формулой воскрешения.

– И как успехи?

Герберт ответил не сразу.

– В последний миг от меня всегда ускользает что-то важное. Что-то, что поможет расставить все элементы формулы по местам. Но я

поймаю это. Нужно лишь зайти ещё чуточку дальше.

Нотки одержимой убеждённости, скользнувшие в последних словах, Еве совсем не понравились.

– Герберт, только не надо... надрываться ради меня, ладно? Я всё понимаю, но ты должен беречь себя. Пожалуйста.

Его улыбка заставила бы сердце сжаться, если б только оно могло.

– Я сделал много ошибок. Должен же я наконец и исправить что-то.

– Не сделал ты никаких ошибок! Ты не мог меня спасти, у тебя же клятва, и мы не могли знать, что Айрес в одиночку справится с Гертрудой, и...

Её заставили замолчать самым бесцеремонным и приятным из возможных способов.

– Не будем об этом, – с мягкой непреклонностью не то попросил, не то приказал Герберт потом. – Не сейчас. Я слишком устал. Что сегодня хочешь мне показать?

Глядя в его глаза, где в голубом льду чернели точки узких зрачков, Ева усилием воли заглушила внутренний голос, снова вопивший, что происходит что-то катастрофически неправильное. Что ни в коем случае нельзя спускать всё на тормозах, и отступать, смирившись с его правилами, замяв разговор, – тоже. Но его бледное, измождённое лицо, на котором лишь глаза горели почти лихорадочно, и правда выглядело таким уставшим...

...и не будет ли это свинством с её стороны – долбить его расспросами и нравоучениями вместо того, чтобы дать отдохнуть...

...и даже если в душе его снова появилась рана, не зарастёт ли она скорее, если не пытаться её ковырять...

...и вообще, об этом с ним поговорить ещё успеется, правильно?

– Одну историю о неправильном злом короле, неправильном герое, его неправильной возлюбленной... В общем, там все неправильные, но сама история удивительно правильная, – покорно произнесла Ева, по традиции устанавливая планшет в изножье кровати, чтобы нажать на «плэй» и включить «Галаванта». – Сам увидишь.

Как выяснилось позже, внутренний голос её обманывал редко.

Гром грянул ночью.

Ева привычно лежала без сна. Обычно она коротала ночи за чтением или занятиями музыкой, но теперь Дерозе тихо спал в футляре, а его хозяйка валялась на кровати, созерцая потолок. С Гербертом они расстались на клятвенном обещании, что этой ночью некромант ни над чем работать не будет, а немедленно отправится спать. Правда, тот на все её настойчивые просьбы отмолчался, но молчание ведь знак согласия, верно? Не может же Герберт оставить все её мольбы без внимания. Если уж действительно её любит. В крайнем случае Ева может пойти и проверить, спит ли он, и устроить втык, если не спит...

Правда, знала бы она ещё, где находится его спальня.

Дверь неожиданно скрипнула. Ева села на постели и увидела, что к ней, каким-то образом дотянувшись до длинной дверной ручки, бесцеремонно проскользнул Мелок.

– Ты ко мне в гости? – сказала она, когда кот вспрыгнул на кровать. – Что, хозяин не гладит?

Тот вместо ответа боднулся ей в руку: на белоснежной морде стыло такое тоскливое выражение, будто Мелок только что чудом сбежал от стаи бешеных псов и искал срочного утешения.

Есть всё же нечто глубоко неправильное в том, что твоему молодому человеку известно местоположение твоей спальни, а тебе его – нет, размышляла Ева, одной ладонью наглаживая молчащего кота по спине, а другой почёсывая за ушком. *Как и в том, что вы встречаетесь и живёте вместе, но спите порознь.*

То, что ты зомби, а он – твой некромант, на Евин взгляд, смотрелось уже почти естественно.

– И с чего ты так прикипела к этому дурному мальчишке, а? – заметил Мэт, снова возникнув в изножье. – Ума не приложу.

– Свой ум прикладывай к чему угодно другому.

– Зато твой призрак сегодня приятно удивил. Может, лучше в него влюбишься? – Демон сделал вид, что поудобнее усаживается на резной спинке. – Вот уж дивный романтический герой. Ещё и поёт.

– Если ты радуешься, что обрёл родственную душу, вынуждена огорчить: даже если Эльен в самом деле убивал, не думаю, что он получал от этого хоть какое-то удовольствие.

– А, ты о том, что он порой помогал своему господину травить шпионов и убийц, имевших глупость заглянуть к ним на обед? Кстати, чаще в интересах короны, чем с целью самозащиты. Тот господин

Рейоль, если ты не знала, заведовал тайной службой Его Величества... Хотя того, кто занимал подобный пост, прикончить желали многие, не отрицаю. – Мэт зевнул, наслаждаясь её замешательством. – Нет, я не об этом, что ты. Просто он на диво здраво рассуждал о смерти, в отличие от твоего обже^[3]. Ему не хватает кое-каких фундаментальных знаний о науке, которая в вашем мире чуточку приподняла завесу вселенских тайн, но речь всё равно вышла симпатичная. Даже трогательная в этой его наивности давно ушедшей старины.

– Можно подумать, ты у нас молод.

– Я иду в ногу со временем, как ты могла заметить. Вернее, парю. В Межгранье, как ты поняла, туго с твёрдыми поверхностями. С направлениями, впрочем, тоже.

– Я понимаю Герберта, – не купившись на его обезоруживающе широкую улыбку, сказала Ева, решив оставить переосмысление образа Эльена на потом. – Его род занятий... располагает к подобным мыслям.

– Нет. Просто он глупый маленький мальчик, который лишь начинает учить самый важный для себя урок. – Вертикальные щели зрачков расширились, поглощая окружавшую их мерцающую синь, и вновь, как когда-то давно, в глазах демона Еве открылась пустая вселенская бесконечность. – Не меняется и не увядает лишь то, что не учится и не растёт. Не умирает лишь то, что по-настоящему не живёт. Не ощущает боли лишь то, чему нечего терять, нечего терять лишь тому, что не чувствует вовсе. – Соскользнув с изножья, Мэт подплыл ближе; ладонь Евы давно уже замерла на вздыбившейся шерсти кота, неотрывно следившего за незванным гостем. – Он зовёт себя избранником Смерти, но не постиг пока всей её красоты... Красоты её логики, красоты её схем.

– Схем?..

– Старые травы умирают и гниют, чтобы подпитать собой зелёные побеги. Старые клетки в твоём теле отживают своё и гибнут, чтобы уступить место новым. Если клетка отказывается умирать, она перерождается в опухоль. Эгоизм одной крохотной частички, решившей жить несмотря ни на что, губит весь организм. – Вкрадчивое многоголосье шёлком обволакивало слух, утягивая Еву в бездонную черноту, расстилавшуюся за его глазами. – Твой призрак прав. Смерть – не дефект рода людского, а орудие эволюции. Существование смерти влечёт за собой смену поколений, ваше обновление и перерождение.

Старики не занимают место юных, оставляя вам простор для совершенствования. Непрерывное смешение генов, порождающих всё новые и новые сочетания, уход в небытие тех, кто несёт в себе устаревшую кровь и устаревший образ мыслей, – вот что толкает человечество вперёд. Вы даёте жизнь детям, которые будут лучше вас. Новым идеям, которые они смогут впитать. Новым изобретениям, которые облегчат им жизнь. Новому искусству, на котором они смогут возрасти. И уходите, потому что не способны на большее. Но они, которым дана возможность при рождении подняться на ту ступеньку, до которой вы с муками карабкались всю свою жизнь, начать свой путь сразу с неё – смогут. Разве это не прекрасно?

Мелок с шипением вырвался из-под державшей его руки, зрачки Мэта, вновь сузившись, обратились на кота – и Ева, лишь сейчас различив гипнотическую пелену, которая обволокла разум, раздражённо тряхнула головой.

– Скорее цинично, – заметила она ершисто, когда Мелок скрылся за приоткрытой дверью.

– Брось, златовласка. В глубине души ты сознаёшь, что я прав. Вы так часто воспринимаете смерть благом и нормой в том, что не касается гибели тел, но так смехотворно привязаны ко всему материальному. Вы убиваете старые отношения, чтобы вступить в новые. Вы умираете раз за разом, пока живёте. Та, кем ты была десять лет назад, давно исчезла, чтобы уступить место нынешней тебе; ты умрёшь ещё пару лет спустя, чтобы на твоё место пришёл кто-то взрослее и мудрее, и встреться ты в двадцать пять с собой в семнадцать, вы не узнаете друг друга. Смерть освобождает, переворачивает страницы, несёт новизну. Смерть – друг ваш, а не враг. Бояться её может только тот, чьё существование серо, пусто и похоже на плохую бумагу. Кальку, где ничего не нарисовано – лишь просвечивает сквозь нее чернота, ждущая в конце. Закрась её яркими цветами, прими, что всё конечно, цени возможности, которые дарит тебе уже тот факт, что ты появился на свет – и конца будет не разглядеть, и мысли о нём в голову начнут забредать редко, не причиняя дискомфорта. – Когда Мэт вскинул ладонь, Ева решила, что это жест назидания, но нет: достав невесть откуда пилку, он скучающе принялся полировать неестественно блестящие, точно стеклянные ногти. Не длинные, не острые, но этим странным блеском пугавшие не меньше ведьмовских когтей. – Не смерть презренна, а страх перед ней.

Существовать вместо того, чтобы жить. Пытаться любой ценой избежать неизбежного. Цепляться за жизнь вместо того, чтобы умереть, исполнив предназначенное, и с готовностью уступить место другим. Можешь так малышу и передать.

Ева смотрела, как пилка ритмично скользит по глянцеви́тым белым полукружиям.

До недавнего времени она редко задумывалась о собственной смертности. Ей хватало других проблем. К тому же она не могла толком вообразить себе черноту небытия: даже во сне у неё всегда были... ну, сны. Но теперь Ева успела свести с этой чернотой довольно близкое знакомство – в день, когда прибыла в Керфи, и позже, сбежав из замка. И если представить, что это – навсегда, что она не мыслит, не существует, что Евы Нельской больше нет, и лишь её тело под землёй тихо превращается в скелет, как наверняка уже превратилось Лёшкино...

Острое осознание, что она давно уже висит на волоске от этой черты, пробрало ужасом до костей. Тем же ужасом, с которым Ева познакомилась, когда беспомощно смотрела, как к их машине приближается грузовик.

...нет. Нет. Демоны и призраки могут сколько угодно твердить, что смерть – благо, но для Евы это только страх, гниль и боль. Страх тебя, понимающего, что вскоре не будет ничего. Гниль того, что совсем недавно долгие годы являлось тобой.

Боль тех, кто пойдёт рядом с твоим гробом.

– Сам бы и передал, – едва слышно сказала она.

– О, меня он слушать не станет. Хотя он вообще мало кого слушает. Тебе ли не знать. – Театральный вздох Мэт перевёл в ленивое дуновение, смахнувшее с обточенных ногтей белую пыль. – Твой бедный Эльен так уговаривал его не нюхать снова эту гадость, так уговаривал...

– Какую гадость?

В том, как Мэт прижал ладонь ко рту, читался ужас настолько фальшивый, что самый паршивый актёр сыграл бы лучше.

– Караул, – протянул демон без малейших признаков испуга. – Проговорился. Малыш с меня три шкуры спустит. Всё, умолкаю.

– Мэт, – на удивление спокойно повторила Ева, – какую гадость?

Тот лишь улыбнулся, прежде чем растаять в полу – тьме:

– Если правда хочешь знать, можешь спросить сама.

С минуту Ева просто сидела, не зная, чего ей хочется больше: разыскивать некроманта – или бежать на поиски Эльена. Наконец сознавая, что именно в глазах Герберта показалось ей неправильным: зрачки. Узкие, с булавочную головку, не реагирующие на свет зрачки того, кто принял что-то, чего принимать не следует.

Неужели в её короткой семнадцатилетней жизни снова...

Всё же, определившись с приоритетами, Ева вскочила с кровати. Не без труда вспомнив, что бегать по всему замку в поисках призрака не обязательно, схватила с прикроватного столика колокольчик, который Герберт зачаровал для неё; огласив комнату отчаянным звоном, бросила кусок поющего железа обратно на стол, кусая губы.

Не волнуйся, сказал он ей когда-то – очень, очень давно, пока Ева рассказывала ему про погибшего брата, *в нашем мире тоже есть...*

– Эльен, – выдохнула девушка, когда вечность спустя удивлённый дворецкий, откликнувшись на магический зов, заглянул в её дверь, – Герберт принимает наркотики?

Застывшая поза и виноватое молчание ответили ей лучше любых слов.

– Я пытался его остановить, – удручённо произнёс призрак, так и не пройдя внутрь. – Он даже слушать отказывался. Единственный раз в жизни пригрозил меня отпустить. Упокоить.

– Зачем ему это?!

Возможно, во всех других случаях вопрос был бы глупым, – но Герберт казался ей последним человеком, которым могла двигать жажда забыться или погоня за эйфорией.

– Чтобы заглянуть туда, куда в здравом уме он заглянуть не способен. – Несчастный призрак стоял на пороге, сцепив перед собой опущенные руки, и глядел в сторону. – Звёздная пыль... расширяет сознание. Придаёт сил. Отбивает желание спать. Помогает ему работать. До того он принимал её лишь несколько раз – когда дорабатывал ту формулу, которая помогла поднять его кота. И вас. – Эльен снова взглянул на неё: в светлых глазах, как и в голосе, сквозило страстное желание оправдать кого-то. Вопрос, кого больше: Герберта или себя. – Он делает это не для удовольствия. И у него железная воля, лиоретта. Другие, приняв пыль пару раз, впали бы в зависимость на

всю жизнь. Он же, добившись успеха в том, чего хотел, больше ни разу не притронулся к этой... к подобным веществам. До последних дней.

Ева неподвижно смотрела на дверь. Перед глазами стояло бледное, неестественно бледное лицо Герберта, на миг сменившееся лицом Лёшки. И Мелок прибежал будто в испуге...

...нужно лишь зайти ещё чуточку дальше...

– Лиоретта?

Ева безмолвно рванула к двери.

– Лиоретта...

– Где он?! – Это она прорычала прямо ему в лицо. – В спальне? В кабинете? Говори!

– В кабинете. – Эльен невольно попятился, освобождая проход. – Лиоретта, он не велел его тревожить, он...

Без лишних слов проскользнув в оставленную щель, Ева помчалась по замковому коридору к лестничному колодцу. Кристаллы на стенах стремительно вспыхивали по цепочке, всегда опережая её на шаг.

– Не хочу тебя тревожить, златовласка, – изрёк Мэт, пока она бежала вверх по лестнице, – но поскольку мы оба заинтересованы в том, чтобы малыш прожил подольше, тебе стоит поторопиться.

– Я не могу бежать быстрее, – огрызнулась Ева, перескакивая через две ступеньки и радуясь, что в текущем состоянии можно не думать о дыхании. – Что с ним?

– Ну как, – рассеянно откликнулся демон, который летел рядом с ней, даже не думая двигать ногами, – он, конечно, мальчик умный, и мнит себя эдаким последователем Заратустры... ах, старина Фридрих, презабавный был малый... однако иногда и его ума на что-то не хватает. Даже если душой он сверхчеловек, то телом, увы, человек самый обычный. Когда он упирается в свой умственный потолок, то, как ты могла понять, прибегает к стимуляторам определённого рода. И вот принятая доза не помогает найти решение, и он её увеличивает, но это не помогает, и приходится увеличивать снова. И если в какой-то момент решение так и не найдётся, а новая доза случайно окажется больше той, что человек может относительно безболезненно вынести...

Ругнувшись – на сей раз отнюдь не музыкально, – Ева припустила к кабинету ещё скорее, чем до того, что прежде казалось ей невозможным. Благо лестница за речь Мэта успела закончиться:

остался лишь забег по длинному коридору. Стрельчатые арки, пронесившиеся над головой, почти сливались в одну. Какого чёрта эти замки строят такими огромными? Только бы не опоздать, только бы не опоздать, только бы...

– Герберт! – рывком опустив ручку, Ева толкнула дверь и ввалилась внутрь.

Он сидел за тем же столом, за которым когда-то Ева лечила его изрезанные ладони. Откинулся на спинку, прикрыв глаза. Руки на подлокотниках, брошенное перо валяется на раскрытой странице книги для записей, рядом – крохотная деревянная шкатулка, похожая на табакерку.

– Герберт?..

Ева подошла ближе. Хотела подбежать, но страх и зловещая безмятежность представшей перед ней картины замедляли шаги.

– Герберт...

Табакерка скрывала под откинутой крышкой чёрный порошок, чуть отливавший серебром. Открытую страницу всю исчеркали торопливыми, неряшливыми, обрамлёнными кляксами записями. Формулу, начертанную последней, перечеркнули столько раз, что бумага прорвалась насквозь. Несколько вырванных, скомканных листов валялись на полу сбоку от стола – рядом с кучками пепла, оставшимися от тех, что не только вырвали, но и спалили, расцветив подпалинами тёмный дощатый пол.

Переступив через пепел и бумажные комья, оттягивая момент истины, Ева наконец склонилась над его креслом.

Герберт казался спящим. Лишь кожа, бледная до какой-то снежной белизны, да синие губы указывали, что это не просто сон. И дыхание: редкое, неритмичное, едва заметное.

Её сердце не ёкнуло. Руки не похолодели. Лишь глубоко, очень глубоко внутри что-то завопило от ужаса.

– Нет, нет, *нет!* – Ева яростно тряхнула его за плечи. Не дождавшись реакции, отчаянно, наотмашь хлестнула по щеке, про себя прося прощения. – Не смей, слышишь?! Проснись!

Спустя ещё три пощёчины он всё же приоткрыл непонимающие, рассеянные, сонные глаза.

– Ева?

Слово прозвучало так неразборчиво, будто к языку его подвесили валун. Отсутствующий взгляд с трудом фокусировался на её лице.

– Я здесь, – она лихорадочно вглядывалась в тусклые, словно выцветшие глаза, – я здесь, будь со мной, слышишь? *Эльен!* – бешеный крик зазвенел под бесстрастно-белым потолком. – Герберт, позови Эльена, слышишь?!

Ева не знала, послушался он или нет. Знала лишь, что похорошему ей стоило подумать обо всех возможных последствиях прежде, чем бежать, и позвать призрака с собой. Но тогда ей было немного не до того.

Увидела, как он плавно, будто в замедленной съёмке, тянет руку к её лицу – и, так и не донеся, бессильно роняет обратно на кожаный подлокотник.

– Я... я не могу, – полуразборчиво, бессвязно прошептал Герберт, – не могу найти. Ты... страдаешь. Я страдаю. А если найду, ты уйдёшь. Уйдёшь.

– Что найти?

– Оживить. Тебя. Айрес... не знает...

Пауза, разделявшая слова, сорвалась в молчание. Блеклые ресницы сомкнулись, вновь отдавая своего владельца во власть сна, в любую секунду готового обернуться вечным.

– Дыши! – Ева бесцеремонно отвесила ему новую пощёчину, выдернувшую некроманта из черноты близящегося забвения. – Дыши! Смотри на меня, на меня, понял? Не смей умирать! Тем, что умрёшь, ты меня не спасёшь!

Он смотрел. Покорный и тихий, как провинившийся ребёнок, бледный и хрупкий, как фигурка изо льда или сахара, красивый и печальный, как ангелы с фресок Мелоццо да Форли. Неожиданно уязвимый, неожиданно беззащитный: настолько, что это казалось бы трогательным, не будь ситуация до безнадёги страшна.

Он, ещё месяц назад казавшийся ей напыщенным и самоуверенным, он, которого она – дура, не смотревшая на него так, как смотрит сейчас, – не так давно презрительно называла женоподобным...

– Тебе... очень плохо? – спросил Герберт хриплым шёпотом.

Значит, так всё случилось с Лёшкой? Только рядом не было никого, кто напоминал бы её брату дышать, кто вырвал бы его из удушающей

хватки смертельного сна? Или был, но не удосужился помочь или просто не знал как – в отличие от Евы, зачем-то неоднократно постфактум искавшей инструкцию в интернете? Ох, что же делать... Заставлять дышать, вызвать «Скорую», не давать уснуть до приезда медиков – это твердили все инструкции по помощи при передозировке; но здесь-то звонить некому, и наркотик иномирный, с незнакомым ей действием, и «Скорой» она никогда не дожждётся...

– Нет, – сказала Ева, в тысячный раз проклиная себя самыми страшными проклятиями. За истерику, которую позволила себе несколько дней назад. За все недозволительные, непростительные слова, которыми сама же толкнула его на этот путь. – Мне не плохо, Герберт. Совсем не так, как тебе сейчас. Послушай... Сначала убедимся, что Айрес не знает, как меня спасти, а потом уже будем думать об экстремальных мерах, ладно? Вместе мы что-нибудь придумаем. Обязательно.

– Возможно, я просто... недостаточно стараюсь. В глубине души стремлюсь к неудаче, – неожиданно чётко и связно пробормотал он. – Знаю, что может случиться, если ты будешь жива. Свободна. И боюсь. – Глаза под полуприкрытыми веками дрогнули, когда он отвёл взгляд. – Трус. Подлец. Слабак.

Она удивилась, с какой ненавистью – к себе – выплонулись эти тихие, бессильные слова.

– Да ну, что за глупости. Зачем бы тебе это?

Он вновь посмотрел на неё. Цепляясь взглядом за её лицо, как вцепляется в верёвку падающий в пропасть.

Уголки синих губ дрогнули в призрачной, блеклой улыбке:

– Хорошо, что иногда ты такая глупая...

В следующий миг он перестал улыбаться. И смотреть на неё.

И, судя по воцарившейся в комнате тишине, дышать.

– Герберт! – Ева снова тряхнула его, но он так и остался безответным, безвольным, закрывшим глаза. – Нет, Герберт, не засыпай! Только не засыпай, ты же...

– Лиоретта!

Эльен неслышно скользнул в оставленную открытой дверь, почему-то метнувшись не к умирающему господину, а к камину на соседней стене.

– Эльен, слава богу! Помогите, он...

– Прячьтесь, – отрывисто велел призрак, надавив на один из прутьев каминной решётки. Ева непонимающе смотрела, как одна из дубовых панелей, обшивавших стены, открывается на манер двери, маня бесцветной тьмой таившегося за ней каменного коридора.

Ну конечно. Какой же уважающий себя замок без потайных ходов.

– Эльен, что...

– Королева в замке! Она идёт сюда!

Часть Евы – часть, и без того рыдающая в ужасе от происходящего, не желающая бросать возлюбленного при смерти, – замерла, как маленький грызун, слышавший шипение голодной гадюки. Но другая часть – удивительно и омерзительно расчётливая, которой резко стало не до возлюбленных, – моментально сообразила, что к чему.

К счастью, телом управляла именно она.

В застывшем времени, размытом страхом за Герберта и за себя, Ева схватила со стола книгу для записей, позволив перу свалиться на пол. Сгребла с пола комья испорченных листков.

Перепрыгнув через пепел, метнулась к потайному ходу.

– Зайдите поглубже. Сидите тихо, – шипящей скороговоркой приказал Эльен, когда она забежала под полукруглые каменные своды, тянувшиеся далеко вперёд. Повторно нажал на рычаг, хитро замаскированный под банальную часть камина. – Я найду вас, когда всё закончится.

Дубовая панель бесшумно вернулась на место, оставляя Еву в абсолютной темноте, в которой тем ярче выделялось крошечное световое пятно. Расположенное примерно там, где с внешней стороны панели украшали рельефно вырезанные цветы.

Смотровой глазок.

Ева понимала, насколько разумнее было бы последовать совету Эльена и уползти подальше от места, к которому стремительно приближался её страшнейший враг; однако та часть её, что продолжала неслышно рыдать в страхе за умирающего возлюбленного, запоздало перехватила контроль.

С чего она вообще решила, что королева пришла помочь? А если нет? Если она что-то прознала о планах племянника и вместо помощи лишь расхохочется над его агонией?..

Стиснув зубы так, что они грозились раскрошиться, комкая в руках бумажные листки, Ева опустилась на колени с утащенной книгой под

мышкой. Прильнула к глазку, глядя, как Эльен, успевший склониться над Гербертом, в непритворной панике хлопает его по щекам.

Если придётся драться, остаётся надеяться, что столкновение с королевой закончится не так плачевно, как в прошлый раз. Правда, дождётся ли Герберт конца этого столкновения...

Спустя миг Ева услышала, как кто-то, появившийся на пороге за пределами её видимости, мелодично выдохнул:

– Боги...

Айрес тирин Тибель возникла в поле зрения секундами позже, и во второй раз Ева увидела свою убийцу.

Королева прошла мимо в грациозной сосредоточенной спешке. На ней было простое чёрное платье, на котором вместо бисера искрились капли тающих снежинок, волосы пребывали в беспорядке, не забранные королевским венцом: похоже, она сорвалась с места, не тратя время даже на то, чтобы набросить плащ. Перед столом на миг притормозила – кажется, глядя на пепел у своих ног. Конечно, нужно же оценить обстановку и сделать выводы прежде, чем получишь официальное объяснение произошедшего...

Можно понять, почему эта женщина была хорошей правительницей. Вернее, была бы, не перегибай она палку в некоторых немаловажных пунктах.

– Ваше Величество! – отступив от кресла, Эльен склонился в торопливом поклоне. Он не стал изображать удивление: чары замка всегда оповещали дворецкого о прибывших гостях. – Господин Уэрт...

– Замолчи.

Спаси его, пронзая ногтями бумагу в сжатых кулаках, думала Ева, когда королева склонилась над племянником, заслонив его собой. Что именно Айрес делает, Ева не знала: видела лишь движения руками и отблески серебристого сияния – в магических учебниках так описывали действие магии исцеления. *Спаси, и я даже прощу тебе свою отнятую жизнь...*

Свою, но не Гертруды.

Когда в тишине послышался громкий, жадный вдох утопающего, от облегчения девушка едва не выпустила из рук черновики формулы, чуть не стоившей Герберту жизни.

– Тише, дорогой. – Женщина, убившая её, погладила её возлюбленного по волосам так ласково, как с Евой никогда не

обращалась родная мать. – Я с тобой.

– Тётя?.. – Ужас, с которым Герберт должен был выдохнуть это, отлично маскировался под изумление. – Как ты... тут...

– Тебе грозила смерть, Уэрти. Я всегда узнаю, если Жнец подступит к тебе слишком близко. – Королева повернулась к Эльену: мимолётную нежность в глазах сменил лёд, что Ева в своё время регулярно наблюдала на лице её племянника. – Так ты справляешься со своими обязанностями, слуга? Так присматриваешь за моим наследником?

– Простите, Ваше Величество.

– Я сам, – хрипло послышалось со стороны кресла, – не велел беспокоить...

– Тише, Уэрти, тише. – Стоило Айрес отвернуться, в голос её моментально вернулись воркующие нотки. – Ты опять принимал эту дрянь? Зачем теперь?

Ева не видела лица Герберта, но по движениям золотистой макушки угадала: тот смотрит на опустевший стол. Затем на пол, где не осталось ничего, способного выдать, чем он занимался на самом деле.

Умница, Ева. Хоть что-то ты сделала правильно.

– Она... сказала, что не любит меня. Я хотел написать ей... письмо... получалось ужасно, я сжёг все черновики, и...

– Хорошо, что я не знаю, кто она, – сдержанно откликнулась Айрес. – Не хотелось бы огорчать тебя известием о её скорых похоронах. – Обвив руку племянника вокруг своей шеи, королева помогла ему встать. – Пойдём, глупыш. Поставим тебя на ноги.

– Ваше Величество, если вам что-нибудь понадобится, я...

– Воду, настой рейнсуна, вытяжку дютрина и порошок турефни, – бросила королева Эльену, бережно ведя спотыкающегося Герберта к выходу. – Призвала бы свои из замка, чтобы ты и дальше мог бездействовать, но не уверена, что они преодолеют защитные чары невредимыми.

Дворецкий вперёд них метнулся в коридор, оба представителя королевской семьи побрели следом, и комната опустела.

Ева ещё долго сидела, не смея шелохнуться. Наконец, надеясь, что королева не караулит за порогом, а дубовая панель приглушит шорох движений, тихо-тихо поднялась с колен. Перекинув бумажный ком в одну руку, пальцами нащупывая в непроглядной тьме сухую каменную

стену из грубых булыжников, двинулась по тайному ходу. Ступать приходилось с осторожностью, надеясь, что туннель в какой-то момент не переходит в лестницу, о первую же ступеньку которой она расквасит себе нос.

Невольно заслонила глаза рукой, когда впереди вспыхнул свет.

– Трогательные семейные отношения, правда? – Мэт поднял повыше старинный медный фонарь, услужливо подсветив серые стены и ровный пол, сложенный из гладко обтёсанных каменных плит. – Я подумал, что свет тебе не помешает.

– Он ненастоящий, – глядя на фонарь, слабым голосом проговорила Ева. – Он не может ничего освещать.

– Зато я могу сотворить в твоей голове иллюзию освещения, м? – Демон приглашающе качнул фонарём. За круглым стеклянным окошком переливался и клубился ровный белый свет, дрожа жемчужными отблесками на стенах – чертовски убедительными. – Не бойся, златовласка, никакого подвоха. Твоя сломанная шея не в моих интересах.

Поколебавшись, Ева всё же двинулась дальше, стараясь не задумываться над тем, насколько достоверна иллюзия освещённого коридора, творимая демоном, и как она коррелирует с коридором настоящим.

– Светильник смутно знакомый, – отойдя достаточно далеко от входа, с сомнением проговорила она. На всякий случай всё равно вполголоса.

– Он работает на душах заблудших детей, – доверительно сообщил Мэт, вынудив Еву на миг остановиться.

– Только не говори, что ты ещё и «По ту сторону изгороди» видел.

– Нет. Зато ты видела.

Прежде чем продолжить путь, Ева хмыкнула, оценив иронию реквизита^[4].

– Ты же заглянул в голову королевы, верно? – спросила она, по ассоциативному ряду вернувшись к тому, что осталось по другую сторону дубовой панели.

– А как же, – Мэт неторопливо парил спиной вперёд, освещая путь.

– Как она узнала?..

– На малыше висит её маячок.

– Но чары ведь разрушают всё...

– Айрес как-никак самая могущественная колдунья страны. К тому же этот маячок активируется, только когда владелец при смерти. До того – считай, его не существует. Охранные чары его попросту не замечают.

Ева смотрела, как мерцает звёздными искрами иссиня-фиолетовый бархат его сюртука.

– Почему тогда она не переместилась прямиком в кабинет?

– Всё те же охранные чары, златовласка. Будь это возможно, этим давно воспользовался бы любой маг-убийца. Думаю, колдунья такой силы пробила бы ограничение, но перемещение всё равно вышло бы нестабильным. Слышала, что она говорила про зелья? Тот случай, когда проще своими ножками. – Мэт рассеянно улыбнулся. – В домашних туфельках бежать по снегу от самых ворот, конечно, то ещё удовольствие, но чего не сделаешь ради любимого племянника.

– И она ничего не заподозрила? Не найдёт нас – меня, Дерозе, яйцо?

– Даже вздумай она обшаривать весь замок с инспекцией – тайные ходы, твоя спальня и ваша уютная сокровищница заперты магией. Они открываются только малышу и тем, кто ему подконтролен.

Вот так живёшь и не знаешь, что даже в свою спальню каждый раз проходишь сквозь магическую защиту, подумала Ева отстранённо, следя за приближением лестницы, что показалась впереди. *Вернее, не совсем живёшь.*

– А если она прикажет Герберту их открыть?

– Она не злоупотребляет клятвой, ты же помнишь. Не в её интересах настраивать малыша против себя... окончательно, по крайней мере.

Подойдя к лестнице, Ева посмотрела на спираль ступенек и узкого колодца, убегающую вниз. Не решившись проверить, насколько реальный тайный ход соответствует картинке, которую Мэт проецирует в её сознание, села подле первой ступени и прислонилась спиной к стене.

– Скажи, она тоже считала, что Гертруда – чудище из пророчества? – спросила она, когда демон без всякого удивления завис посреди густого мрака лестничного пролёта. – Поэтому и убила её?

– Всё-то тебе расскажи. – Мэт скорчил до жути умилительную рожицу. – Даже если предположить, что за беглый визит в её голову я узнал так много – раскрой я вам помыслы врага, это испортит всё веселье.

– И просить тебя подсмотреть что-либо в её мыслях, конечно же, бесполезно.

– Конечно. Это жульничество, а я ратую за честную игру. Что это за история, где героям заведомо известны коварные планы злодея?

Ева отложила на пол книгу, бросив сверху бумажный ком.

– А ведь тебе вроде как положено быть на нашей стороне.

– У меня всегда одна сторона. Своя собственная. – Аквамаминовое мерцание его глаз разгорелось ярче. – И тебе бы сейчас не о Гертруде беспокоиться.

Ева в ответ молча обняла руками колени.

Она знала, что должна волноваться за Герберта. Что общество королевы для него небезопасно, даже если та явилась, чтобы помочь. Но в опустевшей, выгоревшей, выжженной переживаниями душе не осталось места для волнения.

Только для бездумной энергосберегающей пустоты.

– Жаль мне тебя, златовласка. – Как-то незаметно оказавшись рядом, Мэт отставил фонарь на пол. – Тяжело тебе приходится. Ты не заслужила всего, что на тебя свалилось.

– Придержи свою жалость при себе, – вяло посоветовала Ева, глядя на белый круг несуществующего света.

– Не выносишь, когда тебя жалеют?

– Терплю, когда мне сострадают. Сострадание может помочь. Жалость унижает.

– Считаешь, я не способен на сострадание? – Мэт сел рядом, почти скопировав её позу; в голосе его прорезалась неожиданная задумчивость. – Да... может быть. Может, я и не способен на человеческие чувства. Однако подобие их всё равно испытываю. – Ева не смотрела на него, но краем глаза заметила, как демон повернул голову, всматриваясь в её лицо. – Знаю, ты мне не веришь. Но я правда хотел бы тебе помочь.

Она лишь фыркнула устало.

– Ты помогла малышу и могла бы помочь ещё многим: словами, делами, музыкой. Указывать путь тем, кто заблудился. Светить тем,

кому холодно и темно. Но мир безжалостен, и он всегда норовит утопить свет во мраке. Так уж в нём заведено: день сменяет ночь, солнце для вас раз за разом тонет в черноте. А ведь и сейчас, за гранью жизни, ты любишь её – эту странную, жестокую, непостижимую штуку. Достояна прожить её, как немногие достойны. – Тонкие бледные пальцы коснулись её плеча – тёплые, настоящие, до странного ободряющие. И не поверишь, что тоже иллюзия. – Разве ты не хотела бы прекратить всё это? Твои страдания, его страдания? Не хотела бы снова *действительно* жить?

Что-то в звучании его голоса заставило Еву посмотреть на него. Почти невольно.

Глаза напротив мерцали голубыми кристаллами – затягивая в колдовскую глубину, растворяя сомнения в блеклом призрачном свете, завораживая безмятежным беспамятством.

– Он готов пойти на смерть, лишь бы спасти тебя. Но разве это справедливо – чтобы вы платили такую страшную цену за то, что твоё по праву? За то, что отняли у тебя обманом? – мягкий, без капли настойчивости или вкрадчивости голос почти пел, чисто и мелодично, как струна скрипки или хрустальный бокал. – Твоя судьба должна была сложиться совсем иначе. Тебя лишили права жить так, как было тебе предназначено. Так должен ли платить за это тот, кто любит тебя и кого любишь ты? Должна ли ты платить за это своим отчаянием? Ты должна быть с ним, обнимать его без того, чтобы твои руки несли ему холод, принадлежать ему – по-настоящему. Чувствовать вкус пищи и волнение в крови. Чувствовать, как колотится и замирает сердце в минуты блаженства. Дышать полной грудью, смеяться и плакать без оглядки, жить долго, полно, счастливо... Разве ты не достойна этого? – узкая, бледная, сухая рука деликатно и сочувствующе накрыла её ладонь. – Разве вы с ним не достойны счастья?

Что-то внутри неё кричало, требуя заткнуть его, вскочить, бежать. Очень слабым, очень далёким голосом, подавленным фосфоресцирующим сиянием, усталостью и картинками, так ясно стоящими в памяти.

Бледное лицо умирающего Герберта, табакерка на столе, вырванные листы на полу...

– Ты правда можешь меня оживить?

Собственный голос – слабый, робкий, неуверенный – она услышала словно со стороны.

– Легко. И не попрошу многого. – Мэт, улыбаясь, сжал её пальцы. – Для меня моя свобода значит всё. Для тебя – потребует сущего пустяка.

В этом же нет ничего страшного, думала Ева, глядя на его улыбку, такую приятную в своей мальчишеской невинности. Всего лишь сказать «да». Выслушать, что он предложит. Отказаться, если цена покажется неуместной.

А если уместной, просто продумать договор получше. Обратит внимание на пункты, которые обычно пишут мелким шрифтом...

...а потом голос разума, тщетно пытавшийся докричаться до неё всё это время, наконец докричался.

Вспомнив, кто сидит рядом, осознав, о чём она думает, Ева моргнула. Отпрянула, выдернув пальцы из-под его руки, стряхнула наваждение отрезвляющим ужасом.

– Ну да. Конечно, – глядя в больше не манящую потустороннюю синь, сказала Ева. – Ясно, зачем ты ко мне явился ябедничать. Может, ещё и лично Герберта к этому подтолкнул?

Почти все истории о сделках с демонами, которые она знала, заканчивались одинаково. Что бы тебе ни предлагали, каким бы умным ты себя ни считал, как бы хитро ни пытался обмануть – в итоге всегда выигрывает другая сторона.

Сказки, кончавшиеся иначе, в конце концов оставались просто сказками.

– Не понимаю, о чём ты.

Он снова ничуть не огорчился. Даже улыбаться не перестал.

– О том, что Герберт и слушать про сделку не станет, и ты прекрасно об этом знаешь. Зато его нынешнее состояние подозрительно удачно позволяет тебе манипулировать мной. – Резким жестом вскинув руки, Ева скрестила их на груди. – Не надейся, Мэт. Я никогда не заключу с тобой сделку. Никогда.

Демон рассмеялся; в смехе, и не думающем раскатиться эхом под гулкими каменными сводами, скользнули привычные безумные нотки.

– Смешные вы, люди. Так часто бросаетесь словом, значения которого не способны понять. Смертным не представить безграничности и вечности того, что за ним стоит... *никогда.* – С

нетающей улыбкой на бледных губах демон поднялся на ноги, а затем и над полом. – Как знаешь.

На сей раз он исчез мгновенно, будто в фильме сменился кадр. Следом, ещё пару секунд подразнив Еву иллюзией света, исчез фонарь.

Оставляя её подле ведущей вниз лестницы в холодной удушающей темноте.

Глава 2

Affettuoso [5]

– Вот так, – сказала Айрес, когда колдовство по капле переместило уже третий целебный раствор в кровь её племянника, чтобы тот живительной силой растёкся по венам. Встав с края постели (несуразно большой, занимавшей едва ли не треть просторной спальни), поправила одеяло, под которым лежал Герберт. – Знаю, сейчас ты чувствуешь себя

почти хорошо, но не вздумай этим воспользоваться и пойти заниматься чем-либо.

– Прости, – тихо произнёс наследник престола. – Моя смерть сильно бы тебя подвела.

– Глупыш. Твоя смерть не подвела бы меня, а убила. – Айрес ласково потрепала его по светлой макушке. – У меня есть только ты, Уэрти. Твои родители, твой брат, твой дядя – все отступились, отвернулись. Или готовы к этому в любой момент. Остался ты... и наша страна. – Под пристальным взглядом Герберта королева заправила ему за уши взъерошенные волосы. – Значит, твоя зазноба тебя отвергла? Поверить не могу.

– У неё возникли... другие интересы, – после секундного колебания откликнулся тот.

– Романтические, надо полагать?

– Я же не Мирк, чтобы быть вне конкуренции.

– Ты лучше. – С улыбкой, играющей на губах отблеском тепла, Айрес склонила голову набок. – Кто она?

В комнату, где пахло горящими поленьями и немного – сыростью, она принесла горьковатый аромат мирры, сладкий лилейный дурман, металлическую прохладу снега. Можно было подумать, что последний примешался после прогулки по улице, но Герберт ловил эти холодные нотки даже самым жарким летом.

Он не вспомнил бы, когда различил их впервые. Зато мог припомнить сотни раз, когда маленьким он кидался к Айрес, раскинувшей руки для приветственных объятий, и зарывался лицом в тёмную вуаль её волос: от неё всегда веяло духами и зимним спокойствием.

– Можешь не беспокоиться. С этим покончено. Ты же знаешь, я не умею прощать.

– Я должна знать. Хотя бы постфактум.

– Не хочу, чтобы ты... смотрела на неё косо. Ты ведь сама говорила...

– И всё-таки.

Непроницаемыми, остекленевшими глазами Герберт уставился на пламя, лизавшее дрова в камине за тонким станом, облитым чёрным бархатом длинного платья.

– Я отдам тебе её письма. На следующем уроке. Они всё расскажут за меня.

Айрес, удовлетворённая компромиссом, кивнула:

– В конечном счёте, это к лучшему, Уэрт. Больше никто не сможет отвлечь тебя от того, что действительно важно.

Герберт вновь взглянул на неё.

Никто не назвал бы этот взгляд оценивающим. Даже та, кого он оценивал и за чьим лицом так внимательно следил.

– Иногда я сомневаюсь, – медленно произнёс он, – стоит ли мне делать то, что действительно важно.

Никто не смог бы сказать, что замешательством королева пыталась скрыть досаду. Даже если к ответу и правда – четвертью тона, едва заметным диссонансом, терявшимся за полноразмерными аккордами деликатности, удивления, понимания – примешался оттенок расчётливости.

– Я не могу и не хочу тебя заставлять. Ты же знаешь. – Айрес вновь села, и складки её юбки темнотой стекли с белоснежных простыней. – Это должен быть твой выбор. Я не имею ни малейшего желания принуждать тебя к тому, что так для тебя опасно. – Тонкая ладонь с ухоженными перламутровыми ногтями накрыла пальцы некроманта, подрагивавшие на одеяле. – Могу сказать одно: если ты сделаешь это, если тебе удастся... а у меня нет ни малейших сомнений, что удастся... ты докажешь всем, как они заблуждались. Всем, кто сомневался во мне. Всем, кто осуждал, недооценивал и предавал тебя. Всем, кто отзывался недобрым словом о нашей семье. – Другая ладонь коснулась его щеки, всё ещё мертвенно-бледной. – Ты не одобряешь иные из моих методов, я знаю. Но в день, когда ты призовёшь Жнеца, в них не останется нужды. Никто не посмеет ни роптать, ни восстать против Его избранных. Мы одержим полную и безоговорочную победу во всех сражениях, что ведём сейчас, и во всех, что нам предстоит вести.

– Но, если я этого не сделаю, ты погибнешь.

Айрес долго молчала, изучая взглядом его лицо, чуть сжав губы, что больше не улыбались.

– Не думай об этом. Желание помочь мне – последнее, что должно тобою двигать. – Погладив племянника по скуле, королева встала. – Спать. Немедленно.

Герберт покорно принялся расстёгивать рубашку, всем видом выражая абсолютное смирение и желание тут же отправиться ко сну.

Опустил руки сразу же, как Айрес вышла: напоследок она движением пальцев затушила все светильники и пригасила сияние того единственного, что остался гореть.

Герберт долго лежал, вслушиваясь в тишину, и позволил себе зажмуриться, лишь когда чары оповестили его: за гранью видимого открылась и закрылась дверь в замковых воротах, а женщина, заменившая ему мать, исчезла в ночной дымке.

– Эльен, ко мне. Сейчас же.

* * *

Эльен пришёл, когда Ева уже потеряла счёт времени, неся *настоящий* свет – в виде фонаря, который однажды, очень давно, освещал им с Мираклом дорогу в саду.

– Королева изволила удалиться. Господин велел привести вас к нему. – В слабой улыбке призрака сквозила вина; белые отблески кристалла, оплетённого стеклянной оправой, смешались с голубыми – чтобы не сидеть во тьме, Ева призвала волшебный смычок. – Думаю, таково и ваше желание?

Выпустив оружие из пальцев, Ева захлопнула книгу, лежавшую на коленях. Надеясь убить время, она пробовала читать записи Герберта, но те состояли сплошь из магических формул без каких-либо разъяснений, так что по большей части остались для неё китайской грамотой.

– Веди, – прижав книгу к груди, тихо попросила она.

После спуска по лестнице они оказались в другом коридоре, разветвлявшемся в две стороны, но Эльен уверенно провёл её к выходу. На сей раз потайная дверь маскировалась под спинку платяного шкафа, выводя прямиком в комнату, где Ева до сей поры не была.

В спальню Герберта.

Пробравшись сквозь услужливо раздвинутые Эльеном вешалки (с них свисали жилеты и куртки, щекочущиеся мягким бархатом), Ева ступила на пол, смягчивший шаг тёмным ковром. Герберт молча следил за этим с кровати: он сидел в полурасстёгнутой рубашке, откинувшись

на поднятые подушки и сложив руки поверх одеяла, натянутого по поясу.

– Спасибо, Эльен, – сказал он почти безразлично. – Оставь нас.

Прежде чем приблизиться, Ева огляделась. Сине-голубые тона. Огромная кровать с простым прямоугольным изголовьем; помимо неё и шкафа в комнате были только камин да прикроватная тумбочка. Идеальный порядок, отсутствие каких-либо изысков, безликость без малейших намёков на личность владельца – таким мог бы быть гостиничный номер.

Кажется, спальню для сына отделал или выбрал покойный господин Рейоль. А после его смерти Герберт просто не решался что-либо здесь менять.

– Твои записи. – Когда за Эльеном захлопнулась дверь, Ева бережно положила книгу в кожаной обложке на тумбочку. – Я забрала их. В потайном коридоре ещё остались вырванные листы, но не думаю, что они представляют ценность.

Герберт молчал. В комнате властвовала полутьма, лишь каминное пламя и настенный светильник с притушенным светом разгоняли мрак.

В этой темноте белое лицо некроманта казалось куда более призрачным, чем у его дворецкого.

– Прекрасный романтический момент, не находишь? – присев на край кровати, продолжила Ева. – Ты, я, полутьма, твоя расстёгнутая рубашка и твой недавний передоз.

Тусклые глаза внимательно следили за каждым её движением. Слух, должно быть, за каждым словом – её, шутившей, чтобы не начать кричать.

– Я говорил, Айрес может знать, как тебя оживить. Я лгал.

Это прозвучало негромко и без покаяния. Пусть даже Ева знала, что покаянием это и являлось.

И, как ни странно, не вызвало у неё ни удивления, ни горечи, ни злости.

– Не думаю, что ей это известно. Не думаю, что кому-либо в этом мире это известно. – Отблески пламени сепией золотились на его щеках. – Я просто хотел... придать тебе стимул.

Наконец определившись с тем, что вернее всего выразит её реакцию, Ева пожала плечами:

– Наверное, в глубине души я всегда это знала.

В тусклости его глаз мелькнуло нечто живое. И очень, очень удивлённое.

– И всё равно помогала мне?

– Если кто-то и способен меня воскресить, это не Айрес. Это ты. А такая, как она, в любом случае не должна сидеть на троне. И жить бы, может, не должна, но это не мне решать. – По домашней привычке скинув туфли, чтобы забраться на кровать с ногами, Ева села на пятки рядом с ним, поверх одеяла. – Не делай так больше. Пожалуйста.

– Я не жалею, – сухо откликнулся Герберт. – Ни о чём.

– Мы найдём способ оживить меня без такого риска.

– Сейчас я не уверен, что этот способ вообще существует.

К сухости голоса всплеском эмоций примешалась горечь.

– Ты говорил, что всё равно не можешь меня оживить, – стараясь ощутить то же спокойствие, что прозвучало в её голосе, напомнила Ева. – Так почему сейчас расстраиваешься?

– Я вряд ли смогу провести ритуал, но вывести для него формулу – вполне. И если не справился я, вряд ли справится кто-то другой.

Это прозвучало без гордыни, без хвастовства: простой безнадёжной констатацией факта.

– Ты работал над формулой всего ничего. К тому же тебя отвлекает вся эта возня с пророчеством.

– Я умею разграничивать работу и всё остальное. Ни эмоции, ни жизненные неурядицы не могут мне помешать. Если я не нашёл решение, вложив столько усилий...

Когда он осёкся, Ева настороженно и пытливо наклонилась вперёд:

– Что?

В его лице поочередно сменились сомнение, задумчивость и непроницаемая, пугающая мягкость.

– Нет, – выбираясь из-под одеяла, едва слышно ответил Герберт. – Ничего.

Он лежал одетый, только босой. Встав на колени рядом, близко, словно в танце, бережно взял её лицо в ладони, всматриваясь в него так, будто никогда раньше не видел.

– Что? – повторила она.

Не ответив, он склонил голову. Закрыв глаза, прижался лбом к её лбу.

– Ты ведь знаешь, что я люблю тебя?

Вопрос, который в другой момент заставил бы её улыбнуться, сейчас вынудил сглотнуть ком в горле: столько в нём звучало отчаянной, безнадежной, прощальной нежности.

– Что ты делаешь? – зачем-то прошептала она, глядя на пушистый ореол его размытых близостью ресниц.

– В верхнем ящике кристалл для связи с Мирком. Визит Айрес пересидишь в тайном ходе. – Тихие, невпопад звучащие слова отозвались тревогой в небьющемся сердце. – Когда всё успокоится, попросишь Мирка забрать вас к себе. Тебя, яйцо... Он сможет вас защитить.

– А почему ты не сможешь? – её пальцы перехватили его запястья, не отстраняя их – просто держась. – Герберт, в чём дело?

Он не ответил. Лишь до слуха донёлся глубокий, судорожный выдох, смешанный с шелестом неразборчивых слов – будто вырвавшиеся отзвуки беззвучной, про себя читаемой молитвы.

Молитва...

...«смерть и любовь моя перед моим лицом», – воспоминанием пропело в ушах.

Мигом отпустив державшие её руки, Ева зажала его губы ладонью прежде, чем они успели коснуться её собственных.

– Ты что... правда... Обмен?

Она сумела вымолвить только это. Но то, с какой досадливой обречённостью Герберт отстранился, подтвердило, что он понял вопрос.

И ясно указало, каким был бы ответ.

– Ты что, *правда* хотел совершить Обмен? Обменять мою жизнь на свою?! – Ева пихнула его в грудь так яростно, что некромант, пошатнувшись, невольно опустился с колен на пятки. – Совсем спятил, идиот?! Думаешь, мне нужна жизнь такой ценой?

– Моя жизнь, если подумать, не так уж дорого стоит.

Услышав отстранённые, без тени эмоций брошенные слова, она толкнула вновь – в плечо, злясь едва ли не больше, чем в день, когда Герберт её ударил. Вдохнула, пытаюсь взять себя в руки.

Запоздало вспомнила, что в текущем состоянии дыхательная гимнастика ей вряд ли поможет.

И что ему сказать? Напомнить, что он значит для неё? Что от него слишком многие зависят? Что он ещё не отыграл свою роль – хотя бы в

грядущем восстании? Это он и так прекрасно знает.

Это его не остановило.

– Если не ценишь свою жизнь, цени то, чего вместе с ней лишаешься, – сказала она вместо этого.

– И что это?

– Всё, что ждёт тебя там.

Герберт перевёл взгляд в направлении, указанном её сердитым кивком, – на окно, где за незадвинутыми шторами молчала бесснежная ночь.

– Черноту? – уточнил он вежливо.

– Красоту. Море грёбаной красоты. Слишком прекрасной, чтобы вот так легко от неё отказываться.

– Закаты, звёзды, луна? Рассветы, цветы и горы? – сарказм его улыбки резал лезвием по живому, словно пытаюсь шрамом оставить в её сознании слово «бесполезно». – Неравное соотношение красоты и всего остального.

А я должна его убедить, глядя в прозрачный холод его глаз, подумала Ева отчаянно. Должнадолжнадолжна. Чтобы больше не делал глупостей. Чтобы можно было не бояться за то, что он сам причинит себе больший вред, чем все наши враги.

Как можно быть одновременно настолько умным и настолько глупым?..

– Нет. Не только. – Она помолчала, вспоминая аргументы, припрятанные на кромке сознания. Найденные когда-то для себя – бессонными ночами, в которые она задавалась вопросами, слишком безнадежными и взрослыми для девочки-подростка. – Ты даже не узнал бы, что есть все остальное, не будь в мире красоты. Красоты отношений. Красоты поступков. Красоты слов.

– И был бы куда счастливее. Не с чем было бы сравнивать.

– Идиот, – повторила Ева, как никогда понимая Динку с её извечным «дурилка». – По мне, так это единственное доказательство того, что, если кто-то нас создал, он нас всё-таки любит. Иначе стал бы он дарить нам всё это?

Будь здесь Динка, она бы наверняка сумела вправить ему мозги на место. Так же, как вправляла Еве. Так же, как наверняка вправила бы Лёшке, будь у неё больше времени. Но старшей сестры здесь нет – только она, Ева.

И пусть из них с Гербертом больше лет не ей, сейчас она – за старшую.

– Какой смысл жить там, где красота беззащитна перед злом, торжествующим день за днём? Где добряков чужие беды терзают не меньше собственных, а негодяи и мздоимцы, перешагивая через них, пируют на костях? Где благие побуждения оканчиваются ничем, где большая часть твоих начинаний терпит неудачу, где даже твои успехи ничтожны в сравнении с масштабом истории? – Он сидел напротив неё, сложив руки на коленях, словно на японской чайной церемонии, с которой никак не вязалась его злая улыбка. – Ты у нас так невозможно любишь жизнь. Не я. Но этот мир настолько беспощаден, что из нас двоих убил именно тебя. Не логично ли восстановить справедливость? Поменять нас местами?

– Логично найти другой способ...

– Нет другого способа. Нет. И оттягивать неизбежное я не хочу. – Жёсткость, проступившая в его взгляде и чертах, дёрнула в душе струну отчаяния. – Восстание прекрасно пройдёт без моего участия. Айрес сделала ставку на меня – и без меня потерпит крах, и войны не будет, и вам с Мирком даже пророчество не понадобится. В конце концов, он изначально планировал провернуть всё без моего участия, и я слишком хорошо знаю своего брата, чтобы в нём сомневаться.

Возможно, ещё пару недель назад в ответ на это Ева снова бросила бы презрительное «трус». Но за эту пару недель она успела изучить его достаточно хорошо, чтобы ясно понять: сейчас он уговаривает не её – себя. Хочет не растерять решимости на то, что считает нужным сделать.

Возможно, ещё пару недель назад Ева в третий раз повторила бы «идиот». А потом подробно растолковала бы почему. Но за эту пару недель она успела изучить его достаточно хорошо, чтобы знать: каким бы импульсивным ни был этот его порыв, он ничего не делает не подумав. Так просто отрезвить его не выйдет.

И поэтому она сказала:

– Эгоист.

Его улыбка поблекла лишь самую капельку.

– Забавное утверждение, учитывая обстоятельства.

– Это всё не ради меня. Ради себя. Такое – всегда ради себя, себя самого! Потому что тебе плохо. Потому что тебе не страшно покончить

со всем. – Последнее она почти выплюнула. – Вам плевать на тех, кто вас любит. Тех, кто умрёт вместе с вами.

– Никто из вас не пострадает. На случай гибели владельца у охранных чар замка существует резервный источник энергии. Эльен и Мелок начнут черпать силу оттуда же. Окажутся привязаны к его стенам, правда, но это ничего, – пояснил Герберт с убийственным хладнокровием. – Право прохода сквозь мои заклятия для тебя вплетено в руны вокруг рубина, так что...

– Я имела в виду другое.

Забавным выходил этот разговор. Он, который собственные слова обращал в первую очередь к самому себе. Она, которая обращала свои слова больше к мёртвому брату, чем к живому возлюбленному, высказывая второму то, что не решилась и не успела сказать первому.

Слова, вспарывавшие так и не зажившие раны. Слова, оставлявшие взамен то, что помогало их затягивать.

– Брось, – помолчав, изрёк Герберт небрежно и устало. – Друзей у меня нет. Семьи, можно считать, тоже. Ты знаешь меня всего ничего, Миракл шесть лет жил со мной в ссоре и не умер. Не настолько я хорош, чтобы...

– Я твой друг. Я! И твой брат, и твой дворецкий, и даже твой кот! Что будет с нами, когда тебя не станет? Что мы должны чувствовать, когда ты унижаешь и уничтожаешь то, что мы любим? – Не дождавшись, да и не ожидая ответов, Ева вонзила ногти в собственные колени, обтянутые шерстью узких брюк. Возможно, на них оставались синяки, но даже если так, их тут же стирала регенерация. – Говоришь, твоя жизнь недорого стоит? Если ты настолько глуп, что не понимаешь этого сам, напоминаю: для меня ты бесценен. Разве я – пустое место? Все мы? Разве мы не стоим того, чтобы ради нас вместо грязи видеть красоту?

Он разомкнул губы. Ничего не сказав, сомкнул вновь.

Повисшую тишину разбил звук, с которым открылась дверь, явив Мелка: он висел на длинной ручке, цепляясь когтями за медную резьбу.

Герберт проследил, как кот деловито и целеустремлённо направляется к кровати. Уставившись перед собой застывшим взглядом, долго гладил питомца за подставленным ухом, когда тот бесцеремонно сел между ними.

– Значит, Любовь и Красота? – сказал некромант затем. – Вот и всё, что есть стоящего в этом несправедливом, невыносимом мире?

– Да. Всё, – сказала Ева. – А разве этого мало? – подавшись вперёд, она коснулась коротким поцелуем его рта, словно проводя тактовую черту. – Мы будем жить. Оба. Вместе. Только так.

Герберт снова помолчал. Перехватив Мелка под пушистый живот, поднялся с постели.

Слегка пошатываясь, бесцеремонно выставил обиженного кота за дверь.

– Только так, – вернувшись, повторил он, прежде чем начать новый такт, потянувшись к её губам.

Конечно, ничего не случилось. Даже несмотря на его расстёгнутую рубашку. У них обоих был слишком хороший самоконтроль. Ева просто не могла позволить себе зайти слишком далеко – не сейчас, когда на доньшке сознания таилась настойчивая мысль, что это неправильно, – а он слишком хорошо это знал.

– Ты останешься со мной? – спросил Герберт. Они лежали рядом, и Ева расслабленно водила кончиком пальца по его груди.

– Конечно. Если хочешь. – Коротким некрашеным ногтем с белым пятнышком, похожим на улыбку, она вырисовала на гладкой коже басовый ключ, начальной завитушкой знака обведя место, которое недавно целовала. Рубин в её импровизированном декольте, очерченном сползшим с плеч шёлком, бросал на руку отблески багряной пульсации. – Коротать эту ночь одной мне будет куда менее приятно.

– Эту ночь, – странным эхом откликнулся Герберт.

По тону угадав, что он ожидал другого ответа, Ева недоумённо повторила про себя вопрос.

– А ты... – вымолвила она, запоздало осознав, что Герберт подразумевал нечто куда глобальнее совместной ночёвки, – ты что, имел в виду...

– Тш. Забудь. – Притянув к себе её голову, он устало поцеловал её висок. – Хочешь поспать?

Она понимала, что это топорный способ перевести тему, закончить разговор, который ему не хотелось продолжать. И понимала, что по уму это не лучшая стратегия: откладывать то, о чём рано или поздно им всё равно придётся поговорить.

Но сейчас она просто не знала, что может ему сказать.

В конце концов, до её гипотетического возвращения домой ещё так далеко, а после всего произошедшего ей так хочется уснуть...

– Да. – Устроив голову у него на плече, Ева закрыла глаза. – Хочу.

Во сне она почему-то долго бегала по тайным ходам замка Рейолей, пытаясь найти выход из лабиринта запутанных туннелей. И всякий раз, когда впереди мерещился конец пути, всё заканчивалось очередным тупиком и темнотой, в которой даже смычок мерцал блеклым умирающим светом.

В одном из тупиков, уютно устроившись в воздухе, её ждал Мэт.

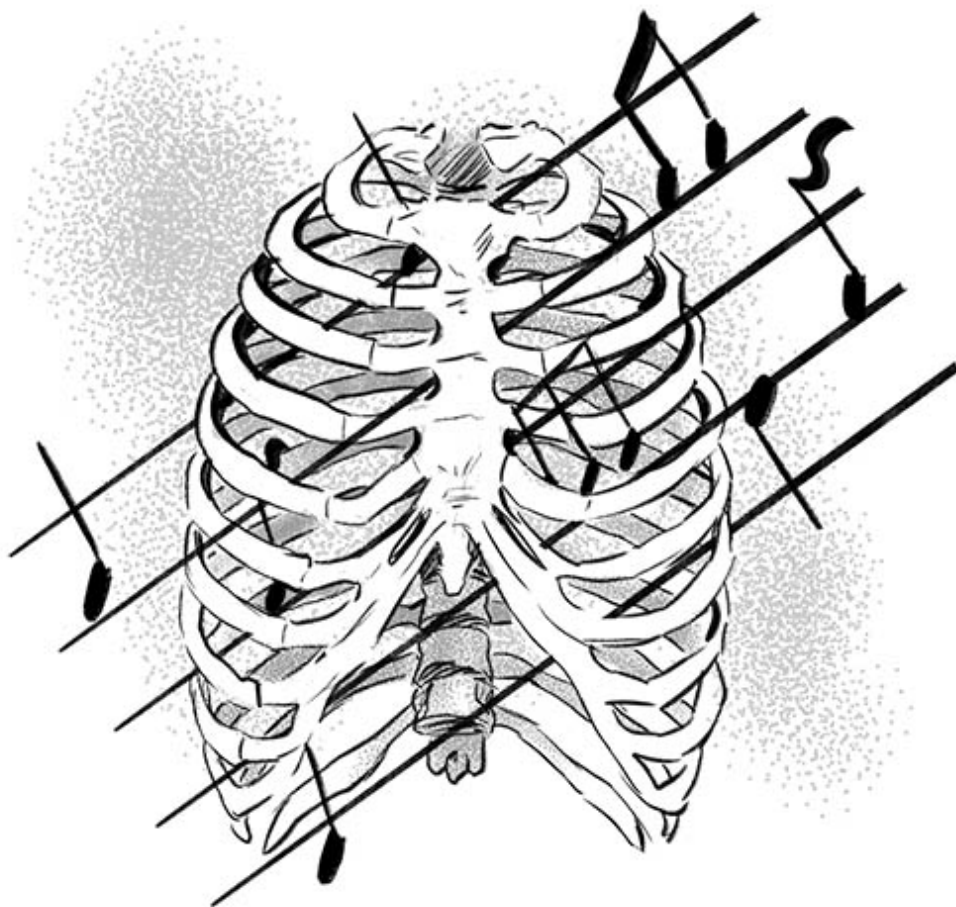
Он не сказал ни слова, но Еве было прекрасно известно, что он мог бы сказать.

– Никогда, – снова ответила она, не дожидаясь вопроса.

– Не сейчас, – с улыбкой поправил демон, на диво отчётливый и реальный для сна. – Я понял.

Глава 3

Martellato^[6]

Утром следующего дня покой столичного особняка Тибелей нарушил требовательный стук массивного дверного молотка.

Дверь дома – миниатюрной копии сказочных замков с припудренными снегом острыми башенками по углам – распахнул дворецкий, едва стихли отзвуки яростных ударов металла по металлу. Возрился на того, кто стоял на широком крыльце, так скрупулезно

очищенном от грязи, льда и снега, что на нём можно было бы устраивать чаепития, не мешай тому зимний мороз.

– Миракл здесь? – осведомился Герберт.

На пару секунд опешив от визита столь высокопоставленного гостя спустя столько лет после того, как тот в последний раз переступал порог этого дома, слуга торопливо склонился в поклоне:

– Тир Гербеуэрт! Господин в Белой зале, но я доложу...

Не дослушав, Герберт бесцеремонно перешагнул порог – охранные чары безропотно пропустили того, кто часто пересекал их в прошлом. Взметнув полами плаща, окутывающего его волнами тёмно-лазурного бархата, направился к брату по хорошо знакомому пути, сплетённому из лестниц и анфилад.

Миракл коротал предобеденный час за тренировкой по фехтованию, в одиночестве танцуя со шпагой посреди пустой залы. Череду выпадов прервал звук отворяемых дверей: юноша замер, увидев Герберта, за спиной которого маячил дворецкий, едва поспевший за неожиданным визитёром.

В зале пахло цветами, что каждый день меняли в вазах по углам, от Мирка – морем, деревом и немножко потом, но некроманта вуалью окутывал колкий запах мороза.

– Гербеуэрт, – переведя дыхание, по возможности чопорно доложил слуга, пока некромант приближался к кузену, опустившему руку со шпагой, – тир Рейо...

Окончание имени одного из величайших родов Керфи проглотилось в суеверном ужасе, когда наследник престола, вытащив из кармана чёрный платок, по всем правилам дуэльных традиций швырнул его брату в лицо.

– Миракл Тибель, – отчеканил некромант, – мне известно, что ты посягнул на честь и расположение особы, которая мне небезразлична.

Тот, окаменев, долго смотрел на когда-то лучшего друга. Смотрел всё время, пока кусок шёлковой ткани неторопливо падал к его ногам.

Без колебаний поднял платок с пола.

– Никогда не думал, дорогой братец, – бесстрастно заметил Миракл, выпрямляясь, – что ты можешь настолько потерять самообладание вкупе с самоуважением.

– Скажи, тебе мало было одного предательства, что ты решил подкрепить его другим?

Стоя посреди зала, позолотой оттенявшего белизну мрамора, Миракл Тибель расхохотался.

– Оставь нас! – это относилось к слуге, который и без того уже пятился за порог. – Кто бы тут говорил о предательстве! Ты и правда бросаешь вызов мне? *Ты – мне?*

Иными вечерами в зеркалах по стенам отражались танцующие гости и радостная бальная суэта. Сейчас там виднелись лишь два брата, волками глядевшие друг на дружку...

Ровно до тех пор, пока повисшую между ними тишину не разбил стук плотно затворенных дверей.

– Переигрываешь, – сквозь зубы отметил Герберт, вмиг прекратив злобно сверкать глазами.

– Напротив. Театральные подмости требуют большей экзальтации, а подслушивающие под дверью подобных тонкостей не заметят, – откликнулся Миракл вполголоса. – Зато уже сегодня слухи будут гулять по всей столице на радость, сам понимаешь кому.

По мнению слуг – они уже слетались к залу стайкой птиц, жадных до крошек свежих сплетен, – появление наследника престола и правда вышло эффектным. Оба участника маленького представления несколько часов назад согласовали визит по магическому кристаллу, но для всех, кроме них двоих, то была полнейшая, пугающая, будоражащая неожиданность.

Об их сговоре не стоило знать ни одной живой душе.

Неживая, в данный момент сосредоточенно водившая смычком по струнам в замке Рейолей, была не в счёт.

* * *

– Так куда ты собираешься? – немногим ранее спросила Ева, лёжа на алтаре в библиотеке.

Герберт не ответил. Не сразу – слишком занят был тем, что сосредоточенно взрезал себе руку. Когда на пол с пальцев закапала кровь, прикрыл глаза.

Ева ничего не почувствовала. Впрочем, она ничего не почувствовала и раньше, когда в качестве утренней зарядки Герберт вынудил её сотворить щит, пару атакующих заклятий и помахать

смычком. Хотел проследить, как на это отреагирует магический резерв, и спустя пару минут объявил неутешительный вывод: её сидис расходуется в бою куда быстрее, когда Ева черпает силы для существования из собственных запасов.

Пришлось поверить некроманту на слово и, проследовав за ним в библиотеку, лечь на алтарь для повторного ритуала привязки. Если отрубить доступ энергии было просто, то возобновить её подачу – куда сложнее.

– Вызвать Мирка на дуэль, – по всей видимости, завершив ритуал, произнёс Герберт.

Ева уставилась на его невозмутимое лицо.

– Айрес поняла, что я неровно дышу к кому-то. – Некромант отбросил окровавленный нож на столик с инструментами, взамен него взглядом подняв в воздух бинт и ножницы. – Я не назвал имени возлюбленной, но якобы уже успел благополучно с ней порвать. Придётся разыграть ещё один спектакль.

– Под названием «предатель предаёт дважды, или один брат увёл девушку у другого»? – закончила Ева, смекнув, что к чему.

– Иначе Айрес наверняка заподозрит, что мы с Мирком примирились. – Выждав, пока рана перебинтуется, Герберт позволил ножницам опуститься обратно на стол. – А ещё мне пообещали помочь с мифическими письмами моей зазнобы, которые я должен отдать Айрес в ближайшее время. К слову, можешь встать.

– Что за резервный источник энергии ты упомянул вчера? – сложными путями пронесшись по приятным и неприятным воспоминаниям о вчерашнем вечере, спросила Ева, сев на тёмном камне.

– В стены замка вмурованы кристаллы-ловушки. Они улавливают и впитывают часть магической силы, что выплёскивает владелец. Бывают ещё материалы, впитывающие магию, определённые виды дерева и камня... Но они далеко не так эффективны.

– Забавно. В нашем мире... в книжках и фильмах... призраки часто привязаны к конкретному дому.

– Как я понял, в вашем мире многие магические принципы угадали верно. Пусть порой и не совсем точно. – Опустив замотанную руку, Герберт подступил ближе к алтарю. Опершись на камень здоровой ладонью, осчастливил её прощальным поцелуем. – Я ненадолго.

Прежде чем он отвернулся, Ева удержала его за рукав.

– Знаешь, когда я упражнялась последние дни... В саду... – стесняясь потенциальной паранойи, всё же произнесла она, – мне казалось, кто-то за мной наблюдает.

К счастью, Герберт к её словам отнёсся максимально серьёзно.

– Кто?

– Не знаю. Я никого не видела. Но мне всё равно казалось. – Ева встревоженно поёрзала на жёстком камне. – Если перебраться через садовую ограду, это возможно, так ведь? Особенно если у тебя подозрительная труба или что-то в этом духе... И ты скроешься под чарами, или артефакт поможет тебе слиться с деревом или стеной, как сделал этот парень, Тиммир...

– На стенах висит охранный контур, оповещающий меня о проникновении. Хотя его при желании можно обойти.

– Твой контур – да обойти?

– Я специально поставил на стены не самый сильный. Чтобы милые люди, время от времени желающие меня убить, не пугались и пролезали в сад, где их уже ждет нечто посильнее. И посмертельнее. – Так вот почему секретарь лиэра Кейлуса почти успешно завершил свою шпионскую миссию. – Но все ярусы сада, кроме первого, окружают чары, препятствующие обзору извне. Если, конечно, кто-то не изобрёл артефакт, способный их пробить... Смогли же «коршуны» наложить на меня маячок.

Ева вспомнила мерцающий монокль, что когда-то видела у помилованного ею Тиммира Лейда.

По коже её пробежал бы холодок, не будь она и без того холоднее некуда.

– Думаешь, снова «коршуны»? Или другие посланцы твоего дядюшки?

– Не знаю. Но будь вдвойне осторожной. – Герберт погладил её по волосам. – Не волнуйся, в замок никому не проникнуть. Здесь ты в безопасности. Просто не выходи наружу без меня, ладно?

Провожать себя он запретил. Так что Ева провожала его взглядом, стоя у окна тренировочного зала, пока далёкая фигурка в синем плаще не растаяла в воздухе у самых ворот. Тогда, пытаясь не прислушиваться к голосу неясной тревоги, она отступила от широкого подоконника и,

вытащив на середину зала стул, с некоторых пор всегда ждущий в углу, открыла прихваченный футляр с Дерозе.

Оставалось надеяться, что предчувствия в кои-то веки её обманывают. Благо Ева знала отличный способ забыть обо всём, о чём ей хотелось забыть.

* * *

– Так что там с письмами? – по-прежнему вполголоса уточнил Герберт.

– Как я понял, тебе нужны послания от девы, которая сперва благосклонно принимает ухаживания, а затем отвергает опостылевшего поклонника?

Безопаснее было бы обсудить всё по кристаллу, но чем дольше длился бы сеанс магической связи, тем тяжелее оказалась бы головная боль, которую Герберту суждено было ощутить в качестве отката. Поскольку последствия ночной передозировки и без того давали о себе знать (перенос в столицу из дома дался некроманту куда тяжелее обычного), детали решили обговорить при личной встрече. Всё равно среди бдительных слушателей нового акта их семейной драмы магов не наблюдалось, а любые артефакты, пронесённые тайком, защита поместья размагничивала: можно было не бояться, что кто-то услышит больше положенного.

И пусть время от времени с крика братья переходили на зловеще пониженный тон – пожелания скорейшей мучительной смерти в любом случае лучше не выкрикивать, а шипеть.

– Магией подделать не могу. *Она* заметит, – сказал Герберт, будто оправдываясь. – Девушка должна быть реальной. Знакомой. А у меня со знакомыми лиореттами, заслуживающими доверия, сам понимаешь, не сложилось.

– Но *она* может возжелать поговорить с лиореттой. Дабы убедиться, что ты не лжёшь.

Упомянуть имя королевы оба не решались. Подальше от греха.

– Думаю, вызывать лиоретту к себе для приватной беседы *она* всяко не станет. Скорее дождётся ближайшего бала, а тот не скоро. Письма и дуэль успокоят её – хотя бы на некоторое время. – Герберт

помолчал, будто размышляя над собственными словами. – Особенно если меня нешуточно ранят.

– Или нас обоих. – Кивнув, Миракл набрал воздуха в грудь: – Да как ты смеешь заявляться сюда и оскорблять меня под собственной крышей?!

– Так же, как ты смеешь посягать на то, что я обрёл впервые после стольких лет страданий, а тебе совершенно ни к чему! – возвестил Герберт так же громко. – Красавчик с арены, любимчик публики, несносный спесивец! Привык срывать все плоды, до которых можешь дотянуться?

Переведя дыхание, оба покосились на резные белые двери.

С той стороны царила тишина. Но тишина эта была настолько убедительно, старательно тихой, какой может быть только тишина, хранящая десятком подслушивающих людей.

– Дрянная всё же драма у нас получается, – признал Герберт свистящим шёпотом.

– Сойдёт. – Миракл поудобнее перехватил шпагу. – Я правда казался тебе несносным спесивцем?

– Можешь считать это почти исключительно художественным вымыслом.

Усмехнувшись, Миракл выплел кончиком шпаги витиеватый вензель, рассекая воздух над полом:

– Письма можно организовать, но лучше поручить это тому, кто способен хоть отчасти включиться в игру. Сестра Кроу подойдёт?

– Кроу Соммит? Твой командир по арене? – Герберт с сомнением вскинул брови. – Думаешь...

– В последнее время я частенько радую Соммитов визитами. Ищейки Охраны наверняка об этом знают. У них вся семья в деле, и дочь тоже. Я посвятил моих сторонников в то, что ты с нами на одной стороне, – это прозвучало почти деликатно. – Без подробностей. Чтобы тебя, знаешь ли, во время восстания случайно не атаковали вместе с *ней*.

– Только вот с *ней* справиться будет непросто.

– Поэтому, когда всё начнётся, тебе лучше держаться от неё как можно дальше. – Взмахнув шпагой, точно подсекая ногу невидимого врага, Миракл серьёзно взглянул на кузена: – Мне бы не хотелось сражаться с тобой по-настоящему. Если она отдаст тебе такой приказ.

– Не бойся. Если даже я окажусь рядом, у меня припасён план, как этого избежать.

– О котором мне, полагаю, лучше не знать.

– Есть секреты слишком важные, чтобы раскрывать их хоть кому-то.

Перед завершающей репликой Мирк прокашлялся.

– Ни слова больше! – патетически возвестил он, для остротки резко отбросив руку со шпагой в сторону. – Завтра, в три, на перекрёстке перед Дьоккским лесом. А теперь изволь убраться отсюда немедленно!

Отвесив насмешливый поклон, Герберт направился к дверям.

Когда он вышел в зал, анфиладой примыкавший к оставшемуся позади, горничные уже упорхнули встревоженной птичьей стайкой, а дворецкий с непроницаемым видом стоял у дальнего окна.

Особняк Миракла не мог похвастаться такой защитой, как замок Рейолей, но ограничения на магические перемещения действовали почти во всех аристократических жилищах. Пришлось возвращаться в сад, белый и скучный (хотя после назойливой цветочной сладости, разлитой по дому стараниями слуг, запах холодной свежести был приятен), и идти к воротам вдоль фигурно остриженных кустов, припорошенных белизной поверх зелени.

Кованые створки распахнулись сами собой, выпуская гостя. Не дожидаясь, пока ворота за его спиной снова сомкнутся, Герберт сотворил заклинание, призванное вернуть его к родным стенам.

Тут-то его и ждал неприятный сюрприз.

* * *

Ева искренне желала, чтобы её интуиция периодически давала осечки, – но, к сожалению, на пакостные фокусы судьбы чутьё у неё было до прискорбного превосходное.

Она очень старалась утопить тревогу в занятиях, да только мысли о «коршунах», которые могли поджидать Герберта по пути к брату, не давали толком сосредоточиться. Так что, разыгрываясь и балуя звонкую акустику зала тягучими звуками, Ева то и дело косилась на окно.

Поэтому она не пропустила момент, когда стёкла внезапно задрожали от чего-то, ударившего в них отблеском ослепляющей белизны, а до слуха донёлся гул далёкого взрыва.

Ре-мажорное арпеджио оборвалось на вопросительном восходящем фа-диезе.

Торопливо опустив Дерозе на пол, Ева подбежала к окну.

Настежь распахнутые замковые ворота пылали костром. На брусчатой дороге чернело копотное пятно. Дюжина фигур в чёрном окружила мальчика в синем плаще: вернувшегося Герберта Ева разглядела даже в цветастом мареве заклятий, которыми некромант отбивался от потенциальных убийц.

Смычок выпал из пальцев, вцепившихся в каменный подоконник, выглаженный старостью.

– Лиоретта! – Эльен ворвался в зал, пока Ева наблюдала за схваткой. – Нападение! Ворота... я ощутил...

– Я вижу.

«Коршуны» атаквали со всех сторон магией и холодным оружием, медленно сжимая кольцо. Чёрные тени – всего три – раскидывали щупальца, защищая хозяина, и пока Герберту удавалось обороняться, но Ева знала: долго ему не продержаться. Слишком он ещё слаб после вчерашнего.

Слишком много противников, наверняка принявших в расчёт свою прошлую ошибку.

Решение пришло мгновенно. За миг до того, как пальцы сами собой рванули оконный шпингалет.

– Лиоретта, – вымолвил призрак, когда Ева настезь распахнула створки и вскочила на подоконник, – что вы...

Окончания фразы она уже не услышала.

Ева шагнула вперёд, в полёте выплетая заклятие левитации: спускаться по лестнице было бы слишком долго. За секунду до приземления притормозила, ловя под подошвами туфель спружинивший воздух; мягко опустилась на снег, не примяв его, и метровыми прыжками устремилась через сад к развороченным воротам.

Прости, Герберт, думала она, перемахивая лестницы между ярусами за один шаг и стремительно приближаясь к месту сражения. Поле битвы застилал дым, озаряли разноцветные вспышки, окружали

пляшущие искры и сполохи заклятий. *Я помню, ты велел сидеть в замке. И если бы хотел моей помощи, уже призвал бы меня к себе.*

Но я не могу оставаться в стороне, когда тебя хотят убить.

Щит она призвала загодя. Как и смычок. Со стороны «коршунов» было крайне неосмотрительно не ожидать нападения со спины, но Ева лихо отшвырнула в стороны троих убийц, расчистив путь к цели.

Даже странно, что всё оказалось так легко.

– Всё-таки пришла, – констатировал Герберт, когда она, проскочив между услужливо расступившимися теньями, нырнула под прозрачный пузырь его щита.

– Думал, я могла тебя бросить?

– Нет. Не думал. – Некромант запустил руку под плащ. Ева ожидала, что он вытащит нож, но в пальцах его оказался широкий металлический браслет, окутанный голубым мерцанием. – Убери щит, он тебе больше не нужен.

Снаружи, за пределами маленького клочка дороги, защищённого теньями и пузырём волшебного барьера, продолжало что-то вспыхивать и грохотать, но Герберт был убийственно спокоен.

– Снова убьёшь их Мёртвой Молитвой? – без раздумий подчинившись, спросила она.

– Нет. Есть идея получше. – Герберт разомкнул браслет – дутое кольцо, испещрённое рунами. – Дай руку.

Ситуация не располагала к оспариванию ни приказов, ни просьб, и Ева без вопросов вложила свободную ладонь в его пальцы. Позволила некроманту задрать рукав её рубашки, чтобы защёлкнуть браслет на запястье.

Она не сразу поняла, что не так. Осознала лишь, что произошло нечто ужасающе неправильное – и, продолжая слышать треск и взрывы заклятий, ощутила себя оглохшей. Впрочем, миг спустя грохот битвы тоже затих, заставив Еву с тревогой воскликнуть беспомощное короткое «а» – и понять: нет, со слухом всё в порядке. Просто «коршуны» почему-то прекратили атаковать.

А ещё смычок – сам, без её желания – пропал из пальцев опущенной руки.

Герберт начертил рунную вязь на её лбу ещё прежде, чем тени и щит исчезли. Прежде, чем маска, наведённая магией, спала с его лица. Прежде, чем светлые волосы потемнели, радужки с голубого сменили

цвет на бронзовый, а на глазах взрослеющее лицо растянула незнакомая улыбка.

Прежде, чем Евины ноги подкосились, отказываясь держать хозяйку.

– Безмерно рад знакомству, лиоретта, – сказал Кейлус Тибель, подхватив Еву на руки за миг до того, как она провалилась во тьму.

Они растаяли в воздухе первыми. Следом один за другим исчезли «коршуны». Вместе с последним из них растворилась иллюзия дыма, пламени, следов от взрыва на целёхонькой брусчатой дороге.

К тому моменту, как Герберт – настоящий Герберт, который получил тревожный сигнал на полпути из лесной глуши, куда его выкинул с чего-то давший осечку перенос, – промчался по мосту через реку, сражаться было уже не с кем.

* * *

– Как по нотам, – заключил Кейлус, материализовавшись в собственной гостиной с долгожданным трофеем.

Лиэр Дэйлион, ждавший в кресле, лениво стряхнул серые хлопья с сигары в бронзовую пепельницу. Остальные «коршуны» из замка Рейолей переместились кто куда, но их главарь, руководивший операцией издалика, принял любезное приглашение лиэра Кейлуса заглянуть на хорошо выдержанный рэйр.

Всё равно на сей раз они проворачивали дело, для которого алиби им было ни к чему.

– Рад, что на сей раз мои ребята не подвели.

Уложив бесчувственную девчонку на кушетку, синевшую аквамаринным бархатом под занавешенной картиной на стене, Кейлус проверил, надёжно ли держится блокирующий браслет. Убедившись, что тот сам собой уменьшился под худенькое запястье новой владелицы, отметил, что руки у той и правда музыкальные, пусть и маленькие. Изящные, с хрупкими тонкими пальцами. Подушечки левой жёсткие, мозолистые – струнные... но синяк под подбородком, характерный для фиола, отсутствует. Скорее всего, сизелла. Когда она проснётся, стоит проверить догадку.

Хотя, учитывая ситуацию, вместо ответа ожидаемо будет услышать из её уст красноречивые пожелания, чтобы похититель сотворил с собой нечто не слишком приличное – и противоестественное даже для него.

Длинные волосы гостя пшеничной вуалью накрывали лёгкую белую рубашку. Ноги в узких штанах и домашних туфлях мокли от тающего снега.

– Кто бы мог подумать, что дюжина моих ребят полегла из-за эдакой фитюльки, – пробормотал лиэр Дэйлион, глядя на её бледное лицо, беззащитное и умильное, как у котёнка.

План убийцы оказался хорош. Припасти браслет, блокирующий магию (с парой других полезных свойств). Дождаться, пока круглосуточное наблюдение доложит, что мальчишка отлучился. Наложить вблизи замка чары пространственного искажения: они отбрасывали любого, кто пытался переместиться к замку магией, в лесную чащу, ведь законный хозяин не должен был вернуться домой раньше, чем спектакль подойдёт к концу.

Спрятаться под ложной личиной. Разыграть нападение, выманив влюблённую девчонку из замка: охранные чары оповещали об атаке не только некроманта, но и его дворецкого, тот едва ли мог не сообщить об этом драгоценной гостье, а та, в свою очередь, вряд ли могла остаться в стороне – в конце концов, от этого зависела и её нежизнь. Подманить поближе, надеть браслет, ретироваться прежде, чем придётся столкнуться со взбешённым Уэрти... И вот он, результат, мирно спящий на кушетке.

– Вы знаете моё отношение к гибели невинных, лиэр Тибель, – выпустив в потолок дымную струйку, горчившую воздух сырým ароматом земли и мха, невзначай заметил лиэр Дэйлион. – Я буду... приглядывать за вашими действиями.

– Она уже мертва, если вы не заметили.

– Вы поняли, что я имею в виду. – Убийца затаился, обращая серость сигарного кончика золотом. – Не в ваших интересах переключиваться в разряд персон, на которых я принимаю контракты.

– А сейчас на меня, стало быть, не принимаете?

– Нет. Хотя желающие были.

– С чего такая честь?

– Знаю, кто составляет ваш штат прислуги. Да и пьески ваши хороши... Только не те, что на танцульках оскомину уже набили. Те, откровенно говоря, пошлы и бездарны до невероятия. – Лиэр Дэйлион затушил сигару о резное бронзовое доньшко. – Люблю, знаете, иногда по вечерам слушать, как дочка что-нибудь из вашего раннего наигрывает. Или поёт. – Неторопливо поднявшись с кресла, мягкой пружинистой походкой убийца направился к дверям. – Надеюсь, вы осуществите то, что хотите.

Пристальный взгляд Кейлуса проследил за ним до самого выхода.

– Всё хотел спросить, какой вам в этом интерес, – сказал он, когда Лиэр Дэйлион уже взялся за круглые медные ручки.

Тот, как и следовало ожидать, оглянулся. Замер, в равнодушной задумчивости постучав указательным пальцем по гладкой, побуревшей от времени меди.

– У меня неплохое чутьё на перемены ветра, Лиэр. А с недавних пор ветер дует в сторону смены власти. Я не прочь увидеть на троне новое лицо, и при одних обстоятельствах на этом ещё и заработаю, тогда как при других – нет. Король из вас, откровенно говоря, вышел бы паршивый, зато ненависти к сестрице с лихвой хватит, чтобы её уничтожить. Место её, с пророчеством или нет, в конце концов займёт сильнейший, так я считаю. – Колючие сапфиры его глаз смеялись над собеседником обезоруживающей прямолинейностью. – Сталь, связи и поддержка многих, знаете ли, надёжнее слов на какой-то старой бумажке.

– И поэтому вы не принимаете контракты на Миракла, – констатировал Кейлус, наконец разгадав никак не дававшуюся ему шараду.

– Думаю, мне зачтётся этот маленький реверанс. В своё время. Скромное участие в нелёгком деле революции, быть может, тоже... особенно если правильно его подать. – Взгляд убийцы окрасил смешливый блеск. – Бывайте, Лиэр Тибель. Ещё увидимся.

Прежде чем за ним затворилась дверь, Кейлус ещё успел увидеть, как ждавший в галерее Тим – так сложилось, что его секретарь брал на себя ещё и функции дворецкого – жестом предложил гостю следовать за ним. Поднял взгляд на занавешенную картину.

Даже забавно было бы сдёрнуть сейчас сизый бархат... чтобы та, кто изображена на холсте, могла посмотреть на ту, кому суждено её

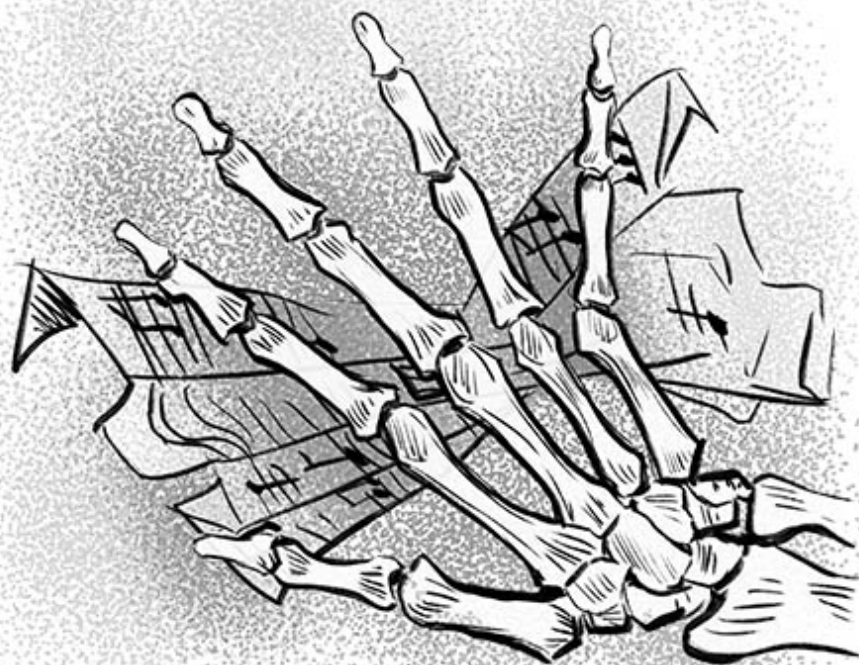
свергнуть.

Впрочем, всему своё время.

– Пойдём-ка. – Помедлив достаточно, чтобы гость успел удалиться, Кейлус вновь подхватил на руки свой светловолосый приз. – Для тебя приготовлено ложе поуместнее.

Глава 4

Con collera [7]

Ева сидела на сцене. Впереди между рядами заполненных кресел убегала вдаль зелёная ковровая дорожка Большого Зала Консерватории. Позади затих оркестр. Между коленей ждал Дерозе, готовый отозваться бархатистым голосом струн.

Только вот смычка в её пальцах не было, а кисти сковывали наручники.

Зрители в зале начали перешёптываться. Потом свистеть. Когда Ева подняла взгляд, глаза у них светились голубым. Она обернулась на оркестр – там тоже ждал знакомый демонический фосфор вместо радужек и белков.

– Я уже говорил тебе, что ты сердобольная дурочка? – лениво постукивая палочкой по пульту, произнёс Мэт, занявший место дирижёра.

Из кошмара Ева вынырнула резко, точно из удушающей водной глубины. Некоторое время моргала, глядя на незнакомую серость мозаичного по – толка.

Осознав, что лежит на чём-то твёрдом и чертовски неудобном, повернула голову.

Воспоминания о последних событиях нахлынули одновременно с тем, как она встретила спокойный взгляд незнакомца, что стоял рядом, вытирая окровавленный ланцет.

– Поразительно, – сказал он. – Я знал, что мальчишка гениален, но не догадывался насколько. – Придирчиво оглядев лезвие на свет, он убрал инструмент в бархатный футляр, похожий на пенал-свёрток – почти такой же, какой Ева привыкла видеть на столе в библиотеке Герберта. – Признаться, я надеялся упокоить тебя и поднять заново, привязав к себе. Но эта вязь... – Взгляд незнакомца устремился на то, что многим мужчинам было бы вполне естественно разглядывать при виде нагой девушки, но Ева знала: он изучает рунный узор на оправе рубина, что пульсировал в её теле вместо небьющегося сердца. – Столь филигранно и сложно, что страшно притронуться.

Запоздало осознав, что она лежит на алтаре полностью обнажённой, Ева торопливо села. Съёжилась на холодном камне, прижав к груди плотно сомкнутые колени, лихорадочно оглядела место, в котором очутилась.

Оно чем-то напоминало рабочий кабинет Герберта, только выдержано было сплошь в серости и серебре. Даже алтарь, занимавший самый центр просторной комнаты, кажется, был аккуратно вытесан из серого мрамора.

– Держи. – Отступив назад, мужчина взял с кресла подле стола нечто из золотистого шёлка, перекинутое через спинку. Не приближаясь, кинул ей; Ева машинально поймала, не сводя дикого взгляда со своего тюремщика. – Должен сообщить, что помимо чар,

полностью блокирующих магию, на твоём браслете чары Ломирье. Так называемое «заклятие куклы». Мне достаточно сформулировать мысленный приказ – и ты застынешь на месте, безвольная, словно шарнирная фигурка. То же случится, если попробуешь предпринять что-либо, угрожающее безопасности обитателей этого дома. Или пересечь границу территории, которую я счёл дозволенной к прогулкам. Впрочем, в твоём распоряжении целое крыло, для прогулок вполне достаточно. – Он улыбнулся, и от этой улыбки его красивое лицо сделалось на диво неприятным. – Как бы я ни презирал магию, в ситуациях вроде этой она довольно полезна.

Набросив платье на плечи и колени, Ева прикрылась им, словно полотенцем, и посмотрела на свою руку.

Дутое серебряное кольцо слегка мерцало на кисти. Теперь уже не голубым, а зелёным – той зловещей ядовитой зеленью, какой в фильмах раскрашивают колдовское пламя или злую магию. Ева попыталась призвать смычок, но усилия оказались тщетными. Сотворить усыпляющее заклятие, вычертив рунную цепочку под прикрытием золотистого шёлка и едва слышно выдохнув нужную формулу, тоже не вышло.

Блокировка магии, значит. Плохо. Очень плохо. Еве жутко хотелось проверить, насколько правдивы другие его слова, но сперва...

– Кейлус Тибель? – уточнила она, кутаясь в платье.

Мужчина с непроницаемой улыбкой склонил голову набок:

– Стало быть, ты меня знаешь?

– Я изучала семейное древо Тибелей, – безнадёжно откликнулась девушка. – Учитывая некоторые обстоятельства, догадаться несложно.

Лиэр Кейлус кивнул. Какое-то время молча наблюдал, как она озирается, ища пути к отступлению.

Комната явно находилась то ли в замке, то ли в усадьбе. За тёмным окном не было видно ни зги. Даже если она вскочит и каким-то образом разберётся с лиэром Кейлусом-маркато-ему-в-задницу, что дальше? За дверью наверняка дежурит кто-то вроде стражников... или нет? Их может не быть лишь в одном случае: если её тюремщик целиком и полностью полагается на браслет.

Впрочем, он никогда не остался бы с ней наедине, не будь он уверен в своей защищённости. И блефовать вряд ли стал бы.

– Где же крики? – осведомился хозяин дома, прервав затянувшееся молчание. – Бесплезные попытки сбежать или освободиться? Осыпание меня отборной бранью?

– Как будто мне это поможет. – Ева украдкой дёрнула браслет правой рукой. Как и ожидалось, тот сидел на кисти левой так плотно и недвижимо, словно намертво врезался в кожу. – Впрочем, если вы так хотите, могу придумать вам парочку красочных эпитетов.

– В подобной ситуации вполне естественно не скупиться на... эпитеты. – Он снова улыбнулся, разглядывая её, точно любопытный экспонат за музейной витриной. – Не обязательно красочные, зато ёмкие.

– Могу ещё послать вас в некое место, куда никогда не заглядывает солнце, – припомнив рассказы и намёки Эльена, которыми тот не преминул прояснить одинокое семейное положение достопочтенного лиэра Тибеля, вежливо предложила Ева, – но если ходящие о вас слухи правдивы, вы и так там регулярно бываете.

Разум постфактум завопил о том, что оскорблять (пусть даже самым корректным тоном) подобным образом подобную персону – не самое разумное решение. Но Кейлус Тибель в ответ лишь расхохотался.

– Так котёнок умеет щерить зубки. Мило. – Смотав футляр с инструментами, завязав узлом атласный шнур, он кинул тихо звякнувший свёрток на письменный стол, где царил художественный хаос. – Может, всё же Уэрти тебя и прикончил? Он остроты в свой адрес не жалуется... К тому же мёртвой куда легче управлять. Хотя нет, у малыша кишка тонка. Айрес, верно? – прочтя ответ в её лице, всё с той же улыбкой Кейлус присел на край стола и оперся ладонями о столешницу. – Должен сказать тебе спасибо за Тима.

Ева ничем не выдала, что понимает, о чём речь. Слишком занята была прикидками, когда лучше попытаться вылезти в окно: сейчас, не дожидаясь развития событий (которое почти наверняка ей не понравится), или когда её (теоретически) оставят одну. Хорошо хоть лиэр тактично держался поодаль. А может, опасно?..

Дубль дизел, и почему она не взяла в привычку всегда таскать на шее кристалл для связи – вместо того, чтобы хранить его в виолончельном футляре! Насколько всё было бы проще, если б сейчас она могла поговорить с Гербертом!..

– Ты ведь его пощадила, – продолжил Кейлус. – Я знаю, что это ты. Уэрти бы не пощадил. И был бы прав: во многом ты здесь из-за этого.

– Я всё равно ни о чём не жалею, – честно буркнула Ева, отогнав мысли о том, как за гранью видимости наверняка злорадствует Мэт.

– Даже о том миллом мальчике из книжной лавки? Которого ты так неосторожно загипнотизировала во время такой неосторожной прогулки? – Заметив, как она напряглась, Кейлус с видимым удовольствием перебрал пальцами по звонкому дереву. – «Коршуны» лиэра Дэйлиона вывели немало, пока наблюдали за вашими с Уэрти экзерсисами в саду, но без того бедолаги я не мог быть уверен в том, куда их посылать. А мальчик оказался кладезем полезной информации... Поверь, мне очень не хотелось его убивать.

Её испепеляющий взгляд, отразивший всю боль и ненависть, что всколыхнулись в душе, явно вызвал у него одно лишь веселье. И от тирады, уличающей собеседника в грёбаной психопатии и желающей ему поскорее занять место в аду рядом с такими же кровожадными ублюдками, Еву удержало лишь осознание: это абсолютно бесполезно, и оскорбление того, кто в данный момент полностью властен над твоей судьбой, – по-прежнему не самое разумное решение.

– Дайте-ка угадаю, – произнесла она вместо всего, что так просилось на язык. – Вы жаждете получить корону. За мой счёт.

– Можно и так сказать, – легко согласился Кейлус.

– И вас не смутило, что у меня нет огненного меча?

– Волшебный меч – дело наживное. Учítывая, что один отряд «коршунов» вы с Уэрти благополучно упокоили подле истока Лидемаль... Подозреваю, вылазку туда вы предприняли не просто так, верно?

Умён, сволочь, глядя в тёмные глаза, смеющиеся над ней бронзовым блеском, подумала Ева тоскливо.

– Если помните, в пророчестве истинный король должен возложить на моё чело обручальный венец. Считаете, у народа не вызовет удивления смена, хм, ваших предпочтений?

Кейлус, ничуть не смутившись, ласково склонил голову:

– Как твоё имя, кошечка?

– Ева, – поколебавшись, сказала она, сочтя представление не столь большой ценой за то, чтобы не слышать из его уст обращений на тему семейства кошачьих.

– Оденься, Ева. – Лицо его осталось улыбочивым, но в глазах блеснул нехороший металл. – Ты моя гостья. Гости не должны испытывать дискомфорт, который сейчас испытываешь ты.

Она покосилась на платье, в которое продолжала кутаться, словно в обычную тряпку. Из мягчайшего шёлка, расшитое серебром и капельками хрусталя, явно стоившее, как чья-то годовая зарплата. Достойное принцессы.

Она предпочла бы ему любые лохмотья, и не только по этическим соображениям. В мире, где существует магия, даже от платья можно ожидать подлости. Тем более от платья, полученного от врага.

– Лучше верните одежду, в которой вы притащи... я прибыла сюда.

– Прошу прощения, но её уже уничтожили. – Лиэр демонстративно отвернулся, глядя в окно. – Оденься. Не хочу тебя принуждать.

Ева уставилась на его спину, облитую чёрным бархатом сюртука, сдержанно расшитого серебром. На атласную ленту, что низким бантом перехватывала до лопаток достававшие тёмные кудри.

На затылок, соблазнительно подставленный под удар. К примеру, тяжёлым подсвечником с магическими кристаллами, так кстати сиявшим на каминной полке.

Провоцирует на атаку? Провоцирует. Не иначе.

Но она ударит лишь тогда, когда он не будет ожидать.

Торопливо натянув платье через голову, Ева соскользнула с алтаря, позволив широкой юбке опасть к ногам искристыми складками. Кусая губы и нервно пытаясь коситься одновременно через плечо и на фигуру у стола, попробовала застегнуть мелкие скользкие пуговички сзади, чтобы шёлк перестал соскальзывать с плеч.

Замерла, когда враг, незаметно оказавшись близко, зашёл ей за спину:

– Позволь мне.

Когда его пальцы аккуратно убрали ей волосы с шеи, собрав их на одну сторону и перекинув через плечо, струна напряжения, и без того натянутая в ней ту же некуда, лопнула: резко развернувшись, Ева взметнула сжатый кулак к точёному носу лиэра. Моментальным, очень уверенным движением... прерванным за сантиметр до цели.

Не по её воле.

– Заклятие куклы. Не забывай, – спокойно напомнил Кейлус, когда Ева застыла, способная только моргать. Перехватив пальцы, чуть не

доставшие до его лица, опустил её покорную, безвольную руку так просто, точно та и правда принадлежала кукле. – Спадут сами собой спустя пару минут. Но если попробуешь навредить кому-либо в моём доме, история повторится, и мне для этого не нужно быть рядом. – Её взяли за плечи, вновь отвернули лицом к окну, заставляя безмолвно проклинать чёртову магию и собственное тело, неспособное противиться. – Возвращаясь к твоему вопросу... Народу совершенно необязательно знать, что связывает нас помимо церемонии обручения. И связывает ли. Но, поверь, мои *предпочтения* весьма разнообразны... В приоритете точно не маленькие мёртвые девочки, однако, если хочешь, могу сделать для тебя исключение. – Чужие руки, застегнув верхнюю пуговицу, скользнули ниже, неторопливым поглаживанием прочертив по обнажённой спине линию от плеч до талии. Двинулись выше: чужая ладонь легла ей на шею, чужие пальцы убрали волосы за ухо, чужие губы обожгли кожу на виске вкрадчивым выдохом тихих до интимности слов. – Хочешь?

Если бы Ева могла, она бы сглотнула. Она вдруг вспомнила, как вела себя с Гербертом во время их давней, смешной, глупой войны, и отчётливо и тоскливо поняла: тот никогда не был ей настоящим врагом. И никогда не сделал бы того, что могло причинить ей настоящую боль.

В отличие от человека, в чьих руках – в прямом и переносном смысле – она пребывала теперь.

– Так хочешь? Говори, не стесняйся. – Тёплые пальцы, слегка пощекотав изгиб подбородка, лаской скользнули к ямке меж ключицами, но Еву не оставляло ощущение, что ласка эта в любой момент может перейти в удушье. – После активации заклятия губы отпускает раньше всего.

– Нет, – выдохнула Ева, желая одного: чтобы Кейлус Тибель прямо сейчас оказался как можно дальше от неё. – Не хочу.

Висок согрел смешок, тихий и лёгкий, как прикосновение пальцев к клавишам на пианиссимо.

– Как я и думал. – Отстранившись, лиэр вернулся к пуговицам: судя по скорости продвижения от верхней к нижней, одевать женщин ему и правда было не впервой. – Я не хочу, чтобы ты считала меня врагом. Не в моих правилах делать с людьми то, чего они не желают сами.

– Видимо, по вашему мнению, ваш племянник просто мечтает поскорее отправиться к праотцам.

Внутри Ева тут же отвесила себе подзатыльник, жалея, что ей так быстро разморозили неуёмный язык, но Кейлус продолжил медитативно застёгивать бесконечный пуговичный ряд:

– Как раз об этом я и хотел поговорить. Хочу предложить тебе сделку.

Она промолчала.

Знала, что условия изложат и без ответного вопроса.

– Ты права. Мне нужно падение Айрес. Мне нужна её корона. А тебе, если не ошибаюсь, нужен Уэрти, живой и здоровый.

– И что вы хотите от меня? – не выдержала Ева, когда Кейлус, закончив с пуговицами, в невыносимом гнетущем молчании откинул с плеча за спину светлую копну её распущенных волос.

– Не противься. Будь со мной, пока не исполнится, что должно, помощи осуществить то, что я хочу, и я отпущу тебя. К Уэрти, который твоими стараниями и покорностью останется жив. – Судя по ощущениям, ей заплетали косу; проникновенный голос почти гипнотически сочетался с движениями, переплетавшими длинные пряди методично и любовно, как иные дети возятся с новой куклой. – Откажись, и клянусь: я просажу большую часть своего состояния на услуги «коршунов», которые будут следовать за ним неотступно. Каждый день. Каждый миг. Куда бы он ни направился. Тебя больше не будет рядом, чтобы прикрыть его спину, пока он вершит Мёртвую Молитву, а больше из близких у него нет ни одной живой души. И рано или поздно...

Это прозвучало не угрозой – простым будничным обещанием. И завершило речь многозначительной недоговоркой – за миг до того, как чужие руки наконец перестали её касаться.

– Оставлю тебя поразмыслить над моим предложением. – Кейлус отступил на шаг: глядя в окно невидящим взглядом, Ева услышала, как подошвы его туфель касаются серебристого ковра. – Надеюсь, к ужину ты дашь ответ.

Не оборачиваясь, она слушала, как Кейлус Тибель идёт к двери, чтобы завершить разговор глухим щелчком замка. И понимала, что игры окончательно и бесповоротно кончились.

С момента её гибели и вплоть до сегодняшнего дня ей ни разу не грозила реальная опасность. Даже когда они с Гербертом скользили по грани. Но отныне позволить себе быть упрямым, задиристым, взбалмошным ребёнком – слишком большая роскошь. Этого врага нужно не задирать, не жалить, не пробиваться к мягкому сердцу под ледяной бронёй, а убивать – без прелюдий и без осечек.

К счастью, Ева подозревала, что может ей в этом помочь.

* * *

Тим заглянул в Золотую гостиную получасом позже, когда Кейлус, сидя за клаустуром, довольно мурлыкал себе под нос, записывая новый романс.

– Ваш племянник, – доложил секретарь. – Он ждёт на крыльце.

– Ты не пустил его в дом? – уточнил Кейлус, не отрываясь от нотного листка.

– Как ты и велел.

– Молодец. – Перо аккуратно опустилось в чернильницу, чтобы, скользнув по краю, вернуться к нотным строчкам. – В других обстоятельствах непременно пригласил бы его на чашечку фэйра, но не сейчас. Передай, что я слишком занят новым произведением и буду занят таковым в ближайший месяц. Ни в коем случае не переступай порог.

Кивнув, Тим тихо прикрыл дверь. Двинулся в холл мраморными лестницами и коридорами, щедро обставленными безделушками вроде ваз и гнутых бархатных скамеечек, пропитанных ароматом шалфея: Кейлусу нравилось, когда дом благоухает, и экономка не жалела денег на аромалампы и благовонные палочки.

Вернулся ко входу в особняк.

– Я сожалею, тир Гербеуэрт, – сказал Тим, отворяя двери, которые до того нелюбезно захлопнул прямо перед носом у визитёра. – Господин не может вас принять.

Некромант стоял на крыльце. Спокойный, бледный, в том же синем плаще, в котором немногим ранее наведаялся к брату.

– Я не буду лгать, что прощу вам содеянное, – очень тихо произнёс Герберт, – но, если отпустите её, возымеете шансы остаться в живых.

Тим вскинул брови:

– Не имею ни малейшего понятия, о чём вы, тир Гербе...

– Я не собираюсь играть с вами в игры, – голос Герберта не повысился ни на йоту, но интонации его способны были ужаснуть даже того, кто в принципе мало восприимчив к интонациям. – Я пришёл за тем, что он забрал у меня. Я верну её, хочет он этого или нет. Скажи ему, чтобы он впустил меня, или я сниму охранные чары и войду сам. Но когда я переступлю этот порог, ничего хорошего вам ждать не придётся.

К несчастью, Тиммира Лейда это не убедило. Он был не робкого десятка, слишком верил в Кейла и слишком хорошо держал себя в руках.

– Вынужден сообщить, что любая подозрительная магическая активность в нашем доме, как и взлом защиты поместья, подаст сигнал в штаб городской стражи, расположенный в столице, – равнодушно заметил он. – Если вам так хочется поднять напрасный шум, не сомневаюсь, что Её Величеству будет крайне любопытно узнать, зачем вы вломились в имение вашего дяди.

– Сдадите меня – умрёте сами.

– По-прежнему не понимаю, что вы имеете в виду. Но даже если лиэр Кейлус замешан в чём-либо противозаконном, полагаю, ему оправдаться будет проще, чем вам. – Юноша почти сочувственно воззрился на бесстрастное лицо наследника престола. – Магический почерк на мифической вещи, якобы отобранной у вас, укажет не на него. А плачевной судьбы предмета вашего спора, каким бы он ни был, это не отменит. Разрешите?

Когда, откланявшись, Тим вернулся к Кейлу, тот стоял у окна. Сложив за спиной перепачканные чернилами руки, кузен королевы смотрел, как его племянник, выдавая своё бешенство лишь скоростью шага, почти бегом удаляется прочь от особняка.

– Он вернётся, – сказал Тим.

– Знаю.

– И попытается вызволить её.

– Знаю.

– И не удивлюсь, если сможет.

– Посмотрим.

Поколебавшись, Тим подошёл ближе:

– Если ты расскажешь королеве, кого он прятал в своём замке, он утянет тебя за собой. Ты правда этого не боишься?

– Нисколько. – Кейлус обернулся, явив весёлую до лёгкой безуминки улыбку. – Доказать факт пребывания девчонки в моём доме будет куда сложнее, чем его причастность к её созданию. А в самом крайнем случае... Что ж, иногда и погибнуть не жалко. – Игнорируя мрачное лицо Тима, он вернулся к инструменту. – Смотря кому перед смертью ты успеешь испортить жизнь и кого заберёшь с собой.

Глава 5

Marziale^[8]

– ...мы высадим войска здесь и здесь. У людей и лепреконов. Через горы было бы проще, но это сразу заметят, а маги и дроу в горах могут создать нам немало проблем. Не хочу, чтобы нашим колдунам пришлось защищать войска от магического обвала.

Нависнув над столом, Айрес следила, как тонкий палец лиэра Сайнуса, её Советника по военным делам, в двух местах коснулся

карты с планом наступления на Риджию, разостланной на красном де – реве.

– Тот самый отвлекающий манёвр, что мы обсуждали в прошлый раз? – она благодушно кивнула, мельком отметив, как старательно Сайнус держит лицо подальше от лилий, белевших в вазе на столе. Аромат свежих цветов сливался с её лилейным парфюмом, и в комнате пахло почти одурманивающе; Айрес к этому крепкому запаху привыкла с детства, но Советник не раз признавался, что от лилий у него кружится голова. – Морем лучше. Управлять погодой в разы сложнее, чем расколоть камень.

– С этим их магам будет не так-то просто справиться, а нашим – легче предотвратить, – закончил Сайнус.

И это точно собьёт риджийцев с толку, добавила Айрес про себя. Хотя она старалась действовать скрытно, соседи, естественно, заметили, что Керфи копит военную мощь. Не знали только, для чего. Шпионы, засланные в Риджию, пустили слух, что керфианцы хотят напасть на Ильден; учитывая, что Айрес делала немалую ставку на флот, риджийцы должны купиться – к ним логичнее было бы прийти по суше.

– Мы займём прибрежные города. Наши силы возрастут за счёт павших и поднятых местных. С побережья войска Болера двинутся на север, Гордока – на запад, Медибеля – на юг, чтобы ударить по трём столицам. Дроу сейчас представляют наименьшую проблему: их мало. Так что первоочередная задача – взять Мирстоф, Солэн и Ювелл.

Голос Сайнуса олицетворял его самого: сухой, стучащий согласными друг о дружку, как стучали об окружающих его длинные тонкие кости (Айрес танцевала с ним пару раз, и ощущение было не из приятных). Даже одежда не могла скрыть остроты плеч, локтей и коленей, и гладкая кожа обтягивала череп так туго, что щёки вваливались почти до длинного носа. С годами Сайнус начал лысеть, и Айрес даже ждала, когда жидкие тёмные пряди вконец покинут его макушку – это довершило бы сходство со скелетами, которыми Советнику предстояло командовать.

– Основные силы дроу до сих пор держат под горами, в Мьёркте, но часть находится в Хьярте, которую они восстанавливают из руин. Если они попытаются прийти соседям на помощь, мы встретим их. Однако я подозреваю, что они отступят в Мьёркт... И не вылезут

оттуда. Я бы на их месте поступил именно так, – добавил он. – Под горами достать их куда сложнее.

– Не страшно. Если крысы решат не вылезать из норы, в ней они и издохнут. – Выпрямляясь, Айрес улыбалась. – От крысиного лаза в стене проще всего избавиться, обрушив стену.

Узкие глаза Сайнуса сделались ещё уже:

– Вы имеете в виду...

– Похоронить их под горами, верно. Обрушить потолок их жилища им на головы.

– Ваше Величество, но силы всех наших магов не хватит...

– Вы сомневаетесь в моём могуществе, Советник?

А если всё пройдёт по моей задумке, вновь добавила она про себя, иных магов, кроме меня, не потребуется.

– Нет. – Сайнус отшатнулся от стола, чтобы склонить голову в поклоне. – Нисколько, Ваше Величество.

Айрес снова улыбнулась – почти успокаивающе. Опустив взгляд на карту, побарабанила пальцами по горному хребту, разделявшему Керфи и Риджию.

– Мне доложили, – сказала она невзначай, – что вчера на ужине, куда вы пригласили лиэра Болера и лиэра Медибеля, произошёл... инцидент.

Сайнус и глазом не моргнул. Он хорошо знал, чего стоит бояться, а чего нет. Оскорбление Айрес Тибель, особенно неверием в неё, смерти подобно; то, о чём она заговорила, даже провинностью назвать было нельзя – спасибо принятым ею законам.

Впрочем, её законы вызывали одобрение далеко не у всех. Именно поэтому Айрес сочла необходимым обсудить этот вопрос.

– Ничего серьёзного. Гости нашли одну мою горничную достаточно привлекательной, чтобы она могла скрасить им остаток вечера. Та не оценила чести и оцарапала Болеру лицо. Болер спросил, могу ли я уступить выбор и проведение наказания им с Медибелем, и я решил, что это в некотором роде моя обязанность как добропорядочного гостеприимного хозяина.

Возразить было нечего. Простолюдины не имели права поднимать руку на аристократов. Никогда не имели. Зато аристократы имели право относиться к прислуге как к вещам: Айрес сама вернула им это право, отобранное её дедом. Подразумевалось, конечно, что они могут сколь

угодно жестоко наказывать прислугу за *реальные* провинности, и смертью – в том числе. Но вылилось это в то, что прислугу приравнивали к домашним питомцам, только без привилегий последних.

Хотя те простолюдинки, что были поумнее погибшей девчонки, тоже виляли несуществующими хвостами, когда им позволяли спать в хозяйской постели. В конце концов, послушным сукам в награду могла перепасть вкусная косточка или красивый ошейник.

– И в ходе наказания, что оба проводили со спущенными штанами, они перестарались. Особенно когда пустили в ход бутылки.

– Девчонка всё равно была не слишком сметливой и радивой. Насколько я понял со слов моей экономки. Для меня все горничные на одно лицо. – Сайнус пожал плечами. – Не волнуйтесь, Ваше Величество. Она приехала из Лобдэйна. Я даже не знал, что такой городишко существует, пока не поговорил с экономкой. Её семье передали, что приключился несчастный случай, но бедняжка получит достойные похороны в столице и возможность помочь в посмертии славному дому, которому она счастлива была служить при жизни. Я помню, что нынче не лучшее время, чтобы давать черни повод распускать языки.

Пару лет назад Сайнус спокойно мог написать родным той дурочки, что она поплатилась за разбитую вазу. Или за воровство. Никто ведь не осудит тебя, если ты утопишь щенка или пристрелишь пса, что кусает твоих визитёров. Но сейчас не стоило подливать масла в огонь, тлевший под тронем Айрес тирин Тибель, даже письмом в такую глухомань, как Лобдэйн. Мало ли кто мог узнать об этом и закричать, что за время её правления таких дурочек стало *слишком* много.

Сейчас эти крики и так раздавались куда чаще, чем им бы хотелось.

– Рада, что вы проявили предусмотрительность...

– Мне не привыкать.

– ...и всё же постарайтесь удерживать своих гостей от подобных развлечений хотя бы до Жнеца Милосердного. В конце концов, правда о произошедшем известна не только вам. Мало ли кому из ваших домочадцев вздумается распустить язык.

Она сказала это без упрёка, без осуждения. То, что все люди не без греха, Айрес уяснила давно и легко прощала грехи своим подчинённым. Главное, эти грехи должны быть известны тебе, и тебя

должны уважать и бояться достаточно, чтобы ты могла в любой момент заставить подчинённых обуздать свои дурные наклонности.

Сама Айрес ни разу в жизни не подняла руку на слуг. С детства не видела ничего интересного в том, чтобы унижать слабых. Но подобное поведение других людей, из другой, очень распространённой породы, она считала вполне естественным... Пока это рикошетом не ударяло по ней.

– Мне жаль, Ваше Величество, что вы до сих пор сомневаетесь, могу ли я держать своих домочадцев в узде. Впрочем, вы правы: это было лишним, и до Жнеца Милосердного такого не повторится. – Сайнус непреклонно вернул на карту указательный палец – будто кость из анатомического музея обтянули пергаментом. Обвёл ногтем разноцветные стрелки. – Перед атакой Мирстофа мы заставим людей расплыть силы, ослабив оборону столицы. Взяв Дьян, Гордок двинет войска в сторону Корна. Едва ли люди оставят свой экономический центр без защиты, особенно зная воинственную натуру королевы Навинии. Она выведет часть армии из города, чтобы дать нам бой. Самый короткий путь от Мирстофа до Корна – здесь, через переправу Фьётур, а *тут* мы возьмём их в клещи. Маги помогут скрыть нашу передислокацию от вражеских разведчиков. Этот лес послужит отличным укрытием коннице, чтобы Гордок мог ударить с фланга. Если разрушить мост, отступить им будет некуда, и...

Больше к теме они не возвращались. Айрес дослушала план с прежним одобрением, внесла незначительные поправки (в ходе войны придётся корректировать куда больше, но это было неизбежным: как бы ни был умён Сайнус, предсказать действия противника полностью не мог даже он) и отпустила Советника на все четыре стороны, зная, что остаток вечера он снова проведёт с Болером и Медибелем. Не прислушаться к настойчивому пожеланию Её Величества и не передать его всем, кого оно касалось, осмелился бы только глупец, а её генералы глупцами не были.

Что касается Гордока, тот не испытывал тяги к подобным увеселениям, из-за чего присутствовал на вечерах в доме Сайнуса куда реже. Впрочем, за ним водились другие грешки, которые стараниями Охраны Айрес были хорошо известны. Не столь тяжкие, но вполне весомые, чтобы служить рычагами воздействия, если деньги и высота

текущего положения в определённый момент утратят для Гордока свою привлекательность.

Опустившись в кресло, Айрес повернула голову. Взглядом нашла на полке книжного шкафа золотой листок, мерцавший в деревянной коробке под стеклом: лист с эльфийского дерева, что магия сберегла от тлетворного действия времени. Сувенир из Риджии, подарок её отцу от Повелителя людей; песчинка из того воза подарков, который много лет назад риджийцы привезли с собой в Керфи, надеясь взамен забрать нечто куда более ценное.

Её.

Айрес перевела взгляд левее. Там среди других переплётот золотом по зелени вилась надпись «Брачная мудрость»: подарок отца на совершеннолетие, толстый том, написанный за сотни лет до её рождения, с советами юным лиэрам и лиореттам, как быть примерными мужьями и хорошими жёнами.

...их с братом воспитывали одинаково, в отличие от Инлес: младшую сестру никогда не воспринимали всерьёз. Инлес любили, её носили на руках, однако она родилась и росла слишком милой малюткой, чтобы выдержать груз власти. А у их отца в своё время созрел гениальный план: взрастить двух детей правителями, но лишь одного – для керфианского трона. Неспособный усилить страну изнутри, Его Величество Дэллар тирин Тибель решил, что сделает это через выгодный альянс с соседями. Династический брак подходил для этого как нельзя лучше, а стельной коровой, проданной чужеземцам в обмен на блага для Керфи, предстояло стать Айрес. В большинстве стран до сих пор действовали смехотворные законы, делавшие женщин последними кандидатами на корону, и, женившись на иностранной принцессе, её брат Зайлер едва ли смог бы пробиться к трону. Зато, всучив дочь наследнику заморского престола, Дэллар Тибель мог быть уверен, что однажды его крошка Айрес станет королевой; а там ей, с её интеллектом, образованием и характером, не составит труда вертеть мужем и добиваться самых выгодных условий для родного Керфи, где к тому времени воцарится другой Тибель.

Айрес, правда, узнала об этом далеко не сразу. Она-то росла в убеждении, что им с братом предстоит честное соревнование за право наследия, и искренне старалась его выиграть: отец решил, что всё же не стоит растить старшую дочь подстилкой, которой она являлась по сути.

Нет, маленькая Айри должна стать умной и волевой, чтобы править чужой страной из тени за тронем, а не раствориться в роли примерной жены – эту долю оставили Инлес...

Айрес снова взглянула на золотой лист, и улыбка алым призраком проявилась на её губах.

...тот визит риджийцев был недолгим. Гордые державы вроде Нотэйла в союзе с Керфи оказались не заинтересованы, зато Риджия – очень даже. Люди тогда враждовали с дроу, и пара некромантов, прибывших ко двору в свите керфианской принцессы, могла изменить ход этой войны. К моменту, когда Лиларий Сигюр, принц людского королевства, прибыл в их дворец, Айрес точно знала, зачем люди из-за гор явились к их двору – чтобы увезти её с собой в дикую страну, что равняла женщин с постельными грелками и раздиралась изнутри трёхсотлетней войной. Отец известил её о предстоящем сватовстве задолго до этого – тогда же, когда подарил старшей дочери «Брачную мудрость». Её мнение на этот счёт никого не интересовало, и хочет ли она оставить свой дом, её не спросили.

Айрес за свою жизнь редко плакала, но в тот день она рыдала навзрыд. От осознания, что отец, исправно хваливший дочь за характер истинной королевы, никогда и не думал рассматривать её на роль королевы Керфи.

Айрес пересчитывала прожилки, разбежавшиеся по тонкой листовой пластинке, будто вырезанной из янтаря.

Риджийцы явились, чтобы в обмен на этот лист и другие дары, куда более щедрые, забрать керфианскую принцессу. Они не учли, что у принцессы были иные планы на собственное будущее, и она начала воплощать эти планы в день, когда доложила отцу, что парочка риджийцев с туманной целью пробралась в его кабинет. Копии документов государственной важности, своевременно подброшенные в покои иноземных гостей, помогли тем покинуть дворец в тот же день – ославленными шпионами, ублюдками, варварами, неспособными усвоить даже законы гостеприимства. Годы спустя Айрес доложили, что Лиларий Сигюр так остро переживал то унижение, что планирует вернуться в Керфи – в союзе с дроу, во главе атакующей армии.

Жнец срезал его колос раньше.

Забавно всё же, что совсем скоро порог её дворца переступит его дочь – незадолго до того, как Айрес всё же отправится в Риджию...

Она посмотрела на полку чуть ниже, где в другой коробке за стеклом покоился костяной мышонок (пятилетний Уэрт преподнёс ей собственноручно оживлённый мышиный скелетик на давнишний день рождения, и с месяц он немало забавлял Айрес, бегая по её столу), а рядом мерцал рубинами золотой гребень, подаренный Инлес. Ещё ниже щерилась розовыми шипами ракушка, что они с Кейлом когда-то подобрали на берегу Айденского озера.

...Айрес с ранних лет привыкла никому не доверять: родители не поленились предупредить, что многие будут искать её внимания и расположения, чтобы воспользоваться ими ради личной выгоды. Поэтому Айрес не могла всерьёз принимать ухаживания тех, кто крутился вокруг неё роём ос, почуявших сладкое (она даже уступила некоторым, лишь чтобы убедиться, что постель – переоцененный источник удовольствия). Сестра для неё была любимой хрупкой куклой, но не товарищем, которому можно поверить сердечные тайны. С братом они соревновались, но не дружили.

Зато она доверяла Кейлу. Он был ей не конкурент – с одной стороны, и не смотрел на неё с тем невыносимым лёгким снисхождением, что она видела в глазах родного брата, – с другой (лишь много позже Айрес поняла, что Зайлер в отличие от неё давно знал, кому на самом деле суждено занять керфианский трон, а кому – быть проданным на чужбину). То, что отец Кейла спал и видел сына на троне, не имело никакого значения: у самого Кейла не было ни способностей, ни желания лезть в политику, и он с детства принял, что Айрес – сильнее, умнее, лучше его. Поэтому он охотно согласился на роль её тени, товарища по играм и шалостям, единственного, кому она могла раскрыть все тонкости очередной задумки, и благодарного зрителя, способного оценить эти тонкости по достоинству. Она придумывала планы, тогда ещё вполне невинные, а Кейл помогал с воплощением; Дар от Жнеца у него был слабенький, но Айрес и ему находила применение. Вспомнить хотя бы, как Зайлер с визгом выбежал из спальни, когда к нему в постель среди ночи вспрыгнул издохший отцовский пёс, пока Айри с Кейлом сгибались от смеха, притаившись за углом. Они на пару пили фейр и получали выговоры от венценосного дедушки, тайком выбирались на прогулки по городу и бегали по водам Айденского озера навстречу закату, и Айри только

радовало, что они слишком непохожи, чтобы Кейл из брата, друга, верного пажа мог превратиться в соперника...

До того самого вечера.

Айрес опустила взгляд туда, где названия книг на полке закрывал шестиугольный бронзовый фонарь с ажурными стенками. Маленький, не больше ладони. Сувенирная копия тех, что освещали улицы Лигитрина, куда юный Кейлус отправился, чтобы учиться в консерватории, а юная Айрес, спустя несколько месяцев, – навестить кузена и развеять невесёлые мысли.

«...я решил не возвращаться домой», – сказал ей Кейлус тем злосчастным вечером. Семнадцать лет, локоны до плеч, гладкое юное лицо – почти копия Уэрта сейчас.

Они сидели на набережной реки Солв, одной из множества речушек и каналов, превращавших Лигитрин в огромный витраж: пёстрые стёклышки округов в серебристом водном переплётё, объединявшем их в столицу Нотэйла, культурного центра мира. Айри и Кейл спустились к воде по гранитной лестнице-причалу, которые тут встречались на каждом углу, и сели на широкой ступеньке – последней из тех, что не уходили в прозрачную гладь, тихо лизавшую серый камень. Там Айри скинула шёлковые туфли, стянула чулки (при Кейле она мало чего стеснялась) и опустила усталые ступни в прохладную воду: они целый день бродили по городу, ведь Кейл вознамерился показать сестре все места Лигитрина, которые успел открыть и полюбить за три с половиной месяца. Они гуляли по садам, распускившим цветы и приодевшимся в яркую весеннюю зелень, смотрели на фонтаны, вздымавшие пенные струи над мраморными статуями чужеземных героев, и блуждали по узким улочкам, освещённым бронзовыми фонарями. Время от времени они находили уют в очередной маленькой таверне, откуда выходили сытыми и чуточку пьянее, чем до того, а потом двигались дальше, и Кейл рассказывал, кто жил вон в том особняке, погребён в этом храме, сочинял под той крышей...

Лигитрин был прекрасен, как изысканная музыкальная шкатулка. И всё же Айрес никогда не променяла бы родной Айден на этот город, пахнущий жасмином и водной свежестью. Между Керфи и чем-либо ещё она всегда выбирала Керфи.

«Что ты имеешь в виду?» – спросила Айрес. Тоже семнадцать лет, волосы острижены до подбородка по последней керфианской моде, щёки, раскрасневшиеся от хмеля и быстрой ходьбы, ещё по-детски припухлые.

Они сидели и смотрели, как темнеет багровое небо за крышами на том берегу, и ели сливочный лёд с сиропом из розовых лепестков, капли которого ползли к пальцам по хрустящему вафельному рожку. Айри с малых лет была сладкожкой, и Кейл, к сладостям куда более равнодушный, присмотрел в Лигитрине несколько кондитерских специально для неё.

Айрес до сих пор помнила этот вкус. В Керфи такого мороженого не делают; сейчас она могла получить любую сладость мира, если бы только пожелала, и, конечно, к её столу доставляли знаменитое лигитринское мороженое... Но вкус оказался уже не тем. То был вкус её семнадцати, вкус детства, вкус дней, когда она ещё верила, что в этом мире есть люди, для которых она всегда будет превыше всего.

«Здесь я дышу полной грудью, Айри. Вдали от отца. – Кейл смотрел на отражения фонарей – зыбкие сияющие призраки, плывущие по речной воде. – Вдали от обязанностей его наследника и одного из претендентов на трон, заberi демоны эти обязанности тысячу раз».

Он улыбался такой шальной довольной улыбкой, какую Айрес редко видела у него дома. С тех пор как умерла его мать, точно нет. Покойная Киннес Тибель души не чаяла в сыне, и любовь к музыке Кейл унаследовал от неё. Маленькими Айри и Кейл часто сидели в Золотой гостиной его дома, стараясь не шуметь, пока лиора Тибель играла на клаустуре очередную пьеску – покороче и попроще, чтобы не утомлять детей. Честно говоря, на Айрес и это наводило зевоту: ей недоступна была прелесть музыки, не предназначенной для танцев. Но Кейл слушал мать с такими сияющими глазами, что у Айри не хватило духу хотя бы раз признать, что ей скучно.

«Дядя ведь отпустил тебя в Лигитрин, – напомнила Айрес, прежде чем разбавить музыку города – хмельные голоса, плеск вёсел, грохот колёс по мостовой – хрустом надкушенной вафли и бульканьем, с каким её босые ноги взболтнули воду у подножия лестницы. – Я думала, на этом он оставил попытки выковать из тебя второго себя».

«Отпустил, потому что такова была предсмертная воля мамы, а нарушить слово, данное мёртвому, значит навлечь гнев Жнеца. Ему

нужен был сын, который смог бы добиться того, чего так и не сумел добиться он, который смог бы побороться за власть и получить корону. Не сын, которому искусство интереснее политики. Он никогда не оставит попыток сделать меня таким, каким, по его мнению, должен быть истинный Тибель, никогда не простит, что я вырос иным. – Прогулки, закат и молодое амелье сделали Кейла таким умиротворённым, что он даже об этом говорил с безмятежным спокойствием. – *Поэтому я решил не возвращаться домой».*

Сперва Айрес решила, что он не хочет возвращаться в Керфи на грядущие летние каникулы – короткие, в отличие от осенних, длившихся целый месяц. И почти не огорчилась. В конце концов, они с Кейлом расстанутся всего за пару недель до этих каникул, а сейчас по рукам и ногам её растекалось восхитительное тепло (тогда она совсем не умела пить), и мерзкий узел, затянувшийся в груди незадолго до того, как её корабль отчалил к берегам Нотэйла, ослаб. Ей было так хорошо, как редко бывало – особенно после того разговора с отцом, где ей объявили, что она станет женой дикаря из-за гор.

О грядущем браке и предательстве отца она поведала Кейлу прямо в день приезда. Ничем иным, кроме как предательством, она это счесть не могла. Тогда она снова заплакала, с солью чувствуя на губах вкус унижения и разбитых надежд.

С тех пор Кейл делал всё, чтобы ей не хотелось плакать.

«Ты и так Тибель. Просто у дяди неверные представления о том, что такое быть Тибелем. Потому дедушка и выбрал наследником не его, – добавила Айрес мгновение спустя, слизнув с вафельного рожка каплю, готовую испачкать ей ладонь. – Что ж, думаю, летом здесь и правда чудесно... Может, даже лучше, чем в Керфи. Прохладнее. Свежее. – Тут она покривила душой: Айрес ни на что не променяла бы их привычные купания в Айденском озере. – *Главное, что осенью ты застанешь визит риджийцев. У меня есть пара идей, как сделать этот визит незабываемым, и я надеюсь, что ты оценишь их по...».*

«Ты не поняла, Айри. Я не вернусь в Керфи. Вообще».

Она и сейчас помнила, как подняла глаза, увидев его счастливое лицо на фоне гранитных ступеней, реки, закатной набережной, где неторопливо шли люди, понятия не имевшие, что рядом с ними сидят королевская дочь и королевский племянник. В Лигитрине никто никуда

не торопился: видимо, сказывалось то, что он располагался южнее, а Айрес давно заметила, что южане не любят спешки.

«Я откладывал деньги, – продолжил Кейл, отвечая на её ошеломлённое молчание. – Те, что присылал мне отец. Почти все. Покои, в которых я живу сейчас, оплатили до осени. Когда сменю их на комнату поскромнее, сбережений хватит на то, чтобы прожить в ней год. На хлеб и воду я заработаю».

«Игрой по кабакам? – презрительно фыркнула Айрес, сбросив оцепенение. – Хочешь сказать, после той жизни, к которой ты привык, ты сможешь прозябать на хлебе и воде?»

«Ещё на амелье. Оно здесь даже дешёвое вполне приличное, как ты могла убедиться. – Его улыбка погасла, когда он понял, что сестре не до шуток. – Мне удавалось неплохо урезать расходы... До того, как приехала ты. Решил, что напоследок можно и кутнуть. Всё равно до осени отец ничего не заподозрит – мы с ним уговорились, что на лето я останусь тут. Стало быть, до того времени деньги мне ещё вышлют. Но я лучше буду прозябать на хлебе и воде, чем вернуться под его крышу, Айри».

Она продолжала изучать непонимающим взглядом его лицо: слышать такое от Кейла, которого она привыкла видеть в шелках и бархате, за столами, к которым подавали по меньшей мере пять перемен блюд, было абсолютно дико.

«Я понимаю, что вы с дядей... с твоим отцом... не ладите. Но, Кейл, ты всё-таки Тибель, – она заговорила осторожно и ласково, словно увещевала больного ребёнка. С её точки зрения, так и было, пусть она и родилась месяцем раньше. – Однажды ты унаследуешь всё, чем владеет он, и займёшь положенное тебе место при дворе, и...»

«Да к демонам это место! Мне плевать, кто и что мне положил, если это место – не моё!»

«Но это место рядом со мной».

Она сказала это куда тише, чем хотела.

В его чертах закатной тенью проявилась растерянность, – и осознание прошило ей грудь тупой болью, вогнав в сердце иглу безнадёжности.

Кейл не думал об этом. Даже не задумывался.

«Мы будем видеться, – кажется, он искренне не понимал, в чём причина её огорчения. Огорчение – так Айрес легче было наречь то, что

она почувствовала. – *Я буду приезжать. Ты будешь приезжать».*

«Как часто? Раз в год? В два? Как тебе позволят учёба и попытки заработать на чёрствый хлеб, а мне – обязательства перед нашим родом, о которых я не могу забыть так же легко, как ты?»

Он промолчал. Отвернулся, словно собрался пересчитать алые черепицы на крышах, кажется, впервые всерьёз взвешивая, что и кого он оставит в Керфи вместе с опостылевшим отцом. Мимо проплыла лодка, разбив отражения фонарей на горсть золотистых бликов, скачущих по волнам просыпанными монетами; Айрес смотрела на них, чувствуя, как липкая холодная сладость течёт по пальцам.

Вода, обнимавшая её ноги, враз стала ледяной.

В её мыслях Кейл всегда был рядом. В день, когда она восходит на трон. В дни её правления. Но для него это ничего не значило. Ему было всё равно. В решении задачи, сложенной его жизнью, Айрес оказалась переменной, которую он не собирался учитывать.

Отец, видимо, тоже думал так. Что Айри будет приезжать – раз в год. Или в два. С очередной дипломатической миссией. А в перерыве рожать своему риджийцу детей, улыбаться и обвивать его шёлковыми нитями интриг, добиваться уступок для брата и отчитываться по магическому кристаллу, что всё идёт точно по плану; чужому плану, придуманному ещё прежде, чем Айрес уяснила значение слова «план»...

«Не делай этого, Кейл, – всё-таки сказала она. – У меня нет никого, кроме тебя».

Каждое слово давалось тяжело, словно Айрес пыталась поднять ими гранитную плиту, на которой лежали её туфли, разбросав по серости светлые шёлковые ленты.

Айрес Тибель не привыкла молить. И с тех пор не молила. Никого. Никогда.

«Музыка будет у тебя и дома», – произнесла она, не дождавшись ответа, всё ещё на что-то надеясь.

«Зато свободы не будет. – Помолчав, Кейл очень тихо добавил: – И любви».

Она прикрыла глаза, позволяя своим надеждам рассыпаться так же, как только что на её глазах разбивались водные фонари.

Так вот в чём всё дело. Конечно.

«Я чувствую... может, это лишь пустые тревоги, но мне кажется, что, если я не сделаю это сейчас, не сделаю уже никогда. Буду пойман и заперт там, где я больше быть не хочу. – Кейл накрыл рукой её свободную ладонь, лежавшую на многослойной бархатной юбке. – Ты сильная. Ты всегда была сильнее меня. Ты справишься с риджийцами одна, я знаю. А я с удовольствием послушаю твой рассказ об этом представлении после того, как ты с блеском его завершишь».

Наверное, он и правда безоговорочно в неё верил. Как всегда. Но тогда её это мало утешило.

Скользнув пальцами по стынущему граниту, чтобы разорвать соприкосновение их рук, Айри кинула растаявшее мороженое в реку: оно утонуло в жидком золоте, возмущёнными кругами расколов фонари на части. Наклонилась вперёд, так, чтобы Кейл не видел её лица.

Для него это был вопрос решённый. Свобода и глупые прихоти – дороже долга. Потакание наивным ребяческим желаниям – дороже родины. Любовь, обретённая на чужбине за три с половиной месяца, что он здесь провёл, – дороже сестры, с которой они росли с пелёнок.

Она думала, что их различия помогут им остаться на одной стороне, но в конечном счёте они всё же оказались *слишком* разными.

«Ты можешь сбежать от всего этого. Как и я, – сказал Кейл, пока Айри методично смывала с пальцев розовые и сливочные потёки. – От риджийцев. От обязательств перед родом».

«Я Тибель, Кейл. Я всегда буду Тибель. В первую очередь. – Вынув ноги из воды, она обтёрла их нижней юбкой; натянула чулки и туфли, принялась оплетать шёлковыми лентами икры, чтобы завязать их аккуратным бантом под коленом. Вода, замершая у подножия лестницы, отражала абсолютный, мертвенный покой, поднявшийся и захлестнувший всё, что минуты назад горело в душе Айрес Тибель, королевской дочери. – И я слишком люблю свой дом».

...в тот день Айрес решила, что больше никто и никогда не причинит ей боль. Ту, к которой она не будет готова, во всяком случае. Это оказалось нелегко и требовало железной воли – чтобы обуздать такую бесполезную, nepозволительную отныне вещь, как собственные чувства. Но недостатка в воле у неё не было даже в семнадцать.

Спасибо отцу. Хоть в чём-то он оказался прав.

Повернувшись ко входу в кабинет, Айрес тронула цветок лилии, душистой головкой кивнувший в ответ.

Она по-прежнему считала, что не мстила Кейлу, когда рассказывала его отцу секреты, что он предпочёл бы утаить. Она уберегла его от судьбы, полной лишений, к которой он, мальчик из королевского рода, с детства окружённый роскошью, не был готов. Она помогла ему (так же, как помогли ей) расстаться с детскими иллюзиями, что жизнь – сказка, которая сама как-нибудь обретёт счастливый конец, и что собственное благополучие не надо выгрызать у других из горла. В конечном счёте её стараниями он стал сильнее, вступил во взрослую жизнь и остался там, где ему и место: у подножия её трона. Истинным Тибелем, готовым побороться за корону.

Наконец понявшим, что победа превыше всего.

Она по-прежнему считала, что ни о чём не жалеет. Пусть даже Кейл с тех пор возомнил, что она желает уничтожить его – и, естественно, был неправ: Айри дорожила им настолько, чтобы закрывать глаза на многое, не сходявшее с рук никому (попробовал бы кто-то другой покуситься на жизнь Уэрта хоть раз). Пусть даже Кейл возненавидел сестру за то, что та отобрала у него смысл жизни. Ведь он обрёл новый: после смерти отца Кейлус Тибель мог бы бросить всё, наконец сделать то, о чём так мечтал глупым мальчишкой – и не сделал. Слишком увлёкся другой мечтой – о мести.

Ненависть часто привязывает крепче любви. Айрес в этом убедилась.

Белые лепестки ещё подрагивали под пальцами, когда в дверь кабинета коротко постучали.

– Войдите, – велела Айрес тирин Тибель.

Глава Охраны скользнул внутрь чёрной гадюкой. Даже не скользнул, а втёк, плавно и неслышно, словно ноги его не касались дощатого пола.

– Ваше Величество, – поклон был коротким и отрывистым. – Любопытные известия о ваших племянниках.

– Что случилось?

– Тир Гербеуэрт вызвал лиэра Миракла на дуэль.

Айрес воззрилась на бесстрастное лицо напротив. Затем на рунный круг, выжженный на полу.

...она по-прежнему считала, что Уэрту необходимо усвоить тот же урок, что в своё время пришлось усвоить ей. По многим причинам.

Главное, чтобы это тоже не ударило по ней рикошетом, который – в отличие от очень, очень многого – она не планировала.

– Кажется, – сказала Айрес, пока в вазе на её столе медленно умирали лилии, – скоро нам с Уэртом предстоит серьёзный разговор.

Глава 6

Terraced dynamics [\[9\]](#)

Служанка заглянула в комнату с алтарём, когда Ева напряжённо размышляла над тем, что же делать. Даже постучалась, прежде чем войти: та ещё насмешка над Евиным положением.

– Господин велел проводить вас в отведённые вам покои, лиоретта, – мелодично доложила девушка в простеньком платье зелёной шерсти.

Ева, которая готовилась к возвращению Кейлуса, удивлённо взглянула на пришлицу – почему-то она была уверена, что хозяин дома сохранит её прибытие в тайне даже от слуг. Помедлив, всё же прошла в любезно распахнутую дверь.

– Как тебя зовут? – вышагивая мимо ваз с цветами, пестревших на туалетных столиках, осторожно поинтересовалась Ева у девушки, которая шла впереди.

– Юми, лиоретта, – на удивление охотно откликнулась та, на миг оглянувшись.

Она была рыженькая, конопатая. Не старше двадцати. На диво добродушная для прислуги человека вроде лиэра Кейлуса – по крайней мере, на вид.

– А я Ева. Правда, мой... друг называл меня скорее Йевва, но иномирные имена непросто выговаривать. – Ева понадеялась, что её тяжёлый вздох вышел не слишком театральным: в конце концов, переживания, на тему которых она собиралась излить душу, были совершенно искренними. – Он, наверное, сейчас с ума сходит... Во всяком случае, я потихоньку схожу.

Если служанка и заинтересовалась чужими любовными перипетиями и трагедией разлучённых влюблённых, должной тронуть нежное девичье сердце, то ничем этого не выдала.

– Если ты не знаешь, Юми, меня держат здесь силой, – решив рискнуть, продолжила Ева так мягко, как могла. Надежда на то, что ей удастся разжалобить новую знакомую и обзавестись союзницей, была слабой, но попытка не пытка. – Меня похитили. Разлучили с тем, кого я люблю. Я ваша пленница. Не думаю, что тебе нравится помогать своему господину...

– Господин Кейлус не велел мне обсуждать с вами что-либо, – перебив её, откликнулась девушка учтиво и непререкаемо.

– Послушай, ты же не...

– Ваша комната, лиоретта. – Толкнув одну из дверей в стене, распуская белые цветы по бежу шёлковых обоев, служанка склонилась в поклоне, предлагая госте переступить порог. – Если желаете переодеться к ужину, я помогу вам. В противном случае позвольте удалиться.

Глядя на её лицо с опущенными глазками, за покорностью прятавшее стальной барьер, Ева безнадёжно качнула головой:

– Нет. Не желаю.

Оставшись в одиночестве (Юми пообещала вернуться, дабы проводить её в столовую), она заперлась на ключ, любезно оставленный в замочной скважине. Пнула резные стенки гардероба, гостеприимно распахнувшего дверцы напротив камина. Яростно расшвыряла подушки с постели, золотившейся парчовым покрывалом среди комнаты в нежных кремовых тонах.

Замерев у окна, прикрыла глаза, вспоминая рапиру, оставленную в спальне замка Рейолей.

...«ты можешь призвать её к себе, где бы ты ни была»...

– Люче, – прошептала Ева.

Тёплая кожа ножен огладила пальцы миг спустя.

С облегчением посмотрев на клинок, Ева перекинула ремень через плечо, разом почувствовав себя защищённой. Рапира казалась приветом из оставшегося вдали замка, приютившего её в этом недружелюбном мире: будто её прислал Герберт, велел держаться и скорее возвращаться к нему. Кроме того, теперь она вооружена и (Ева очень на это надеялась) опасна.

Чары гномов, неведомые и недоступные людям, вполне могли оказаться сильнее чар, державших её в плену.

Впрочем, сразу обнажать клинок Ева не стала. В конце концов, у неё осталось всего две попытки, чтобы им воспользоваться, и одну из них следовало приберечь для представления «Избранная воплощает пророчество» (при всём уважении к злодейским способностям лиэра Кейлуса, на обещанное Лоурэн чудище он никак не тянул). Так что сперва она попробовала освободиться мирным путём. К примеру, вылезти в окно, за которым тремя этажами ниже расстился заснеженный сад.

Оконные створки охотно распахнулись, позволив выглянуть наружу и обозреть старинный особняк с острыми башенками по углам, окружённый просторным садом и стеной хвойного леса. Выхода Ева не заметила: лишь извилистый льдистый пруд, поросший ивами по берегу. Видно, окно открывалось на задний двор. Зато этажом ниже маняще белел перилами балкон... Да только, попытавшись перелезть через подоконник, Ева застыла перед ним, не в силах шевельнуть и пальцем.

Она повторила эксперимент трижды, неизменно получая один и тот же результат, решила, что пытаться дальше – значит вплотную

приблизиться к безумию, и подумала, что стоит двинуться в противоположном направлении.

Дверь комнаты спокойно открылась, выпустив гостью в коридор, где не было ни охраны, ни кого-либо еще. Пробежав мимо ваз и картин на стенах, неся за спиной ножны, видимые только ей, Ева вышла на лестницу в противоположном конце от венчавшего коридор тупика. Следующее ограничение сработало, когда она спустилась на первый этаж, прошла сквозь просторный зал с дверьми по обеим сторонам и попыталась выйти в арку, соединявшую зал с чем-то вроде картинной галереи. Стало быть, проход в другое крыло ей и правда заказан... А выход из дома, похоже, располагался именно там.

Плохо.

Рискнув ткнуться в незапертые комнаты, Ева обнаружила столовую и бальную залу – неизменно пустые, создававшие ощущение, что в доме, кроме неё, обитают разве что призраки. Попытки вылезти из окон пониже снова не увенчались успехом. Кричать «помогите» на весь пустующий сад Ева не рискнула: вряд ли её призыв мог услышать кто-то, кто захочет помочь, не задавая при этом лишних вопросов.

Ей не соврали. Браслет и правда держал её взаперти лучше, чем любые охранники. Лучше даже, чем давнишние приказы Герберта: их при желании можно было оспорить, но браслету было плевать на самую изощрённую софистику. Поэтому Ева вернулась в отведённые ей покои – и, больше не колеблясь, выдернула из-за спины рапиру, светившуюся зачарованным лезвием.

Сперва она попробовала клинком разбить браслет. Если бы волшебное оружие не управляло Евиными движениями, всё наверняка закончилось бы её отрезанной кистью, но поскольку гномы своё дело знали, усилия просто не увенчались успехом. Зато нападение на одно из платьев из гардероба принесло плоды: рукоять привычно потянула за собой руку, и лезвие десятком ловких движений изорвало белый бархат в ошмётки. Вскочить на подоконник, чтобы атаковать раму предварительно открытого окна, на сей раз тоже далось без труда: Ева застыла, лишь когда нацелила рапиру на балкон, расположенный наискось. И хорошо – без левитации достать дотуда всё равно было бы непросто.

Может, и получится, думала она, собирая с ковра обрывки светлой ткани. Один ментальный контроль против другого

ментального контроля.

Если обездвиживающие чары браслета запоздают хоть на пару секунд, если сработают, когда лезвие уже достигнет цели...

– Да уж, попала ты в передрагу.

Ева почти обрадовалась, когда, обернувшись, увидела на кровати Мэта.

– Так и знала, что ты даже сюда пролезешь, – буркнула она, скрывая облегчение.

– Да брось. Разве ты мне не рада? – демон весело наблюдал, как Ева запикивает изрезанную ткань в подушки, пряча следы своих экспериментов в шёлковых наволочках. – Вижу, ты настроена воинственно.

– Ничего другого не остаётся.

Стоило бы, конечно, придержать рапиру в ножнах до момента, когда лиэр Кейлус не решит вновь поболтать с дорогой пленницей. Чтобы атака точно вышла неожиданной. Но без браслета на кисти всё было бы намного проще, и не попытаться избавиться от него Ева не могла. Значит, придётся просто выбрать для нападения подходящий момент... например, когда её тюремщик будет мирно спать.

Всё равно до того, как клинок должен вернуться в ножны, у неё остаются ещё целые сутки.

– Даже если ты сможешь убить гостеприимного дядюшку, что дальше? Да, чары на браслете могут рассеяться с его смертью. А могут и не рассеяться. Особенно если браслет зачаровывал не он.

– Как только он умрёт, всё станет проще. Герберту уже никто не будет угрожать. – Ева завернула Люче в длинный лоскут, оставшийся от юбки. Вскарabкавшись на постель рядом с Мэтом, который вежливо подвинулся, сунула рапиру и ножны между матрасом и изголовьем, набросав сверху подушки. – Ладно, на самом деле ему будет угрожать много кто... и что... но только не Кейлус. А там он придумает что-нибудь, чтобы вытащить меня отсюда.

– Каким образом?

– Не знаю. Вот ты передашь ему весточку, что его дядюшка мёртв, и он сразу меня и вытащит. Ты ведь не откажешь?

Мэт рассмеялся звонко и пакостно.

– Всё может быть куда проще, – сказал он, прежде чем Ева успела спросить, как истолковывать этот смех. – Сделка – и я вытащу тебя

отсюда.

Она села напротив, мрачно скрестив руки на груди:

– Я уже говорила тебе, что думаю по этому поводу. Мой ответ не изменился.

– Если ты не забыла, малыш каждые три дня обеспечивал тебе целебные процедуры в виде питательных ванн. Как думаешь, сколько ты протянешь без них? И что начнёт происходить с твоим бедным мозгом, когда он не получит подпитку?

– До следующей плановой ванны у меня как минимум два дня. Нужно всего-навсего выбраться отсюда прежде, чем они истекут.

Ева произнесла это даже более уверенно, чем сама надеялась. Да только Мэта, судя по вежливо-сомнительному изгибу его бровей, всё равно не убедила.

– Ну-ну, – прежде чем исчезнуть, изрёк он с тем же многообещающим скептицизмом, с каким, должно быть, это междометие произносил бывший регент в клетчатом пиджаке, поигрывая ложечкой в чашке с чёрным кофе.

* * *

Когда за ней вернулись, Ева без возражений проследовала за служанкой в столовую: до ночи она твёрдо решила быть паинькой.

Вытянутый зал был выполнен в приятной бело-шоколадной гамме. Длинный стол – накрыт на одного. Хозяин дома сидел во главе, но при её появлении тут же поднялся; жестом, исполненным бесконечного эстетизма, он промокнул губы белоснежной салфеткой с монограммой «К. Т.» и, отодвинув стул по правую руку от себя, предложил Еве сесть.

– Рад, что ты ко мне присоединилась, – с любезностью, которой трудно было ожидать от тюремщика, сказал он, когда девушка безропотно опустилась на атласное сиденье. Вернувшись на место, вновь взялся за вилку и нож. – Предложил бы разделить трапезу, но, боюсь, в твоём прискорбном состоянии это будет скорее насмешкой.

– Боюсь, что так, – проглотив искреннее пожелание достопочтенному лиэру подавиться и немедленно скончаться в страшных муках, смиренно произнесла Ева.

Нож, отрезавший кусок от нежно-розового, умело не прожаренного мяса, замер в длинных пальцах.

– Какая покорность. С чего вдруг?

– Бывают ситуации, когда сопротивление бесполезно. Покорность разумнее.

Взгляд тёмных глаз медленно поднялся на неё.

– А ты умеешь держать себя в руках, как посмотрю, – заметил Кейлус спокойно и пронизательно. – Признаться, я удивлён. – Он отложил приборы, сложив их на тарелке по всем выученным Евой правилам этикета, и взялся за бокал, где светлым гранатом краснело местное вино. – Неужели Уэрти не разжёт в твоём сердце жгучую ненависть к своему дядюшке-содомиту?

– Для этого мне рассказов не требовалось. Ваши посланцы, которые пытались нас прикончить, говорили сами за себя, – ответила Ева хладнокровно. – И меня никогда не волновало, что и с кем делают люди за закрытыми дверями своих спален, пока всё происходит по обоюдному согласию. Но в последнем, признаться, после начала нашего знакомства я не уверена.

На самом деле Ева готова была сказать что угодно, лишь бы её тюремщик сегодня отправился спать без опаски, и мирное поддержание беседы казалось ей уместнее угрюмого молчания. Впрочем, она понимала: чрезмерная покорность насторожит Кейлуса Тибеля не меньше, чем злость. А то и больше. Так что чуть позже можно и проявить крохотную толику того, что клокотало внутри... В разумных пределах, конечно.

За этим ужином ей наверняка предоставят не один повод для ярости.

Кейлус сделал глоток, поверх бокала изучая её лицо.

– Можешь не беспокоиться. Немногие попадали в мой дом таким же образом, как ты. Предпочитаю, чтобы мои гости не грезили моим убийством. – Глаза, не сводившие взгляда с её лица, задорно блеснули. – Что касается спальни, я просто не вижу принципиального различия между мужчинами и женщинами, по причине чего не считаю нужным выбирать себе пару исключительно из числа первых либо вторых. – Кейлус лениво поднёс бокал к губам, и Ева впервые заметила, насколько они с Гербертом похожи. – Откровенно говоря, в вопросах

выбора партнёра меня куда больше волнует внутреннее, нежели внешнее, и то, что у него в голове, нежели то, что между ног.

Ева порадовалась, что не может краснеть. Во всяком случае, изучающий взгляд Кейлуса наводил на мысли, что её провоцируют, и совершенно сознательно, желая посмотреть на реакцию и сделать выводы. И в более живом состоянии Ева могла отреагировать на подобные заявления довольно красноречиво.

Но сейчас её тюремщик не узнает о ней больше того, что ей хотелось показать.

– Весьма любопытная и, пожалуй, здравая позиция, – сдержанно произнесла она, опуская глаза.

Ответом ей было короткое насмешливое «ха». И тихий хрустальный «дзинь», с которым Кейлус Тибель щёлкнул пальцами по краю бокала.

– Так что ты решила?

– Я помогу вам. Я не буду сопротивляться. Только поклянитесь, что не тронете Уэрта, – глядя на белоснежную скатерть, откликнулась Ева, готовившаяся к этому вопросу с момента, как села за стол. – Желательно, магической клятвой.

– Я согласился бы на это лишь при условии, что ты, в свою очередь, обязуешься выполнить то, о чём я тебя прошу. Но чтобы скрепить договор магией, с тебя нужно снять браслет, после чего ты наверняка вытворишь какую-нибудь глупость, так что придётся нам верить друг другу на слово. – Краем глаза она увидела, как Кейлус Тибель склонил голову к плечу, облитому шёлком бордовой рубашки. – Откуда столь похвальное смирение?

– Я уже сказала. Иногда покорность разумнее. А вы привели убедительные аргументы, почему в данном случае она будет разумнее.

Осушив бокал до дна, Кейлус выразительно приподнял его на уровень глаз; только тогда Ева заметила скелет в костюме лакея, отделившийся от стены подле камина. Ну да, Кейлус ведь тоже некромант... Пусть, кажется, и пользуется Даром куда реже Герберта.

У него наверняка и сил не так много, чтобы позволить себе целый дом неживых слуг.

– Забавно, – изрёк Кейлус, когда скелет аккуратно, не пролив ни капли, наполнил его бокал из бутылки, бликующей в отсветах ажурной медной люстры. – Я выстраивал планы на твой счёт, предполагая, что

ты окажешься иной. Думал, что прикончу тебя сразу, как ты исполнишь предназначенную роль. Учитывая, что юные девочки редко склонны к благоразумию, я не был уверен, что у меня хватит терпения не сделать это раньше. – Новый глоток Кейлус сделал будто бы с сожалением, следя, как скелет возвращается на место, чтобы вновь застыть экстравагантным элементом декора. – Даже обидно, что мы не встретились сразу, как ты прибыла в Керфи. Я бы не отсиживался в безопасности, пока тебя убивали... Хотя бы потому, что не мог позволить себе такую роскошь, как поднять тебя, удержав разум и душу.

Ева невольно вскинула голову:

– С чего вы...

– При всей гениальности Уэрти – сомневаюсь, что он нашёл тебя после того, как твоё сознание успело умереть. Даже он вряд ли мог оказаться сильнее основополагающих принципов некромантии и работы человеческого тела. А поверить, что он по чудесному совпадению обнаружил тебя ровно в минуты, отделявшие убийство от твоей окончательной смерти, довольно трудно. – Глядя на Еву, удерживающую на языке опровержения и возражения, Кейлус усмехнулся. – Думаешь, я не понимаю, на что ты рассчитываешь? Прикинуться покорной, дожидаться, пока Уэрти придёт за тобой: благородный принц, спасающий возлюбленную. И коварный злодей будет повержен, и сказка закончится тем, чем обязаны заканчиваться сказки. Но если ты и правда его полюбила, мне тебя жаль. Знаешь девиз Тибелей?

– *«Победа выше всего»*, – вспомнив уроки Эльена, отрапортовала Ева в тихом бешенстве.

– Точно. Девиз нашей проклятой семейки. Пусть Уэрт носит имя другого рода, наша порода передалась ему вместе с кровью. – Явно забавляясь при виде злости, проступающей на её лице, Кейлус коснулся губами края бокала. – Тибелей нельзя любить. Для нас всегда есть только цель. Всё остальное – то и те, через кого можно переступить на пути к ней.

– А вас, стало быть, любить можно и нужно.

– Что ты. Я не исключение. Хоть и стараюсь быть как можно менее... тибелистым. – В том, как Кейлус взглянул на неё, возвращая бокал на стол, читалось почти сочувствие. – Для него ты всегда будешь

на втором месте, кошечка. Средством достижения цели. Средством получения трона. Он никогда не полюбит тебя... Не так, как ты хочешь и, возможно, заслуживаешь.

Еве хотелось многое сказать ему. И про Миракла, и про Обмен, и про то, что он ни черта не знает о своём племяннике и что он последний, кто имеет право его судить. Но всё это было совершенно лишним и грозило весьма неприятными последствиями; поэтому она лишь молча смотрела, как Кейлус Тибель возвращается к ужину, стынущему на фарфоровой тарелке.

Подумать только, и этому человеку она когда-то в мыслях возносила благодарности за «Трактат о музыкальных чарах»...

– Вы правда думаете, что всё будет так просто? – осведомилась Ева с издёвкой, пока тот дожёвывал последний кусок. – Что стоит заполучить меня, как Айрес волшебным образом исчезнет с престола, чтобы вы могли с комфортом устроиться на вакантном месте?

Прежде чем потянуться к салфетке, Кейлус пожал плечами:

– У меня есть свои осведомители. В самых разных кругах. Включая окружение моего племянника... *другого* племянника. Не думаю, что Миракл откажется от плана по свержению дорогой тётушки. Не думаю, что ты не сделаешь то, что напророчила тебе Лоурэн. Не думаю, что Айри сможет вам противиться. Всю грязную работу сделают за меня. – Он прижал к губам тонкую ткань с инициалами, золотой нитью вышитыми по белизне. – Мне останется лишь позволить вещам идти своим чередом, после чего в нужный момент скромно выйти из тени, представившись твоим законным мужем. Даже если не коронуюсь сам, вашими стараниями Айрес падёт, а народ будет в сомнениях, так ли уж законно короновать Мирка... или Уэрта. С радостью посмотрю, как дорогие племянники вцепятся друг другу в глотку.

– В нашей стране в таких случаях говорят «собака на сене», – сказала Ева, в душе злорадно хохоча над милейшим лиэром и его осведомителями, которые остались не в курсе кое-каких немаловажных обстоятельств. – Или «ни себе, ни людям».

– В нашей стране предпочитают «ни некроманту, ни земле, ни богам», но общий смысл ты уловила верно.

– Хотите сказать, вы не желаете править? Готовы довольствоваться тем, что подложили свинью другим?

Глаза Кейлуса странно блеснули, прежде чем он, отложив салфетку, поднялся из-за стола.

– Моя спальня на одном этаже с твоей. Третья дверь слева от лестницы. Гостиная, где я обычно работаю, прямо под ней, этажом ниже. Если захочешь побеседовать или попытаться разбить мне голову, думаю, ты найдёшь меня там, – вежливо поведал он, помогая Еве отодвинуть стул. – Впрочем, как ты уже поняла, я не слишком люблю, когда меня беспокоят во время работы. Так что, если услышишь звуки музыки, радушный приём не гарантирую. – С учтивостью истинного джентльмена ей подали руку. – Юми за дверью, она отведёт тебя обратно в спальню.

подавив желание врезать ему по насмехающемуся лицу, Ева встала: сама, демонстративно проигнорировав предложенную ладонь. Тут же отвернувшись, двинулась к дверям из столовой.

Осенённая внезапной догадкой, задержалась у самого порога.

– Это ведь вы пустили в народ слух о пророчестве, верно? – произнесла она, сопоставив кое-какие простые факты.

Ускользящая улыбка Кейлуса послужила ей ответом.

– Буду счастлив побеседовать вновь, лиоретта, – сказал он, прощаясь элегантным сценическим поклоном. – Всегда рад вывести из себя умного человека.

* * *

– Не хочешь прочесть письма? – поинтересовался Миракл, прервав висевшее в гостиной тяжёлое молчание. – Вдруг попросят процитировать особо дорогие сердцу строки.

Герберт не ответил: сидя в соседнем кресле, он черкал что-то в книге для записей, недавно составлявшей Еве компанию во время прятков в туннеле.

– Как знаешь. – Отхлебнув из бокала рэйр, которым Эльен решил капельку подсластить горькие события, Миракл с наигранным весельем щёлкнул пальцами по пачке писем, лежавших на столе перед ними. – Только помни, что сочинить всё это за день не слишком-то легко. Жаль, если усилия пропадут втуне.

– Прочту. Потом. – Не сводя взгляда с формул, покрывавших бумагу ломаными строчками, Герберт закусил кончик пера. – Не знаю, кто окружал дом дядюшки защитой, но она сильнее, чем я ожидал.

– Настолько, что даже ты не сможешь её взломать?

– Думаю, смогу. Подняв тревогу. Но, откровенно говоря, мне уже всё равно. – Сосредоточенность, серостью обесцвечивавшая его взгляд, не сулила Кейлусу Тибелю ничего хорошего. – Когда я войду в этот дом, живых там в любом случае не останется.

– Мёртвая Молитва? Не думаю, что это хорошая...

– Он заплатит. И все, кто ему помогает, тоже.

Мирк вздохнул. Перевёл взгляд с брата на Эльена: дворецкий вошёл в комнату, неся новую бутылку взамен опустевшей.

– Эльен, хватит, – сказал Миракл, пока призрак молча наполнял его бокал. – Я не про питьё.

Тот ловко приподнял горлышко, оборвав янтарную струю без малейших признаков неряшливых капель, и перевёл на гостя недоумённый взгляд:

– Лиэр?..

– Хватит ходить с видом, будто ты снова наблюдаешь собственные похороны.

Эльен даже не пытался замаскировать скорбь – она светилась в его лице не хуже кристаллов, белыми бликами проглядывавших сквозь него.

– Это ведь моя вина, лиэр. Я должен был удержать её, я...

– Посмотрел бы я на того, кто попытается встать между нашей лиореттой и её целью. Вернее, на то, как быстро он перестанет там стоять.

– Успокойся, Эльен, – бросил Герберт сухо. – Твоей вины в этом нет.

– Господин...

– Поверь. Будь это не так, не уверен, что ты уже не был бы упокоен.

Судя по тому, как смиренно призрак склонил голову, довод подействовал.

– Есть другой вариант, – сказал Миракл, когда Эльен удалился сквозь дверь. – Дядюшка не знает, что мы заодно. Возможно, он впустит меня, и я...

– Он неохотно принимает гостей с тех самых пор, как стал единоличным владельцем дома, если ты помнишь. И не думаю, что он впустит кого-либо в свой особняк, когда есть шанс обнаружить там её.

Миракл беспомощно поболтал бокалом, признавая его правоту.

– Давай сперва отыграем завтрашнюю дуэль, Уэрт. Потом что-нибудь придумаем. – Улыбка юноши, не слишком старающаяся замаскироваться под искреннюю, вышла кривой. – Посмотри на это с положительной стороны: целых пару дней никто не будет мешать тебе заниматься делами. Снова одинокая холостяцкая жизнь, да здравствует свобода – да, ура.

– Она не мешала. – Герберт, вновь уткнувшийся в тетрадь, шутку не оценил. – У неё свои дела. Своя цель. Своя семья, свой мир... В том-то и проблема. – Взгляд его оторвался от чернильных строк, чтобы замереть на жарком узоре красного и чёрного, вытканном углями в гаснущем камине. – Даже если я верну её, даже если верну её к жизни... Рано или поздно я её потеряю.

– Успокойся. Пока никто не умеет открывать прорехи в другой мир с нашей стороны, никуда она от тебя не денется.

– Говорят, риджийские маги умеют.

– Мы не в Риджии. И ей об этом знать необязательно.

– Нет. Если она хочет вернуться домой... Если есть шанс, что это поможет ей вернуться... Я обязан ей сказать. И отправиться с ней в Риджию, чтобы узнать, правда ли это.

– Не знаю, утешит ли это тебя, но Риджия сама отправится к нам. Их делегация собирается в Керфи незадолго до Жнеца Милосердного. Думаю, смена власти их не остановит... Если всё сложится благополучно, конечно. – Перегнувшись через ручку кресла, Мирк похлопал брата по плечу так сочувственно, как мог. – Успокойся, Уэрт. Если она тебя любит, она тебя не оставит. Если не любит, значит, она того не стоит.

Взгляд, которым Миракла наградили в ответ, выразил всё, что его обладатель думает по поводу столь примитивной оценки ситуации.

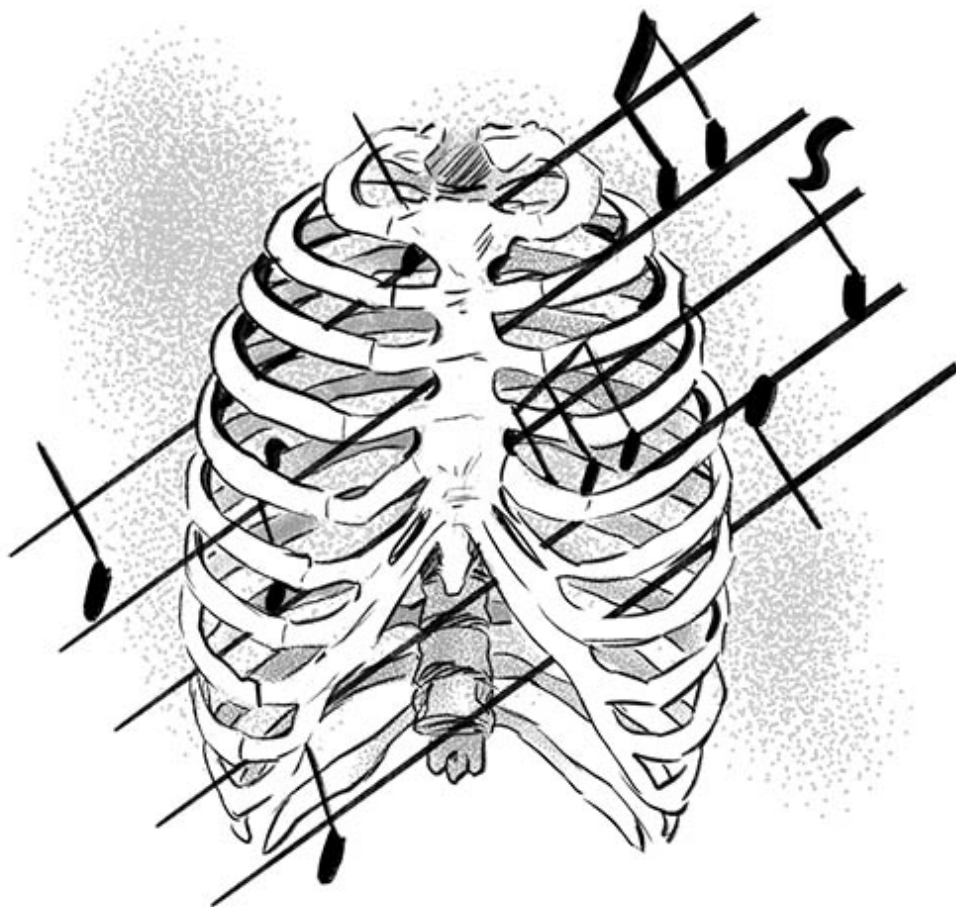
Впрочем, даже такой взгляд был лучше того, чем когда чьи-то живые глаза напоминают цветные стекляшки.

– Иногда ты всё-таки такой болван, – с усталой благодарностью проговорил Герберт некоторое время спустя, прежде чем отложить тетрадь и потянуться к письмам.

– Я расценю это как «спасибо».

Глава 7

Aria [\[10\]](#)

Ева выскользнула из спальни, когда стрелки часов на камине сошлись в верхней точке циферблата, ознаменовав начало нового дня.

Люче пряталась сзади, в руке, крепко прижатой к пуговицам на спине. Огненное мерцание рапиры плясало на стенах, и маскировка выходила так себе, но вернуть оружие обратно в ножны теперь, когда у Евы осталась лишь одна попытка обнажить клинок, было невозможно –

только воспользоваться им. В обители Кейлуса магические кристаллы не вспыхивали сами собой, оставляя ей неуверенно пробираться сквозь мрак, и Ева впервые заподозрила, что автоматически они загорались лишь в замке Рейолей, где Герберт похимичил с «настройками».

Странно, неужели её тюремщику силёнок не хватило даже на то, чтобы устроить дома нормальное освещение? Или для него это почему-то дело принципа – прибегать к магии как можно реже?..

В покоях Кейлуса, расположение коих ей любезно открыли за ужином, никого не оказалось. Ловушки, которой она ожидала, тоже – лишь просторная комната в изумрудных тонах с широкой кроватью, изобилующая бархатом и резными завитушками, что покрывали немногочисленную мебель. Особняк вообще обставили со вкусом: даже картины на стенах притягивали взор, бликуя краской в отблесках сияющего лезвия, пока Ева кралась по тёмным коридорам. Она шла мимо моря, тянущего чёрные волны к хрупкому белому паруснику; мимо скелета, приглашающего на танец прекрасную деву; мимо серокожей королевы с янтарными глазами, играющей на лютне в лунном свете, водопада в солнечных лучах, превративших его в радужную вуаль, и светловолосой девочки, бредущей в серебристом тумане по стеклянному лесу.

В других обстоятельствах, наверное, Ева задержалась бы у каждой. Было в них что-то, делавшее их больше, чем элементом декора, – историями в красках, мгновениями, пойманными на холсте, живыми эмоциями в резных рамах.

Сейчас ей было немного не до того.

Спускаясь по серой лестнице на второй этаж, Ева мантрой повторяла себе, что не должна колебаться. Если верить гному (а пока его слова не расходились с истиной), отобрать у неё Люче, даже если она провалится, никто не сможет. Если не провалится – спасёт и себя, и Герберта. И убийство того, кого она собиралась убить, – самозащита, не более; даже в суде такое оправдывают...

Ещё спускаясь, она услышала музыку.

Обрывки мелодий, какого-то начинающегося и постоянно прерывающегося наигрыша переливались в серой мгле, сопровождая Еву на пути к месту, где коротал эту ночь Кейлус Тибель. Сперва она решила, что в ожидании визита тот оставил гостиную открытой: когда она потянула дверь, отделявшую лестницу от коридора к жилым

комнатам, фортепианный наигрыш послышался так отчётливо, словно инструмент стоял прямо за порогом. Но когда девушка скользнула в образовавшуюся щель, то увидела лишь очертания худощавой фигуры, сидевшей на полу.

Тиммир Лейд слушал творимую музыку, прислонившись спиной к двустворчатым дверям. Тем самым, что нужны были Еве. Из одежды – рубашка, штаны да мягкие домашние туфли; одна нога согнута в колене, другая расслабленно лежит на ковровой дорожке. В замочной скважине рядом с его макушкой торчало что-то, похожее на ключ с круглой малахитовой рукояткой, слегка светившейся во тьме, и звуки музыки, как с удивлением поняла Ева, доносились именно из неё.

Заметив гостью, вражеский секретарь повернул голову. Щурясь – лицо его отчётливо подсвечивала рукоять ключа, – воззрился на Еву.

– Он злится, когда я подслушиваю, – как ни в чём не бывало пояснил юноша. Так просто и приветливо, точно они были старыми приятелями; негромко, но с силой, достаточной, чтобы заглушить фортепианные переборы и чужой голос, поверх них без слов мурлыкающий отрывки музыкальных фраз. – Не любит, когда слушают то, что ещё не закончено. К тому же после того, как ты поставила мне блок, я рискую свалиться с новым приступом, так что обычно Кейл заговаривает дверь. Пришлось прикупить в магической лавке вот эту штучку. – Он легонько щёлкнул пальцами по светящейся рукоятке «ключа». – Правда, сегодня он оставил дверь открытой. Думаю, ждал тебя.

Ева, совершенно сбитая с толку и этой встречей, и его дружелюбием, подошла ближе.

– Свалиться с приступом? – непонимающе переспросила она, крепче стиснув кожаную рукоять за спиной.

– Так ты не знала? Хотя, если б знала, всё могло сложиться совсем иначе. – Юноша издал негромкий смешок. – Твой блок несовершенен. Вызывает приступы, обмороки... Особенно если пытаешься вспомнить то, что заблокировано. Один приступ случился, когда я слушал, как Кейл сочиняет. Так мы и узнали о тебе. – Он приветливо улыбнулся. – Не знаю, известно ли это тебе, но я Тим. Тиммир Лейд, секретарь Кейлуса.

– Известно. – Ева смотрела на него сверху вниз, сжигаемая досадой за все промахи, которые допустила и которые привели её

сюда. – Всё-таки надо было дать Герберту тебя прикончить.

Тим лишь плечами пожал. Мол, может, и надо было, не спорю.

– Что там у тебя? – он заинтересованно кивнул на марево за Евиной спиной. – Тот самый огненный меч?

Вместо ответа она выбросила руку вперёд, устремив сияющее лезвие ему в лицо. И не знала, что служит тому причиной – то, что в действительности жизни Тиммира Лейда ничего не угрожало, то, что Кейлусу было на него плевать, или то, что Люче в самом деле оказалась сильнее чар на браслете, – но на сей раз она не застыла куклой.

– Впечатляет, – признал юноша. Судя по лицу, золотое острие, замершее в десятке сантиметров от его глаз, действительно скорее впечатлило его, чем испугало. – Не поделишься, где такой взять? Тоже хочу.

– Если ты не боишься, зря. Не уверена, что этот ваш замечательный противомagicеский браслет тебя спасёт, если я соберусь тебя прикончить.

– У тебя доброе сердце. Ты пощадила меня один раз, не убьёшь и в другой.

Правдивость этого ответа почти заставила Еву скрипнуть зубами.

А ведь как просто сейчас было бы взять его в заложники... И тогда она будет ничем не лучше того, кого хочет убить. Не говоря уже о том, что Тиммир Лейд не пробуждал в её душе столько тьмы, чтобы у Евы хватило духу пронзить его сердце.

Грозить тем, чего ты никогда не сделаешь, в той же степени опасно, в какой глупо.

– Нет. Тебя не убью. – Пальцы сжали рукоять рапиры так крепко, что Ева почти слышала, как проминается под ними мягкая кожа. – Если не встанешь у меня на пути.

– Встану, если захочешь убить его. – Чуть повернув голову, Тим кивнул на двери. – Потому я и здесь. Подозревал, что ты попробуешь.

Какое-то время они молчали – сидящий юноша и девушка, грозящая ему заговоренной сталью. Вместе слушая, как волшебный ключ оглашает тёмный коридор отзвуками музыки, созидаемой за дубовыми дверьми.

– Почему ты ему служишь? – устало вымолвила Ева потом. – Ты не похож на мерзавца. И то, что ты говорил под гипнозом... – Кончик

рапиры чуть опустил, так, чтобы не загораживать лицо собеседника. – Ты ведь не можешь не понимать, что он творит зло.

– Понимаю, – просто ответил Тим. – Он и сам это понимает. Но я понимаю и то, что им движет. – В голосе прорезалась печаль, словно дублируя аккорды, разливающиеся в воздухе. – В нём больше добра, чем он думает сам, и я обязан ему слишком многим, чтобы его оставить. Не говоря уже о других причинах, куда более личных. – Мажор, вдруг проглянувший за минором, лишь подчеркнул боль и горечь, звучавшие до того. – Знаешь, как я стал его секретарём?

– Не особо интересовалась, – сказала Ева, машинально вслушиваясь в то, что наигрывали за дверьми. – И, если честно, не особо интересуюсь.

За исключением отдельных оборотов, услышанное казалось скорее какофонией, нежели музыкой. Странные, неправильные гармонии аккомпанемента. Пустышки параллельных квинт, вдруг зазвучавших в среднем регистре. Напряжённая резкость тритонов и малых секунд, невнятный наигрыш, запевший в верхних октавах, партия голоса, вклинившаяся ниже будто бы невпопад...

Конечно, рано судить по урывкам отдельных тактов, не слыша целого, но Ева начинала подозревать, почему сочинения Кейлуса Тибеля не находили понимания у слушателей.

– Моя матушка служила горничной в доме королевского Советника по военным делам. Мне было пятнадцать, когда её заподозрили в краже, которой она не совершала. Её избили кнутом до полусмерти и вышвырнули вон, и имели на то полное право. Спасибо ныне действующим законам, – голос Тима был таким спокойным, что Ева поняла: все переживания по этому поводу у него отболели давным-давно. – Я тогда ещё не работал. Заканчивал школу. Сбережений у нас не было никаких. А матушка умирала, и чтобы достать деньги на её лечение, я пошёл воровать. Залезал в дома, «щипал» прохожих на улицах... Неплохо поднаторел в этом деле, пока она шла на поправку. Ей говорил, что работаю по вечерам. Не врал, в принципе... В конце концов она выкарабкалась, но увечья, которые она получила в той экзекуции, были слишком серьёзные, чтобы она могла жить без лекарств. Не говоря уже о том, чтобы работать. Не говоря уже о том, что после той истории её не взяли бы ни в один приличный дом, а участи поломойки в каком-нибудь грязном притоне я ей не желал. Так

что я продолжал свою «подработку», пока однажды не решил пощипать знатных господ перед оперой, а Кейлус не поймал меня за руку, когда я вытащил у него из кармана кошелёк. – Он фыркнул, словно находя в этом что-то чрезвычайно весёлое. – Так и познакомились.

– Хочешь сказать, он дал работу карманному воришке? – уточнила Ева, лишь теперь понимая, почему мальчик-секретарь так бойко лазал по стенам замка Рейолей.

– Сперва, естественно, хотел сдать страже. Но я когда представил, что отправлюсь на каторгу, а матушка одна останется... В ногах у Кейла валялся, чуть ли не сапоги лизал, умоляя простить. И в итоге выложил, почему мне на каторгу никак нельзя. Он мне велел его к себе домой отвести: возжелал на мою «больную матушку» посмотреть. Не верил сперва, понятно. – В речи, до того неотличимой от речи самого Кейлуса, всё больше проскальзывали простые интонации мальчишки из низших сословий. Видно, воспоминания о тех временах всё же были слишком живыми. – Другой бы и слушать не стал, а он отправился в наши труппы. Развлечения ради, думаю. Но как убедился, что я не вру, попросил рассказать, как мы дошли до жизни такой. Потом расспросил, что я умею... И вместо поездки к страже предложил хорошего целителя для матушки и работу для меня.

– А в дополнение к работе, надо полагать, некоторые особые услуги, – брезгливо добавила Ева. – Никак не связанные с кражами.

В ответ на неё взглянули с такой сдержанной холодностью, что выражением лица Тима на миг напомнило ей Герберта.

– Он не брал ничего, на что я не соглашался бы сам. Наверное, если бы потребовал силой, ради матушки я бы переступил через гордость. Но не уверен. – Глаза, смотревшие на неё снизу вверх, сделались суровыми. – Он спас меня. Как почти всех в этом доме. Взамен не требуя ничего, кроме преданности.

– Что значит «всех в этом доме»?

– Почти, – повторил Тим. – Юмилия... та горничная, что прислуживает тебе... её родители умерли в рудниках. Владели отличной сетью лекарственных лавок, но слишком громко выражали недовольство методами её величества. Юми отпустили, да только всё имущество семьи конфисковали, а от дочери «неугодных» все шарахались, как от заразной. Потом Юми замолвила словечко за нашу экономку – та работала на её родителей, бежала из дому, когда за ней

пришли из Охраны... Повар отсидел пару месяцев в подвалах Кмитсверской тюрьмы – служил одному генералу из аристократов, там и сгинувшему, а всех слуг арестовали вместе с хозяином... Ещё с нами живёт пара ренегатов из Охраны. Не выдержали прелестей своей работы, а уволиться оттуда по причине того, что не хочешь пытаться людей, – только ногами вперёд. Теперь они охраняют Кейла – не на публике, естественно. Но спасибо им и за твой браслет, и за защиту нашего дома. – Юноша следил за её лицом – внешне расслабленно, однако взгляд оставался цепким. – Почти за каждым – история, в результате которой он стал вне закона. Или пострадал от него. Кто-то, как Юми, при других обстоятельствах жил бы лучшей жизнью, чем жизнь горничной, а кто-то – много худшей. И это в любом случае слаще тюремных застенков, смерти на рудниках или прозябания в трущобах.

Благородный лиэр Кейлус Тибель, защитник униженных и оскорблённых? Смешно.

– Ты лжёшь. Просто хочешь, чтобы я прониклась твоим прекрасным господином. Чтобы играла на вашей стороне.

Тим улыбнулся с таким снисхождением, будто к нему подошла пятилетняя сестрёнка и попросила выгнать чудище из-под кровати. Хотя, возможно, в этом мире чудища под кроватями были куда более реальными, чем Ева привыкла.

– Я понимаю, как тебе хочется верить, что он порождение зла. И всё же, надеюсь, вскоре ты откроешь глаза достаточно широко, чтобы увидеть – это не так.

– И зачем это ему? – скептицизмом в Евином голосе можно было бы крошить лёд.

– Он говорит, это его хобби. Коллекционировать в своём доме тех, кто, так или иначе, пострадал от его сестрицы. Мол, ценит хороших слуг, и сентиментальность тут ни при чём, а в конечном счёте, все они для него ничего не значат... Кроме меня. – То, как Тим качнул головой, ясно выразило вежливое сомнение в данном постулате. Вовсе не на свой счёт. – В одном он прав: из нас действительно вышли хорошие слуги. Мы все обязаны ему жизнью или большим, чем жизнь. Этим он купил нашу верность надёжнее, чем её могли бы купить любые деньги... или страх. Жаль только, он спас единицы, ведь я знаю, сколько ещё остаётся неспасённых. Сколько громко проклинают имя Айрес в трущобах или тихо – в особняках. Сколько лишились родных и

друзей и бездействуют лишь потому, что боятся подставить оставшихся... – Он прислушался к тишине, воцарившейся в коридоре, отражавшей молчание инструмента в гостиной. – Похоже, закончил.

– Я тебе не ве...

– Помолчи пару минут, хорошо? В конце он обычно играет то, что получилось. – В словах снова прорезалась усталость: так взрослый просит ребёнка не рисовать фломастером на бумагах с работой, на которую он потратил последний месяц. – Потом можем продолжить, но сейчас я хочу послушать... Думаю, тебе это тоже должно быть интересно. Если, конечно, ты действительно музыкант.

Уняв язвительность, Ева устремила взгляд на светящийся ключ, желчно выжидая, когда оттуда снова польётся то, что Кейлус Тибель считал музыкой.

Вначале в хрупком, трогательном фа-диез миноре зазвучало вступление: кружево высоких триольных переборов, сплетённое светом, одиночеством и трепетной болью живого сердца. Их переливы спустились вниз обречённым вздохом, воспарили обратно к верхним регистрам робкой надеждой на счастье и, истаяв на вопросительной паузе, зазвучали вновь уже в басах, чтобы над ними – ритмом рваным и болезненным, как чьё-то сбивчивое дыхание – Кейлус запел мелодию своего нового ромansa.

*Ты знаешь два пути – я знаю третий,
Путь, озарённый пламенем пожаров,
По волоску над бездной – в полусвете
Звезды во мгле и лезвия кинжала...*

Ева застыла, не видя того, на что смотрит, не веря тому, что слышит. Забыв, где она, забыв, кто играет и поёт за закрытыми дверьми, забывая саму себя.

Она не знала, насколько точен перевод, обеспеченный чарами. Не знала, что благодарить за этот перевод, сохранивший красоту рифмы и ритма, – магию или собственное сознание. Но то, что она слышала, завораживало, и всё, что так странно воспринималось разобранном на части, соединилось чарующе органичным целым. Резкость созвучий, прихотливость интонаций, причудливость гармонизации и модуляций – то, что прежде казалось неправильным, теперь слышалось единственно

верным. В музыке, сплетённой с пением нерушимой ажурной вязью, далёкое мешалось с близким, понятное – с непостижимым, зов – с предупреждением, насмешка – с мольбой, страсть – с печальной отстранённостью прощания; и этот голос, голос ангела за миг до падения...

Так мог бы петь Люцифер, в последний раз оглядывая рай перед изгнанием.

*Мой путь отмечен выжженной травой,
Но я смеюсь – кому по нраву стоны?
Ты не найдёшь меня среди героев.
И среди павших. И среди влюблённых.
Я странник Между. Эхо. Сон и пламя.
Танцор на грани вымысла и были.
Но я коснусь – горячими губами,
А не бесстрастным ветерком от крыльев.*

Мелодия набирала силу, обрастала шлейфом голосов, вбирала в себя новые тембры. Одинокое фортепиано звучало так, словно за дверьми под властью дирижёра пел целый оркестр: в нём слышалось яростное пламя, рушащее судьбы, чёрный металл отчаяния и чистое золото невинных мечтаний, звон осколков кровавого стекла, на которых кто-то с улыбкой кружится в танце, и залиvistый смех над собственной болью. Оно рассказывало о любви и потерях, о счастье, которого можно коснуться рукой, и вечности, ждущей в конце пути; о непролитых слезах и словах, что не прозвучали, обо всём, что когда-либо было тебе желанно, и утраченном, что хотелось бы, но невозможно вернуть.

*Ты не успеешь удержать виденье,
И песню тени – не живым подслушать.
Я появлюсь, как призрак, на мгновенье
И ускользну, забрав на память душу.
Лиловым ветром в волосы подую,
Погладит щёку шёлк туманной пряди...
В стилетной вспышке стали – околдую.
В кровавом вихре танца – жар объятий.*

В проигрыше Ева дёрнула ручку, приоткрыв дверь на щёлочку. Кейлус сидел на широкой банкетке за расписным золочёным инструментом. Руки ласкают клавиши, на лице с полуприкрытыми глазами – ни тени улыбки-издевки, что обычно искажала его трещиной по витражу.

Ева смотрела, как его губы золотым бархатом льют голос, хрипотца которого уступила место кристальной чистоте. И больше всего на свете желала поверить, что это морок, колдовство, попытка задурить ей голову, что в действительности поёт волшебный ключ в замочной скважине...

Что угодно. Кто угодно.

Не человек, которого ей нужно убить.

*Однажды танец оборвётся в бездну,
И некому поймать. И нечем клясться.
И мне не надо белизны помпезной —
Её так просто сделать серо-грязной...
Ты не подарешь мне любви мгновенье,
А я не врежусь сталью в твоё сердце.
Я знаю путь сквозь пламя и сквозь время,
Короткий – вечный – контрданс со смертью^[11].*

Песня взлетела к кульминации – и в трагедии, обрывающей голос, как неизбежно обрывается земной путь, свет восторжествовал над тьмой, красота над мраком, вечность над забвением. Прощаясь, ветром в крыльях одинокой птицы пели фортепианные пассажи, хрустальными цветами распускались в мелодии трели, победными колоколами разливались в аккомпанементе аккорды; и музыка окутала собою всё, забила в сердце вместо пульса, заполнила душу, забирая оттуда всё до капли, чтобы взамен оставить то, что прежде ты едва ли чувствовал и осознавал...

За миг до того, как стихли финальные ноты, Тим мягко, но непреклонно притворил двери. Только тогда Ева осознала: всё время, пока она всматривалась в мужчину за инструментом, его секретарь напряжённо следил за ней.

Когда в коридоре воцарилась тишина, в которой лишь болела вывернутая музыкой душа да потихоньку исчезал ком в горле, оба

долго молчали.

– Это... это правда написал он?

Вопрос прозвучал так тонко, словно привычный голос Евы ушёл в эфемерное заграние вслед за голосом, певшим только что. И пока отказывался возвращаться.

Она думала, что музыка Кейлуса Тибеля слишком бездарна, чтобы стать популярной... Но всё оказалось проще – и печальнее. Эту дерзкую, необычную, опередившую время красоту мог понять лишь тот, кто жил в двадцать первом веке; тот, кто рос, когда уже родились и прославились Шостакович, Свиридов и Шнитке, металлисты и рокеры.

И совсем немногие из тех, кто обитал в местном аналоге века девятнадцатого – в лучшем случае.

– Естественно. Стихи тоже. – Быстрым гибким движением поднявшись с пола, Тим аккуратно, абсолютно неслышно достал из двери светящийся ключ. Сунув его в карман, отступил на шаг – так, чтобы не помешать выходу из комнаты, но остаться преградой между дверью и Евой. – Ещё одна причина, по которой я всегда буду на его стороне.

Она посмотрела на свою опущенную руку, в пальцах по-прежнему сжимавшую Люче. Потом – снова – на дверь.

Кейлус вышел из гостиной парой мгновений позже, озарив коридор полоской света из комнаты и стынущей в лице счастливой опустошённостью того, кто только что отдал всего себя чему-то бесконечно любимому.

При виде Евы последнее тут же ушло, за секунду уступив место ядовитой насмешливости, которую она уже привыкла наблюдать.

– Какая встреча, – изрёк Кейлус. – А я как раз закончил...

В миг, когда взгляд тёмных глаз скользнул по Евиной руке к рапире, золотое лезвие метнулось к его горлу – мимо русских кудрей Тима, стоявшего всего на полшага левее, чем было необходимо для живого щита. Остановилось, почти коснувшись кончиком цели.

Со смесью ужаса и торжества Ева поняла, что остановилось оно по её собственной воле.

– Вижу, беседе ты всё же предпочла вариант, в котором разбиваешь мне голову, – без тени испуга констатировал Кейлус, когда волшебный клинок пощекотал ему кожу под подбородком. – Тим, в сторону.

– Кейл...

– В сторону. С этим я разберусь сам.

Поколебавшись, юноша отступил; в глазах его полыхала приглушённая ярость. На периферии зрения Ева заметила в тёмной глубине коридора две тени. Те самые типы из Охраны?..

Заклятие, просыпавшееся на неё снопом фиолетовых искр секундой спустя, рапира разбила одним лёгким круговым движением. Впитав искры в лезвие, на миг полыхнувшее ярче, тут же вернулась обратно, к горлу потенциальной жертвы – Ева и глазом моргнуть не успела. Надо же, оружие гномов и такое умеет... Хотя если у Миракла есть заговорённый и отражающий магию плащ...

– Значит, вот каков твой обещанный Лоурэн клинок. – Кейлус Тибель знаком остановил своих людей, готовых устранить угрозу. – Спокойно. Она не опасна.

– Ошибаетесь, – процедила Ева, глядя на него глаза в глаза.

– Ты не убила Тима. Дважды. И только что не убила меня, хотя тебе представилась возможность. Значит, не сможешь убить вовсе.

– Да ну?

Мимолётная мысль, передавшаяся рапире, потянула руку за подавшимся вперёд лезвием.

По шее Кейлуса алой нитью скатилась кровавая капля – но тот даже улыбаться не перестал.

– Буффонада, кошечка. Я знаю, как работают волшебные мечи, и знаю, как работает твой браслет. Если б ты *правда* хотела меня убить, то либо я уже был бы мёртв, либо – что скорее – ты бы уже застыла статуей.

На вытянутой руке устремив рапиру туда, где под тонкой белой кожей бился пульс, Ева до неощущаемой боли стиснула зубы.

Кейлус Тибель заслуживает смерти. Заслуживает. Он пытался убить Герберта. Он убил мальчишку из книжной лавки. Он похитил её. А всё, что она видела и слышала, наверняка было подстроено. Срежиссировано. Сыграно, как пьеса в театре.

И музыку, вывернувшую её душу наизнанку, написал вовсе не он.

– Браслет зачаровывали не вы. Значит, с вашей смертью чары не разрушатся. Просто убив вас, я не слишком много выиграю.

...но даже если тот романс написал не он, он сыграл его так, что Еве хотелось плакать; так, что она снова ощутила себя той семилетней девочкой, которая слушала Рахманинова в Большом Зале

Консерватории, влюбляясь в музыку впервые и на всю жизнь. И спел, как, должно быть, пел Призрак Оперы.

Как выяснилось, в конечном счёте, все представители королевской семьи были гениями. Каждый – в своём.

– Отпустите меня, – сказала Ева, уперев рапиру ему в кадык, едва заметный на гладкой шее. – Немедленно.

– Не то что?

– Не то я убью вас. А потом, если смогу, всех присутствующих. Ваша смерть мне, может, не слишком много даст, зато вы с ней очень много потеряете.

– Не сможешь, – повторил Кейлус.

– Хотите проверить?

– Изволь.

Пару бесконечно долгих секунд Ева смотрела, как плещется насмешка в его глазах.

Вот сейчас. Пожелать убить его – и Люче исполнит желаемое. Наверняка исполнит. Обезглавит врагов. Обезопасит Герберта. Сделает всё гораздо проще. Даже если в конце концов Ева проиграет типам из Охраны, второй раз ей всё равно не умереть.

...и убьёт не только врага, но и всю красоту, что рождалась под его пальцами и на его губах. Изрежет неизвестное полотно Да Винчи. Сожжёт непридуманную пьесу Шекспира. Изорвёт в клочки ненаписанную сонату Бетховена. Сделает то же, что сделала Айрес, уничтожив музыку в сердце Гертруды – если не хуже.

Не может тот, кто заслуживает смерти, нести в себе столько света и огня, сколько звучало в его голосе и в его игре.

...один короткий укол...

В миг, когда Евины пальцы окутала зеленоватая дымка, рапира скользнула вперёд коротким косым движением. Вперёд и вниз.

Куда ниже, чем было нужно. Или выше. Как посмотреть.

Девичью руку обвил невидимый хлыст, рывком оттягивая ладонь в сторону, выдёргивая лезвие из раны. Когда Ева без сил повисла на незримой петле, магией захлестнувшей кисть, Кейлус Тибель недоумённо дотронулся до своего плеча, пронзённого зачарованной сталью – так, словно его коснулся нежданный поцелуй. Отняв руку от рубашки, на которой по бордовому шёлку расползлось тёмное пятно, взглянул на пальцы, окрасившиеся алым.

Посмотрел на Еву – и на злые слёзы, катившиеся по её щекам.
Не ударила. Не в шею. Не в сердце. Не убила. Не смогла.
Нелепо, неразумно, не...

– Ненавижу, – выпустив рапиру из руки, выплюнула Ева, прежде чем танцующие искры чужого заклятия погрузили её во тьму. Не зная, кого ненавидит больше – его или себя.

Тим позволил себе выдохнуть, лишь когда Кейлус подхватил падающую девушку, прежде чем та успела рухнуть на пол, и, скривившись, тут же передал пленницу на руки секретарю, чтобы схватиться за раненое плечо.

– Простите, – виновато вымолвил один из охранников, подступив ближе. – Мы пытались её обезоружить...

– Её пальцы должно было парализовать до атаки. Которую браслет в принципе не мог допустить, – добавил другой. – Не понимаю, почему чары дали осечку.

– Волшебный меч, чтоб его. Видно, защищает владелицу от любых возможностей его потерять. – Кейлус опустил взгляд на ладонь, прижатую к ране. – К тому же девчонка всё равно что мертва, и многие заклятия на ней просто не могут сработать так, как должно.

– Наша ошибка.

– Нет. Моя. Я её недооценил... Или, если подумать, оценил совершенно верно. – Хозяин дома поморщился. – Тим, в спальню её.

– Рану подлечим, – сказал охранник, когда его товарищ склонился над оброненной рапирой, а Тим безмолвно удалился, – а с рапирой что делать? Магическое оружие не даётся в руки посторонним.

– Оставьте, где лежит. Лиоретта со своей игрушкой сама разберётся, как очнётся.

Оба охранника – тот, что разглядывал невинно золотившееся лезвие, где не было ни следа крови, и тот, что стоял рядом – изумлённо воззрились на Кейлуса, глядевшего вслед своему секретарю.

– Вы что, позволите девчонке снова взять её в руки?

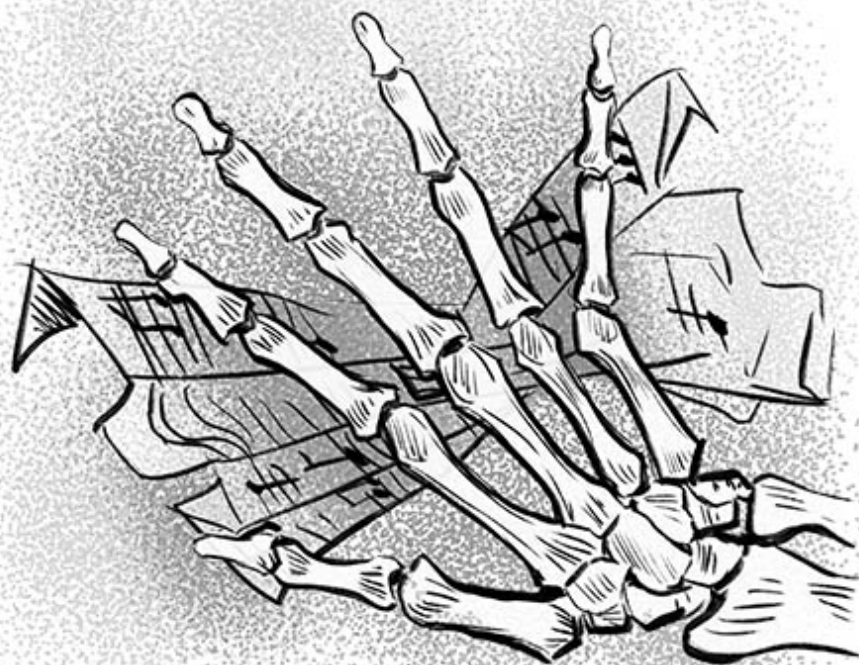
– После такого?

– Девчонка только что доказала, что не опасна. Не смертельно. И, надеюсь, сама это уяснила. – Кейлус обратил на рапиру взгляд, сделавшийся ещё более задумчивым. Отвернулся, хмыкнув в такт своим мыслям. – В конце концов, ей предстоит этой шпилькой

воплощать пророчество... Каким бы образом оно в итоге ни воплотилось.

Глава 8

Cantabile^[12]

Ровно в три Герберт и Миракл стояли на перекрёстке у въезда в окружавший столицу лес.

По иронии судьбы место дуэли располагалось не столь далеко от загородного имения Тибелей, унаследованного Кейлусом. По традиции секундантом назначили человека, хорошо знающего и хорошо относящегося к обоим; таковым стал Кроу Соммит, теперь с

несчастливым видом державший в руках две шпаги. Ещё парочка свидетелей – из числа главных придворных сплетников – стояла поодаль, жадно внимая бесплатному представлению.

– Не желаете примириться? – безнадежно осведомился Кроу, который по щиколотку утопал в снегу, подметая плащом белый наст на придорожных сугробах.

– Нет, – хором ответили оба Тибеля, застыв друг против друга с холодной злобой на лицах.

Кроу сдул с губ смоляные волосы. Посмотрел на стену леса впереди так, будто надеялся, что оттуда выйдет кто-нибудь, кто прервёт это безобразие.

Конечно, братья посвятили его в фиктивность дуэли. И всё равно Кроу эта затея совершенно не нравилась – что в конце концов лишь помогало ему убедительно отыгрывать роль.

– Поскольку выбор оружия всегда за вызываемой стороной, – молвил он, не дождавшись появления мифического пришельца, который завершит дуэль до её начала, – схватка пройдёт на шпагах. – Кроу покосился на наследника трона. – Уэрт, ты уверен, что хочешь драться с чемпионом арены? Если я помню, ты не слишком... м... твои силы немножко в другом.

– Отец учил меня владеть не только Даром, – отчеканил тот. – И брат некогда тоже.

– В чём теперь невероятно раскаивается, – бросил Миракл презрительно.

– Мелочен даже в этом.

Кроу прервал перебранку раздачей оружия, взамен приняв от братьев плащи, и встал подле свидетелей.

– Разойдитесь на позиции. Начинаем на счёт «три». – Он вскинул ладонь на уровень глаз, пока братья отступали друг от друга ровно на пять шагов. – Раз, два...

Когда рука в чёрной перчатке опустилась, лезвия шпаг серебром вспороли морозный воздух.

Первые удары брата Герберт и правда отразил умело, хотя в атаке ему не подыгрывали. Но успел отразить только их, прежде чем из снежного вихря соткалась фигура, появление которой пришлось одновременно кстати и некстати.

При виде её Кроу поспешил склониться в поклоне – впрочем, не таком низком, какими вышли раболепные поклоны других свидетелей, чьи лица вытянул суеверный ужас:

– Ваше Величество...

Пройдя мимо, точно вместо людей на снегу молчала пустота, Айрес – поверх платья она набросила лишь мехом подбитый плащ – направилась к дуэлянтам, замершим со скрещёнными мечами.

– Помимо того что дуэли запрещены законом, я не желаю, чтобы один представитель моей семьи проливал кровь другого. – В глазах королевы сияли отблески отражённого снега. – Мне нет дела, что послужило причиной вашего спора, но вы разрешите его каким угодно способом, кроме этого. Уэрт, ко мне.

Поколебавшись, некромант опустил шпагу. Ни капли не пристыженный, прошёл мимо брата к Кроу, чтобы отдать оружие и забрать свой плащ; следом – к Айрес, наблюдавшей за ним с цепкостью тюремного надсмотрщика.

– Эта дуэль не состоялась. Этой дуэли никогда не было. Лишь поэтому все присутствующие уйдут отсюда безнаказанными. – Пальцами без перчаток ухватив Герберта чуть выше локтя, другой рукой королева обняла его за талию. – Надеюсь, присутствующие учтут это, прежде чем обмолвиться где-либо хоть словом о том, что здесь произошло.

Оба исчезли в миниатюрной вьюге, рождённой взметнувшимся с земли снегом, вместо шести фигур оставив на заснеженном перекрёстке четыре; их проводил напряжённый взгляд Миракла и опасливый – остальных.

– Я разобрался бы с ним, – сказал Герберт, когда они материализовались в кабинете Айрес, где на полу подпалиной чернел рунный семиугольник.

– Письма, которые ты обещал отдать мне. – Королева, крепко державшая его во время переноса, отстранилась; казалось, слова племянника она не услышала. – Они у тебя с собой?

Запустив руку под плащ, Герберт с готовностью достал из внутреннего кармана пачку сложенных вдвое бумажных листков, перевязанных зелёной лентой:

– Собирался занести тебе после...

– Отлично. – Айрес взяла письма у него из рук. – В таком случае ты остаёшься здесь.

Взгляд Герберта подкрасило непонимание:

– Внеочередной урок?

– Нет. Поживёшь под моим кровом некоторое время. – Королева улыбнулась, словно извиняясь, но в глазах её извинения не было. – За последние дни ты натворил слишком много того, что совсем на тебя непохоже. Пока не протрезвеешь от любовной горячки, я вынуждена переселить тебя в место, где смогу лучше за тобой приглядывать.

– Это невозможно.

– Это возможно, Уэрт, и это не обсуждается. Или у тебя есть причины, по которым ты не можешь покинуть дом? Подозрительные дела, тайные встречи, что неудобно проводить под моим присмотром?

Под взглядом, напугавшим бы абсолютное большинство жителей Керфи, Герберт не вздрогнул. И не опустил глаз. И голос его, когда он ответил – после крохотной, почти незаметной задержки, – остался спокоен:

– Никаких дел. Но тебе прекрасно известно, как я ценю одиночество.

– Оно плохо на тебя влияет. Прости, но я вынуждена это сделать... Чтобы ты не вздумал сбежать тайком. – Прижав письма к груди, Айрес непреклонно склонила голову. – Силой клятвы твоей повелеваю тебе оставаться во дворце, пока я не разрешу тебе его покинуть.

Герберт не шелохнулся. Лишь смотрел на неё странно оцепенелым взглядом, неотрывно всматриваясь в губы, воззавшие к силам наложенных на него вассальных чар.

– Я сниму ограничение, когда сочту нужным, – добавила Айрес, не дождавшись реакции. – Надеюсь, это поможет тебе больше не встречать в неприятности.

– Это было не обязательно, – наконец шевельнувшись, заметил Герберт с завидным отсутствием эмоций.

– Прости, но это мне решать. – Айрес коснулась его плеча: это выглядело почти утешением. – В пределах дворца можешь заниматься чем угодно. Чувствуй себя как дома.

Когда она вышла, оставив племянника одного, Герберт подошёл к окну. Выдохнул судорожными толчками, опершись руками на подоконник.

Окинул взглядом заснеженную столицу, точно надеясь отсюда разглядеть дом, где ждала его Ева.

Нет, подобный поворот событий не сделал его беспомощным. Быть беспомощным Гербеуэрт тир Рейоль ненавидел больше всего на свете; а после того, как Айрес однажды заставила его ощутить на своей шкуре, что такое быть безвольным рабом, он поклялся, что не пройдёт через это снова. И принял меры – о которых, естественно, не подозревала его заботливая тётя.

Но только что всё стало самую капельку сложнее.

* * *

Когда Ева вернулась из черноты, Кейлус стоял у её постели, легонько касаясь пальцами её лба.

– С пробуждением, – изрёк он, выпрямившись. – Надеюсь, сон помог тебе навести порядок в мыслях.

Ева ещё успела увидеть, как гаснет, впитываясь в его ладонь, синеватый колдовской свет. Видимо, пробудить её от магического сна могло лишь заклинание.

Хорошо хоть, не поцелуй.

Лёжа в кровати – одетой, поверх одеяла, – она оглядела спальню, что любезно ей предоставили. Не обнаружив Люче в зоне видимости, усталилась на своего тюремщика.

– Твоя игрушка лежит там же, где ты её бросила, – сказал Кейлус утомлённо, без труда разгадав её мысли. – Волшебные мечи не любят чужих рук.

– И вы не попытаетесь её отобрать?

– Я знаю, что это невозможно. К тому же ты наглядно продемонстрировала, что убить тебе не под силу. Видно, рассчитывать на смерть Айрес от твоих рук не приходится, но если она останется жить, это будет даже остроумнее. – Кейлус равнодушно отвернулся. – Теперь позволь откланяться: мне нужно работать.

Сев, Ева смотрела, как он уходит. Постепенно, одно за другим, словно нанизывая бусины на нитку, вспоминала события, предварявшие пробуждение. Кровь на мужской рубашке. Тиммира Лейда, сидящего в

коридоре. Двоих из Охраны, волшебный ключ в двери гостиной, музыку...

...музыку...

Она колебалась всего секунду. И успела нагнать Кейлуса прежде, чем тот дошёл до лестницы.

– Зачем это вам? – когда тот обернулся на её шаги, спросила Ева почти мучительно.

– Что именно?

– «Мне нужно падение Айрес». Так вы сказали. Зачем? Зачем вы желаете зла своей сестре? Что она сделала вам? Зачем вам нужен трон? Зачем вам смерть Уэрта?

Тот на лихорадочную россыпь вопросов лишь усмехнулся как-то лениво.

– К чему расспросы? – спросил он в ответ, отворачиваясь, чтобы шагнуть на первую ступеньку лестницы, плавно изгибающейся вниз.

Хотела бы и я знать, подумала Ева, спускаясь следом, слушая дробное эхо их шагов. *Хотя нет. Я знаю.*

Только знаю и то, что всё может оказаться куда проще и страшнее, чем я надеюсь.

– В моём мире говорят, что гений и злодейство – вещи несовместные. Я не верю, что тот, кем я вас считаю, способен создавать то, что создаёте вы.

Ей не хотелось верить, что такой дар дан тому, кто его недостоин. Что красоту, полную света, творит тот, чья уродливая душа таит в себе только тьму. Если на одну безумную секунду предположить, что всё, сказанное Тимом, правда...

...что всё, сделанное Кейлусом Тибелем для других, не просто развлечение скучающего аристократа...

Когда Кейлус оглянулся через плечо, его кривая улыбка бритвой резанула по надежде, невольно пробившейся в её голосе.

– Бедный ребёнок. Сколько тебе ещё предстоит болезненных открытий... если, конечно, ты просуществуешь достаточно долго, чтобы их совершить. – Кейлус вновь отвернулся, не замедлив шага; лишь положил ладонь на перила, скользя по мрамору точёными пальцами в снежных кружевах манжета. – Позволь угадать: ты у нас веришь, что благие дела обязательно вознаграждаются, а злые люди рано или поздно будут покараны? Смотришь в сточную канаву и

видишь там отражённые облака? Любишь мир, считаешь его прекрасным и удивительным?

– Жестоким тоже, – тихо сказала Ева, пока усталый яд его голоса разъедал душу. Как никогда отчётливо сознавая, насколько старше тот, за кем она следует, и что смешные детские речи, которые она обращала к Герберту, на сей раз прибоем разобьются о стену цинизма. – Но в нём много прекрасного. И удивительного, пусть это удивление не всегда приятное.

Он лишь рассмеялся негромко. И, к счастью, не слишком зло. Скорее печально.

Так смеются над воспоминаниями о собственных заблуждениях, которые мир помог развенчать тебе давным-давно.

– Людям свойственно идеализировать тех, чьи творения им нравятся. Но правда в том, что мы зачастую недостойны того, что у нас рождается. – Он толкнул двери на этаж, за которыми вчера Еву ждал его секретарь. – Как родители бывают недостойны своих детей, так и художники могут быть недостойны своих детищ. И разве это делает наших детей хуже? – Пройдя несколько шагов, Кейлус отступил к стене. Театральным жестом предложил Еве подойти к рапире, мерцавшей на полу под миниатюрным прозрачным куполом: видимо, чтобы слуги даже не пытались коснуться её, желая убрать нежданную помеху с прохода. – Дети не могут и не должны быть в ответе за наши проступки. А я... Жаль тебя разочаровывать, но я не герой под маской негодяя. Не благородный мститель, пошедший по тёмной дорожке во имя торжества света. Я просто человек, со своими страстями, прихотями и пороками. Довольно многочисленными, должен признать. И непогрешимым быть не хотел и не хочу. – Витиеватым взмахом кисти убрав волшебный барьер, Кейлус следил, как Ева поднимает клинок. – Принятие собственной грешности обеспечивает изрядную степень пьянящей свободы.

Вцепившись в рукоять, Ева бегло посмотрела туда, где в конце коридора за окном белел блеклый зимний день. Пока светло... Значит, время до возвращения в ножны у Люче есть.

Если разговор с Кейлусом Тибелем продолжится в том же русле, возможно, с её помощью Ева ещё сможет неприятно его удивить.

– Я в это не верю, – сказала она с безнадёжным упрямством.

– Можешь верить, во что тебе угодно. Это, в сущности, не моё дело, – слова прозвучали не резко, скорее безучастно. – Иногда лучше не знать, что за личность кроется за творениями, запавшими тебе в душу. То, что мы слышим, что видим, что читаем – это главное. Не грехи, не мелочные трагедии, не ошибки и нелицеприятная изнанка жизни, которые за этим стояли. Но отделить одно от другого, когда тебе известно и то и то, до неправильного сложно. – Кейлус распахнул двери в гостиную, где дневной свет тускло играл на золотой отделке. Войдя в комнату, застыл в двух шагах от порога. – Так ты подслушивала.

– Спасибо вашему секретарю.

– И тебе понравилось.

Ёрничать или кривить душой после всего сказанного Еве показалось глупым.

– Да. Очень.

– Ты поэтому вчера меня не убила? – Кейлус по-прежнему не смотрел на неё; лишь рука его поднялась, накрыв место, пронзённое огненным лезвием. – А ведь могла. Я оценил.

– Ваша сестра убила одну мою знакомую. Которая казалась мне воплощением красоты. Я не хочу стать такой, как она.

На этом месте она всё-таки удостоилась его взгляда – столь пристального, какого Ева не замечала у него раньше.

– Зайди, – сказал он.

Ева, колеблясь, стояла перед порогом.

– Не бойся, – добавил Кейлус мягко. – Из нас двоих убить другого пока пытался не я.

Я совсем не смерти боюсь, подумала Ева, всё же делая шаг вперёд. Не сейчас.

– На чём ты играешь? – молвил Кейлус, когда она в нерешительности замерла у самых дверей.

Ева хотела поинтересоваться, откуда достопочтенному лиэру вообще известно, что она на чём-то играет. Затем вспомнила: вряд ли музыкальный гипноз могут творить те, кто не имеет отношения к музыке.

– Виолончель, – поколебавшись, сухо отрапортовала она. – Это...

– Сиэлла. Так и думал. – Кейлус махнул в сторону местного аналога рояля, ждавшего хозяина посреди гостиной, и Ева со странной

смесью удовлетворения и вины заметила, что раненой рукой её тюремщик двигает немного скованно. – А как дела с клаустуром?

Подозревая, к чему всё идёт, она решительно и честно мотнула головой:

– Не слишком.

– Жаль. Впрочем, в крайнем случае я потерплю. – Приблизившись к инструменту, Кейлус откинул тёмную с золотом крышку, явив взору клавиши: чёрные там, где у рояля белые, белые там, где у рояля чёрные. – Сыграй мне.

– Зачем?

– Ты так много поняла о моей натуре, всего лишь послушав, как и что я играю. Не считаешь, что мне интересно было бы сделать ответные выводы?

– Так я всё же поняла что-то о вашей натуре?

– Это была ирония. А может, и сарказм. И мне в любом случае хотелось бы послушать, как ты играешь, а за неимением в моём доме твоего родного инструмента сойдёт и клаустур. Или твои взаимоотношения с клавишами настолько плохи?

– На это меня не купить. Уж простите.

– Ах, просчёт. Обидно. – Руками он, тем не менее, развёл без особого расстройств. – Тогда, может, просто в знак доброй воли? Мне нечасто выпадает возможность послушать иномирян. Пусть это будет маленьким шагом к нашему взаимопониманию.

– Судя по направлению наших бесед до этого момента, начинаю сомневаться, что мы можем его достичь.

– Слова лгут. И разделяют, пожалуй, успешнее, чем сближают. Музыка всегда честна. В ней посредством звуков сердце говорит с сердцем.

Он произнёс это очень серьёзно. Очень искренне. Но Еву почему-то не оставляло ощущение, что над ней потешаются.

С другой стороны...

Она подошла к широкой банкетке, на которой при желании уселись бы двое. Отложив Люче на расписную крышку, закрывавшую деку, опустилась на бархатное сиденье, чувствуя себя словно на экзамене.

Она не рассчитывала получить от игры удовольствие. Более того, сомневалась, что его получит сам Кейлус. Но ей было любопытно,

какие выводы он сделает: ведь выводы эти – если, конечно, он соизволит их озвучить – скажут о нём не меньше, чем о ней.

– Прошу. – Кейлус облокотился на инструмент сбоку, так, чтоб видеть одновременно её лицо и руки. – Что угодно.

Ева устала на клавиатуру, пугавшую непривычной инверсией черноты и белизны. Эх, Динку бы сюда... Переслушивая записи сестры, Ева как-то даже попыталась открыть её старые ноты. Рахманинова. До-диез-минорной прелюдии, мрачной и мощной. Соль-диез-минорной – печальной, трепетной, порывистой. Этюдов-картин: ля-минорной, где чайки плакали над серым океаном, ми-бемоль минорной – величественной и губительной песни чёрных штормовых волн, и даже «Красной Шапочки». Еве почему-то всегда казалось, что в рахманиновском варианте истории Шапочка, в конце концов, перехватывает инициативу охоты и сама теснит злого волка.

Жаль, что Еве не удалось взять с неё пример.

Как бы там ни было, фортепианные сочинения Рахманинова ей оказались решительно не по рукам. Впрочем, если вспомнить другого композитора, прелюдии которого Ева сдавала на очередном зачёте по общему фортепиано...

По привычке оттерев непотеющие ладони о платье, Ева поставила мысок туфли на педаль. Вскинула руки, надеясь, что память не подведёт.

Погладила пальцами тёплые костяные пластинки, отозвавшиеся первым робким «си».

К мелодии, одиноко запевшей под её правой рукой, почти сразу присоединились аккорды аккомпанемента в левой: ровные восьмые повторяющихся созвучий отсчитывали тиканье безжалостного времени. Мелодический голос тихо спускался книзу всхлипывающими интонациями падающих секунд, надрывными и скорбными, словно ноющая боль потери. В какой-то миг он в отчаянном отрицании взлетел вверх, чтобы повторить всё сначала, замыкая проклятый круг – и, смирившись с неизбежным, мелодия замерла одновременно с тем, как на чуждом тревожном аккорде остановились часы-восьмушки, словно обрывая биение жизни. Финальные ноты прозвучали после зловещего молчания короткой паузы: три глухих торжественных созвучия, растворяющихся в вечности, поющих последнее «аминь» над свежей могилой.

Когда они стихли и Ева опустила руки, Кейлус не проронил ни слова. Не сразу.

– Шопен? – спросил он затем.

Ева, в мыслях увлечённо анализирувавшая свои промахи, округлила глаза:

– Откуда вы...

– Я год проучился в консерватории Лигитрина. Помимо того что тамошнюю Академию Музыкальных Чар основал один из ваших, туда обычно стекаются все иномирные музыканты. Некоторым из них даже повезло свалиться в прореху с нотами. Иногда они выписывали на бумаге свой репертуар, те знания, что принесли в головах: для собственного удобства и просвещения аборигенов. – Кейлус слегка улыбался её изумлению. – Эту пьесу я не знал, но угадать стиль нетрудно.

В эту минуту улыбка его не была ни насмешливой, ни едкой.

– Да, это Шопен. Прелюдия ми минор.

– И почему ты выбрала её?

– Не знаю. Фортепианный репертуар у меня вообще довольно ограничен. – Ева сцепила в замок руки на коленях и, отведя взгляд, уставилась на рукописные ноты, что лежали рядом с Люче на крышке, увитой золотыми узорами. – Но она... чем-то напоминает мне вас.

Кейлус не ответил. И когда Ева искоса посмотрела на него, уже не улыбался: отстранённо и задумчиво взирал на клавиатуру, обдумывая что-то.

– Это очень печально, – рискнула она высказать мысли, которые при взгляде на ноты контрапунктом сплелись в голове с облегчением, что её корявенькое исполнение не вызвало нареканий. Впрочем, настоящий мастер и должен прощать несовершенства начинающим, – что вашу музыку не понимают.

– А, так ты и об этом знаешь? – отстранившись от лакированной крышки, Кейлус отвернулся. – Одно время я пытался писать понятно. То, подо что до сих пор радостно танцуют придворные идиоты. То, что их дочери до сих пор пищат дурными голосами на званых вечерах. Но и тысяча похвал от глупцов не залечит язвы, которые открываются в душе от осознания, на что ты размениваешь себя и свой талант. – Подойдя к окну, он сплёл пальцы за спиной, глядя в сгущающуюся темноту. – Никогда не продавайся, девочка. Что бы ни стояло на кону. В

итоге всегда заплатишь больше, чем приобретёшь... Только понять это сразу вряд ли сможешь.

И ведь после вчерашнего он всё равно не боится подставлять мне спину, подумала Ева, глядя на чёрный бант в его волосах. Впрочем, сейчас она точно не смогла бы его ударить. Не когда в его голосе за ядом пробилась усталая горькая искренность.

Возможно, сам Кейлус прекрасно это осознавал.

Треклятые манипуляции, треклятая сердобольность, треклятая должность личного эмоционального кочегара треклятой королевской семьи...

– Ты действительно её любишь. Музыку. – Он оглянулся через плечо, чтобы одарить её безжалостно-нежной усмешкой. – А говорят ещё, что птицы не поют в клетке.

Конечно, от него не укрылось то, что Еве и самой не слишком хотелось признавать. Даже в тюрьме, даже за чужим инструментом она сумела забыться в звуках. Целиком отдаться чувствам, что когда-то вложили в мелодию, ныне диктовавшую их другим. И неожиданный экзамен, назначенный ей три минуты назад, где неизвестны были ни условия, ни даже предмет, она сдала.

Только вот радоваться этому или нет, она пока не знала.

– Может, всё-таки скажете, зачем вам на самом деле трон? – спросила Ева, в первую очередь желая стереть с его лица выражение, издававшееся над ней непостижимым сплетением смеха и полнейшей серьёзности.

– Затем, что я кровожадный властолюбивый ублюдок. Такой ответ тебя устроит?

...вышло не очень.

– То, что вы говорили недавно – не слова властолюбивого ублюдка.

– Послушай, кошечка, я легко мог бы напеть тебе самую красивую песенку из тех, что сумел бы сочинить, но ты не кажешься мне достаточно глупой, чтобы ей поверить. Так что остаётся тебе лишь принять неприглядную истину.

Еве вспомнилась одна красивая песенка, уже напетая им вчера. *«Но я смеюсь – кому по нраву стоны»*... Было всё подстроено или нет? Пел это Кейлус Тибель или лирический герой, имевший с ним мало общего? И то, что он говорит сейчас, – отсутствие всякого интереса к

тому, чтобы вызвать её расположение, нежелание оправдываться и плакать или тонкая игра, призванная её заинтриговать?..

Впрочем, после Герберта и Мирка Ева подозревала, что за фундаментальные принципы лежат в основе тибельской породы.

– Или могу не принимать. И предположить, что вы обманываете сами себя. Улыбаетесь, потому что не хотите, чтобы кто-то видел, что вам больно. Пытаетесь казаться страшнее, чем вы есть, потому что быть обиженным, страдающим и сентиментальным куда унижительнее, чем бесчувственным, корыстным и злым. Страдания делают вас слабым, а слабость, по-вашему, унижает, и вы...

– Мы не в тех отношениях, чтобы ты читала мне нотации или проповеди. – Резкость, с которой Кейлус отвернулся, лишь подчеркнула ещё большую резкость в голосе. – Буду благодарен, если ты всё же позволишь мне поработать. Если нечем заняться, библиотека через три двери справа отсюда.

Отсутствие ответа порой говорило больше, чем сам ответ, – и, хмыкнув про себя, Ева выскользнула из-за инструмента, забирая мирно мерцающую Люче.

Конечно, всё это могло быть игрой. Но она увидела достаточно, чтобы сделать выводы, и конечный результат стоит вычислять, опираясь на дальнейшие наблюдения. А в настоящий момент оставалось лишь одно, что важно было прояснить.

– Вы когда-то сказали, что презираете магию. Почему? – на полпути к дверям спросила Ева, пока Кейлус занимал освобождённую банкетку.

Подняв пюпитр, Кейлус слегка пожал плечами, раскладывая недописанные ноты:

– Думаю, потому что в юности учился ей пять лет вместо того, чему мне хотелось учиться на самом деле.

То был простой ответ, какой мог бы дать хороший знакомый в дружеской беседе.

– Но разве для мага не естественно хотеть учиться магии? Использовать то, что ему подарено свыше?

– Я не считаю, что обязан пользоваться чем-то при каждом удобном случае лишь потому, что могу, – открывая чернильницу, заметил Кейлус слегка скабрёзно, будто считывая в собственных словах не совсем приличную аналогию. – Не всем нашим способностям и

возможностям можно дать ход. Не всем нужно. Не говоря уже о том, что у всего есть цена. – Он макнул чёрное перо, лежащее тут же, на пюпитре, в стеклянный флакон с медной крышечкой. – Маги живут дольше обычных людей. Маги сильнее обычных людей. И в довершение к Дару магам нередко достаётся самомнение, возносящее их выше обычных людей, что я считаю великим заблуждением, ибо вся человеческая гниль свойственна им ничуть не меньше. Кроме того, магия – тот же наркотик. Полагаясь на неё, впав в зависимость от неё, в её отсутствие ты ощутишь себя ничтожеством, и лишь единицы могут похвастаться такой силой, как Уэрти. Рано или поздно многие... особенно обладая определённым складом характера... понимают, что их резерва не хватает на их нужды, и задумываются, что хотели бы стать могущественнее. А могущество сверх того, что тебе дано, всегда покупается чужой кровью.

– Но вы, к примеру, купили чужой кровью сведения обо мне. Чем это лучше?

– Ничем, – легко согласился Кейлус, левой рукой наигрывая обрывок новой мелодии, а правой выписывая первые ноты на оборванных строчках. – Я уже говорил, что я кровожадный ублюдок. – Удовлетворённо кивнув тому, что получается, он несколько досадливо повернул голову, явно желая скорее завершить разговор. – Коротко говоря, лишь тем, кто не одарён с рождения, жажда овладеть магическими премудростями кажется само собой разумеющейся.

– Некоторые, родившиеся без этой одарённости, тоже не слишком жаждут, – пробормотала Ева. Лишь сейчас осознав, что сама не особо привязана к нежданно свалившейся на неё магии.

Когда Дерозе лежал разбитый, у неё будто отняли бесконечно важную часть её самой. Теперь, когда у неё отобрали магию, она не ощущала себя беспомощной, и забирая у неё навсегда что волшебный смычок, что Люче, едва ли она сильно расстроится по этому поводу. Ева так и не могла воспринимать магию органичной частичкой себя: скорее мощным посторонним девайсом, подаренным без её желания, который обстоятельства вынуждали её изучать и использовать.

Пару секунд Кейлус, не моргая, глядел на неё бархатными глазами. Кивнул, словно сделав некие выводы, и, отвернувшись, провёл по строчке тактовую черту:

– Иди. Хватит разговоров на сегодня.

Не прекословя, Ева вышла и аккуратно прикрыла за собой дверь. Побежала наверх возвращать Люче в ножны – жалея и не жалея о том, что зря потратила эту попытку.

Любое столкновение двух разумных людей можно решить переговорами. Ладно, *почти* любое. И, конечно, добро должно быть с кулаками, но всё же убийство – не метод тех, кто играет на стороне света и справедливости. До сих пор им с Гербертом удавалось решать проблемы без кровопролития (ну, исключая ту, где очень хотели пролить кровь им); решат и эту.

В конце концов, Ева заключила мирный договор с огнедышащей драконицей, приручила одного представителя королевской семейки и установила вполне нормальные отношения с другим. Значит, сможет поладить и с третьим.

* * *

– Вот и остались мы одни, малыш, – глядя на драконье яйцо, скорбно заметил Эльен, подкидывая дрова в очаг, мерцавший углями в маленькой сокровищнице замка Рейолей.

Сегодня некромант отдал ему короткий дистанционный приказ: «*Займись о яйце, пока меня нет*». Из чего призрак сделал вывод, что по неким причинам к ужину господина ждать не стоит.

Учитывая, с какой целью Гербеуэрт покинул дом днём, его дворецкий искренне надеялся, что у него нет причин для *настоящего* беспокойства.

– Совсем как в былые времена, пока лиоретта не явилась, – ещё более скорбно добавил призрак, расправившись с последним поленом. – Господин, конечно, тогда дом почти не покидал, но за день от него, бывало, и слова не услышишь. Впору было гадать, кто из нас двоих призрак...

В дверь постучали. Когда Эльен открыл, внутрь скользнул Мелок – но, каким бы исключительным ни был кот главы дома Рейолей, стучать он пока не научился.

– Не советую проходить, – спешно произнёс призрак, прежде чем Миакл, стоявший за дверью, попытался перешагнуть порог. – Приветствую, лиэр. Прошу прощения, что не встретил, был занят здесь.

– Ворота открылись передо мной, – заметил юноша без намёка на упрёк.

– Насколько я знаю, господин вплёл в охранные чары замка исключение для вас.

– Но не в охранные чары сокровищницы? – не дожидаясь ответа на очевидное, Миракл посмотрел на яйцо, золотившееся в отблесках пламени. Вдохнул запах нагретого металла и яблоневых поленьев. – В кабинете Уэрта не было, подумал, вдруг он здесь... Он с утра не выходит на связь.

– Господин Уэрт сегодня не вернулся домой. Я думал, вам лучше меня известно, что с ним.

Призрак и чемпион арены уставились друг на друга, пока Мелок требовательно тёрся о слегка прозрачные ноги в старинных лаковых туфлях.

– Так Уэрт не вернулся, – вымолвил Миракл обречённо.

– Значит, не вы тому причиной?

– Естественно, нет. Дуэль не состоялась. Её прервала Айрес, после чего забрала Уэрта.

– О боги! – Эльен судорожно выдохнул. – Мне было бы спокойнее, если б сейчас он истекал кровью от вашего клинка.

Миракл собирался ответить, но его прервал звук. Раздавшись из недр сокровищницы, он заставил обоих оглянуться на яйцо.

По янтарной поверхности расползлась паутина трещин – под приглушённый стук, с которым кто-то, спавший внутри, настойчиво пробивал себе путь наружу.

– Лучше бы господину Уэрту вернуться поскорее, – под аккомпанемент ритма, с каким проклёвывался в мир вылупляющийся дракончик, только и смог выговорить Эльен.

Глава 9

Nocturne [\[13\]](#)

– Значит, ты передумала убивать милого дядюшку, – сказал Мэт, когда на следующий день Ева сидела в спальне, медитируя на окно, за которым чернотой льнула к стеклу ранняя зимняя ночь.

– Я пацифист по натуре. Предпочту договориться, – рассеянно откликнулась она, размышляя, уместным ли будет сейчас сделать вылазку для новой беседы с Кейлусом.

Почти весь этот день, как и предыдущий, Ева провела в библиотеке, листая магические трактаты и ожидая, что за ней придут. Она ждала нового приглашения к ужину. Новой просьбы сыграть. Чего-нибудь.

За день её ни разу не побеспокоили.

Наверное, кто-то другой на её месте начал бы даже обижаться на то, что Кейлусу Тибелю нет до своей похищенной невесты никакого дела. Еву это радовало в той же степени, в какой раздражало: спасибо, что Кейлус явно не собирался принуждать её ни к одной из тех вещей, которых стоило бы опасаться, но, если они так и будут сидеть в разных углах дома, это никак не поможет ей выбраться из него.

– Только вот времени на переговоры у тебя не слишком много. Ванна, помнишь? Ты должна была принять её сегодня.

Ева промолчала. Лишь провела ладонью по ножнам Люче, которую зачем-то взяла на колени, словно кошку.

Она вернула рапиру в её законное вместилище вчера. Судя по всему, вовремя. И тем самым отрезала себе последнюю возможность выйти из ситуации простым путём: отныне она могла обнажить клинок ещё один-единственный раз, и тратить его на Кейлуса было бы исключительно глупо.

Она очень надеялась, что сделала правильный выбор. Не только с моральной точки зрения.

– Не говоря уже о том, что блокиратор магии может оказать на тебя... не самое положительное влияние. – Демон сидел за её спиной, но Ева представляла его пакостную улыбочку. – В конце концов, ты существуешь исключительно за счёт этой самой магии.

– Не дави на меня, клякса. Я знаю, как работает блокиратор.

Узнала это Ева, собственно, сегодня. В библиотеке. На то, чтобы перелопатить кучу книг в поисках нужной информации, ушло немало времени, но последнего у неё было в избытке. Наградой послужила новость, что блокирующие магию артефакты обычно работают по одному и тому же принципу: запирают ману-сидис внутри объекта, не давая ей выплеснуться. А раз внутри Евы магия оставалась, следовательно, ничего особо страшного ей не грозит, верно?

– Теория – одно, практика – другое. Ты во многих отношениях беспрецедентный случай. К тому же до недавнего времени ты не бывала в обстановке, где на тебя воздействуют не самыми безобидными

заклятиями. За эти дни твой мозг выключали и включали несколько раз – это и для живого человека не прошло бы бесследно, не говоря уже о тебе.

– Я прекрасно себя чувствую. Не мертвее обычного, скажем так, – поправила Ева. – И скоро я отсюда выйду.

– А если не сможешь?

– В крайнем случае Герберт меня вытащит.

– А если не сможет и он?

Ева обернулась: Мэт сидел на одеяле, не подумавшем примяться под ним, и глаза его смеялись над ней сиянием жидких васильковых кристаллов.

Естественно, она знала, к чему он ведёт. И рано или поздно, наверное, им всё равно придётся поговорить о цене, которую он назначит в обмен на свои услуги. Хотя бы потому, что Евино любопытство было порядком этим раздражено. А если, подумав, между рано или поздно выбрать «рано» – чтобы на досуге хорошенько поразмыслить над мелким шрифтом, который подразумевается в договоре с любым уважающим себя демоном...

– Ты ведь хочешь, чтобы я пошла за тобой в Межгранье? – не дожидаясь продолжения инсинуаций, произнесла Ева устало. – Открыла оттуда проход в этот мир? Выпустила тебя без ограничений, которые накладывает договор с человеком?

Додуматься до этого было не слишком сложно. Особенно после всего, что Мэт уже ей говорил. И условие казалось бы даже приемлемым, не знай Ева, что в таком случае ей придётся в экстренном порядке эвакуироваться в родной мир: от этого ничем не скованный демон наверняка не оставит камня на камне.

Если и оставит, то лишь раскрасив в жизнерадостные кровавые тона.

– Приятно иметь дело с умными людьми. Но нет. – Мэт располагающе улыбнулся её настороженности. – Такова цена твоего воскрешения. За спасение из обители милого дядюшки я потребую куда меньше.

– И чем же?

– Впусти меня в своё тело.

Её взгляд лучше слов выразил всё, что Ева думает по этому поводу.

– Ровно до тех пор, пока не окажешься за пределами этого дома, конечно, – добавил Мэт. – Я так соскучился по материальности, ужас.

– Хочешь сказать, твоё присутствие в моём теле чем-то мне поможет?

– Естественно. Первым делом я избавлюсь от браслета – это мне будет вполне по силам. Потом дойду твоими прелестными ножками до выхода, и вот она, свобода.

– А по дороге к выходу натворишь такого, о чём я даже думать не хочу.

– Всё в твоих руках, златовласка. Поторгуйся. Продумай условия и ограничения, – предложил Мэт вкрадчиво. – Со мной вполне можно договориться... Я же не зверь, в конце концов.

– Конечно, не зверь. Ты демон. Это хуже. – Отвернувшись, Ева отложила Люче на покрывало. – Договариваться я предпочту не с тобой. И выберусь отсюда сама. Увидишь.

В дверь постучали, когда отзвуки последнего слова ещё не поглотили парча на постели и узорчатый ковёр на полу.

– Господин приглашает вас к вечернему фейропиту, если вы желаете к нему присоединиться. – Заглянув внутрь, Юми неуверенно оглядела комнату, в которой уже не было никого, кроме Евы. – Вы с кем-то говорили, лиоретта?

– Сама с собой. У меня иногда случается, – непринуждённо ответила девушка, поднимаясь. – Лiorетта желает.

Искать Кейлуса по всему дому – гадая, ждут ли вообще её визита, и рискуя застать его в настроении, мало расположенном к беседе, – не придётся. Уже хорошо.

Прежде чем идти на следующие переговоры, она умылась: кувшин с нескончаемой чистой водой и серебряный тазик она обнаружила в спальне накануне, на столике в углу, где положили ещё и мягкое полотенце, и частый гребень. Вот зубную щётку предоставить не удосужились, но Ева давно поняла, что она ей в принципе ни к чему – по крайней мере, пока она не оживёт и не начнёт снова есть, как нормальные люди.

...если оживёт...

Гоня прочь непрощенные мысли, Ева привела себя в порядок и, скрестив пальцы на удачу, отправилась навстречу неизвестности.

– Вы ведь правда можете исполнить пророчество, лиоретта? – неожиданно спросила Юми, пока они шли к лестнице. – Свергнуть королеву? Сделать так, чтобы не было войны?

Ева удивлённо воззрилась на рыжий пучок, в который служанка туго собирала волосы на затылке.

– Айрес хочет развязать войну, я знаю, – не оборачиваясь, продолжила та. – А у меня... у меня подруга – боевой маг. И друзья – солдаты. Если начнётся война, они... – открыв Еве дверь, девушка опустила лицо, не позволяя встретиться с ней взглядом. – Я читала про войну с Ильденом. Мой прадед, некромант, командовал одним из полков, когда Берндетт поднял восстание. Я нашла его дневники... ещё маленькой. – Прикрыв дверь, Юми тут же возобновила скорый шаг и дальше заговорила, когда гостья снова могла видеть лишь её спину: – Помогите Кейлусу, пожалуйста. Что угодно будет лучше войны. Кто угодно на троне будет лучше Айрес.

Насчёт «кто угодно» я бы поспорила, подумала Ева, но промолчала.

– Тим рассказал мне про твоих родителей, – произнесла она вместо ответа. – Я соболезнаю.

Некоторое время Юми молча пересчитывала ногами ступеньки. Ева ожидала, что они пойдут на первый этаж, в столовую, но горничная свернула к дверям на второй, чтобы повести пленницу по направлению к гостиной с роялем.

– Матушке было всего сорок. Отцу – пятью годами больше, – сказала Юми едва слышно, пока по бокам проплывали вазы, двери и картины. – Если вы сможете... за них отомстить...

Закончить фразу, которая, впрочем, не требовала окончания, ей помешал Тим. Юноша выскользнул из комнаты впереди, комкая в кулаке платок – встрёпанный, в выправленной из штанов рубашке, длинные полы которой прикрывали бёдра. Двинувшись им навстречу, поприветствовал Еву невозмутимым поклоном и прошёл мимо: глаза блестят, в углах припухших губ притаилась довольная улыбка.

Ева предпочла не думать, что всё это значит.

Кейлус, безусловно опрятный – лишь лёгкий румянец виднелся на обычно бледных щеках, – ждал в гостиной, которую только что покинул его секретарь. Не в золотой, где Ева вчера играла Шопена, а в другой, в синих тонах, где у камина услужливо ждали два глубоких кресла.

– Спасибо, Юми, – сказал он, прежде чем служанка с бесстрастным лицом закрыла двери, оставляя их вдвоём. Жестом пригласил Еву сесть в незанятое кресло. – Ты поразительно тиха и терпелива для человека, которому в этом доме решительно нечем заняться.

Стараясь не думать о том, что могло твориться в этом кресле пару минут назад, она приняла приглашение и посмотрела на низкий столик между ними, где в вазочке белели драже и стыли две наполовину пустые чашки. Фейр изумительно гармонировал цветом с комнатой, выдержанной в оттенках неба и зимнего моря.

Естественно, фейропитие, к которому ей предложили присоединиться, устраивали совсем не для неё. Хотя бы потому, что она не могла пить.

Но, судя по всему, Тиму и Кейлусу в итоге тоже было не до фейра.

– Вы сообщили мне, где библиотека. Мне этого достаточно, – ответила Ева рассеянно, краем глаза заметив бархатную кушетку у противоположной стены и картину над ней, почему-то закрытую тканью. – В замке Рейолей я привыкла развлекать себя сама, пока мы с Гербертом не...

Запоздало вспомнив, с кем собирается откровенничать об их с Гербертом давних ссорах, осеклась.

– А. То, что я знать не должен, – понимающе протянул Кейлус, потянувшись к чашке. – Герберт, – повторил он, пробуя звуки на вкус так, словно они привлекали его куда больше фейра. – Стало быть, так ты его называешь?

Ева молчала. Даже понимая – это не лучшая стратегия для того, чтобы налаживать отношения.

Но говорить с ним о Герберте она точно не собиралась.

– Хорошее имя. Слишком милое для моего племянника, правда. – Откинувшись на спинку кресла, Кейлус лениво воззрился на неё поверх фарфоровой кромки, расписанной лазурью и золотом. – Расскажи о себе.

Ева вопросительно изогнула бровь.

– Мне интересно, – буднично пояснил он. – Я сделал исчерпывающие выводы о том, чем ты не являешься. Теперь хочу знать больше о том, кто ты есть.

Она недолго думала, что ответить.

– С чего бы мне откровенничать, если вы отказываетесь делать то же?

Прежде чем глотнуть остывший фейр, он коротко кивнул, признав справедливость возражения – но блеск, окрасивший его взгляд, не сулил ей ничего хорошего.

– Хорошо, – сказал Кейлус Тибель, отняв чашку от губ, чтобы Ева могла увидеть дурманом расцветающую улыбку. – Давай сыграем. За каждый кусочек правды о тебе я поделюсь своим в ответ. Личное за личное.

На это она не рассчитывала. И как к этому относиться, не совсем понимала.

– И как вы узнаете, что я говорю правду?

Кейлус улыбнулся шире. Склонил голову набок, свободной рукой подперев подбородок:

– Можешь проверить. Это сделает игру ещё интереснее.

Она поймала себя на том, что, в свою очередь, наклонила голову, зеркала его жест.

Ладно, лиэр Кейлус. Раз в этом доме Еве постоянно приходится играть – во всех смыслах, – значит, будем играть.

– Я единственный ребёнок в семье, – произнесла она спустя время, в котором лишь молчание звенело напряжённой струной.

– Ложь, – ответил Кейлус, не задумываясь.

– Вы просто угадали, что сперва я попробую солгать.

– Ты хорошая лгунья, но и я поднакопил за жизнь немалый опыт лжи, и он больше твоего на пару десятков лет. Когда сам учишься врать столь филигранно, чтобы этого не заметил самый проницательный собеседник, начинаешь неплохо видеть обман других. – В том, как Кейлус вскинул руку с чашкой к лицу, сквозило насмешливое поощрение. – Попробуй ещё.

Стало быть, он *привык* лгать... Естественно, должен был привыкнуть – если он, частенько общаясь с Айрес, собрал под своей крышей столько опальных персон и до сих пор жив.

Один кусочек правды – который он не собирался ей сообщать; один осколок его образа из тех, что предстоит сложить в цельную картину, чтобы найти с ним общий язык... Но слишком крохотный, чтобы довольствоваться лишь такими ответами.

– Я не переношу животных, – сказала Ева, неотрывно глядя ему в глаза – так честно, как только могла.

– Снова ложь. – Кейлус качнул чашкой почти укоризненно. – Впрочем, было бы удивительно, если бы человек вроде тебя смог остаться равнодушным при виде котёнка. В конце концов, тебя же тронул Тим.

В интонации ясно читалось: особой разницы между котёнком и своим секретарём Кейлус Тибель не видит. Разве что котёнок умильный, и только, а к Тиму помимо умильности прилагалось много других качеств – куда более полезных и интересных.

– Я люблю печенье.

– Вот это правда. Но информация недостаточно ценная. Едва ли тебе хочется узнать о моих предпочтениях в еде. Хотя об этом мы можем говорить долго, не спорю.

Ева опустила хмурый взгляд, глядя, как по ту сторону стола отблески огня танцуют в пряжке его туфли: Кейлус сидел, непринуждённо закинув одну ногу в чёрном на другую.

Была не была.

– Я училась музыкальным чарам по той книге, которую вы подарили отцу Уэрта. И была благодарна вам, хотя никогда вас не видела.

Как бы ей ни претило делиться с ним личным, любой обмен должен быть равноценным. И его предпочтения в еде её действительно мало интересовали.

– А. То есть за приступ Тима, выходит, я должен сказать спасибо себе же. Остроумно. – Кейлус хмыкнул. – Полагаю, как только ты узнала обо мне побольше, твоя благодарность порядком поумерилась.

– Я сказала правду, которую вам, думаю, было интересно услышать. Ваш черёд.

Он задумчиво постучал по фарфору коротко остриженным ногтем, выбив ровную звякающую триоль.

– Этот трактат был подарком лиэру Рейолю – к счастью, покойному – в честь рождения Уэрта. Муж моей кухни, видишь ли, ни в грош не ставил ни просто музыку, ни даже дар вроде твоего. Первый год нашего знакомства я наивно надеялся его переубедить, – сказал Кейлус затем. – Я оставил попытки, когда на приёме, что Рейоли

устроили в честь пополнения в семействе, я захотел взять новорожденного племянника на руки и мне не позволили этого сделать.

– Почему?

– Полагаю, дорогой Эдрилин, отец Уэрта, боялся, что некоторые мои пристрастия, к коим он относился резко отрицательно, передаются через прикосновение. Вслух этого, естественно, не произнесли. Но я неплохо умею угадывать, как ты могла заметить. С тех пор я неизменно отказывался от приглашений в гости, которые, впрочем, мне посылали не слишком часто. – Благодушие в его голосе звучало страшнее, чем скрежет ногтей по доске. – Твой черёд.

Ещё один кусочек мозаики встал на пустовавшее место.

Многого он, конечно, не объяснял, но кое-что – вполне.

– У меня есть сестра. И брат. Оба музыканты, и я люблю их обоих. Я решила, что хочу заниматься этим, услышав, как играет моя сестра. Ваш черёд.

Кейлус долго смотрел на неё, подушечкой пальца обводя край чашки: видимо, расслышал в голосе подозрительные полутона, но истолковать их ложью не мог.

Это и не было ложью. Люди могут перестать быть, но не в твоей памяти. Люди могут уйти, но ты не перестанешь любить их, пока жив.

– У меня не было ни сестёр, ни братьев, – произнёс он в конце концов, – но в детстве мы с Айрес были большими друзьями. Всё равно что близнецами.

– А что случилось потом?

Кейлус закрыл губы расписным фарфором, точно пряча неосторожный ответ, что Ева могла бы по ним прочесть. Взгляд его был непроницаемым.

– Твой черёд.

Ладно. Для этого время ещё не пришло. Но поворот, на который рано или поздно нужно свернуть, ей показали.

Что-то подсказывало Еве: это именно тот поворот, по которому сквозь туман и непроглядную темень она может всё же выбрести к ответу на загадку по имени «Кейлус Тибель».

– Я подружилась с драконицей, сыграв ей на виолончели.

В этот раз пытливый взгляд, гладивший её лицо, пока Кейлус взвешивал слова на невидимых весах, был ещё дольше.

– И это даже не ложь. – Он вдруг рассмеялся, негромко и коротко. В приятной мелодии, сложенной этим смехом, звучало удивлённое любопытство. – Драконы правда любят музыку так, как гласят предания?

– Правда. И красоту. – Еве вспомнились янтарные глаза Гертруды, и боль, подзабытая за событиями последних дней, снова всколыхнулась внутри. – Они сами – крылатая красота. Для неё весь мир пел, и моя душа тоже.

– Пел, говоришь. – Кейлус сощурился. – Ты о драконе с Шейнских земель? Которого убил Уэрт?

Отвечать на это Ева была не готова.

К счастью, и не обязана.

– Ваш черёд.

По лицу Кейлуса тенью скользнула досада: он явно остался заинтригован, но правила, установленные им же, рушить не собирался.

– В Лигитрине, где я учился, – заговорил он после минутной паузы, – издавна кипит вражда между консерваторией, куда принимают обычных музыкантов, и Королевской Академией Музыкальных Чар, где натаскивают магов. Маги не слишком жалуют простых смертных – считают, что боги благоволят им, раз одарили их щедрее. Простые смертные презирают магов, ведь тем даже упражняться толком не нужно, чтобы прекрасно играть на своём стихийном инструменте... Но на обычном немногие из них смогут исполнить и простейшую мелодию. Маги вроде тебя, ладящие с *настоящими* струнами, добившиеся всего годами занятий – исключения, а не правило. Так что обычные музыканты считают магов жуликами и лентяями. – Кейлус расслабленно положил руки на подлокотники, доньшком чашки коснувшись синего бархата. – На площади между консерваторией и академией стоит статуя маэстро Аллегро, основателя обоих заведений. Каждый новый год студенты обоих развлекаются тем, что собираются на площади, после чего стремятся первыми повязать вокруг бронзовой шеи маэстро флаг с гербом родного заведения. Чтобы все понимали, какое своё детище тот на самом деле любил больше. И, конечно, сделать это следует, не прибегая к помощи магии: иначе маги фактически распишутся в том, что без колдовства и правда ничего не могут.

– Это всё очень интересно, но при чём тут вы?

– Я застал лишь один новый год в Лигитрине, но свой долг студента консерватории выполнил успешно. Маги несказанно злились, что хлипкий первокурсник проскользнул прямо между их рук, пока они разбирались с противниками посерьёзнее, и второй год подряд статую маэстро украсил наш герб. Правда, заплатил я за это разбитым носом, но лекари в Лигитрине хорошие.

Ева попыталась себе представить его, лощёного мужчину в кресле напротив, тонким мальчиком с разбитым носом. Вышло удивительно легко: в конце концов, она сама латала раны Мирка и Герберта после примирительной драки.

Улыбка, невольно попросившаяся на губы, тут же вызвала у неё чувство неловкости – что-что, а улыбаться при мыслях о Кейлусе Тибеле она точно не планировала.

– И всё-таки, – проговорил тот неотступно, – что там с драконом?

Ева не собиралась отвечать. И сама не знала, почему всё-таки ответила. Может, потому, что гибель Гертруды сильно ударила по ней – и осознание, погребённое под каждодневными проблемами и трудностями, слишком просилось быть высказанным теперь, когда до него наконец докопались.

Может, потому что ещё не угас образ, слишком ярко вставший перед глазами, и в этот момент Ева видела в нём не тюремщика – пытливого мальчишку, так похожего на других Тибелей, с которыми они стали друзьями.

– Айрес убила её. Драконицу. Не Уэрт. Королева просто пожелала представить это так, а он не посмел послушаться. – Ева, не мигая, смотрела на пламя, отражением мерцавшее в блестящем круге на его туфле. – И в этом виновата я. Потому что Гертруда... драконица... покидала свой замок, чтобы прилететь ко мне. А Айрес не оставила это без внимания.

Золотая пряжка качнулась в замешательстве. Замерла.

Потом скользнула наверх и тут же – вниз, когда её обладатель опустил ногу, чтобы встать.

– Хочу тебе кое-что показать, – сказал Кейлус, отставив чашку на стол.

– А ваш ответ?

– Это и будет ответом.

Он приблизился к занавешенной картине за их спинами, и когда его пальцы стянули ткань, упавшую на кушетку под массивной резной рамой, Ева невольно вскочила.

Женщина на картине стояла к зрителям спиной, оглядываясь через плечо. В тёмных волосах блестел королевский венец, платье струилось книзу алыми складками, под ногами оборачиваясь багровыми ручьями. Они стекали по тому, что издали легко было принять за грязный рыхлый снег... пока ты не приглядывался достаточно пристально, чтобы понять: женщина стоит на груди черепов. На чёрном фоне сияло терракотовое зарево, окутывая её светящимся облаком – отблеск далёкого пожара.

Краску положили крупными мазками, как будто небрежными, напоминающими о технике Врубеля или полотнах импрессионистов. И даже так Ева без труда узнала улыбающееся лицо Айрес тирин Тибель.

– Что это?

– «Красная королева». Последняя работа замечательной художницы Манель, которую она на глазах у всего двора преподнесла Айрес на очередную годовщину её коронации. – Небрежно облокотившись на стену, Кейлус наблюдал, как Ева подходит ближе: картина манила её дудочкой крысолова. – Каких трудов мне стоило достать полотно из подвалов Охраны, лучше не спрашивай. Его должны были сжечь, но в итоге в огонь отправилась копия, спешно сотворённая из другого холста и иллюзии.

Ева замерла бок о бок с ним в паре шагов от полотна, не в силах отвести взгляд от картины, околдовывающей красотой безысходного мрака – даже её, разбиравшуюся в живописи весьма поверхностно.

– Полагаю, саму художницу из подвалов Охраны достать вы уже не смогли.

– И не пытался. Люди, которые наносят Айри подобные оскорбления, исчезают так быстро и так надёжно, что не мне их искать. Моя сестра, видишь ли, не слишком жалуется, когда кто-то осуждает её политику, и особенно когда кто-то считает, что желанная ею мировая война – не лучшее, что можно сделать для Керфи. – За саркастичным юмором прорезалась печаль. – Был ещё Нормонт, поэт, сочинивший на неё эпиграмму – и больше он не сочинил ничего, ведь на рудниках трудновато достать чернила и перья... Была Берт, певица, вздумавшая исполнять на званых вечерах балладу о жертвах нынешней тирании, к

которым она очень скоро присоединилась... Чудесная, к слову, баллада. Ныне она, естественно, под запретом, как и все песни Берг, и нот не достать – ни этой баллады, ни других её сочинений, но я записал те, что помнил... Конечно, в ссылку они отправлялись под благовидными и подозрительно быстро подвернувшимися предложениями. Вроде убийства любовника из ревности. Кто-то просто пропал, возвращаясь домой после пирушки с друзьями. Столкнулся в тёмном переулке не с теми людьми, бывает. – Он взялся за отрез сизого бархата, скрывавший от мира прощальный шедевр сгинувшего художника. – Мне не хочется, чтобы она смотрела на меня в часы отдыха, и ещё меньше хочется, чтобы она находилась там, где я работаю. И тем не менее, по моему мнению, она достойна висеть там, где каждый день бывают люди, и не там, где люди мимо неё проходят. Поэтому она здесь. Поэтому обычно я её закрываю.

– А... другие работы Манель? Что стало с ними?

Что-то подсказывало ей: если Айрес наложила вето на песни того, кто посмел пойти против неё, картины она тоже не пощадила.

– Айри вроде бы разделяет постулат, что дети не в ответе за грехи отцов, но на произведения искусства это не распространяется. Естественно, с тех пор работы Манель не в чести, и их поклонники – тоже. Картины, до которых смогла дотянуться Охрана, уничтожили. Те, кто в своё время готов был драться за право украсить новым полотном Манель свою гостиную, стали спешно от них избавляться. Я достал и собрал под своей крышей те, которые смог, – иные из них ты могла видеть по дороге сюда.

Ева вспомнила картины в коридоре, мانившие её той ночью, когда она пробиралась в золотую гостиную с Люче в руках.

Запоздало подметила: то, что она сперва приняла за перчатку, было кровью, капающей с белой женской кисти на гору белых костей.

– Айри никогда не понимала красоты. Особенно искусства. Ни его красоты, ни силы, заключенной в нём. Зато она отлично понимает, какую угрозу оно порой может нести. С твоей драконицей она поступила так же: уничтожила нечто прекрасное, даже не попытавшись это понять. – Чужие пальцы на миг легко коснулись её плеча. – Я сожалею.

В этом жесте, как и в голосе, сквозило сочувствие, которого Ева точно не ждала – не от него. Как не ждала от себя горькой кривой

улыбки, приправившей её следующие слова:

– А ведь у нас говорят, что красота спасёт мир.

– Красота не спасёт мир. Это мы должны спасать её от мира. – Кейлус отстранённо встряхнул сизый бархат, перекинув его через руку. – Одно из немногих занятий, на которые не жалко потратить жизнь.

– Слуги, которых вы приютили в своём доме, для вас тоже красота?

Её собеседник замер, выдав: этого не ждал уже он.

– Вижу, вы с Тимом о многом успели поговорить. – Стряхнув мгновенную скованность, Кейлус равнодушно пожал плечами. – Мои слуги – сведение счётов. Я отбираю у Айри жизни, которые она сочла необходимым оборвать. Иду против неё и её режима, пусть даже в таких мелочах. Я бы мог, конечно, последовать примеру Манель и её собратьев по несчастью, но их акты открытого неповиновения мне кажутся настолько же глупыми, насколько восхитительными. Они могли сотворить ещё столько прекрасных вещей... принести их в мир, подарить их людям. В подобные времена многие держатся и живут искусством, лишь оно не даёт им сойти с ума. И что же? Вместо этого Манель и подобные ей отважные идиоты ввязались в игры, в которых ничего не смыслили, и погибли ни за что – красиво, безрассудно, бесполезно. Пока они жили и творили, они помогали тысячам. Их гибель не помогла никому, лишь сделала мир ещё беднее и темнее.

– Вы сводите счёты?.. С Айрес? За что?

– Это тебе знать ни к чему.

Ответ был учтивым, но непреклонным. Заставившим Еву смириться: к этому повороту она может приблизиться, но не шагнуть на ждавшую за ним дорогу.

Пока.

– Надо сказать, я удивлён, – сказал Кейлус, помолчав. – Был удивлён ещё вчера, когда ты объяснила, почему меня не убила. Ты поняла натуру моей дорогой сестры, сведя с ней лишь поверхностное знакомство.

Это заставило Еву едва слышно фыркнуть.

– Я посмотрела на неё. Она пустила в меня две стрелы. Я и слова сказать не успела. Не думаю, что это можно назвать знакомством.

Прежде чем Кейлус отвернулся, чтобы снова скрыть «Красную королеву» под плотной тканью, на губах его мелькнула ускользающая улыбка:

– Я же говорил. Айри всегда недоступно было понимание красоты.

Ева следила, как его руки заслоняют их от взгляда королевы, в котором таяло безумное торжество.

– За какую правду вы ответите на вопрос: «Мне кажется, или вы со мной заигрываете»?

От неё отвернулись так безразлично, что Ева почти готова была поверить: все реплики, прозвучавшие с момента, как она опустилась в кресло у камина, ей просто померещились.

– Игра окончена. Я на сегодня услышал достаточно. Ты, полагаю, тоже. – Проследовав к дверям, Кейлус распахнул одну, чтобы многозначительно встать у порога. – Доброй ночи.

Она вышла, не прекослова. Действительно услышав достаточно – и куда больше, чем ожидала.

На самом деле затеянная игра изначально была нечестной. Если Кейлус Тибель безошибочно распознавал её ложь, Ева не могла ручаться, что хоть что-то из рассказанного им – правда. Ей оставалось только верить в своё чутьё и верить ему – человеку, верить которому у неё не было ни единой причины.

Знать бы ещё почему, понимая это, она всё равно верит.

* * *

Второй вечер своего заключения Гербеуэрт тир Рейоль встречал, сидя на аккуратно застеленной кровати в отведённых ему покоях и прижав пальцы к вискам.

Ночевать в этих покоях ему было далеко не впервой. Когда-то он даже радовался возможности встретить ночь здесь вместо того, чтобы возвращаться домой. Пусть Айрес не дула ему на разбитые коленки, но исправно навещала племянника перед сном: поправляла одеяло, целовала в лоб, желала доброй ночи – от матери он привык такого не ждать. Господин Рейоль был категорически против «этих ваших девичьих нежностей», а между возможностью быть хорошей супругой и хорошей матерью госпожа Рейоль без долгих колебаний выбрала

первое. Однако Айрес тирин Тибель никто, ничего и никогда не посмел бы указывать.

Наследнику рода Рейоль потребовалось пятнадцать лет и изрядная трёпка от жизни, чтобы избавиться от своих наивных детских иллюзий, что где-то есть место, где ему всегда будет безопасно и тепло. И человек, который никогда не сделает ему больно.

– Так ты и в голове решать задачи умеешь, – констатировал Мэт, возникнув в кресле перед камином.

Герберт ничем не проявил, что его услышал. Лишь опущенные ресницы его на миг дрогнули. А может, то и вовсе была игра света от огня, заливающего сумраком просторную комнату в любимых королевой багровых тонах: из-за того, что наследник престола сидел совершенно неподвижно, волшебные кристаллы давно уже погасли.

Запах лилий, которые так любила Айрес, щекотал ноздри, душил изысканной приторностью.

– Всё пытаешься взломать защиту милого дядюшки? – не дождавшись ответа, демон вольготно перекинул ноги через подлокотник. – Ну да, бумажки или их след легко обнаружить, а ментальный взлом в отношении тебя Её Величество не практикует...

Герберт не откликнулся. Правда, опустил одну руку на колено, по пути махнув ею так, будто перечёркивая нечто написанное в воздухе.

– Не бойся, слежки нет. Не сейчас и не в этой комнате, по крайней мере.

– Я знаю, – процедил некромант, не открывая глаз. – Как ты мог заметить, я немного занят.

– А я думал, тебе будет интересно узнать, как поживает наша златовласка. Но нет так нет.

Даже это не заставило Герберта посмотреть на него.

– Как она? – просто спросил некромант.

– Сносно, сносно. Твой дядюшка с ней на удивление мил. Порой даже слишком, – доверительно сообщил Мэт. – Да и времени у неё без тебя, как понимаешь, не так много.

Герберт снова не ответил. Только рука на колене сжалась, впиваясь ногтями в чёрную ткань брюк.

– Даже если ты решишь свою задачку и взломаешь защиту поместья, придётся рисковать тем, что дорогая тётушка раскроет твой

маленький секрет. Но, если хочешь, я могу услужить. Одно слово, и сегодня же она будет свободна.

– Нет, – отрезал некромант без раздумий.

– Я и оживить её могу. Знаешь ведь, что могу.

– Никаких сделок.

– Почему, малыш? Не готов ради любимой оказать мне маленькую услугу?

Вкрадчивостью демонского голоса можно было смазывать ржавые замки.

– Не ту, о которой ты попросишь.

– Так весь вопрос в цене? Но ты ведь... Хотя нет, ты знаешь. Вижу. – Он тихо посмеялся – с удовольствием от того, что всё не будет так просто. – Ладно, упрямец. Могу передать ей привет, если хочешь.

– Сомневаюсь. Не в твоих интересах вселять в неё надежду. – Герберт всё же взглянул в лицо под золотыми кудряшками: огонь поделил лик Мэта на две половины, и если свет, лежавший на одной, подчёркивал его невинность, вторая тонула во тьме, в которой тем ярче сиял дьявольской синью светящийся глаз. – Ты ведь и ей предлагаешь *помощь*, верно?

Демон только рассмеялся вновь. Громко, задорно, словно предвкушая что-то чрезвычайно приятное.

– Удачи, малыш, – сказал он, прежде чем удалиться в незримое, из которого пришёл. – Посмотрим, кто из нас окажется быстрее.

Даже оставшись наедине с тенью, Герберт не шелохнулся.

Таким его и застала Айрес, заглянувшая в комнату немногим позже.

– Вижу, не занят. Выпьем фейр? – спросила она – так приветливо, как могла спросить племянника обычная добрая тётушка, к которой тот заглянул в гости на выходные. – Если ты не против.

Без единого слова поднявшись на ноги, Герберт безропотно направился навстречу королеве, ждавшей его в дверях.

Не в его интересах было показывать, насколько он против. По крайней мере сейчас.

Глава 10

Duetto [\[14\]](#)

Когда на другой день Ева выбралась из спальни, чтобы продолжить переговоры, Кейлус вновь обнаружился в комнате с роялем.

На сей раз она не стала ждать вечера. Может, её и позвали бы вновь, но вечно позволять гостеприимному хозяину навязывать свои правила – не вариант. И чем дольше Ева здесь, тем стремительнее сходит с ума Герберт, а она достаточно хорошо знала своего

некроманта, чтобы понимать, чем это может закончиться. Если бы только Мэт, зараза, мог передать ему, что беспокоиться особо не о чем...

...или если бы она могла заключить сделку, идеально продумав мелкий шрифт, будучи уверенной, что её не обманут...

Дорогой Ева грустно постояла перед картинами Манель, упокоившейся в подвалах Охраны или ином, не менее недружелюбном месте; после «Красной королевы» отличить её стиль от других не стоило труда. Потом, вежливо постучавшись, заглянула в золотую гостиную.

Её одарили взглядом, ясно говорившим: вежливость лиэр Кейлус ценил. Особенно когда та исходила от персоны, от которой ожидать невежливости было в общем-то вполне естественно.

– А, это ты, – проговорил хозяин дома, записывавший что-то на нотном листе. Вновь уткнулся в своё сочинение, до боли напоминая Герберта, когда тот увлечённо работал над чем-то. – Можешь зайти. Если не будешь мешать.

...нет уж. Расклад со сделкой подразумевал столько мелкого шрифта, что почти не оставлял места для крупного. И, кажется, Мэт сам прекрасно понимал, что Еву так просто не купить – учитывая, что демон не показывался со вчерашнего вечера.

Из этой передряги ей придётся выпутываться без посторонней помощи.

Почти неслышно прикрыв за собой дверь, Ева приблизилась. Застыв у Кейлуса за спиной, не решаясь заговорить, какое-то время наблюдала из-за его плеча, как выплескивается на бумагу музыка. В этот раз он даже не наигрывал ничего – записывал то, что звучало у него в голове, сосредоточенно и неотрывно, точно рядом не было никого, лишь изредка мурлыкая что-то себе под нос. Впрочем, Ева стояла так тихо, что о ней и правда легко было забыть: просто смотрела на строчки, покрывающиеся нотами, воспроизводя их внутренним слухом.

Когда Кейлус, проведя двойную черту, оглянулся на неё, Ева поняла: она сдала ещё один зачёт в системе испытаний, что необходимо было выдержать для успешного диалога с её тюремщиком.

– А ты умеешь молчать. – С ленивой грацией он выгнул спину, уставшую за время работы. – И слушать.

– Это для виолончели? – спросила Ева, глядя на одинокую нотную строчку, что тянулась над двойным нотоносцем, предназначенным для партии фортепиано.

Определить, какой инструмент должен был её исполнить, по тембру оказалось несложно. И по чтению нот, записанных почти начисто, выходило нечто столь прекрасное, что Еве страстно хотелось услышать это не только внутренним слухом.

– Для сизэлы и клаустура.

Это бросили так просто и небрежно, будто его гостья, играющая на этой самой сизэле, не имела к этому ровно никакого отношения.

– Мне хотелось бы это сыграть, – глядя на ноты, признала Ева – неожиданно даже для себя.

– Мне хотелось бы послушать, – откликнулся Кейлус серьёзно и мягко.

– Не предлагаю отпустить меня, чтобы я могла наведаться в замок Рейолей за инструментом, потому что, полагаю, вы всё равно не согласитесь. Даже если я честно-честно пообещаю, что вернусь.

– А ты вернёшься?

– Нет. Не сразу, во всяком случае, – поправилась Ева. – Сперва избавлюсь от браслета, чтобы в следующий раз заглянуть в гости свободным чело... зомби.

Она не лгала. Понимая, что отпусти её Кейлус сейчас, и она действительно вернётся. Просто потому, что ей хотелось, чтобы этот человек был им с Гербертом союзником, а не врагом.

Просто потому, что ей хотелось наконец понять, почему же это не так.

– Вот как? – когда он подвинулся вправо, на самый край банкетки, тёмные глаза странно блеснули. – Садись.

Ева воззрилась на чёрный бархат длинного сиденья. На Кейлуса, раскладывавшего исписанные листы на пюпитре так, чтобы не было нужды их перелистывать.

– Зачем?

– Как я уже говорил, мне хотелось бы послушать, как это звучит. Третьей руки мне боги не дали, двумя обе партии мне не сыграть. Умеешь читать с листа?

– На фортепиано – паршиво.

– Мелодия несложная. Думаю, справишься. – Во взгляде, обращённом на неё, искрилась приглашающая насмешка. – Соблаговолите оказать мне эту честь, лиоретта? Раз уж вы сами изъявили желание исполнить мои скромные опусы.

Прости, Герберт, совестливо подумала Ева, опускаясь на банкетку, бедром и локтем чувствуя чужое тепло. Извиняться было, конечно, не за что, но она подозревала, что образовавшаяся картина некроманту вряд ли понравилась бы.

Когда левая рука Кейлуса скользнула по её талии, чтобы, приобняв её, лечь на басовые регистры, оставив Еве средние, – подозрение обратилось уверенностью.

– Что такое? – ощутив напряжение, сковавшее её спину, пропели ей в шею. Ева сомневалась, что из этой позиции, когда его лицо почти зарывается ей в волосы, Кейлусу хотя бы видна клавиатура – и была уверена, что он вполне может играть даже с завязанными глазами. – Никогда не играла в четыре руки?

Ещё издевается... Ладно, лиэр Кейлус.

Вызов принят.

– Немножко не по моему профилю, – очень спокойно откликнулась Ева, чуть подавшись вперёд, задрав плечи. Любой преподаватель по любому инструменту убил бы за такую осанку, но выбирать особо не приходилось. – Хотя с одноголосием я вполне справлюсь и одной рукой, а опыт игры в три руки со мной точно случится впервые.

– Тебе понравится, – заверили её со смешком, пробиравшим душевной дрожью. – Следи за текстом. Вступаешь в десятом такте.

И почему она сидит вместо того, чтобы отпихнуть его и вскочить? Почему вообще не боится того, чего бояться в этой ситуации было бы совершенно естественно? Чего она и боялась – прежде, чем села за этот инструмент и сыграла ему Шопена?..

...как бы там ни было, уже поздно.

Руки, лежащие на чёрных клавишах, заиграли вступление на шесть восьмых, неторопливое, околдовывавшее светлой лиричной печалью. Чужие пальцы гладили клавиатуру по обеим сторонам от Евы, ровно там, где вскоре предстояло заиграть ей – виолончельным тембром вместо настоящей виолончели, – пока она не отрывала взгляда от нотных строк.

Четыре такта. Три. Два.

Вступила она вовремя, перевивая одинокий солирующий голос со звуками соль-минорного трезвучия, замершими в предвкушении, окутанными педальным флёром: педаль нажимал Кейлус, неслышно опуская и поднимая мысок рядом с её туфлями. Соль минор, в котором Шопен и Рахманинов написали свои виолончельные сонаты, а Чайковский – «Зимние грёзы»... Если идти по квинтовому кругу^[15], ля минор – печальный и меланхоличный; ре минор, в котором Моцарт не зря написал свой «Реквием» – безнадёжный и торжественный, как поступь рока. Соль же – тональность светлого, щемящего, поэтичного одиночества; и сейчас музыка без слов пела о прощании и любви, о маяке среди моря тьмы и звёздах, колко сияющих сквозь зимнюю стужу.

Левая рука Кейлуса скользила в текучих волнообразных переливах аккомпанемента. Пальцы правой звонкой флейтой пели в верхних регистрах, вплетая щемящие трели в прихотливую мелодию, которую Ева выводила в средних (она подозревала, что для её удобства Кейлусу приходится перекраивать собственный текст, но кому как не ему знать, как сделать это с наименьшими потерями в гармониях и фактуре). Она сама не заметила, как за звучанием кантилены забыла и о том, что под пальцами – не её инструмент, и о странной игре, в которую они оба играли. Осталась та, в которую невозможно было играть – лишь играть её. И Ева играла: почти так же свободно, как делала это смычком, не стараясь подчинить мелодию единому темпу, идя за музыкой и её порывами, и каким бы вольным ни было её *rubato*^[16], вторая партия звучала с ним в идеальном единении. Устремлялась вперёд, когда псевдовиолончельное соло, забывшись, летело в пылу страсти или надежды. Чутко замедлялась, когда мелодия замирала, или задумчиво расставляла конец музыкального предложения. Тут же подхватывала инициативу, когда соло, опомнившись, возобновляло мерное кружение медленного вальса. Порой спорила, перебивая мелодический голос другой темой, – и тут же, словно извиняясь, возвращалась к поддержке, окутывая его пестрядью звуков, что струились шёлковой вуалью, проникали в кровь и кости, подчинялись подчинением. Три руки ткали один музыкальный гобелен; два человека, не связанных ничем, даже настоящей враждой, творили одно на двоих волшебство.

Танец пальцев по клавишам. Ладони, сходящиеся и расходящиеся, почти касаясь друг друга. Музыка, рассказывающая о расставании и

близости, что не убьют ни годы, ни разделивший вас океан...

Педадь длила финальный аккорд, даже когда руки их уже соскользнули с клавиатуры. Слушая, как он истаивает в тишину, Ева почувствовала, как Кейлус выпрямился, разрывая их странную пародию на объятие.

– Недурно для музыканта другого профиля, – сказал он, сев уже просто рядом.

Ева повернула голову, чтобы увидеть его глаза – больше не смеющиеся.

Она никогда не ощущала подобной синхронии. Ни с кем. Ни с одним своим концертмейстером. И многое отдала бы, чтобы Дерозе сейчас действительно оказался у неё, даже если браслет всё ещё будет на её руке.

Играть с человеком, чувствующим тебя *так*, – наслаждение, с которым многие другие и рядом не стояли.

– Вы со мной заигрываете, – сказала она, повторяя то, что пыталась спросить вчера. – Правда или ложь?

Конечно, после случившегося ответ казался очевидным. И всё же Еву не оставляло глупое, возможно, ощущение, что в этом столько же игры в коварного соблазнителя, сколько в злого дядюшку и властолюбивого ублюдка.

Тому, кто однажды превратил всю свою жизнь в игру на лезвии ножа, слишком просто забыть, где игра, а где реальность. И за масками, сотворёнными, чтобы прятаться от мира, потерять самого себя.

Он улыбнулся – легко, как добрый знакомый:

– Правда на правду, Ева. Правда на правду.

– Хорошо. – Она смотрела на него без тени смущения. – Вы самый прекрасный музыкант, которого я видела, слышала и встречала за свою жизнь.

– Музыкант, – повторил Кейлус пронизательно, – но не человек. Не мужчина.

Ева не ответила. Просто не краснея, не робея, не опуская взгляд смотрела в его лицо – которого, чуть подавшись вперёд, могла бы коснуться губами. Просто потому, что эта близость не вызывала в ней ровно никаких чувств.

Как бы Кейлус Тибель ни напоминал порой того, кто ждал её в замке Рейолей, он не был им. И никогда не будет.

Он отвернулся, глядя в ноты.

– Мне забавно играть с тобой. Во всех смыслах. – Он заговорил с той же усталой искренностью, какую до того Ева слышала от него лишь однажды – здесь же. – Если бы ты могла забыть об Уэрте, я достиг бы сразу нескольких целей, и, поверь мне, я добился бы этого, если б хотел. Полагаю, Тим был бы даже не против: он считает, что и так задолжал мне немало, чтобы в чём-либо меня ограничивать. Но ты не забудешь об Уэрте, ты слишком славная, слишком маленькая и слишком мёртвая девочка, чтобы быть в моём вкусе, и ты слишком милый ребёнок, чтобы я мог этим воспользоваться. – Чуть повернув голову, он взглянул на неё: в глазах медными искрами танцевала ирония, и она запоздало поняла, почему перестала его бояться. – И, как и ты, я слишком ценю того, с кем уже связан, чтобы предпочесть ему даже прекраснейший в мире дуэт.

В этих глазах был интерес. Смех. Уважительная нежность – к той самой красоте, что он ценил превыше всего и которую разглядел в ней, стоило ей сесть за его инструмент. Как она чуть раньше разглядела её в нём.

Но желания – не больше, чем когда он взглядом учёного смотрел на рубин в её груди.

– В таком случае буду очень вам признательна, если вы перестанете...

Закончить фразу ей было не суждено.

Лик Кейлуса утонул в заволочшей комнату сумрачной дымке. Стены поплыли во внезапном головокружении.

Захлёбываясь темнотой, волной захлестнувшей её сознание, Ева ещё успела обиженно подумать «за что» – и услышать откуда-то взявшийся голос Динки, сочувственно вздохнувший «дурилка».

Очнулась она от того, что чьи-то пальцы застёгивали пуговицы у неё на спине. Во всяком случае, понимание, что она лежит лицом вниз, пока кто-то застёгивает на ней платье, вынудило Еву сесть столь резво, словно только что она не валялась в обмороке.

Если, конечно, это был обморок.

Осознав себя на золотистой шёлковой софе, приткнувшейся у стены всё той же гостиной с роялем, Ева устала сидеть на Кейлуса – тот сидел рядом, на полу, опустившись на колени.

– Конечно же, я воспользовался ситуацией, дабы беспрепятственно сотворить различные мерзости с твоим ледяным безответным телом, – правильно истолковав мучительно-беспомощное выражение её лица, скучающе произнёс тот. Тут же успокаивающе вскинул руки: – Тише, мне просто нужно было взглянуть на рубин. В твоём состоянии, сама понимаешь, трудно определить, умерла ты с концами или отключилась временно.

Облегчение, читавшееся в его лице, опровергло догадку, возникшую у Евы за миг до падения в черноту. Миг, в который она успела испытать ощущение, как будто её предали.

Было бы кому и что предавать.

– Так это... со мной... сделали не вы?

Кейлус качнул головой.

Чёрт.

– И долго я так?

– Пару минут.

– Но тогда что...

Её прервали звуки фортепиано, раздавшиеся одновременно с тем, как окрестности вновь размылись в лёгком головокружении.

На банкетке за клаустуром сидела светловолосая девушка в чёрном бархате. Игравшая – внезапно – до-диез-минорную прелюдию Рахманинова. Впрочем, само её появление невесть откуда было не менее внезапным. Как и то, что светлая макушка казалась Еве подозрительно знакомой.

Оборвав музыкальную фразу на середине, девушка оглянулась через плечо, заставив Еву почти задохнуться от удивления.

– Неплохой инструмент, – заметила Динка, крутанувшись на банкетке, чтобы повернуться к ней. – Вообще я люблю, когда клавиши полегче, но даже на такой сыграть после стольких-то лет – кайф.

...она может дышать?..

– ...Ева!

Голос Кейлуса пробился словно сквозь пелену. Ощущение чужих ладоней на плечах пришло вместе с ним: одновременно с тем, как исчезло головокружение, прихватив с собой чувство спёршегося от шока дыхания.

Ева уставилась на пустую банкетку. Перевела взгляд на Кейлуса, лишь сейчас прекратившего трести её за плечи.

– Что ты видела?

– Неважно. – Заметив, что пальцы её успели непроизвольно вцепиться в его кисти, она растерянно разжала руки. – Её всё равно здесь нет. И не могло быть.

– Галлюцинации?

– Видимо...

Или развлечения Мэта. Одно из двух.

Хотя нет: Кейлус рядом, а морочить Еве голову в его присутствии запрещено по договору.

– Скажи, что ты не притворяешься.

– Хотела б я, чтоб это было притворство.

Ева почти огрызнулась. Огрызаться не хотелось, но расшалившиеся нервы не хотели прислушиваться к доводам сознания, шалившего не меньше.

Кажется, Кейлуса, пытливо всматривавшегося в её глаза, это убедило лучше чего бы то ни было.

– Хотел бы я тебе не верить. – Он отпустил её. Выждав немного – словно желал удостовериться, что она не упадёт, – поднялся на ноги, не сводя взгляда с её лица. – Уэрти ведь не только энергией тебя поддерживал, верно?

Ева не ответила. Не была уверена, что рассказать про ритуальную ванну – правильное решение.

В конце концов, Кейлус тоже некромант, и не самый глупый. Если ему удастся подобрать нужный состав, у Евы исчезнет даже тот сомнительный рычаг давления, который появился только что.

– Скажи, – без труда прочитав её мысли, с мягкой настойчивостью сказал он. Скорее предлагая, чем приказывая. – Ради твоего же блага.

– Я не вправе раскрывать его секреты.

– Это не только его секреты, но и твои. И тебя они касаются больше, чем его. Хочешь упокоиться навсегда?

– Нет. Не хочу. – Она сощурилась, вглядываясь в тёмную бронзу его радужек. – А вы хотите?

Пауза, предшествовавшая ответу, была почти незаметной.

– Нет. Это не в моих интересах, – тут же небрежно добавил Кейлус.

– Тогда отпустите меня.

Меньше всего его сузившиеся глаза походили на глаза человека, способного согласиться на подобное предложение. Но из событий, пережитых под его крышей до сего момента, Ева уяснила одно: показного пренебрежения к её судьбе Кейлус Тибель выказывает куда больше, чем испытывает на деле.

– Отпустите, – повторила она. – Если я погибну – окончательно погибну – кому от этого будет лучше?

– Нет. – Он рывком отвернулся, отняв у неё возможность заглядывать ему в глаза – снизу вверх, открыто, непозволительно доверчиво. – Я не упущу такой шанс отомстить.

– Отомстить кому? За что?

Но Кейлус уже отошёл к двери, и слова, вырвавшиеся у него спонтанно, бездумно, прояснять не стал.

– Отдыхайте, лиоретта. Юми скоро придёт, проводит вас до спальни. На случай новых эксцессов. – Прежде чем уйти, ей поклонились с подчёркнутой, преувеличенной, издевательской любезностью. – Раз вы не склонны к сотрудничеству, я поищу в книгах, что может вам помочь.

Следовать за ним Ева не решилась. Так что покорно дождалась Юми и позволила отвести себя в спальню. Оставшись в одиночестве, опустила на кровать и уронила голову на руки, пытаясь понять, что делать в изменившихся обстоятельствах.

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

– Так-так-так, – пропел лёгкий на помине Мэт, проявляясь на подоконнике. – Вот и последствия.

– Твоих рук дело? – уточнила Ева безнадежно.

– Сама ведь знаешь, что нет. – Демон улыбнулся мрачности в её лице. – Сестричка рассказывала тебе, что происходит с альпинистами на большой высоте? Считай, ты сейчас тоже страдаешь от гипоксии. И не только от неё.

– Динка пыталась. Я не хотела слушать.

– Люблю время от времени посматривать в горы: презабавные там бывают случаи. Кто-то делился кексом с невидимками. Кто-то начинал советоваться с собственными ногами, куда ему идти. Кто-то раздевался, потому что в минус пятьдесят в куртке ему становилось жарковато. Кому-то мерещилось, что добрый незнакомец поит его чаем, и в благодарность отдавал ему свои ботинки... На высоте семи тысяч

метров результат, как ты понимаешь, был печальным. – Угадав её мысли по выражению глаз, Мэт улыбнулся шире. – Не надумала пойти по лёгкому пути?

– Нет. – Ева угрюмо уставилась в пол. – Не надумала.

– Жаль, жаль. А то наш малыш, видишь ли, вряд ли успеет к тебе на помощь в ближайшее время.

– Ты видел Герберта? Что с ним?

– Я-то лишён такой бесценной неудобной мелочи, как материальное тельце, так что не обязан сидеть в четырёх стенах, – заметил демон колко. – Их дуэль с Мирком не состоялась. Её прервала королева. И она же потом забрала племянничка к себе, приказав ему безвылазно сидеть во дворце... клятвой вассала.

Евины руки, дрогнув, непроизвольно упали на колени – и с губ её сорвалось что-то среднее между стоном и ругательством, желавшим Её Величеству Айрес тройной альтерации или хотя бы долгой и мучительной модуляции в тональность несуществующей степени родства.

– Что, так и приказала?

– Увы, формулировка была более точна. Малышу из дворца не выбраться, пока она не сменит гнев на милость. А я сомневаюсь, что это случится скоро.

– У Герберта был план. Как обмануть клятву. Он говорил, что продумал... – Ева судорожно пыталась вспомнить слова, звучавшие в одном из давних разговоров. – Он ведь придумал что-то?

Мэт качнул головой: неторопливо и неумолимо, как маятник, отсчитывающий минуты до гибели.

– Сожалею.

– А даже если придумал, ты всё равно мне не скажешь, так? Тебе ведь это на руку – моя беспомощность. Чтобы ты мог опять завести шарманку про сделку.

– О, женщины. Имя вам «несправедливость». – Демон спланировал с подоконника на пол изящно, как балетный танцор. – Кажется, факты говорят в мою пользу. Почему, как думаешь, он до сих пор за тобой не пришёл? Что на свете могло бы остановить его?

– Дом Кейлуса окружён магической защитой. Он сам говорил. Может, Герберт и приходил уже, просто я не...

– Ты правда думаешь, что такому умнице, как наш малыш, доставила бы проблем какая-то там защита?

Ева хотела ответить «да». В конце концов, на службе у Кейлуса состояли бывшие типы из Охраны, а они свой хлеб ели, можно сказать, прямиком из королевских рук – и уж точно не за просто так. Затем задумалась, хорошо ли с её стороны сомневаться в собственном возлюбленном, по всеобщему признанию являвшем собою величайшего гения всея Керфи.

Зависнув меж двумя противоположными по сути убеждениями, в ступоре вперилась в цветочные узоры, вьющиеся по ковру.

– Скоро тебе станет хуже, – сказал Мэт, наблюдая за сомнениями и размышлениями, калейдоскопом сменявшимися в её лице. – Предупреждаю.

– Значит, Кейлус поймёт, что держать меня в заточении дальше глупо.

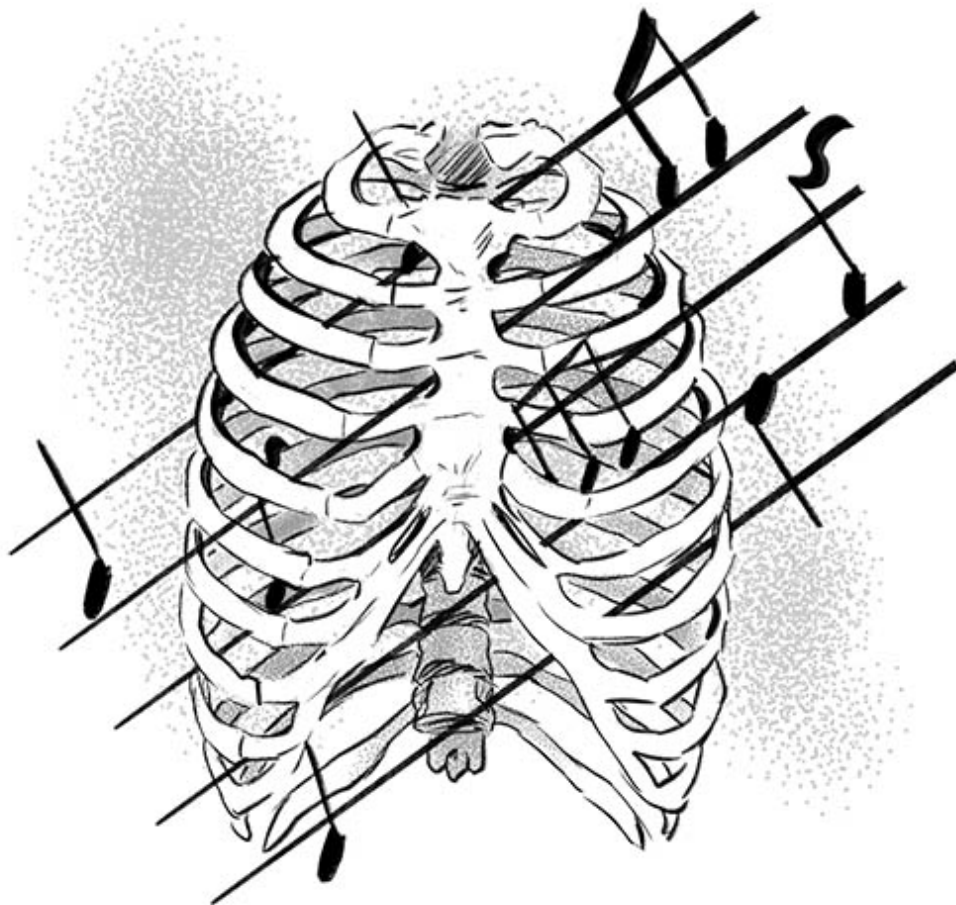
– Или попытается подобрать свой метод поддержки твоего тела и мозга в форме. Вполне возможно, даже тогда, когда будет уже поздно. Ты, конечно, и сейчас немножко мертва, но если станешь ещё мертвее...

– Я выберусь отсюда. Выберусь. Без тебя. – Ева упала головой на подушку, свернувшись калачиком на постели, глядя в стену. – А в замке Рейолей я и сама себе ванну как-нибудь организую. И освобождение Герберта тоже.

Но, слыша тихий понимающий смех, спиной чувствуя его выжидающий взгляд, она понимала: оптимизма в ней куда меньше, чем было пару часов назад.

Глава 11

Estinto [\[17\]](#)

– Откровенно говоря, с детства мечтал о домашней зверушке, – проговорил Миракл, пока дракончик под его наблюдением жадно глотал кусочки печёного мяса, – но полагал, что она будет более... традиционной.

Яйцо последний керфианский дракон пробивал долго. В прошлый раз Миракл удалился, так и не дождавшись его появления на свет. Зато,

наведавшись в замок Рейолей через пару дней, обнаружил в сокровищнице янтарные осколки вместо яйца и Эльена, пытающегося накормить новорожденного: тот забился под жаровню, да так, что видны были лишь травянистые отблески чешуи да мерцание кошачьих зрачков.

– Он там с утра скрывается! – пожаловался призрак, опустив руку и уронив мясо на россыпь глухо звякнувших монет. – Я заглянул его проведать, а это... сокровище уже тут. Я и оставлять угощение ему пробовал, всё одно не ест...

Застыв за порогом, Миракл с сомнением посмотрел на жестяную миску в руках дворецкого, полную обугленных кусков курятины, источавших характерный запах костра и жаркого.

– Ты уверен, что ему это можно?

– «Монография о драконах» утверждает, что драконьи чада с первых дней питаются жареным мясом. Сырое не едят – родители поджаривают для них, пока они не могут сами. – Махнув рукой на миссию драконокормления – в прямом и переносном смысле, – Эльен устало поднялся с пола. – Хотя чихают пламенем они чуть ли не с первых дней.

Миракл посмотрел на жаровню, из-под которой за треском огня слышалось угрюмое сопение.

– А выйти из комнаты он может? С этой защитой...

– На драконов магические защиты – даже столь превосходнейшие и мудрёные, какие творит господин, – не действуют. Как и большая часть заклятий.

– Тогда у меня есть идея. – Хмурая морщинка на лбу юноши исчезла одновременно с тем, как в ореховых глазах мелькнул весёлый медный проблеск. – У тебя на кухне ещё осталась еда?

Спустя время, требуемое для похода на кухню и обратно, они с призраком, следующим в некотором отдалении от гостя, приблизились к сокровищнице; поставив блюдо с мясом перед открытой дверью, Миракл отошёл подальше.

Спустя время, требуемое, чтобы кто-то, учуявший запах съестного, осторожно прокрался от жаровни до двери, порог переступили чешуйчатые лапки.

Дракончик был размером с не крупную собачку. Шелковистые бежевые крылья попоной укрывали спину, на которой ещё не

проклюнулись шипы, абрикосовые глаза – больше, чем у кошки – подозрительно косились на незнакомцев. Впрочем, Миракл и Эльен заняли вдаль позицию терпеливых статуй, и усыпленная бдительность проиграла разыгравшемуся аппетиту.

– Но почему он не хотел... – начал Эльен, когда дракончик принялся уплетать угощение, стягивая мясо с блюда на каменный пол. Тут же осёкся. – А.

– Звери не слишком жалуют нежить, если помнишь. И то, что успело ею... пропахнуть, – подтвердил Миракл, наблюдая за трапезой. Насыщенный малахитовый цвет драконьей чешуи чудно оттенял белизну мелькающих клычков. – У тебя из рук или из миски, которая в них побывала, он есть не будет.

– И как прикажете заботиться о нём в замке, где на данный момент обитает исключительно нежить?

Поколебавшись, Миракл всё же сделал шаг вперёд. Не дождавшись реакции, подошёл ещё ближе. В конце концов его заметили, но не побежали – просто замерли, настороженно сжавшись у края блюда с недожёванным мясом в пасти.

Присев на корточки, Мирк протянул к дракончику руку. Тот заинтересованно вытянул шею, обнюхал чужие пальцы – и, словно узнав запах того, кому он обязан своим первым в жизни обедом, дружелюбно боднулся о них покатым тёплым лбом.

– Кажется, заботиться о нём придётся не тебе, – резюмировал юноша, когда дракончик продолжил безмятежно жевать.

– Не слышу бурного энтузиазма в вашем голосе, – заметил Эльен осторожно.

– Маленьким я периодически протаскивал в дом щенят с псарни. Особого понимания у родителей это не находило. Не думаю, что теперь мама с восторгом отнесётся к тому, что вместо щенка я притащил дракона.

– Осмелюсь напомнить, лиэр, вы будущий правитель Керфи. Который давно уже волен сам решать, что ему делать и как поступать.

– Напоминай об этом моей маме, да почаще. – Почёсывая малыша по чешуйчатому загривку, Миракл вздохнул. – Откровенно говоря, с детства мечтал о домашней зверушке. Но полагал, что она будет более... традиционной.

Ворча от удовольствия, дракончик проглотил очередной кусок. Вскинув голову, подозрительно сморщился.

Миракл успел убрать руку и отпрянуть прежде, чем тонкий сноп пламени, вырвавшись из чешуйчатых ноздрей, плеснул ему в лицо.

– Зато с этой зверушкой скука отныне будет старательно обходить вас стороной, – сочувственно проговорил Эльен, пока юноша спешно стряхивал с плаща огненные искры.

– Это точно, – выдохнул Миракл, убедившись, что ему не грозит превратиться в факел.

– А ещё драконье пламя обладает воистину волшебными свойствами. Если верить слухам, скользящее касание его излечивает отравленные раны, с его помощью гномы заколдовывают и закаляют свои магические мечи...

– Если надумаю переквалифицироваться в кузнецы, обязательно учту, – голос Миракла почти не звучал саркастично. – Когда они начинают говорить?

– В «Монографии» сказано, около пятого года жизни. И речи их надобно учить, словно обычных человеческих детей.

Миракл наблюдал, как наевшийся дракончик деловито топает к его ногам, цокая по камню короткими коготками. Садится на полу, трогательно глядя на юношу снизу вверх: взглядом, слишком преданным для новорожденного, слишком осмысленным для животного.

– Кажется, теперь с женитьбой мне точно можно не торопиться, – пробормотал Мирк. – Радостей отцовства на ближайшие лет десять и без того хватит.

На периферии зрения мелькнул белый мех; Эльен успел подхватить блюдо с пола прежде, чем Мелок умыкнул то, что не доел последний детёныш Гертруды.

– Так вы говорите, с господином Уэртом всё в порядке? – невзначай спросил призрак, возвращаясь к беседе, начатой ещё во время вылазки на кухню.

– Мои осведомители говорят, он во дворце на положении гостя. Но он бы не пропал в гостях вот так, не связавшись ни с кем из нас, верно?

Эльен угрюмо кивнул, отступив подальше от дракончика: тот при его приближении вжался в ноги Миракла, недвусмысленно скалясь.

– А тебе, как и мне, – продолжил юноша, – прекрасно известен рычаг давления, с помощью которого Уэрта могут удерживать в гостях неограниченное время.

– Надеюсь, клятва не вынудила его поведать королеве непоправимо много. – Отставив поднос на подоконник, призрак подхватил на руки Мелка: учитывая, как недружелюбно кот присматривался к новому обитателю замка и как тот относился к нежити, до прямой конфронтации дело лучше было не доводить.

– Он не знает. Специально не спрашивал.

– О вашем плане и грядущем восстании – нет. Но он может рассказать то, что Её Величеству знать также весьма нежелательно.

– В таком случае даже хорошо, что лиоретта у дядюшки. Он своего не упустит, а уж чтобы уступить своё Айрес – скорее удавится, – мрачно заметил Миракл. – Я знаю своего брата, Эльен. Как выяснилось, не столь хорошо, как мне хотелось бы, но всё-таки. У него обязан быть план... А я в самое ближайшее время нанесу визит во дворец. – Он опустил взгляд, размышляя на тему, как дракончик отнесётся к путешествию в особняк Тибелей. – Сразу, как мне доложат, что Её Величество отлучилась отсюда на достаточно долгий срок.

Прижимая к себе кота, принимавшего призрачные объятия с философским равнодушием, Эльен тоскливо посмотрел в окно, за которым где-то среди зимнего мрака томился в королевском дворце глава дома Рейоль.

– Ах, господин, – молвил призрак со всей скорбью своей не нашедшей покоя души. – И милая наша лиоретта... Как же вы там?

* * *

Когда Юми заглянула в Евину спальню, открывшееся взору зрелище заставило горничную замереть на пороге.

– Лiorетта, – неуверенно окликнула девушка. Не дождавись ответа, тихо и испуганно выскользнула из комнаты.

Вместо неё вернулся уже Кейлус, в свою очередь застывший в дверях.

Напевая, Ева кружилась среди обрывков шёлковой и бархатной роскоши, ещё недавно висевшей у неё в шкафу. Пёстрые куски ткани

рассыпались по ковру гротескным подобием конфетти; рядом валялись невесть где раскопанные ножницы, поблескивая узорными ручками в белом колдовском свете.

– Ева...

Она повернулась на голос так стремительно, что волосы взметнулись в воздухе жемчужной волной.

– Вот и ты, – проговорила девушка нараспев. – А мы как раз закончили урок. – Ева приблизилась к нему – нетвёрдыми шагами, с пьяной шальной улыбкой. – Станцуешь со мной?

Кейлус непонимающе следил, как его берут за руки, чтобы заглянуть ему в лицо с непривычной, невозможной, щемящей нежностью, туманившей голубые глаза ласковой поволокой.

– Эльен научил меня тильбейту, – в голосе, тянущем слова так прихотливо, что они превращались в странную ломаную мелодию, пробились нотки одновременно мольбы и укора. – Пожалуйста, Герберт... Ты так ни разу и не соизволил.

Непонимание в его взгляде сменила сумрачность, когда он осторожно освободил пальцы из судорожной, болезненной хватки.

– Станцую, – сказал Кейлус мягко, накрывая ладонями её виски. – Конечно.

Ева смотрела на него счастливо и светло, пока тот шептал что-то одними губами. Смотрела, пока поволока в её глазах не расступилась, уступая место осмысленности.

– Надеюсь, я не зря предпочёл этой ночью общество книг по некромантии куда более приятному, – заключил Кейлус, опуская руки.

Проморгавшись, словно после кошмарного сна, Ева отступила на шаг. Пошатнулась, с трудом устояв на непослушных ногах.

Воззрилась на изрезанные платья с ужасом, расцветающим в ширящихся зрачках:

– Это что, правда я?..

Перехватив её кисти, Кейлус коснулся свежих ран на пальцах – неосторожные движения ножницами вкупе с отсутствием отрезвляющей боли оставили на коже кровавую роспись.

– Когда ты только попала сюда, раны затягивались мгновенно, – констатировал он невесело. – Похоже, вместе с магией браслет угнетает твою регенерацию, и со временем всё больше.

Ева почти сонно взирала, как браслет мерцает на её запястье отсроченной смертью.

Ясно. Регенерация была призвана поддерживать её тело в одном неизменном состоянии. Теперь, когда она замедлилась, Ева потихоньку превращалась из почти-живой в почти-мёртвую; а первым, конечно же, начинает страдать мозг. И ясность мыслей.

Может, в других условиях она бы и протянула без целебной ванны дольше, но при сложившихся обстоятельствах...

– Что я делала, пока... была не в себе?

– Пригласила меня на танец. – Кейлус отпустил её, чтобы подобрать ножницы. – На ближайшем балу не премину этим воспользоваться, но предпочту танцевать с дамой, которая помнит, кто я. – Он кивнул на лоскутья, устилавшие пол. – Зачем ты это сделала?

Ева смотрела на отблески волшебных кристаллов и каминного огня в изрезанном шёлке.

– Я думаю... мне казалось, что это бумага. И я пыталась сделать бумажных птиц. Чтобы загадать желание.

Кейлус устремил взгляд на обрывки, узнать в которых птиц мог лишь обладатель очень абстрактного и творческого воображения – куда более абстрактного и творческого, нежели то, которым обладал он.

– И какое желание?

– Наверное, ожить. Или выйти отсюда.

В воцарившемся молчании лишь горящее дерево сплетало треском тёплую песню, отвечая ветру, свистящему за окном.

– Что вы собираетесь делать? – тихо спросила Ева потом.

– Посмотрим, насколько Уэрти умнее меня. Вдруг мои методы окажутся не хуже тех, что использовал он. – В словах Кейлуса звучало куда больше спокойствия, чем читалось в его лице. – Если, конечно, ты не поступишь как благоразумная девочка и не расскажешь, каким образом тебя удерживали в шаге до превращения в *настоящее* умертвие.

– Даже если расскажу, вряд ли это вам поможет. Я же не знаю, что именно Герберт там намешивал.

– Намешивал? – он не замедлил воспользоваться её промашкой. – Стало быть, речь о питье? Хотя нет, нет, в твоём состоянии... Компрессы? Или ванна?

Ева помолчала. Собрала всю решимость, которая осталась в медленно отчаивающейся душе и тускнеющем сознании.

– Отпустите меня. Если я просто сгнию здесь, я уже никак вам не помогу. И никому не отомщу.

Он отстранённо вертел в руках ножницы, обводя кончиками пальцев прохладное золото цветочных завитков, складывавшихся в ручки.

– Я посылая Юми за тобой, чтобы ты присоединилась к нам в гостиной, – спрятав ножницы в карман жилета, произнёс Кейлус, прежде чем протянуть ей ладонь. – Если хочешь, можем продолжить беседу там, – устало добавил он, когда Ева оставила жест без внимания, не позволяя ему перевести тему. – Перед камином препираться приятнее, чем здесь.

– Здесь тоже есть камин.

– Зато там ты не помешаешь Юми убрать то, что ты сделала.

Находиться в окружении свидетельств собственного безумия Еве и правда не слишком хотелось. Так что она нехотя позволила подхватить себя под руку и отвести в синюю гостиную: идти самой, когда ноги так и норовили подкоситься, оказалось несколько затруднительно.

«Красная королева» спала под бархатной занавесью. На столике виднелась початая бутылка и бокал, на доньшке которого блеснул напиток, похожий на шампанское. Тим сидел в одном из кресел – с другим бокалом, уже пустым, который при появлении Евы с Кейлусом тут же отставил на стол.

– Всё в порядке? – спросил юноша, глядя на неё с трогательным беспокойством.

– Не совсем, но лучше, чем могло бы быть. – Кейлус подвёл Еву к свободному креслу, чтобы помочь ей сесть. – Нам нужно поговорить. Наедине.

Тот не стал задавать лишних вопросов. Лишь по пути к двери слегка коснулся девичьей руки на подлокотнике, улыбнувшись Еве чистыми светлыми глазами.

Славный он всё-таки мальчик, Тим.

Даже сейчас она не жалела, что тогда позволила ему покинуть замок Рейолей невредимым.

– Стало быть, ты просишь дать тебе свободу, – без обиняков сказал Кейлус, когда они остались одни, первым возвращаясь к прерванному

разговору.

Ева протянула руки к огню: она знала, что не может мёрзнуть, но ей почему-то было холодно. Должно быть, снова шалости гипоксии и отмирающих ней – ронов.

Осознание наступающей смерти, *настоящей* смерти, прошло страхом, какого она не чувствовала никогда. Даже в замке Гертруды. Даже в разбитой машине. Там ей оставили лишь несколько секунд, прежде чем удар при столкновении позволил ей милосердно отключиться. Сейчас у неё было достаточно времени, чтобы она успела в полной мере ощутить ледяное дыхание подкрадывающегося небытия.

Умирать ей очень, очень не хотелось.

– Я не знаю, зачем вам корона, но, чтобы её получить, вы должны обручиться с девушкой, воплотившей пророчество. – Ева заговорила так рассудительно, как позволил ей ужас, всепоглощающим сизым туманом клубившийся в душе. – Я не смогу воплотить его с браслетом на руке. И упокоенной – тем более.

– Но сможешь, если согласишься помогать мне. И действовать во имя моих интересов.

– Каких интересов? Сделать вас королём? – она наблюдала, как Кейлус подливает в бокал местное игристое вино. – Я знаю, кто должен взойти на трон на самом деле. То, что вы гений музыки, не делает вас гением в играх престолов.

– Благодарю за лесть, но этим меня не подкупить.

– Это не лесть. И король из вас выйдет плохой.

– Из Уэрти вряд ли лучше. Он учёный, не правитель. – Глоток Кейлус сделал словно бы в раздумьях. – Хотя дела в Шейнских землях идут неплохо, вынужден признать.

– Это опасные игры, лиэр Кейлус. И ставка в них – жизнь. Не только ваша. – Ева удержалась от опрометчивого выпада насчёт кое-каких его фатальных заблуждений. – Откажитесь от того, что хотите сделать. Если не ради меня, ради себя... И того, кого любите.

– Я оставил Тиму инструкции на случай моей смерти. Он передаст их другим, – ответ был восхитительно небрежным. – Даже если со мной что-то случится, моим слугам недолго осталось прятаться. Кто сбросит режим Айрес – ты, Уэрти или Мирк, – уже не суть важно.

– Тим любит вас. Что будет с ним, если вы умрёте?

Подняв бокал на уровень глаз, Кейлус посмотрел на неё поверх хрустальной грани:

– А ты, стало быть, внезапно прониклась пламенным участием к моей и его судьбе. И вовсе не пытаешься манипулировать мной в собственных интересах.

Этот взгляд смеялся над ней злым сарказмом, но Ева не потупилась. Сейчас она не имела права на слабость.

Ни на неё, ни на экивоки.

– А если мне правда не всё равно, что с вами будет? С вами и с музыкой, которую вы больше никогда не напишете?

Ответом ей послужил шуршащий треск огня, и долгое молчание, которым её наградили, подтвердило: этого Кейлус не ждал.

Впрочем, после вчерашнего её признания поверить в это едва ли было трудно.

– Зачем вам нужен трон?

Отвернувшись, он пренебрежительно дёрнул плечом:

– Я хочу власти.

– Нет. Ваша сестра хочет власти. Вам нужно что-то другое. Что?

Он смотрел в огонь, пока отражённое пламя битыми всплесками волновалось на резном хрустале. Поднёс прозрачную грань ко рту, погладив губы.

– Наверное, я просто хочу победить их, – слова звучали так, словно Кейлус Тибель говорил их больше для себя, чем для неё. – Получить то, чему они придают столько значения... Отнять то, чего они так жаждут. Чего иные из них заслуживают, пожалуй.

Глядя на его профиль, высвеченный приглушённым светом кристаллов, позолоченный огнём, Ева снова вспомнила Герберта: венценосного сноба, под заносчивостью которого скрывался искалеченный недолюбленный ребёнок.

Воспоминание это помогло ей наконец-то сформулировать правильный вопрос – и подступить к повороту, последние дни ускользавшему у неё из-под ног:

– Что вам сделала ваша семья, что вы так на неё обозлились?

Шёпот пламени, коловший слух в отсутствие слов, звучал так долго, что Ева почти перестала ждать ответ.

– Ты могла бы назвать самый счастливый год в своей жизни?

Встречный вопрос вынудил её в свою очередь задуматься:

– В моей лет было пока не так много.

– И счастливыми, полагаю, их не назовёшь? – Кейлус усмехнулся удивлению, которое Ева не сумела скрыть: она всё ещё не до конца привыкла к такой прозорливости своего тюремщика. Смешно, что тот же самый человек выказывал восхитительную слепоту по отношению к собственным племянникам... Впрочем, ненависть слепит быстрее и надёжнее солнца. – Счастливые дети редко обладают подобной проницательностью, и подобным пониманием – тоже. Забавно: несчастья, случившиеся с тобой, либо прививают завидное понимание чужой боли, либо начисто лишают этой способности. Даже не знаю, сочувствовать тебе или нет, ибо ты явно пошла не по второму пути.

Это прозвучало почти безучастно – и всё же не скрыло таившегося за словами сожаления.

О ней или о самом себе, не понять.

– А вы знаете? – спросила Ева то, что не могла не спросить. – Самый счастливый год?

Она думала, он снова не ответит.

Она ошибалась.

– Тот единственный год, который я провёл в Лигитрине. Когда учился в консерватории. Год искусств, маленьких таверн и молодого амелье, и первого хмельного забытья, и опьянения музыкой, луной и любовью... – Улыбка, кривой трещиной проявившаяся на его лице, скрыла мечтательность, скользнувшую в голосе. – Год, который закончился вскоре после того, как Айри приехала меня навестить.

Ева не шелохнулась. И ничего не сказала, даже когда в воздухе повисла пауза.

Интуиция шептала ей: в данном случае выжидающее безмолвие – единственно верная стратегия.

– Я уже говорил, что в юности мы были с Айри очень дружны. Она умеет быть хорошим другом... когда хочет. – Кейлус качнул бокалом: пламя, тонувшее в амелье, исчезло в кремовом вихре взметнувшихся пузырьков. – Я писал ей всё время учёбы, и звал в гости, и ждал. А когда она приехала, показал ей город, и познакомил со своими друзьями, и повёл по тем тавернам, которые успел полюбить сам. И когда мы бродили по Лигитрину, весёлые и пьяные... ах, как прекрасен этот город в закатном багрянце и лунном серебре... рассказал ей кое-что, чего не писал в письмах. И чего определённо никогда не написал

бы отцу, ибо знал, что оно не найдёт у него понимания. Но Айри, как выяснилось, не нашла ничего зазорного в том, чтобы по возвращении поведать всё ему: секреты, которые я рассказал ей, полагая, что она никогда их не выдаст. – Бронза в его глазах плавилась золотом огня, на который он смотрел. – То, что я решил не возвращаться домой, а остаться там, в Лигитрине, – навсегда. То, что с одним из однокурсников у нас сложилась дружба куда более близкая, чем обычно складывается меж двумя молодыми людьми, связанными общим делом.

Ева сидела так тихо, что слышала бы своё дыхание, если б только дышала. Глядя на профиль Кейлуса, чёткий, словно чеканка по металлу, боясь спугнуть этот момент внезапной открытости.

Сделать это было бы куда проще, чем в своё время случайно ранить его племянника.

– Она умолила меня приехать домой в последний раз. Ради неё. Потому что я был нужен ей. Потому что её хотели выдать замуж за человека, чьей женой она быть не желала, и она говорила, что не справится с этим без меня. А когда, дождавшись каникул, я вернулся в Керфи, отец объявил, что больше ни Лигитрин, ни консерваторию, ни своего любимого ублюдка я не увижу. Я пытался бежать, но меня поймали в порту и приволокли домой. Следующие месяцы я не мог играть, ведь со сломанными руками делать это несколько неудобно. Также меня наградили предупреждением, что руками в следующий раз всё не ограничится, и примерно таким же браслетом, что ныне украшает твою кисть – только без блокиратора, с одним заклятием куклы. Снять его пообещали, когда я поумнею. – Полное, неестественное отсутствие эмоций делало его голос почти механическим. – Забавно: сбежавшему наследнику или наследнику, позорящему его представления о том, каким должен быть наследник, отец предпочёл бы мою *случайно* сломанную шею. А я сломанной шее предпочёл диплом бакалавра магических искусств: всё согласно его желаниям, направленным на то, чтобы сделать из меня достойного Тибеля. И к инструменту снова прикоснулся лишь после того, как он соизволил сдохнуть. – Он улыбнулся, но улыбка эта пугала до дрожи. – Айри потом говорила, что сделала это для моего же блага. И что не знала, как далеко способен зайти мой отец. Не исключая даже, что она и правда так думала. Но тогда я впервые узнал о её любимом увлечении: рушить чужие жизни.

Когда собеседник вновь взглянул на неё, огонь в его глазах больше не казался Еве отражённым.

– Ты спрашивала, что мне сделала моя семья? Моя сестра лишила меня самого дорогого, что у меня было. Так я научился никому не доверять. Мой отец избивал меня до полусмерти, чтобы выбить из меня то, что он считал омерзительным. Так я полюбил причинять и чувствовать боль. Мой кузен Зайлер, отец нашего прекрасного Мирка, прознав о моей слабости, пытался подложить ко мне в постель своего шпиона. Видишь ли, до поры до времени я был единственным, кому Айри поверяла свои тайны, но с ней проделывать то же было бесполезно, а он долго не мог поверить, что мы действительно рассорились. Моя кузина Инлес, мать твоего возлюбленного Уэрти, озаботилась распустить обо мне самые омерзительные слухи, которые смогла родить её фантазия, вдохновлённая знанием о моих *отклонениях*. О том, как ко мне относился достопочтенный Лиэр Рейоль, ты знаешь. Их детишки, насколько могу судить, недалеко ушли от тех, кто породил их на свет. – Отставив бокал, Кейлус налёг на ручку кресла, подавшись к Еве, которая глядела на него расширенными глазами. – Я никогда никого не принуждал. Не заставлял. Не пользовался чьей-то беспомощностью. Скажи, разве я виноват, что не могу выбрать, кого любить? Разве равен тем, кто унижает или насилует неспособных постоять за себя? Разве мои чувства преступнее и грязнее твоих лишь на том основании, что я люблю во всём подобного себе? Разве я заслужил то, что получил – за любовь?

Взгляд и голос его не были требовательными, не были настойчивыми: в них светилась и звучала прохладная мягкость шёлка. И это не отменяло того, что он действительно жаждал услышать её ответ.

Она знала, что должна ответить. Знала, что ей хотелось ответить на самом деле. К счастью, эти две вещи совпадали.

Почти.

– Нет. Не заслужили, – сказала Ева твёрдо. Кристально честно. – Но это не оправдывает того, что вы делаете теперь.

Он хмыкнул. Откинулся на спинку кресла, рассеянно переплетя тонкие пальцы.

– Кейлус, отступите. Вам не нужно то, к чему вы стремитесь. Почти все, на кого вы так злитесь, мертвы. Королеве за вас отомстят

другие. А ваши племянники... – Ева на миг замялась, осознавая, насколько по-детски прозвучит то, что ей хотелось сказать, – они... хорошие. Я не знала их отцов, но они не такие.

– Не факт, что ты знаешь их так хорошо, как тебе бы хотелось. – Кейлус, не глядя, подхватил бокал.

– Знаю. И вы сами говорили, что дети не в ответе за грехи отцов.

– Те же лицемеры и лжецы, заикленные на силе, власти и желании вписать своё имя в историю. Только юные. – Хозяин дома смочил вином пересохшие губы, и глаза его нехорошо блеснули. – Если ты всерьёз собралась со мной спорить, вспомни, что твой любимый Уэрти хочет вонзить нож в спину женщине, которая стала ему второй матерью, ради того, чтобы занять её место.

Ева помолчала. И ещё помолчала.

Потом, прикрыв глаза от осознания, насколько глупо и рискованно то, что она делает, тихо и размеренно заговорила, чтобы всё же развеять кое-какие фатальные заблуждения Кейлуса Тибеля.

Иногда выбраться из тупика можно одним-единственным способом: совершив прыжок веры. Особенно когда только что доверились тебе.

– ...таким образом, как вы понимаете, старается Уэрт не для себя. И, как я подозреваю, даже не для Мирка, – закончила Ева спустя пару минут размеренного повествования о планах Герберта касательно тёти, брата и её самой. – Во всяком случае, не потому что он его брат.

Когда она взметнула ресницы вверх, то с облегчением осознала: Кейлус следит за ней без торжества, без расчётливости, без алчности. С тем же удивлённым, болезненным вниманием, с каким прежде она выслушивала его.

– Ты бы не сказала мне всего этого, будь это так.

Ева печально улыбнулась:

– Правда или ложь?

Посмотрев в её лицо, заглянув ей в глаза, Кейлус медленно покачал головой.

Они не так долго упражнялись в этой игре, чтобы теперь Ева могла его обмануть.

– Почему? – вымолвил он вместо всего, что мог бы произнести.

– Потому что я не хочу, чтобы вы с Уэртом были врагами. Чтобы *мы* были врагами. Враг у нас один. Общий. Логично было бы

объединить усилия вместо того, чтобы усложнять нам задачу, помогая Айрес восторжествовать.

– Мы и без того не враги. – Задумчивость, с которой Кейлус отвернулся, показалась ей хорошим знаком. – Предлагаешь просто снять с тебя браслет, отправить восвояси и смотреть, как племянники торжествуют?

– Они не такие, как вам кажется. И вы можете доказать им: вы не такой, как думают они. Как все думают.

– И даже я сам. Иначе думаешь только ты.

– Не только я.

– Ладно. Не только ты. – Он вздохнул так, словно в этот миг ему на плечи легла вся тяжесть мира. – Хотя, может, вы с Тимом и правы... в чём-то.

Этот вздох Ева тоже сочла хорошим знаком. Как и последние слова. И начала думать над следующей фразой, когда в стороне прозвучало то, что вмешало в разговор мифического, невозможного третьего:

– Только время зря теряешь. Сама знаешь, какие музыканты упёртые...

Он сидел на полу у софы, обхватив руками длинные согнутые в коленках ноги. Совсем такой, каким Ева его помнила: пепельные кудряшки, измождённая бледность мальчишеского лица, пальцы, в которых беспомощно дрожит зажатая сигарета.

– Вечно вы с Динкой играете в миссионеров, – сказал Лёшка с едкой горечью, что так часто звучала в его голосе в последние месяцы жизни. – Со мной не помогло. С ним тоже вряд ли поможет.

– Ты мёртв, – прошептала Ева.

– Как и ты.

Возражение было справедливым. Настолько, что заставило сглотнуть ком в горле.

– Ты не можешь быть...

Головокружение. Гул. Темнота.

Следующее, что Ева осознала – она лежит в кресле, беспомощно откинув голову на спинку.

Так он и правда не настоящий, отстранённо констатировала она, пока Кейлус, нависший над креслом, легонько встряхивал её, приводя в чувство. *Ожидаемо.*

– Снова галлюцинации? – резко спросил её тюремщик, когда потерянный взгляд Евы кое-как сфокусировался на том, что реально.

Она оглянулась на голый синий ковёр подле софы – пустое место, где только что сидел её мёртвый брат. На Кейлуса.

Даже сквозь дымку угасания, размывающую всё вокруг, различила тревогу в его лице.

– Это не помогает. То, что вы нашли в своих книгах. – Ева с трудом вылавливала нужные мысли из туманного моря, которым обернулось её сознание. – Мне нужен Герберт. Уэрт. Его замок, его... – когда слова сбились в несвязное бормотание, она замолчала. Больше не стеснённая мыслями об унижении, больше не пытаюсь ничего объяснить, посмотрела на него с мольбой: – Отпустите. Вам ведь не нравится то, что вы делаете со мной.

Кейлус всматривался в блекнувшие голубые глаза так неотрывно, точно надеялся мыслями достать до самого дна зрачков. Почти мучительно провёл пальцами по её лицу, заправляя за уши растрепавшиеся волосы.

Рывком отвернулся.

– Сиди, – бросил он по пути к дверям. – Юми скоро придёт, она тебя проводит.

– Куда?

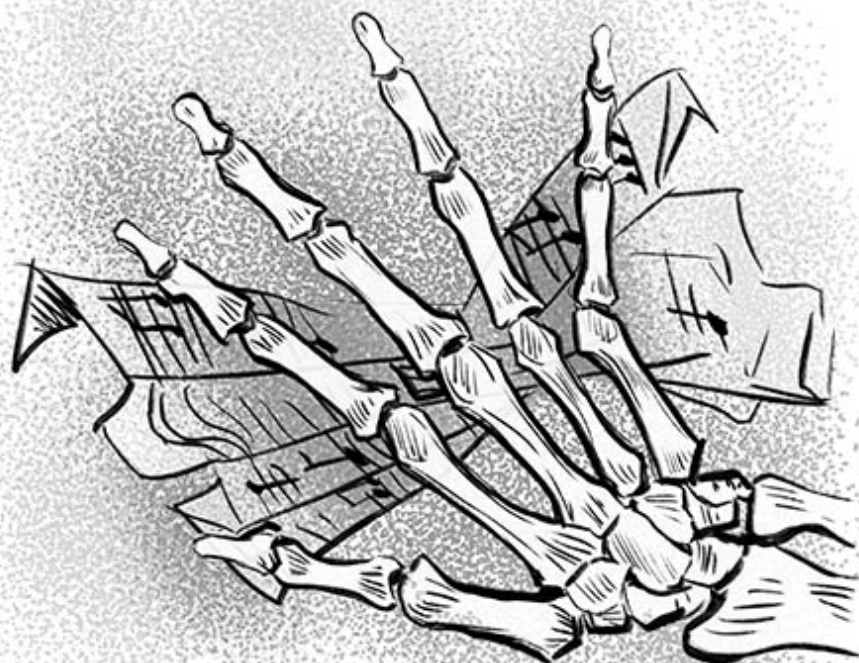
– Обрато в спальню, конечно.

Больше ей не сказали ничего. Но когда Кейлус ушёл, оставив её одну, Еве показалось, что её небьющееся сердце заменили сгустком чёрной пустоты.

Порой прыжок веры помогает выбраться оттуда, откуда выхода нет. Но иногда лишь помогает обнаружить: падать, ломая тонкие косточки собственных надежд, больно, даже когда ты вроде бы разучился чувствовать боль.

Глава 12

Tremendo [\[18\]](#)

Тим вошёл в гостиную, когда в окна уже било солнце зимнего полудня, ложась на пол тенью, омывая предметы бледным текучим золотом.

Кейл сидел за инструментом. Не писал, не играл – смотрел в наступившее утро, держа перо в недвижно застывшей на пюпитре руке.

– Ты всю ночь так просидел, – сказал Тим. Больше утвердительно, чем вопросительно.

– Поразительная догадливость.

Кейл пробормотал это почти неразборчиво; под глазами его виднелись тени лишь чуть менее бледные, чем те, что отбрасывали на ковёр ножки клаустура.

– Где ещё тебе коротать ночи, в которые ты не удосуживаешься добраться до постели.

– Надо же изредка давать тебе возможность спать поперёк кровати, как ты любишь.

– А ещё замёрзнуть в одиночестве. – Подойдя ближе, Тим посмотрел в почти не тронутый нотный листок. Аромат кедра и цитруса едва считывался за прохладной сладостью цветов вистерии, пропитавшей комнату: на его памяти Кейл не обновлял парфюм поутру, лишь когда очередное сочинение увлекало его до беспамятства, но ныне был не тот случай. – Вижу, эта бессонница не принесла музыкальных плодов.

Ирония пропала из его голоса так же быстро, как появилась.

Кейлус рассеянно коснулся пером последних написанных нот, обводя по контуру группы восьмушек. Остро очинённый кончик был сухим: чернила на нём давным-давно высохли.

– Ты принял решение, – изрёк Тим, не дождавшись ответа. – По поводу девочки.

Перо замерло, не дойдя до конца такта.

Аккуратно опустилось на пюпитр, чтобы остаться там.

– Одевайся, Тим, – проговорил Кейлус негромко. – Отвезёшь нашу гостью к замку Рейолей. Уэрта там нет, тебя не тронут.

Тим выслушал поручение без особого удивления.

– Наследник не дома? – только уточнил он.

– Он у Айрес. Взаперти. Девчонка сказала, кое-кто подтвердил. – Поднявшись из-за инструмента, Кейлус поморщился, выгибая уставшую спину. – Когда ты покинешь замок Рейолей, я постараюсь это исправить. Отправился бы во дворец сейчас, но тогда не поручусь за твою безопасность.

Тим внимательно следил за каждым движением:

– Значит, ты сдался?

Под взглядом его глаз – цвета моря и серебра – Кейлус резко выпрямился:

– Всё равно из меня выйдет паршивый король.

– Отец учил тебя править. Ты сам говорил.

– Попытался. Этому я учился плохо. Как и всему, чему учился у него. – Прежде чем отвернуться, Кейлус махнул рукой – жест, исполненный пренебрежения. – В её присутствии под моей крышей я совершенно не могу работать. Пусть Уэрти сам с ней возится.

Глядя, как он идёт к окну, Тим стоически вздохнул:

– Может, хоть раз побудешь честным? По крайней мере, с собой?

Вопрос заставил Кейлуса замереть. Он постоял на месте, будто выбирая: молчаливо уйти – и от собеседника, и от ответа, – или прекратить бесконечный бег за миражами, прекратить прятаться, обманывая себя и других.

– Я ошибался, – сказал он, выбрав. – Очень во многом. И не хочу, чтобы она страдала из-за моих ошибок. Она последняя, кто этого заслуживает. Доволен? – Кейлус оглянулся через плечо; досада в голосе почти скрыла бесконечную, невыносимую усталость. – Мне нет нужды мстить. Не тем, кому я хотел. Не так, как я хотел. А она напомнила о том, о чём я и сам думал, но в ненависти своей предпочитал забывать. И была права.

– В том, что из тебя выйдет паршивый король?

– Не только. – Кейлус шагнул обратно к нему. – Я не хочу, чтобы ты остался один, потому что я пошёл по неправильной дороге. И шёл по ней до конца, как дурак, даже когда впереди показалась пропасть. Лучше свернуть, пока ещё не поздно. – Его пальцы легли Тиму на щёку, скользнули по виску, зарылись в волосы так же ласково и цепко, как гладили клавиши. – За тягой к разрушению я слишком часто забывал, что разрушу не только жизнь Айрес. Не только свою. Больше я этого не забуду.

Тим ничего не ответил. Лишь по тому, как светились его глаза, когда губы Кейлуса коснулись его губ, стало ясно, как рад он слышать то, что услышал.

– Иди, – мягко сказал хозяин дома, отстранившись спустя мгновения, напоенные счастьем, солнечным мёдом и теплом предельной откровенности, которую так редко позволял себе Кейлус

Тибель. – Отправляйтесь, как только будешь готов. Я пока сниму с неё браслет.

Проследил, как Тим почти бегом отправился исполнять приказ, и, дослушав, как затихают вдали его лёгкие шаги, не торопясь пошёл к выходу – исправлять то, что сделал, и предотвратить всё, чего сделать ещё не успел.

Приди Кейлус Тибель туда, куда направлялся теперь, буквально на несколько минут раньше, он увидел бы, как Ева тщетно зажимает руками уши, лёжа на постели и не ведая о переменах в своей печальной судьбе.

Это не помогало не слышать голоса тех, кого слышать здесь и сейчас она никак не могла.

– Вечно носишься со своим ослиным упрямством, – зудел Лёшка. В последний раз, когда Ева на него смотрела, он курил на окне, светя острой коленкой сквозь драные джинсы. – Давно бы уже отсюда выбралась, если б не оно.

– Даже думать не смей, дурилка, – говорила Динка. Пару минут назад (а может, час – Ева не знала) она сидела рядом с кроватью, словно пришла поболтать с маленькой Евой перед сном, как в детстве; теперь от неё остался только голос. – Разве демону можно верить?

Они изводили её всю ночь. С редкими перерывами. Почти с тех самых пор, как Еву вернули сюда, отказав в надежде на свободу и спасение. По мере того как ночь двигалась к утру, становилось только хуже: что бы ни сводило её с ума, браслет или оторванность от всего, что было ей необходимо, оно продолжало свою разрушительную работу в темпе, который Еве совершенно не нравился.

Иногда от призраков оставались одни голоса. Иногда тишина. Но откуда-то она знала: теперь они не исчезнут и не уйдут совсем. Пока их не прогонят.

Кто-то. Что-то.

– Подумаешь, демон. Тартини, может, тоже душу дьяволу продал совсем не во сне, что бы он там ни заливал.

– Никаких сделок.

– А с тебя даже душу не требуют.

– Чего бы он ни просил.

– Он ведь уже говорил, что будет просить.

- Цена всегда окажется выше ожидаемой.
- Цена вполне приемлемая.
- Замолчите, – выдохнула Ева, разлепив губы.

Она почти чувствовала, как рубин в груди светится судорожными рывками. Где-то между кошмарами наяву она приспустила платье, чтобы посмотреть, насколько всё плохо: багряное сияние потускнело, мерная пульсация уступила место сбивчивому ритму, с каким драгоценное сердце заставляло функционировать её умирающее тело.

Всё было не просто плохо – хуже.

- На кону стоит не так много, чтобы так рисковать.
- На кону стоит всё. Умирать – это ужасно, я проверял.
- Ты справишься и сама.
- Ты не справишься.
- Ты спасёшься. Ты не умрёшь.
- Ты умрёшь, ты исчезнешь, ты...
- ЗАМОЛЧИТЕ!

Призраки, как ни странно, послушались. И замолчали. Зато раздалась музыка – скрипка и фортепиано.

Ми-минорная соната Моцарта, промелькнуло в том ватном коме, что Ева ощущала за глазами вместо сознания. Не промелькнуло – провернулось вяло, с трудом. Лёшка с Динкой, кажется, и правда играли эту сонату дома, для себя: Лёшка два года клянчил её у своего преподавателя, а тот говорил, что не до – рос ещё...

– Я бы на твоём месте прислушался к братику. Покойники ерунды не скажут, – резюмировал Мэт. Он сидел в изножье кровати, как на жёрдочке. – Неповторимый опыт умирания придаёт мудрости даже галлюцинации.

- Ты не можешь... знать, что они говорят.

Язык подчинялся с трудом. Реальность воспринималась рваными цветными осколками сквозь дымчатый флёр сюрреализма.

Так порой чувствуешь себя во сне, только там свет не бьёт в глаза невыносимо и слепяще.

– Я знаю всё, что творится в твоей голове. Твои галлюцинации тоже.

Ева посмотрела туда, где был её мёртвый брат и сестра, оставшаяся в другом мире. Комната, конечно, оказалась пуста – ей

составлял компанию лишь Мэт, который с улыбкой наблюдал, как она съёживается в комок на постели.

Скрипка и фортепиано в ушах заглушали мысли, силившиеся пробиться сквозь туман в голове.

– Глупая. Всё ещё надеешься, что милый дядюшка тебя отпустит? – голос демона легко перекрыл и музыку, и мешанину отчаянных беспорядочных соображений. – Счёт теперь идёт на часы. Скоро никакая ванна тебе не поможет. А тебе ведь ещё до замка Рейолей надо отсюда добраться...

Смех. Скрежет струн. Фальшь, что примешивается тут и там, терзая слух: Лёшка редко когда играл так неумело.

Герберт не пришёл. Не пришёл. Вдруг Мэт прав? Ещё немного, и станет слишком поздно, и даже Герберт ей не поможет. Она умрёт, или хуже, чем умрёт – превратится в монстра, жрущего чужие мозги, как в фильмах. И никогда не вернётся домой, и Динку наяву больше никогда не увидит, и колледж, и маму с папой... Интересно, на Эвересте так же ярко солнце светит? Хотя при чём тут Эверест и солнце – совсем всё путается...

– Решайся, златовласка. Я могу тебе помочь. Сама знаешь.

Не хочу умирать, поймала Ева единственную мысль, ясно бившуюся в клубке спутанного сознания. *Не хочу*.

Не хочу, не хочу, не...

Эта мысль помогла нащупать нить предыдущих размышлений – и, проследовав за ней, сделать тот шаг к краю бездны, делать который она так не хо – тела.

– Ты хочешь... несколько минут... в моём теле? И всё?

В душе, сломанной ещё вчера, растекалась чернота, затапливая бесполезные огоньки глупой веры и глупых надежд, сменяя их простым осознанием простых реалистичных фактов. Даже если Кейлус решится её отпустить – в момент, когда он решится, для неё уже может быть поздно. И Герберт за ней не придёт. Не пришёл до сих пор – значит, вряд ли придёт вообще.

Ситуация зашла слишком далеко, чтобы выбирать себе спасителей.

– Предпочёл бы больше, чем несколько минут, но уж что дают. Хотя я могу и в замок Рейолей тебя переправить, если хочешь. – В голосе Мэта не было ни торжества, ни злорадства, одна лишь

деловитость. – С ванной помогу, не беспокойся. Состав и пропорции в голове у малыша мне подсмотреть нетрудно.

...в конце концов, с чего она решила, что он ей навредит? И всё равно до замка – чересчур рискованно. Она скажет это, а пока...

– Мне, наверное, нужно начертить...

– Я уже здесь. В этом мире. Тут круг и руны мне не нужны. – Конечно, демон угадал её мысли. – Всего лишь твоя кровь. Рукопожатие. И поцелуй, когда оговорим все условия.

Ева села на постели. Отупело уставилась на ладонь, где не торопились заживать вчерашние порезы.

– Сойдёт за кровь? У меня с ней сейчас не слишком...

– Вполне. – В один миг очутившись подле неё, Мэт перехватил руку, которую она лишь начала неуверенно тянуть в направлении искрящихся одежд. Сжал – некрепко, но неотступно. – Я помогу тебе избавиться от браслета и выбраться из этого дома. Твои требования.

Мелкий шрифт, Ева, напомнила она себе, чувствуя прикосновение тёплых пальцев так убедительно, словно демон был материален уже сейчас. *Мелкий шрифт. Надо оговорить всё.*

...если б ещё не было так тяжело соображать что-либо, не говоря уже о поисках подвохов...

– Ты покинешь моё тело сразу... в тот же момент, как оно переступит... как оно окажется за пределами этого дома. И вернёшь мне. Дальше я... сама.

Вздых его не был раздосадованным. Скорее сочувственным.

– Я покину твоё тело в тот же момент, как оно окажется за пределами этого дома, и верну его тебе, законной владелице.

– Дурилка! Даже если ты выберешься отсюда, как ты доберёшься до замка?! Не смей...

Динкин голос, вмешавшийся в разговор, вдруг исчез, растворившись на полуслове, заглохнув в неестественной тишине. Как и музыка – Ева только сейчас поняла, что та уже не крутится в голове испорченной пластинкой.

Будь она в здравом уме, она могла бы сообразить: без Мэта тут не обошлось. В конце концов, в комнате они были одни, и ничто не мешало ему развлекаться с её сознанием на свой любимый манер. Или заставить её не слышать собственных призраков, заменивших затуманенный разум.

Тогда она нашла в себе силы подумать лишь об одном.

– И пообещай... Пообещай, что они не пострадают. Кейлус, и Тим, и... никто в доме. – Щурясь от невыносимого света, Ева смотрела в дьявольскую синь глаз, взиравших на неё сверху вниз. – Я не хочу... чтобы они...

– Обещаю, – улыбаясь, сказал Мэт, – они не будут страдать.

Нет. Нет. Было в этом что-то очень, слишком странное – в этой его улыбке, в этих его словах, но что? Ох, как же тяжело, как же... Если бы только так не путались мысли и...

...синь почти уступила место черноте.

Удержавшись на краю обморочного забвения, судорожно цепляясь за призрачную ладонь, Ева выкарабкалась обратно в реальность.

Лицо Мэта, склонившегося над ней, было так близко, что потусторонний фосфор заслонило собою весь мир.

– Время, златовласка. У тебя его почти не осталось. – Многоголосье, певшее в его словах, успокаивало, звало, уговаривало довериться и уступить. – Сделка?..

Когда Кейлус вошёл в комнату, Ева сидела на постели спиной к двери. Лицо, обращённое к окну, гладили солнечные лучи; жмурясь от яркого света, она держала Люче на коленях.

– С добрым утром, кошечка, – небрежно произнёс Кейлус, приблизившись. – Знаю, это прозвучит неожиданно, но придётся тебе приготовиться к путешествию.

Ева открыла глаза. Глядя на хозяина дома щелями узких кошачьих зрачков, плещущихся в мерцающей васильковой сини, широко улыбнулась.

Бесполезные серебряные обломки того, что совсем недавно было браслетом у неё на запястье, Кейлус заметил на полу безнадежно поздно. Отшатнулся, когда огненный клинок мгновенным движением выскользнул из ножен, тоже.

...приди Кейлус Тибель туда, куда он пришёл теперь, буквально минутой раньше, всё могло бы вый – ты совсем иначе.

Расширив глаза, он неверяще посмотрел на мерцающее лезвие в своей груди. На девичьи пальцы, сжимающие рукоять волшебного меча, недавно вторившие мелодией его собственным. На девичье лицо, изменённое чуждой улыбкой.

Меч скользнул обратно, освободившись.

Захлебнувшись последним вдохом, Кейлус хрипло вымолвил имя того, кто никак не мог его услышать.

– Жаль, жаль, – опустив незапятнавшийся клинок, сказал Мэт, когда он упал. Сказал нежным девичьим голоском, оттенённым звонким эхом жуткого многоголосья. – Со страданиями было бы веселее.

* * *

Немногим позже во тьме тайного прохода, ведущего из комнат подле королевских покоев в парк за дворцом, скользнул вверх по ступенькам чей-то силуэт.

Конечно, Миракл Тибель мог войти и через парадные двери. Но что-то подсказывало ему: после несостоявшейся дуэли Айрес позаботилась о том, чтобы его не подпустили к брату. Даже если учесть, что совсем недавно королева отбыла на заседание кабинета Советников, сторожей Уэрта её отсутствие точно не смягчило бы. Значит, пришла пора воспользоваться чёрным ходом.

Самым чёрным.

У постороннего, даже знай он об этом секрете, такой фокус не прошёл бы – магическая защита, отрезавшая чужакам возможность попасть в королевскую обитель, распространялась и на тайные ходы. Но Миракла, как члена королевской семьи, защита дворца пропускала беспрекословно, а о ходе этом им с Уэртом лично рассказал царственный дедушка, пока был ещё жив. В детстве они с братом лазали тут вместе, азартно выглядывая нечто жуткое в тенях, рождаемых светом редких кристаллов на стенах. Кристаллы повесили здесь давно, и, в отличие от более современных своих собратьев, они горели постоянно, истощаясь с годами; чары изредка обновляли, но сейчас, как и шестнадцать лет назад, свет едва сочился на серый камень. Помнится, Уэрт тогда ещё не умел призывать свои тени, и...

Милые сердцу воспоминания прервало то, что в начале восхождения по винтовой лестнице, ведущей к книжному шкафу в одной из комнат на верхних этажах, Миракл столкнулся с кем-то, спускавшимся навстречу.

К счастью, блеклого света хватило, чтобы они узнали друг друга прежде, чем прибегли к мечу и магии.

– Мирк?

– Уэрт! – Сжимая в пальцах рукоять меча, изумлённый Миракл отступил на шаг. – Что ты здесь делаешь?!

– Лучше скажи, что *ты* здесь делаешь.

Некромант застыл ступенькой выше брата – скорее обескураженный, чем обрадованный.

– Тебя навестить шёл, зачем же ещё. С недружелюбными намерениями меня к тебе вряд ли впустят, играть в дружбу после дуэли было бы глупо, вот и воспользовался известием, что Айрес отлучилась. – Миракл разжал руку почти раздражённо. – Твой черёд.

– Я взломал защиту поместья. Кажется. – В призрачном мерцании трудно было понять, лежат под глазами Герберта тени измождённости или просто неверного освещения. – Я иду за Евой.

– Я думал, Айрес велела тебе сидеть под замком.

Уже под конец фразы в голосе Мирка прорезалось сомнение.

– У меня есть для неё сюрприз. Но раньше времени его раскрывать не стоит, так что пользуюсь отлучкой, как и ты. – Бесцеремонно скользнув мимо брата, Уэрт пошел к выходу из дворцовой мышеловки сквозь сумрак и холодную сырость. – Ты, стало быть, за меня беспокоился?

– И не только, – вздохнул Мирк, разрываясь между желанием узнать подробности сюрприза и жадной вывалить собственные новости.

Ко времени, когда они, пробравшись по обледенелому туннелю под прудом, вынырнули из скрытого люка в полу парковой ротонды (рычаг в туннеле откидывал одну из каменных плит на манер крышки), братья успели дружно поругаться на крайне несвоевременное стечение многочисленных обстоятельств, обсудить тонкости кормёжки и ухода за драконами и понадеяться, что в отсутствие Миракла его мать не решит сплавить новоявленного питомца в псарню.

– Отвод взгляда? – оценил Герберт, посмотрев на плащ Мирка: на свету тот слился с окружающей обстановкой мутным стеклом. – Неплохо.

– Не хотел, чтобы стражники меня заметили. А когда ты не маг, как некоторые, приходится обходиться артефактами. – Накинув капюшон,

тот цепко оглядел белый солнечный сад: он встретил их колкой свежестью и морозным металлом, после затхлого туннеля ударившими в нос особенно отчётливо. Вокруг не было ни души. – Сможешь перенести нас к особняку дядюшки?

– Нас?

– Я иду с тобой. Это не обсуждается.

Герберт лишь кивнул устало. Сил, желания и времени спорить у него не было.

– Магические переносы здесь не работают. Как и во дворце. Только за границей парка, – коротко откликнулся он. – Как ты сюда пролез?

Мирк – колышущееся прозрачное марево примерно человеческих очертаний, не отбрасывающее тени – без лишних слов двинулся к расчищенной садовой дорожке, ведущей прочь от ротонды. Выплетя рунную цепочку, Герберт пошёл следом, по пути растворяясь в воздухе.

Он не вернул себе видимость, даже когда они перелезли через высокий каменный забор и оказались на тихой улочке, застроенной особняками самых состоятельных айденцев. Посторонним и это бы не удалось; но поскольку через стену перемахнули два члена королевской семьи, которых Её Величество рада была (хотя бы внешне) принять в любое время на вполне законных основаниях, благородные лиэры покинули парк так же легко, как немногим раньше Миракл в него проник.

– Держись за меня.

Подкрепив слова делом, невидимые пальцы Герберта вцепились в относительно видимого Миракла чуть выше локтя. Тот, не растерявшись, на ощупь ухватился за брата – проявившиеся руки в перчатках, высунутые из-под плаща, забавно и пугающе смотрелись отдельно от тела.

Пару мгновений спустя они стояли перед крыльцом резиденции Кейлуса Тибеля.

– Ты уверен, что хочешь войти через главный вход? – осведомился Мирк вполголоса, отпустив Герберта и отступив на шаг.

Невидимка по соседству молчал. Миракл уже собирался повторить вопрос, когда тишину битыми стекляшками рассекли напряжённые слова:

– Защита ослаблена. Засов с той стороны закрыт. – Ноги Герберта, стремительно шагнувшего к крыльцу, оставили следы на заснеженной

дорожке; в голосе непонимание мешалось с сосредоточенностью человека, приготовившегося к встрече с тем, с чем встречаться никому не хотелось бы. – Смерть. Из дома разит смертью...

Вместо ответа резко откинув полы плаща за спину, чтобы не мешались, Миракл взялся за рукоять меча.

Брякнул поднявшийся засов, подчинившись неслышному заклинанию. Двери открылись, встречая гостей. Солнце, бьющее в спины незваным визитёрам, пролилось внутрь, очертив их тени на полу.

Грязном, липком, залитом алым полу.

Фигурка в золотом шёлке кружилась в белых лучах, косо сочащихся из окон; девичий голос колокольчиком звенел под сводами пустого холла. Евины босые ноги скользили по мрамору – там, где он остался чистым, – между и вместе с па вычерчивая рунную вязь внутри большого круга: красным по белизне.

Чистый высокий голос, мечтательно выводивший незнакомую песню, окрашивали неправильные потусторонние гармоника.

– А, вот и вы. – Девушка заметила Миракла и Герберта, что проявился в воздухе, застыв на пороге. Блеснув синими глазами, подступила к кровавой границе; макнув пальцы в лужу за пределами рисунка, изящным пируэтом вернулась в центр, чтобы одним уверенным движением начертать руну прямо перед собой. – Всё-таки явились... Многое пропустили, но к финалу успели.

Тел было не меньше десятка. Горничные, лакеи, другие слуги. Большая часть – неподалёку от дверей, не выпустивших людей из ловушки, которой обернулось их убежище. Двое мужчин, когда-то покинувших Охрану, – у лестницы, в багровой луже, что их убийца теперь использовал вместо палитры; подле одного валялся выпавший из руки нож. Тиммир Лейд с удивлением на лице лежал на ступеньках – он так и не успел ничего понять, когда волшебный меч вонзился ему в спину. Юми – чуть выше, расплескав по ковровой дорожке рыжие пряди, выбившиеся из пучка.

Мёртвая тишина, тревожимая лишь эхом женского голоса, подсказывала: искать в этом доме живых не стоит. Остальные просто не успели добраться сюда.

– Боги, – прошептал Мирк, глядя на всё, что освещало насмешливо яркое зимнее солнце, – Уэрт, кто... что... *это?*

– Это, милый мальчик, я. – Обернувшись, Мэт расшаркался, окровавленной ногой оставив на полу короткую черту. – Детишки, помнится, тебе про меня не рассказывали... Как и кому-либо ещё. Большое упущение с их стороны. – Критически оглядев получившийся рисунок, он подобрал рапиру, лежавшую за границами круга. – Знай ваш дядюшка, кого притащил в свой дом в нагрузку, глядишь, думал бы быстрее.

Герберт вскинул руку, но заклятие, рассыпавшись синими искрами, разбилось о невидимую границу, и близко не достав до демона.

– Тельце мне досталось колдуньи, стало быть, и колдовать я теперь могу не хуже её. Если честно, даже получше. – Воткнув рапиру в центр круга, Мэт оперся на неё, как на трость. – Не бойся, малыш, вас я трогать не буду... если не станете мешать.

– Ты нарушил условия. – Герберт смотрел на платье, тут и там прожжённое пропущенными заклятиями и прорванное ударами тех, кому не хотелось умирать. – Еве причинили вред. По твоей вине. Я расторгаю договор.

– Милости прошу. У меня теперь другой договор. Пока он действует, я останусь здесь. – Мэт прикрыл глаза; сходство с Евой, когда меж девичьих век перестал плескаться синий фосфор, стало ещё более пугающим. – Ненадолго, надеюсь.

Мирк, успевший подобраться к барьеру, пошатнулся, налетев на незримую преграду. Обнажил клинок.

– Только не говори, что вы были так глупы, чтобы призвать демона, – вымолвил он безнадёжно, осыпая барьер стальным градом быстрых экономных ударов. Лезвие пружинисто отскакивало от воздуха, по которому поползли трещины, но трещинами всё и ограничилось. Герберт едва ли его услышал: пальцы некроманта плели рунную паутину, язвя заклятиями магический щит. Чёрные тени, соткавшись у Мэта за спиной, бесшумно прошли сквозь прозрачную стенку – не открывая глаз, тот рассёк их рапирой, крутнувшись вокруг своей оси.

– Ты начинаешь мне мешать, – заметил демон ровно.

– Ева! – Миракл опустил бесполезный клинок. Пробить барьер заговоренной стали оказалось не по силам; даже если бы пробил – обратить меч против нежити, мгновенно регенерирующей, и девушки,

которую ты не хотел ранить, было не лучшей идеей. – Ева, не позволяй ему...

– Это так не работает, мальчик. Она вас не слышит. И не услышит.

– Она ни за что не заключила бы с тобой сделку, – процедил Герберт, тщетно пытаясь прорвать купол.

– Я намекал тебе поторопиться. Когда сидишь в блокирующем brasлете и медленно превращаешься в труп, а прекрасный принц не спешит вытаскивать тебя из клетки, поневоле примешь помощь кого поближе. – Из-под приоткрытых ресниц Мэт удовлетворённо следил, как линии кровавого круга постепенно насыщаются колдовской белизной. – Успокойся, малыш. Получишь свою куклу обратно, как только она станет мне без надобности. Может, я даже оживлю её в благодарность. Смотреть, как она от этого взбесится, будет забавнее, чем просто убить. – В щелях его глаз полыхнула синяя бездна. – Пошли вон. Мне некогда с вами возиться.

Часть потолка – над головой Герберта – рухнула вниз. Едва заметив движение, Мирк бездумно сбил брата с ног, отпихнув в сторону и вместе с ним полетев на пол; прежде чем они упали, порыв колдовского ветра вышвырнул обоих на улицу, за двери, тут же захлопнувшиеся.

– Я бы щитом нас прикрыл, болван, – огрызнулся Герберт, вскочив почти сразу, как его ударило спиной о крыльцо.

– У тебя и без того, кажется, проблем хватало. – Поднявшись на ноги с ловкостью кошки, Мирк уставился на дом, ставший склепом. – Что за круг? Что он делает?

Некромант раздражённо махнул руками. Когда вход остался закрытым, шагнул ближе, ощупывая ладонями холодное дерево:

– Теперь так просто не открыть. Запечатал изнутри, ну конечно...

– Что он делает? – повторил Мирк.

– Творит проход в Межгранье. – Герберт сосредоточенно расчерчивал пальцами воздух, точно распутывая незримые кружева. – Он войдёт туда в Евином теле. В её же теле откроет новый проход – из Межгранья сюда. И обретёт свободу.

– Свободу от чего?

– От Межгранья. Демоны не могут сами открывать проходы между мирами, но в телах магов обретают возможность колдовать. Если он

откроет проход с той стороны, сможет выйти сюда в истинной форме, не ограниченный ничем.

– Я, конечно, мало смыслю в магии, но двусторонний проход потребует колоссального количества энергии... – Мирк осёкся. – О боги.

– Именно. Жизненная энергия всех, кого он вырезал, разлита в воздухе. Он использует её, как топливо. Потому ещё и не закончил. – Герберт бережно и аккуратно крутанул ладонью, наматывая на палец призрачную нить. – Собрать её и переправить в руны – процесс не быстрый.

Выдохнув облачко пара в морозный воздух, Миракл свободной рукой ослабил шейный платок; на тонком шёлке блеснула в солнечном свете брошь с гравировкой в виде инициалов владельца.

– Что нам делать?

– В человеческом теле демоны ограничены возможностями этого тела, хотя и увеличивают его магическую мощь. Наверняка так он и избавился от браслета: тот просто не выдержал силы, которую сдерживал. Но чтение мыслей, иллюзии – этого он лишён.

– Сомнительное преимущество.

– Лучше, чем никакое. – Герберт рассёк холод жёсткой горизонтальной линией. – Готово.

Оба посмотрели на двери, понимая: даже если они войдут внутрь, всё может закончиться так же, как минуту назад.

– Мы должны как-то вышвырнуть его из тела. Не просто положить на лопатки. – Мирк казался спокойным: отражением Герберта, на белом лице которого не было и тени эмоций. – Ты не можешь её отключить?

– Не могу. Пока в ней демон, у меня нет над ней власти. – Тот щурился на равнодушное к происходящему солнце, бьющее в глаза. – Я знаю её. Она бы не заключила сделку без приемлемых условий. Он должен был предложить ей что-то, что казалось ей нормальной ценой, что-то...

Герберт замолчал. Воззрился на меч, который Миракл по-прежнему держал в опущенной руке.

– Твой клинок заговорён.

– Сам знаешь, – подтвердил Мирк, мудро не тратя время на расспросы.

– На пробитие барьеров тоже.

– Не таких мощных. Сам видел, я его разве что поцарапать могу.

– Если я волью в него побольше силы, пробьёт и такой. – На губах Герберта проявилась неприятная улыбка. – Он ослабил защиту, убив тех, кто её сотворил. На магические перемещения в том числе... Очень кстати.

Двери в особняк распахнулись.

Девичья фигурка стояла в круге, широко раскинув руки. Мерцание Люче, вогнанной в щель меж плитами пола, померкло перед окрасившей колдовские линии звёздной белизной. Воздух в центре змеился трещинами, растекающимися в стороны, ткущими овал будущей прорехи в пространстве.

Когда мёртвые представители Охраны беззвучно поднялись внутри барьера, подчиняясь силе, которую не могли остановить магические щиты, Мэт скучающе оглянулся. Небрежно, точно отмахиваясь от надоедливых мух, двинул руками, отшвыривая умертвий от себя: невидимый толчок заставил тех пролететь через весь зал и, ударившись о стены, затихнуть.

Свою функцию – подарить несколько секунд Мирку, успевшему вогнать кончик клинка в защитный купол – они всё равно уже выполнили.

Миг, и меч его засиял ярче, чем рисунок на полу. Миг, и прозрачная стенка пошла трещинами. Миг, и барьер исчез, точно лопнувший мыльный пузырь; Мэт повернулся к тем, кто прорвался внутрь, но щупальца колдовских теней обвили вокруг его запястья, вновь вынудив отвлечься, защитившись волшебным оружием.

Когда тени растворились клочьями черноты, Миракла от демона отделял только шаг.

Люче скользнула по его шейному платку, целя в горло. Ловко уклонившись, юноша встретил рапиру плащом, запутав сталь в шерстяных складках. Сшиб противника с ног, сжал его железной хваткой – и упал прямо на Уэрта, ждавшего с другой стороны.

Раньше, чем не-Ева успела сотворить что-либо, что помогло бы ей выпутаться из нежеланных объятий, все трое исчезли.

Трещины разорванного пространства поблекли и пропали. Белые линии мягко погасли, вернувшись к первозданному багрянцу. В доме воцарилась тишина... До тех пор, пока внутрь, привлечённые сигналом о вопиюще тревожной магической активности, не ворвались прибывшие из города страж – ники.

Один из которых обнаружил среди мёртвых, крови и рун кое-что, чего найти там никак не ожидал.

* * *

– Всё? – напряжённо спросил Мирк, когда они с Гербертом сели на обледенелой брусчатке за воротами замка Рейолей.

Тот склонился над девушкой – Миракл так и не выпустил её из рук: бледной, неподвижной, как никогда похожей на мертвеца. Люче, выпавшая из безвольных пальцев, лежала на подоле плаща, сердито поблескивая в сером дневном свете. На Шейнских землях, в отличие от столицы, было облачно.

– Да. Я вижу её ауру. – Бесстрастные уверенные слова не вязались с тем, как дрожащие пальцы Герберта огладили холодный Евин лоб. – Очнись.

Та послушно приоткрыла глаза. Посмотрела перед собой мутным, несфокусированным взглядом – блекло-голубым, без следов дьявольского фосфора.

Так и не увидев того, на что смотрела, снова смежила ресницы.

– Она слишком долго обходилась без подпитки. – Подхватив девушку на руки, Герберт выпрямился; быстрым, граничащим с бегом шагом направился по дороге к замку. – Идём. Пора домой.

Последнее – тихое, трепетное – явно было обращено не к Мирку. Что не помешало тому пойти следом, предварительно осторожно сбросив плащ и закутав в него волшебный клинок.

– Дай-ка угадаю, – произнёс он, нагоняя брата с объёмным шерстяным свёртком в руках: спав с плеч владельца, плащ потерял прозрачность, обернувшись обычной тканью. – Меч гномий.

– Верно.

– И ради него-то вы с демоном и связались.

– Должен же у девы из пророчества быть огненный клинок.

– Чисто технически у неё должен быть огонь в сердце.

– Ты не хуже меня знаешь, кого ждёт народ.

Переступая через блеклые тени деревьев, косо лежащиеся на дороге, Миракл хмуро кивнул. Взглянул на приближающиеся башни опустевшего замка:

– Значит, она и правда отдала ему тело лишь до тех пор, пока то не покинет дядюшкин дом.

– Иначе она бы не согласилась.

– И как ты догадался?

– Знаю демонов. Знаю её. – Герберт перехватил поудобнее свою бесценную ношу. – Если он пообещал вытащить её из особняка, то не соврал. Он и правда собирался вытащить её – в Межгранье. Если он пообещал покинуть тело, как только то окажется вне дома, то снова не соврал. В Межгранье времени нет, там понятия «как только», «сразу», «немедленно», «в ту же секунду» размыты в бесконечность. Возможность открыть проход у него оставалась.

– Беспроигрышный вариант.

– Если бы не явились мы – да.

Оставшийся путь они проделали молча, пока в дверях не натолкнулись на Эльена, спешащего навстречу долгожданным визитёрам.

– Господин! Слава богам! Ваше возвращение осияло эти мрачные безлюдные стены, как солнце осеняет... – Когда призрак перевёл взгляд на Еву, лежавшую сломанной куклой, радость в его глазах сменилась почти ужасом. – А что...

– Ей нужна ванна, – бросил Герберт, не замедлив шаг. – Сейчас же.

Проглотив все велеречивые приветствия вместе с вопросами, Эльен коротко кивнул. Развернувшись, помчался наверх, в буквальном смысле не касаясь ногами пола.

– Ты не боишься, что в особняке найдут следы твоих заклятий? – напряжённо осведомился Миракл, пока они с братом поднимались по замковой лестнице. – Дом наверняка уже кишит стражниками.

– Не сомневаюсь. Именно поэтому я не спешу туда вернуться за ножнами от её клинка. – Если Герберту и тяжело было поднимать свою ношу по высоким ступенькам, он ничем этого не выказывал. – Эманации прохода, даже не открытого до конца, перекроют следы всей другой магии. К тому времени, как они рассеются, моих там уже не останется.

– Значит, нашу причастность к... ко всему этому... не обнаружить.

– Нет.

– Хоть это хорошо.

Когда они поднялись и добрались до ванной комнаты, Эльен уже собственноручно опрокидывал в наполовину заполненный бассейн очередное ведро воды, присовокупляя её к текущей из крана.

Следующую пару минут Мирк с дворецким наблюдали, как некромант замешивает целебный раствор, опустошая десяток призванных банок и склянок; волшебные ингредиенты окрасили тёплую воду поочерёдно в зелёный, синий, голубой и солнечно-золотистый. Деликатно отвернулись, когда Герберт ножом вспорол на Еве изодранное окровавленное платье. Оно тряпкой упало по соседству с рапирой, которую Миракл положил прямо на пол рядом с законной владелицей, не решившись вытряхнуть клинок из плаща. С волшебными мечами шутки плохи.

Выждав какое-то время, Мирк осторожно покосился на бассейн через плечо.

Герберт стоял на коленях в воде, держа ладонь на рубине. Багряное сияние, сменившее редкую умирающую пульсацию, пробивалось меж его пальцев, лучами струилось сквозь жидкое золото, мерцающей вуалью укрывшее девушку под водой.

– Тебе нужно возвращаться, – отвернувшись, сказал Миракл отвлечённо. – Если не хочешь, чтобы Айрес заметила твоё отсутствие.

Герберт отнял пальцы от тонкой кожи, медленно теплеющей в воде. Нежно, точно касаясь хрусталя, погладил неподвижные губы, длинные волосы, разметавшиеся жемчужными разводами – казалось, кто-то разлил по бумаге светлую краску.

– Уэрт, давай. Разбудить её ты сможешь и издали.

– Знаю. – Его пальцы сжали безответные Евины пальцы. – Я вернусь. Обещаю.

Когда некромант выбрался из бассейна, с его штанов – он влез в воду, сняв только туфли – весёлыми струйками бежала вода.

– Присмотри за ней, Эльен, – сухо произнёс Герберт, обуваясь. – Будь рядом, когда она проснётся.

– И что мне ей сообщить?

– Скажи, что... нет. Это я сообщу сам. – Выпрямившись, некромант сжал губы. – Скажи, что Айрес держит меня взаперти. Я приду, как только смогу.

Поклон призрака был почти страдальческим.

– Полагаю, большего мне услышать пока не суждено, – лишь добавил он смиренно.

– Миракл расскажет.

– Потом. Сейчас нужно наведаться домой, – устало откликнулся тот. – Если помнишь, у меня теперь тоже есть за кем приглядывать.

– Могу подкинуть до дома.

– Ты и без того сегодня наколдовался. – Миракл взгляделся в лицо некроманта: при нормальном освещении лишь отчётливее видны стали его впалые щёки и скулы, заострившиеся, точно их подточили резцом. – До дворца-то сил добраться хватит?

Герберт смерил его взглядом, ясно говорившим: недооценивать его не стоит. Даже брату. *Особенно* брату.

– Идём, – сказал он, направляясь к двери.

Мокрые штаны, казалось, не доставляли ему ни малейшего дискомфорта.

– Кристалл для связи не хочешь прихватить?

– Слишком рискованно. Если Айрес его найдёт, непременно поинтересуется, откуда я его взял.

Обратно спускались снова молча. Возможно, потому, что ощущения победы не было. Возможно, потому, что эта победа никак не могла исправить того, что ей предшествовало.

Возможно, потому, что настоящая битва – оба прекрасно это помнили – им только предстояла.

– Спасибо, – сказал Герберт, когда они вернулись к воротам.

Мирк молча пожал брату руку. Скупое обнял, хлопнув по плечу.

– Значит, Кейлус тоже мёртв, – всё же произнёс он то, что нужно было произнести.

В том, как Герберт пожал плечами, ясно читалось: даже если их дядя действительно мёртв, это не слишком его огорчает.

– Если честно, сейчас это меня волнует меньше всего.

– Да, – после секундного колебания согласился Мирк. – Пожалуй. – Помолчав, он потянулся к вороту куртки. – Ладно, увидимся.

Герберт исчез первым. Ещё прежде, чем Миракл выправил из-под куртки тяжёлый, с пол-ладони кристалл, призванный вернуть его домой.

Ещё прежде, чем Миракл замер – когда его пальцы, в поисках цепочки скользнув по шейному платку, сообщили владельцу неожиданную и не слишком приятную новость.

Часть платка отсутствовала. Отрезанная тонким золотым лезвием, сегодня чуть не доставшим до его горла. Та часть, на которой красовалась брошь с инициалами «М. Т.».

Мысль о том, где теперь находилась эта брошь, Мираклу Тибелю совершенно не нравилась.

Глава 13

Lugubre^[19]

– У меня скверные вести, – сообщила королева племяннику, когда их совместный ужин близился к концу.

Во дворец Айрес вернулась уже под вечер. Куда позже, чем обещала. По причинам, о которых несложно было догадаться. Эти же причины угадывались в мрачности её взгляда и жёсткости, тенью

лежащей на красивом лице: таким бледным и сосредоточенным, без блестящей улыбчивой маски, Герберт не видел его уже давно.

Она не торопилась заводить разговор, которого её наследник ждал. Но неизбежность этого разговора Герберт читал в каждом движении, что увидел во время трапезы, к которой Айрес едва притронулась.

Естественно, Герберт ничем не проявил своей догадливости. И ответил на изречение уместно хмурым взглядом.

– Кейлус мёртв.

Наследник престола воззрился на королеву через разделявший их стол:

– Не может быть.

– Кто-то устроил резню в его особняке. Убили не только его, но и всех слуг. – Промокнув губы, Айрес аккуратно сложила шёлковую салфетку пополам. Затем вчетверо. – Среди которых, как выяснилось, было немало персон, неугодных власти.

– Никак, хотели сделать тебе подарок.

Айрес устремила взгляд на его равнодушное лицо:

– Вижу, ты не слишком огорчён.

Герберт едва уловимо пожал плечами.

– Тебе прекрасно известно моё к нему отношение. Изображать скорбь лишь потому, что это мой родственник, я не собираюсь. Точно не перед тобой.

Салфетка, уже свёрнутая в маленький тугой квадрат, недобро сжалась в изящных бледных пальцах.

– Кто бы это ни сделал, он поплатится, – сказала Айрес негромко.

– Есть догадки?

– Есть рунный круг, начертанный кровью. Убийцы пытались открыть проход в Межгранье – подозреваю, чтобы сбить стражу со следа. Есть проход, смердящий так, что следы чар толком не разобрать. Думаю, ритуал прервали, хотя понять, что там случилось, сложно. – По тому, как Айрес тирин Тибель медленно отложила салфетку, стало ясно: то, что она скажет сейчас, важнее всего, что было сказано до того, каким бы значимым оно ни казалось. – И есть арест.

– Вот как. Кто задержан?

– Мирк.

Рука Герберта, со скукой тянувшаяся к бокалу с водой, застыла, точно наткнувшись на невидимый лёд.

– *Миракл?*

– Его задержала Охрана. Для допроса. В особняке обнаружили его брошь. С инициалами, прямо в круге. – Под застывшим, замороженным неверием взглядом племянника Айрес подалась вперёд. – Сперва Мирк утверждал, что никуда не выходил сегодня, а брошь ему не принадлежит, но кое-кто из Охраны... несколько превысив полномочия, ибо весомых оснований прибегать к досмотру памяти не было, но такое рвение можно понять... заглянул в голову его дворецкому. Сам Мирк, как ты понимаешь, по положению и привилегиям своим неприкосновенен. По крайней мере, пока не найдут более весомых доказательств его виновности. – Тяжёлый вздох Айрес трепетом отразился на лепестках лилий, белевших в вазе на столе. – Брошь его. Около полудня Мирк покинул особняк в маскирующем плаще. Вернулся где-то час спустя. Убийства были совершены примерно в то же время.

Всё же сомкнув пальцы на тонком хрустале, Герберт плавно, словно двигая рукой сквозь водную толщу, поднёс бокал к губам. Сделал пару глотков, глядя в точку, незримо обозначенную где-то на переносице сидевшей напротив женщины.

– Плохо дело, – проговорил он наконец, не отнимая бокал ото рта: лишь чуть опустил ножку, чтобы вода не касалась губ.

– Очень. – Айрес сидела, недвижным взглядом изучая лилии, благоухавшие на всю комнату – такая усталая, какой её никогда не видела широкая публика. – Его арест нужен мне сейчас меньше всего. Это может вызвать ненужные... волнения.

– Я думал, ты будешь рада, учитывая твои опасения на его счёт.

– Рада тому, что мне придётся уничтожить собственного племянника?

– С собственной сестрой тебя это не остановило. С братом тоже.

Голос Уэрта остался ровным.

По комнате разлилась мгновенная тишина.

– Уэрт, ты же знаешь, как я тоскую по твоей матери. По отцу Мирка тоже.

– Но ты убрала его, когда возникла нужда.

– Если не веришь в мои родственные чувства, поверь в мою мудрость. Сейчас гибель Мирка была бы совершенно лишней.

– Так велела бы его отпустить.

– Уже. Хотя у меня остались некоторые сомнения в дальновидности этого шага. – Не мигая, Айрес оправила манжеты бордовой рубашки, кружевной пеной окаймлявшие её тонкие кисти. – Если это провокация, организованная лицом, не причастным к Мирку и его... *сторонникам*, от меня могли этого ждать. Известие, что один наш родственник в кровавой бойне убил другого, не пойдёт на пользу репутации нашей семьи, но известие, что я покрываю убийц среди этих родственников, тоже. Мирк пока под домашним арестом.

– Он никак не мог открыть проход.

– Один человек, даже столь искусный во владении клинком, вряд ли вырежет целый особняк. Без сообщников не обойтись. К тому же на доме Кейлуса была магическая защита, пробить которую, в свою очередь, могла только магия.

– Он не убийца. Он этого не делал.

– Я знаю. Кто-то подставил его. Весь вопрос в том, кто и зачем. Если надеялись окончательно запятнать репутацию Тибелей, то избрали самый глупый способ и плохо представили себе высоту, с которой нас придётся сбросить. Если Мирк... крайне маловероятно, совершенно не его стиль, но всё же... хотел использовать это в качестве толчка к восстанию – под домашним арестом ему будет трудно координировать действия с сообщниками. Охрана прослушивает весь дом, и я велела усилить наблюдение за некоторыми персонами из его окружения, наиболее подозрительными. Со связанными руками переворот не организуешь. – Айрес наконец посмотрела на племянника. – Забавно. Я думала, в свете ваших недавних... разногласий к его судьбе ты тоже будешь равнодушен. Забыла, что детская дружба никогда не умирает до конца.

Герберт не стал спрашивать то, что спросить было бы не лишним. Просто поставил на стол бокал, который до сих пор держал у губ.

Вопрос «не нашла ли Охрана в доме Мирка нечто подозрительное – к примеру, маленького дракона» сам по себе был бы подозрительным. И едва ли Айрес не упомянула бы о столь интересной детали, будь она обнаружена.

– Дружба не умирает? Как ваша с Кейлусом? – спросил он вместо этого.

Ответу предшествовала очень, очень долгая пауза.

– Как наша с Кейлом, – отозвалась Айрес эхом, разносящимся по залу давно разрушенного дворца. Откинулась на бархатную спинку стула. – Я погорячилась, заперев тебя здесь. Можешь вернуться в свой замок, если хочешь.

Перевод темы вышел удивительно резким.

Впрочем, если вспомнить сложные отношения Айрес с братом, можно было понять, почему она хочет перевести тему так, чтобы точно не возвращаться к предыдущей.

– Правда?

– Судя по всему, что я наблюдала эти дни, любовное безумие тебя оставило. Пока Мирк под арестом, едва ли вам представится возможность довести дуэль до конца. И я прекрасно вижу, как не по душе тебе быть здесь. Сидеть под замком, словно непослушный ребёнок... Я лучше кого бы то ни было знаю, как хорошо ты умеешь сдерживать эмоции, и благодарна, что ты ни разу не выговорил мне за моё решение, но всё это не может не унижать тебя и не заставлять злиться. В свете создавшейся ситуации последнее, что я хочу, – создавать сложности ещё и между нами. – Жестом, какой Герберт привык видеть у скелетов, Айрес подвинула к себе розетку с мороженым. – Правда, когда ты под этой крышей, мне не приходится беспокоиться за твою безопасность.

– Кажется, я неоднократно доказывал, что способен за себя постоять.

– Ты же знаешь: сколько бы лет ни было детям, для родителей они всегда останутся несмышлёными малышами. – Она взялась за десертную ложку, чтобы, вонзив её в мороженое, тут же опустить руку на скатерть. – Если закончил с едой, можешь идти хоть сейчас.

– Я никуда не тороплюсь.

Самый пытливый взор и острый слух не уловил бы за словами фальши.

– Просто я знаю, что к десерту ты всё равно не притронешься. А Эльен наверняка уже на стенку лезет от невозможности перекинуться с кем-нибудь словечком. – Айрес смотрела на него без тени улыбки, обычно сиявшей на них бронёй. – Уэрт, я не собираюсь удерживать тебя там, где тебе не хочется быть. Я и без того сделала то, чего не должна была делать. Прибегла к рычагу, к которому не должна была

прибегать – даже для твоего собственного блага. Твой комфорт мне важнее всего.

– Прямо-таки всего.

– Ладно, столь же важен, как благо страны.

– В это я уже верю. – Герберт неспешно поднялся из-за стола. Обогнув его, склонился над стулом королевы, чтобы на миг невесомо прижаться сухими губами к гладкой бледной щеке. – Спасибо. Я ценю всё, что ты для меня делаешь.

Вместо прощания Айрес, повернув голову, коснулась лёгким поцелуем ладони, которой племянник оперся на её плечо.

За тем, как Герберт уходит, она не следила. Сидела, наблюдая, как сквозняк из приоткрытого окна щекочет холодом цветочные лепестки.

Когда дверь тихо стукнула, сообщая, что Айрес осталась в одиночестве, та опустила глаза – на розовое лигитринское мороженое, тающее в хрустальной вазочке.

Чашки, тарелки и вазы слетели со скатерти, огласив дворцовый покой звоном бьющегося фарфора, заглушив её крик. Не успев разлететься по комнате, осколки обернулись крошкой, снежной пылью присыпали пол, смешиваясь с осыпающимися пеплом фруктами, сладостями и лилиями, и с лужами, оставленными амелье и водой.

Побелевшими пальцами вцепившись в пустой стол, какое-то время Айрес ещё кричала: глухо, надрывно, яростно. Смолкла лишь для того, чтобы спустя несколько вдохов – коротких, натужных, болезненных, словно в груди её зияла смертельная рана, – разрыдаться в голос.

...очень, очень давно маленькая Айри Тибель пообещала себе: больше никто и никогда не причинит ей боль, к которой она не будет готова. И держала это слово двадцать шесть лет.

Жаль только, собственное сердце нельзя было разбить и стереть в порошок так же безвозвратно и просто, как фарфор.

* * *

Она дрейфовала во тьме. Мрак окутывал её чёрной водой, утягивал вглубь, в бездонную тишину, где не было ничего.

Кроме голосов.

– Спи, – тонко шептал один. Не женский, не мужской, не юный, не старый – просто шелест короткого слова, касающийся слуха погребальным покровом.

– Забудь обо всём, – говорил другой. Тоже без пола, тоже без возраста – просто слоги в песне манящего небытия.

– Спи...

И она спала, слушая черноту, заглушающую отзвуки других голосов – очень далёких, странно знакомых, пытающихся пробиться к ней сквозь покров молчания пустоты. Почему нет? Ведь здесь тишина, и покой, и никакой боли, и никаких тревог. Можно просто зажмуриться и отдаться черноте, раствориться в её объятиях, потерять себя, чтобы никогда больше не найти.

...себя...

Память о заключённой сделке вернулась разом – вместе с осознанием, кто она.

Ева так и не поняла, от чего проснулась. От звучания голоса, велевшего ей очнуться, – или от ужаса, прошившего её, когда она вспомнила, что сделала то, чего клялась никогда не делать.

– Тише, – сказал Герберт, когда она дёрнулась в его руках. – Ты дома.

Герберт. Тёплый. Настоящий.

Дома...

Ева заморгала, привыкая к свету, огляделась, с чего-то ожидая увидеть свою комнату в московской квартирке – с Динкиным пианино, мерцающим компьютерным монитором на столе и подушками с Тоторо, сереющими на диване. Но, конечно, вокруг была только ванная, где она так часто приходила в себя после целительного сна.

Нет. Она не дома. Но она в безопасности. И Герберт рядом.

Значит, Мэт сдержал обещание...

– Ты же был у Айрес, – проговорила Ева сонно, полулёжа на коленях у некроманта, который примостился на полу. С мокрыми волосами, закутанная в огромное холщовое полотенце: видимо, Герберт только вытащил её из бассейна.

– Был, – согласился он, прежде чем склониться к её лицу.

Часы в тёплой воде – она всегда была тёплой, даже когда Ева просыпалась – сделали своё дело. На сей раз их губы оказались примерно одинаковой температуры.

– Не представляешь, как я рад, что ты в порядке, – произнёс Герберт потом. Пусть даже предшествовавшее словам сказало всё лучше них.

Она слабо улыбнулась. Села сама, подле него, – просто чтобы убедиться, что она может.

Ни следа галлюцинаций. Если, конечно, это всё не одна сплошная галлюцинация. Воспоминания о последней ночи и последнем утре, проведённом в доме Кейлуса, всплывали урывками, словно тающие осколки кошмарного сна.

То, как она заключала сделку, и вовсе почти не помнилось.

– Надо же. Всё получилось. – Ещё не веря до конца, что её безумная авантюра увенчалась успехом, Ева плотнее завернулась в полотенце, завязав его на груди. – Расскажешь мне, как я...

Детали сделки просочились сквозь лохмотья памяти одновременно с тем, как она увидела Люче. Детали, напомнившие, что Мэт никак не мог доставить её напрямик в замок Рейолей. И даже они отошли на второй план, когда Ева заметила золотое лезвие, мерцающее на шерсти свёрнутого комом плаща.

Третий раз. Её клинок покинул ножны в третий раз.

Когда? Зачем?..

– Почему... – растерянность, овладевшая Евой, толком не давала говорить: теснящиеся в голове вопросы распахивали друг дружку, просясь на язык все одновременно. – Где ножны?

– В особняке Кейлуса, полагаю. – Герберт ответил так спокойно, словно в этот миг истово убеждал себя оставаться спокойным. – Не волнуйся, я их верну. Как только чуть уляжется шум и в особняк можно будет проникнуть незамеченным.

– Я... Мэт... он достал её? – забыв, что Герберт не должен ничего знать о сделке, Ева непонимающе отвернулась. В лёгкой панике переместилась ближе к Люче – не поднимаясь, ёрзая коленками по полу. – Но теперь... как мы теперь?

Ответа не последовало. Один странный, судорожный выдох. И откуда-то взявшийся ритм, отбиваемый чужими туфлями по мрамору.

Ева ещё успела подумать, что это Миракл. Или Эльен, хотя призрак по понятным причинам ходил бесшумно. И, лишь обернувшись, осознала всю несусветную глупость этой гипотезы.

Впрочем, то, что она увидела, казалось ещё невероятнее.

– Бедный, маленький мой глупыш. – Айрес тирин Тибель, беспощадно-красивая в черных и алых тонах, опустилась на колени, в движении проявляясь из воздуха. Подхватила Герберта прежде, чем тот успел повалиться набок; обняла, словно собираясь убаюкать перед сном. – К сожалению, любовное безумие тебя всё-таки не оставило... иначе сразу бы проверил, всё ли в порядке с защитой замка.

Королева смотрела в лицо своего наследника: бледное, с кровью, медленно прочерчивавшей щёку от ноздрей, с полуопущенными веками, под которыми ещё читалось мучительное изумление. Её покрасневшие, будто заплаканные глаза, обрамлённые чернотой усталости и слегка размазанной туши, следили, как наследник засыпает с приоткрытым ртом, так и не успев ничего сделать или сказать.

– Знал бы ты, как я надеялась, что ошибалась.

Это прозвучало едва слышно. Так печально, так болезненно глухо, что Еве показалось: она всё ещё спит.

Она не думала, что женщина, убившая её, способна чувствовать боль.

...был, сказал Герберт минутой раньше. Был в гостях – в плену – у Айрес. А теперь – здесь, отпущенный на волю. Ведь это так умно: поймать птичку, посадить в клетку, заставив истосковаться по тому, с кем она никак не могла повидаться в заточении, – а потом отпустить, чтобы посмотреть, куда она тебя приведёт...

Когда отступивший шок вернул ей способность двигаться, Ева среагировала не думая. Одной рукой схватила Люче, другой на автомате выплела руны, выставляя щит, и рванула вперёд. Атакованная королева не отпустила Герберта, даже не встала: лишь приподняла ладонь, едва заметно шевельнув пальцами.

О том, что лучше было призвать смычок, Ева подумала, только когда Люче беспомощно полыхнула, отскочив от вражеского барьера. В тот же момент, как её собственный щит пошёл трещинами всего от пары разбившихся об него заклятий – Айрес тирин Тибель не зря слыла самой могущественной колдуньей Керфи. У смычка, в ближнем бою пробивающего магические щиты, оставался хоть малюсенький шанс нанести удар.

Впрочем, узнать, выпал бы ей этот шанс, Еве было не суждено.

Третье заклятие заставило её барьер исчезнуть. Четвёртое – швырнуло через всю комнату на стену, сопроводив удар стеклянным

звоном. Точно, на стене ведь было зеркало... Где Эльен? Как Айрес стала невидимой? Как преодолела защиту замка? Как прошла через закрытую дверь ванной? Хотя с магией-то...

...глупо, глупо, глупо...

– Ну здравствуй, героиня, – сказала Айрес тирин Тибель, когда Ева упала на пол – и прежде, чем она упала обратно во тьму, из которой так недавно вырвалась.

Когда Ева открыла глаза, положение почти не изменилось. За исключением того, что Герберт исчез, королева сидела не на полу, а на низком табурете, а вместо светлой ванной вокруг была полутёмная каморка с каменными стенами.

– Добро пожаловать в Кмитсвер, – произнесла Айрес любезно.

Кмитсверская Королевская тюрьма. Судя по отсутствию окон – её подвал.

Вотчина Охраны Народного Покоя...

Ева, лежащая у стены – казалось, стену, у которой она вырубилась, во сне просто заменили на другую вместе со всем помещением, – привстал на руках. Посмотрела на дутые медные полосы на запястьях, окутанные зловещим зелёным мерцанием.

Здесь для неё не пожалели сразу двух блокирующих браслетов. Хотя хватило бы и одного.

Попытка призвать смычок ожидаемо не увенчалась успехом.

Ева села. Не утруждаясь взять одежду, лежавшую на грубых каменных плитах (похоже, в тюрьму её приволокли голой, не удосужившись оставить даже полотенце), уставилась на женщину, следящую за каждым её движением. Спросила то единственное, что сейчас её волновало:

– Где Герберт?

Страха почему-то не было. Не за себя.

– Гербеуэрт, – поправила Айрес мягко. – Во дворце. Снова. Чувствует себя вполне сносно. – Королева – она была в брюках – элегантно до отточенности движением положила ногу на ногу. – Я пообещала, что тебя не тронут, пока он ведёт себя разумно. Вассальной клятвой не предусмотреть и не оговоришь всего. Так надёжнее. – Склонив голову, она качнула остроносой лакированной туфлей. – Он ведь рассказал тебе о клятве, полагаю?

Алый шёлк её рубашки поблескивал в тусклом свете единственного блеклого кристалла, вмонтированного в потолок. Безупречная, с ясным взором и чистым гладким лицом, королева смотрела на пленницу, заставив Еву усомниться, что в замке Рейолей она действительно видела на этом лице следы недавних слёз.

Сейчас Айрес тирин Тибель в последнюю очередь походила на человека, который умеет плакать.

– Он не в тюрьме?

Это вызвало у Айрес намёк на улыбку.

– Ты думала, я отправлю в Кмитсвер своего наследника? Которого люблю, как собственного сына?

– Даже когда он предал вас?

Ева сама не знала, откуда у неё силы задавать вопросы так спокойно. Откуда в ней вообще взялось спокойствие, позволившее сейчас ощутить облегчение – хотя к этому ситуация располагала меньше всего.

Герберт в порядке. Это главное.

– Я тоже предала его. И предавала. Не раз. – Айрес помолчала: вопрос согнал улыбку с её невыносимо красивого лица. – Я это заслужила. – Отзвуки слов, бесстрастных и безжалостных, как лезвие ножа, ещё гуляли по камере, когда королева чуть наклонилась вперёд. – Полагаю, тебе интересно, как ты сюда попала.

Ева пожала плечами.

Её и правда не слишком это волновало. Сам факт попадания – вот что было важно. И то, как отсюда выбраться.

Что-то подсказывало ей: эта задачка будет посложнее той, которую Еве пришлось решать в особняке Кейлуса Тибеля.

– Эта история с самого начала казалась мне подозрительной. Звёздная пыль, письма, дуэль... не в стиле Уэрта, – пояснила Айрес великодушно. – Я давно заподозрила, что меня водят за нос. Полагала, что после нескольких дней разлуки Уэрт первым делом поспешит повидаться с тобой. Пользуясь его отсутствием, внесла в защиту замка небольшие коррективы, чтобы иметь возможность войти незамеченной. Велела Охране следить за ним. Решила сама нежданно нагрянуть в гости – на случай, если он пригласит тебя к себе. – Она снова качнула ногой; блеклый свет бликами скользнул по чёрной коже, обнимавшей её стопу, и высокому каблуку. – Честно говоря, не думала, что найду тебя

так быстро. Надеюсь, что застаю его одного, и уйду, пока он не заметил. Но вышло иначе.

Злодеи любят всё объяснять, вспомнила Ева отстранённо. Чтобы ты понял, какие они изобретательные. Чтобы они могли в полной мере ощутить торжество, когда ты будешь валяться в грязи у их ног – моля о пощаде, осознавая всё величие их ума, всю грандиозность их планов.

Только вот при взгляде на Айрес тирин Тибель ей всё меньше верилось, что перед ней та злодейка, какой Ева её считала.

– Значит, Уэрт где-то прятал тебя, – сказала королева. – Тебя не было в замке, когда я туда приходила... без него.

– И Эльен вам не помешал? – спросила Ева почти равнодушно.

– Он всего лишь призрак. Ему не дано чувствовать такие вещи. – Айрес вновь улыбнулась. Тонко, ускользяще, едва заметным движением кончиков губ. – Я взломала защиту снаружи. Потом прогулялась по замку невидимкой. На всякий случай.

Стало быть, про яйцо Гертруды спрашивать не стоит. Если Айрес до сих пор его не нашла – значит, и не найдёт.

Пока не узнает о нём.

– Что с Эльеном?

– Когда вас забирали, заламывал руки и плакал. – Это прозвучало даже иронично. – Полагаю, следит за замком, как обычно. Мне нет нужды его трогать. Заставлять Уэрта упокоить его было бы слишком жестоко: он проявлял лояльность роду, которому клялся служить, не более. Ещё есть вопросы?

– Есть. Почему я... здесь?

Она хотела сказать «жива». Поправилась лишь в последний момент и, возможно, в итоге не совсем корректно сформулировала вопрос.

Но Айрес, конечно, поняла всё и так.

– Уэрт любит тебя. Если я просто тебя уничтожу, он меня возненавидит. По многим причинам это было бы совершенно излишне. Пока ты полезнее в качестве залога его покорности. – Щурясь, королева обняла колено переплетёнными ладонями. – Забавно. За него ты беспокоишься больше, чем за себя. Даже за его дворецкого беспокоишься больше, чем за себя.

– За себя, если честно, я вообще не беспокоюсь.

Наверное, это – последний её вопрос и осознание того, насколько он уместен – и являлось причиной Евиного спокойствия. А ещё чудовищная усталость: за минувшие дни она пережила слишком многое, чтобы эмоционировать ещё и теперь. В квартире у них стоял электрощиток, при чрезмерной нагрузке выбивавший пробки – мера предосторожности; видимо, у эмоций тоже есть свои пробки, и с появлением Айрес в замке Рейолей их вышибло напрочь.

По уму её, Евы, сейчас не должно существовать. Тот факт, что она всё ещё мыслит и говорит вместо того, чтобы валяться где-то кучкой пепла, уже позволял не вдаваться в панику.

– И не боишься меня?

– Вы и так меня убили. Боли я не чувствую, пытать меня не выйдет. Вы могли бы меня испепелить или аннигилировать как-нибудь иначе, но тогда я просто не очнулась бы. – Ход собственных мыслей Ева изложила так рассудочно, словно доказывала теорему у доски. – Судя по первой нашей встрече, вы не из тех людей, которые захотят поглумиться над врагом, прежде чем с ним покончить. Разве что после. Если вы не лжёте и с Уэртом действительно всё в порядке, беспокоиться особо не о чем. Но в ваших интересах скорее запугать меня, чем успокаивать, так что в этом плане я вам верю.

На сей раз улыбка королевы была благосклонной. И будто поощряющей. Смешно... как бы Кейлус Тибель ни ненавидел свою сестру, у них наблюдалось немало общего. Интонации. Взгляд. Неуловимое сходство черт.

Изысканный аристократизм, сквозивший в каждом движении.

– Здравомыслящая. Воспитанная. Храбрая. Любящая, – резюмировала Айрес задумчивым перечислением. – Начинаю понимать, почему Уэрт выбрал тебя. – Она откинулась чуть назад – уже без улыбки. – Возможно, сложишься всё иначе, я была бы даже рада видеть тебя рядом с ним.

Ева подумала, что могла бы сейчас снова призвать Люче. Если, конечно, Айрес ещё её не уничтожила (хотя вряд ли волшебный клинок можно так просто уничтожить). Могла бы снова попробовать нанести удар. Если, конечно, браслеты ей позволят. Но смысл? Сейчас она даже щит наколдовать не сможет. И просто передаст оружие в руки представителей Охраны, как только её обезоружат – так же элементарно и обидно, как в первый раз.

Все уроки вышли насмарку. Всё, чему её учили. Всё, к чему её готовили. Роль спасительницы Керфи оказалась ей не по плечу. Ей дали волшебный меч, ей дали волшебный дар, но на деле она осталась той же, кем пришла: Евой Нельской. Семнадцать лет, виолончелистка, студентка третьего курса музыкального колледжа.

Бесплезная, слабая, *обычная* девочка...

– Зачем ты пришла? – под глазами Айрес, неотрывно всматривавшейся в её лицо, лежали утомлённые тени. – Всё было так хорошо. Мне не приходилось причинять ему лишней боли. Не больше, чем любой родитель причиняет ребёнку – для его же блага. Теперь ты заставляешь меня делать то, чего он мне не простит.

– Он и без меня многого вам не простил, – пробормотала Ева, всё же потянувшись за одеждой, чтобы не чувствовать себя настолько незащитной.

– Так было нужно. Он понимал, почему я сделала то, что сделала. Но ты... – Айрес смотрела, как Ева, не поднимаясь, одевается: ей выдали длинную хлопковую рубашку, похожую на ночнушку. – Скажи, будь на его месте кто-то другой, ты бы так же кинулась в его объятия? Просто потому, что в его жилах течёт королевская кровь, просто потому, что он богат, красив и носит титул? Просто потому, что он может занять то место, которое теперь занимаю я?

Натянув рубашку на ноги, Ева подняла взгляд на женщину, сидевшую в противоположном конце её камеры, преграждая выход.

Странно. Она должна была ненавидеть эту женщину – за всё, что та сделала с ней. С Гербертом. С Мирком. С Кейлусом... и Тимом, и другими людьми, служившими в особняке, где Ева вынужденно гостила. Но в этот миг она видела не злую королеву – усталого человека, которому совсем не нравилось то, как далеко всё зашло. Родителя, которому не доставляет удовольствия необходимость отбирать у ребёнка сигареты, чтобы тот не коптил этой дрянью свои лёгкие.

Айрес тирин Тибель ничего не имела против неё. Ничего личного. Просто так вышло, что Ева Нельская представляла собой угрозу, а с угрозами правительница Керфи разбиралась оперативно и без сантиментов.

За исключением случая, когда в категорию угрозы переключал её любимый наследник.

– Я не собиралась кидаться в ничьи объятия. Даже бороться с вами не собиралась. Я просто хотела жить. И вернуться домой.

– И всё ещё хочешь?

Вопрос был задан неожиданно цепко. Именно поэтому Ева не стала на него отвечать. Даже взгляд отвела – чтобы тот ничего не выдал.

Впрочем, Айрес тоже наверняка знала, что отсутствие ответа порой говорит больше, чем сам ответ.

– Возможно, убивать тебя было ошибкой с моей стороны, – вымолвила королева отрешённо. – Нужно было просто познакомить вас. Позволить ему оттаять. Позволить ему влюбиться... А потом посмотреть, как ты его оставишь. Ради того, что тебе важнее. Разбив его сердце вдребезги. – Краем глаза Ева видела, как безупречно очерченные губы – в полутьме они были алыми, как лепестки красного шиповника, – изогнула усмешка. – Это преподало бы ему урок.

– Такой же, как вы преподали Кейлусу?

Спрашивать это не стоило. Но Ева всё же спросила.

Она не видела глаз Айрес, но почти кристаллизованное внимание, с которым на неё посмотрели после этих слов, ощутила кожей.

– Как интересно, – сказала королева. – Ты, стало быть, успела свести знакомство со всеми мужчинами нашей семьи? Не отрицай. Уэрт не хочет править, он мог стараться только ради брата. И о Кейле рассказать тебе не мог – просто не знал.

Ева промолчала. И не подняла взгляд.

Если королева захочет влезть к ней в голову, она узнает всё сама. До тех пор ни в чём признаваться Ева не собиралась.

– Если тебе интересно, я желала Кейлу только добра. Кто знал, что мой дорогой дядюшка окажется... *таким*. – Не дождавшись реакции, Айрес снова подалась вперёд. – Смотрю, между вами сложились очень... доверительные отношения. Кейл ненавидел жаловаться. Даже тем, кого хорошо знал.

– И всё ещё ненавидит, насколько могу судить.

По степени тишины, воцарившейся в каменной клетке, Ева поняла: только что она произнесла самое неправильное из всего, что произносила за весь разговор.

– А, – прошелестела Айрес, вынудив её вскинуть голову. – Так ты не знаешь.

Как бы Ева ни была утомлена, как бы ей ни хотелось не верить в то, что органично вытекало из последних фраз и всего, что предшествовало её пробуждению здесь – догадаться, что к чему, труда не составило.

Люче. Без ножен. И абсолютный провал в памяти касательно всего, что следовало за сделкой с Мэтом. И заплаканные глаза Айрес...

– Кейлус... мёртв?

Это спросилось неуверенно. Почти жалобно.

Когда королева кивнула, Ева ощутила, как каменный пол под ней качнулся.

Но Мэт же обещал. Он обещал... что именно? Нет, она не могла заключить договор, не подумав о безопасности Кейлуса; не могла, не...

– Не может быть. – Слова сами сорвались с сухих губ облетевшей канифолью, пока Евины глаза невидяще смотрели на алый шёлк. – Когда я сбежала, он был... он должен был быть...

– Ты была в его доме. Он выкрал тебя у Уэрта. Чтобы отомстить мне.

Айрес не спрашивала. Это вообще было не в её характере – спрашивать. Она была достаточно – даже дьявольски – умна, чтобы не утруждать себя вопросами.

Ева ничего не сказала. Говорить не требовалось.

– Ты его убила.

Будь это вопросом, Ева всё равно не знала на него ответа. Но тот, который подозревала, нетрудно было прочесть в её лице.

Воцарилась бесконечно долгая тишина.

– Скажи только одно, – произнесла Айрес затем. – Как и за что?

– Я не хотела, я... я не могла, я...

– Ладно. Полагаю, у нас ещё будет возможность это обсудить. – Нехорошее обещание в голосе Её Величества напугало бы Еву до дрожи, не будь ей в этот момент абсолютно не до того. – Какая ирония... предсказанная Лоурэн спасительница виновна в кровавой расправе над моим братом и жертвами моего режима. Народ был бы счастлив. Как жаль, что твоё появление перед народом неизбежно повлечёт за собой массу ненужных вопросов, да и Уэрт, опять же, не оценит. – Улыбка, стывшая на губах королевы, была острее и холоднее зазубренной льдинки. – Может, ещё подскажешь, откуда на месте

убийства взялась брошь Мирка? Разом избавила бы меня и себя от стольких хлопот.

– Мирк?..

– Он под домашним арестом, чтоб ты знала. За убийство Кейлуса, в котором, как выяснилось, виновна ты. А я ломаю голову, как бы разрешить эту неудобную ситуацию без вреда для Миракла. Но ты не помнишь, верно? – Без труда различив муку в её лице, Айрес кивнула. – Вырезать целый особняк... Такое нежный цветочек вроде тебя мог совершить только в умопомрачении. Что, чары, которыми тебя подняли, имеют побочные эффекты? Или ты всё же сумела призвать тварь из Межгранья?

Ева отупело смотрела, как шевелятся её губы. С трудом улавливая смысл того, что ей говорили, всё ещё отказываясь принимать этот смысл до конца.

– Почему? – спросила она, уцепившись за возможность не думать о том, о чём думать ей совершенно не хотелось. – Почему вы не пользуетесь шансом покончить с Мирком?

Она не надеялась всерьёз, что Айрес ответит. В конце концов, та в свою очередь задала ей немало вопросов, на которые не получила ответов. Пусть даже в большинстве случаев ответов у Евы не было.

Но, возможно, Айрес поняла это достаточно ясно, чтобы ничего от неё не ждать.

– Не собираюсь делать из него мученика. Мученика, в свою очередь, легко сделать символом восстания, а помимо Мирка на роль нового владыки Керфи найдётся немало претендентов. – Королева пояснила это с той же интонацией, с какой часто говорил Герберт: так взрослый растолковывает неразумному ребёнку нечто очевидное. – Оковы страха держат народное возмущение в узде, лишь пока давление на эти оковы не слишком высоко. То, что назревает сейчас – лавина, готовая сойти с гор. Оно не связано с жизнью и судьбой конкретного человека. Его смерть скорее станет тем, что поможет этой лавине сорваться вниз, нежели тем, что её удержит. – Встав, Айрес шагнула к ней; камень гулко пел под её каблуками. – Быть королевой, девочка, – значит не просто сидеть на троне. Не просто устранять всех, кто тебе неуютен. Это значит понимать, кого можно устранить без вреда для системы, а с кем потеряешь больше, чем приобретёшь. И люди не овцы, которые покорно поверят в любую байку – лишь в очень убедительную.

Байка «благородный Миракл Тибель устроил резню в особняке родного дяди» к таковым не относится.

Прав был Герберт, отчуждённо думала Ева, глядя на колени королевы, подходящей к ней. *Народная любовь предоставляет тебе немаловажные привилегии*. Бетховена, несмотря на все высказывания в адрес властей, тоже не мог тронуть император, хотя Бетховен не был ни настоящим революционером (разве что в музыке), ни претендентом на трон. Впрочем, то, что Мирк таковым являлся, делало ситуацию ещё сложнее.

Какой бы благовидной ни была причина, сложить два и два и понять, что двигало Айрес тирин Тибель в вопросе его устранения, людям труда не составит. Самым простым людям. Самым недалёким – каковых большинство в любом мире.

– Вскоре баланс сил изменится. Вскоре он не будет представлять угрозы. А пока мне куда удобнее противостоять Мирку, чем кому-либо ещё. – Присев прямо перед ней, одним коленом коснувшись сухого камня на полу, королева небрежно сложила руки на другом. – Я знаю его. Знаю его образ мыслей. Знаю, что он не сделает решающий шаг, пока не будет уверен, что переворот пройдёт с минимальным количеством жертв. А при текущем раскладе жертв окажется много... Хотя твоё появление, полагаю, могло всё изменить. Но сложилось так, как сложилось. – Тёмные глаза королевы – оттенка обесцвеченных, выбуренных временем лепестков роз – впивались в Евины зрачки, препарировали душу, путали мысли. – Он дарит людям надежду. Надежда помогает им мириться с тем, с чем в ином случае мириться многие не стали бы. Отними у человека надежду – он обратится в неконтролируемого загнанного зверя. Оставь ему надежду, позволь лелеять до поры, пока тебе это выгодно, и получишь рычаг управления.

– Так же, как сейчас вы сделали этот рычаг из меня, – закончила Ева непослушными губами.

Айрес едва заметно склонила голову в знак подтверждения:

– Эти вещи понимают немногие. И поэтому я никак не могу уступить трон милым наивным детям вроде вас.

Удар, хлестнувший Еву по щеке, вышел мгновенным. Она даже не успела поднять руки, чтобы защититься. Когда же попыталась – перед вторым ударом, по другой щеке, – знакомое чувство беспомощности обернуло тело безвольной куклой.

Здесь браслеты не позволяли пленникам даже постоять за себя. Не то что напасть.

– Это за Кейла, – сказала королева тихо, когда Ева повалилась на бок. – Он не должен был умереть. Не так.

Больно, конечно, не было. Даже обидно почти не было. Если всё правда обстояло так, как сказала Айрес, Ева заслужила наказания куда худшего.

Если б только её не наказывала та, от кого принимать кару за гибель Кейлуса было почти абсурдно.

– Вы сломали ему жизнь, когда он доверился вам, – едва шевеля неповоротливым языком, выговорила Ева. – Вы убили родную сестру. Вы покончили с родным братом. И после этого вы...

– Не тебе меня судить. Никому из вас. – Айрес поднялась на ноги одним стремительным гибким движением. – Я причинила Кейлу немало боли, но я имела на это право. – Правительница Керфи с высоты своего роста одарила прощальным взглядом пленницу на полу – с величием истинной королевы, с прямым и тонким станом, облитым кровавым шёлком. – Я – его семья. И только мне решать, как, кому и когда в моей семье умирать.

Тяжёлая дверь без окошка, по цвету неотличимая от стены, отворилась и закрылась сама собой. Почти бесшумно. Табурет Айрес милостиво оставила – круглый, трёхногий, изящный, дивно неуместно смотревшийся в грубой тёмной камере.

Когда к ней вернулась способность двигаться, Ева медленно села. Прислонилась спиной к стене.

Какое-то время сидела, не решаясь сделать то, что следовало сделать.

– Мэт...

Ответа не было так долго, что Ева уже не чаяла его услышать. И презирала себя за то, что в глубине души рада этому.

– Я уж думал, ты не осмелишься. – Она ожидала увидеть, как демон Чеширом проявляется в воздухе, но в ушах лишь шелестом прозвучало знакомое многоголосье. – Жаль, теперь не выйдет поболтать в любой момент, как в старые добрые времена.

– Почему? – спросила Ева, оттягивая неизбежное.

– Малыш разорвал договор. Отныне меня слышишь только ты. Только когда позовёшь. Иначе пробиться в твой разум будет трудновато.

Разорвал договор...

В какой-то степени это уже служило подтверждением того, что Еве хотелось – вернее, дико не хотелось – узнать.

– Тогда почему ты ещё здесь?

– Ты впустила меня. Я был частью тебя. Ты – якорь, который держит меня тут. И останешься таковым, пока существуешь.

Вот и мелкий шрифт, Ева. Ещё один.

– И ты знал, что так будет, когда мы заключали сделку?

– Просто умолчал о приятном дополнении. Учтёшь в следующий раз. Но, полагаю, ты звала меня не для того, чтобы заключить другой договор... Хотя, учитывая обстоятельства, это было бы кстати.

Ева прикрыла глаза, словно надеясь в темноте спрятаться от того, что сейчас услышит.

– Айрес сказала правду?

– Чистейшую.

Тьма перед закрытыми веками сделалась абсолютной. Всепоглощающей, как чёрная дыра.

– Значит, целый особняк? Кейлус? Тим? Все слуги?

Слова выговорились ровно, льдистыми шариками упав в тишину.

– Ага. – Участливый вздох раскатился в её голове шуршанием мёртвой листвы. – К слову, милый дядюшка как раз шёл тебя освободить, чтобы ты не думала о нём слишком плохо. Жаль, припозднился.

Разумеется. Разве мог Кейлус Тибель, спасавший красоту от мира, не спасти её от самого себя?

Ева открыла глаза. Сидя на голом холодном полу, уставилась на сложенные на коленях руки, принесшие смерть тем, кто должен был жить.

– Да ладно, златовласка. Не вини себя. И поумнее тебя попадались в силки, и в состоянии куда более здоровом.

Ева уже не слушала. Слушала, но не понимала того, что слышит.

Кейлус. Тим. Все слуги.

Кейлус. Тим. Все...

...все, все – её руками, её мечом, её глупостью, её...

Тишину разбили чьи-то рыдания – и Ева не сразу поняла, что плачет она.

Когда истерика погасла, она обнаружила себя над обломками табурета, разбитого о железо, отделяющее её от свободы. Спустя крики о том, как ненавидит его и себя. Спустя попытки добиться ответа у издевательской тишины. Спустя кровь на костяшках, которыми она била камень, пытаясь ощутить боль – ощутить что-то, что позволило бы отвлечься, зацепиться за реальность, спастись от вины, расцветающей внутри всепожирающим огнём.

Осев на пол, сжавшись в комок, Ева зажмурилась, позволяя поглотить себя демонам, никак не связанным с Межграньем.

Скверная из неё вышла героиня. И сказочка её оказалась не сказочкой вовсе. И если в этой истории злой королеве суждено победить – возможно, Еве лучше смириться и не мешать. Пока из-за неё всё не стало ещё хуже, чем сейчас.

...в одном ей точно стоит взять пример с Айрес тирин Тибель: признать, что она сполна заслужила полученное.

Глава 14

Libero [\[20\]](#)

Нежданные гости, явившиеся к Мираклу Тибелю в предрассветный час истекающей ночи, пожаловали как нельзя вовремя.

Правда, своё счастье он оценил далеко не сразу. Хотя бы потому, что на момент визита Мирк сидел перед камином в бывшем отцовском кабинете, размышляя о сложившейся прискорбной ситуации – и потому,

что вместо приветствия ему бесцеремонно стиснули горло удушающим захватом.

– Тише, лиэр, – очень дружелюбно проговорили сзади, когда юноша, хрипя, вцепился в держащую его руку. – Это лишь чтобы вы осознали: желай я вас прикончить, вы уже были бы мертвы.

Сгруппировавшись, Миракл умудрился подцепить нападавшего за плечо. Резким движением перекинув его через низкую спинку кресла и собственную спину, застыл над мужчиной в чёрном, распластавшимся на ковре.

– *Дауд Дэйлион?*

– Рад встрече, – непринуждённо поздоровался убийца. – Если мои слова вас не убедили, можете оглянуться.

Когда Мирк обернулся, за его спиной обнаружили двое «коршунов», мирно подпиравших стену кабинета. Вступаться за своего главаря они не спешили.

– Я прихватил кое-что, что помешает Охране нас подслушать. Можем говорить без опаски. – Пока Миракл молча разглядывал клювы матовых чёрных масок, лиэр Дэйлион вскочил с ловкостью, которой от него едва ли могли ожидать многие. – Но радиус действия у этой штуки ограниченный, так что сильно далеко отходить не советую.

Миракл повернулся обратно. Осмотрел крупный серебряный кругляш с рунами, сверкающий искристым маревом наведённых чар: убийца на миг вынул его из внутреннего кармана куртки.

Минувший день выдался для Миракла Тибеля не самым лёгким. Сперва был арест – на диво оперативный, но он всё же успел подготовиться. Затем путешествие до Кмитсверской тюрьмы в знаменитой чёрной повозке Охраны (тем более знаменитой, что немногие из видевших её доживали до возможности о ней рассказать). Следом – допрос, на котором Мирк, к великой своей досаде, избрал не совсем верную стратегию. Недооценил наглость Охраны, вломившейся в память его прислуги.

Как бы там ни было, он знал: иных доказательств, кроме броши, у властей нет и быть не может. Айрес оправдала ожидания, не решившись упечь его в казематы Кмитсвера из-за столь нелепой – для каждого, кто слышал о Миракле Тибеле, – причины. Скорее всего, и арест его был организован прежде, чем королева оказалась в курсе дела. Правда, в домашнем аресте и прослушке, колдовской сетью опутавшей

дом, хорошего тоже было мало, но с этим Мирк собирался разобраться в ближайшее время.

Видимо, не только он.

– Я думал, прослушивающие чары Охраны не блокируются, – изрёк юноша наконец.

– На меня работают очень головастые ребята, – откликнулся лиэр Дэйлион, почти любовно похлопав себя по куртке. – Тир Гербеуэрт уже имел возможность в этом убедиться. И многие другие, к их сожалению.

– Как вы сюда пробрались? Мимо Охраны? Сквозь защиту моего дома?

– Я не зря беру такие деньги за свои услуги, лиэр Миракл. К тому же ваша матушка немножко помогла.

– Моя... *мама*?

– К ней проникнуть было попроще, чем к вам. А я предоставил ей залог моей преданности. – Убийца лениво достал из кармашка – на сей раз наружного – часы на цепочке. Посмотрел на циферблат. – Поскольку мы идём точно по расписанию, то...

Ещё один гость даже не соткался из воздуха – возник подле главаря «коршунов» в один миг. Будто кто-то мгновенно подменил картину комнаты, где находились четверо людей, другой, где их было уже пятеро.

Принцип работы перемещающих кристаллов, благодаря которым Мирк в последнее время частенько наведывался в замок Рейоль, был прост. Они продавались в комплекте с «маяком» – медным браслетом, который оставляли дома; дальше требовалось сжать кристалл в руке, представить место, где хочешь очутиться, и скомандовать «вперёд». Чтобы вернуться, достаточно было сказать «домой», и кристалл переносил тебя обратно к маяку (или, если дом находился под магической защитой с блокировкой переноса извне, в максимально приближенное к нему место). Кристаллы позволяли быстро и с комфортом путешествовать тем, кто был лишён Дара; правда, их хватало всего на одно путешествие – туда и обратно, – а стоили они недёшево, так что позволить себе эту роскошь могли далеко не все.

Новоприбывшая, конечно, могла позволить себе гораздо большее. И удивило Мирка вовсе не это.

– Лиора Тибель, – с насмешливой почтительностью склонил голову убийца.

– Сейчас я не вдова лиэра Тибеля, Дэйлион. Не хозяйка дома. И даже не мать Миракла.

– Хорошо, *госпожа полковник* Тибель.

– Так-то лучше. – Мирана Тибель, неизменно поражавшая незнакомцев статью военной выправки, смерила сына острым взглядом медово-карих очей. Шапка коротких пшеничных кудрей, едва прикрывавших уши, чудно гармонировала с цветом её мундира, расшитого серебром по золотой шерсти. – Время пришло, Мирк.

Многие полагали: тот факт, что лиора Мирана Тибель являлась командиром Пятого магического дивизиона, не мог устраивать Айрес тирин Тибель. С другой стороны, в армии Её Величества было ещё четыре дивизиона магов, а дальше командования Пятым амбиции Мираны Тибель не простирались. Вернее, тщательно подавлялись королевой: той не хотелось давать матери своего конкурента власть над большим количеством войск, нежели семь десятков боевых магов. Не будь поведение Мираны Тибель безукоризненным, не достанься ей должность командира Пятого дивизиона ещё прежде, чем Айрес села на трон, ей вряд ли предоставили бы даже ту маленькую власть, которой она располагала сейчас.

Поговаривали, что при иных обстоятельствах за эти годы лиора Тибель вполне могла бы дослужиться до Советника по военным делам. Во всяком случае, до солидной должности при нём. Но это говорили неизменно тихо – чтобы не слышали слуги той из Тибелей, в чьих интересах было держать остальных Тибелей как можно дальше от солидных должностей.

– Защита моего дома блокирует все виды магических перемещений, – сказал Мирк, глядя на мать с некоторым сомнением. – От кристаллов в том числе.

– Я уже говорил, лиэр. На меня работают очень головастые ребята. – Убийца сдвинул рукав куртки, демонстрируя скрытый под ней медный браслет. – Усиленный маяк. Я принёс его с собой, госпожа полковник перенеслась к нему...

– ...а если переноситься к нему, кристалл пробивает защиту, – закончил фразу быстро смекнувший Миракл. – Любопытно. Полагаю, вы будете против привлечения ваших «ребят» к более легальной деятельности?

– Кто я такой, чтобы отказать его величеству? Если предложат достаточно, – невозмутимо откликнулся лиэр Дэйлион, доставая сигару и вечную спичку. – При новой власти всё будет иначе. Я предпочту идти с ней в ногу, нежели оказаться под её тяжёлым сапогом.

Пока убийца непринуждённо прикуривал от вонючего оранжевого огня, словно они удалились в этот кабинет для мирной беседы после светского ужина, Мирк снова посмотрел на мать.

– Будь любезна, поясни, что происходит.

– Ты и сам всё прекрасно понял, – сказала Мирана Тибель.

– Кроме крошечного нюанса. С какого момента наёмные убийцы стали частью плана? Всё, что я сейчас услышал, свидетельствует именно об этом.

– С момента, когда часом ранее лиэр Дэйлион пожаловал в мой дом. Давно не принимала мужчин в своей спальне в столь неурочный час и не планировала, но для такого мужчины, пожалуй, сделаешь исключение. – Лиора Тибель держалась так прямо и сдержанно, словно готовилась ринуться в бой. – Мирк, пора действовать.

– Действовать сегодня в планы не входило.

– Айрес ясно дала понять, что планы придётся скорректировать. – Мирана шагнула к сыну; взгляд госпожи полковника был пронзительным, как стальное лезвие. – Она убила собственного брата, чтобы подставить тебя. Она усилила слежку за нашими сторонниками. Она зажимает нас в клещи. Мы должны действовать – иначе потом уже не сможем.

Миракл ничем не выдал своих мыслей по этому поводу.

– Ты полагаешь, она убила Кейлуса? – уточнил он бесстрастно.

– А кому ещё требовалось так тебя подставлять? – Мирана Тибель даже фыркнула слегка. – Она презирала его. Его дом обслуживали те, кто её милостью сгнил бы на рудниках. В его доме нашли картины Манель и ноты песен Берт, за хранение которых она отправляла в Кмитсвер. Я не удивлена, что она расправилась с Кейлусом. Удивлена лишь, что обставила всё так... грубо.

Мирк заложил руки за спину, посмотрел на окно за плотно задёрнутыми гардинами: двое «коршунов» обрамляли его живыми колоннами.

Утром он не успел и не счёл нужным объяснять матери, почему просит на время приютить дракончика в её доме. Сказал «на всякий

случай». И хорошо, что та согласилась забрать «зверюшку» без лишних вопросов: найди ту Охрана, вломившаяся в его особняк, дракончику было бы не жить.

Забавно, какую роль в итоге сыграло это отсутствие объяснений.

С одной стороны, сейчас вроде бы настал самый подходящий момент, чтобы поведать правду о смерти Кейлуса Тибеля. С другой – Мирк не был уверен, что момент такой уж подходящий.

Что этой правде вообще стоит быть поведанной.

– Дэйлион вытащит нас, – продолжила госпожа полковник. – Мы принесли ещё один кристалл. Для тебя. Сможешь перенестись прямо отсюда, Охрана ничего не заметит. Все, кто нам нужен, ждут в доме Соммитов: «коршуны» помогли перенестись и им.

– Я не доверяю «коршунам».

– Я доверяю. Он принёс клятву Эйф. Поклялся своей жизнью. – Мирана выразительно кивнула на убийцу, со скукой облокотившегося на каминную полку. – Убедительное доказательство лояльности, как по мне.

Мирк возрился на мужчину, покуривавшего у камина, словно происходящее вообще его не касалось.

– С чего вы нам помогаете?

Не размениваясь на показные колечки, Дауд Дэйлион выдохнул густую дымную струю, примешав в воздух нотки горечи и сырого мха.

– Как вам сказать, лизэр Тибель, – это прозвучало слегка неразборчиво из-за того, что убийца не удосужился вынуть сигару изо рта. – В силу некоторых причин я питал к вашему дяде слабость даже большую, нежели ту, что питаю к вам. Его гибель очень меня огорчила... И послужила тревожным сигналом, что у Её Величества окончательно растворились границы дозволенного. Не хочу стать следующим, кто попадёт под её размахнувшуюся руку.

– Вы помогли похитить мою суженую.

Прежде чем привести этот довод, Мирк выдержал короткую, едва заметную паузу. По вполне понятным причинам. Но кое-какие вещи стоило прояснить сразу, даже если вещи эти были сомнительными.

– А, так вы, стало быть, в курсе. – Впервые за последние минуты убийца взглянул на собеседника с искренним интересом. – Ничего личного. К тому же, простите, не знал, что вас связывают столь тесные отношения. Буду иметь в виду.

Это прозвучало ровно с той долей насмешки, чтобы Миракл Тибель мог считать между строк обет молчания. Обо всём, чего посторонним знать не полагается.

Дауд Дэйлион умел хранить молчание – особенно за разумную цену.

– Тем более повод поспешить, – продолжил убийца, удовлетворившись коротким кивком собеседника, означавшим «мы друг друга поняли». – Учитывая, что девчужка находилась в особняке на момент резни, а среди жертв её нет... трудноато будет её прикончить, если подумать... вы не хуже меня знаете, где она сейчас может быть.

– Один из наших людей доложил, что она в Кмитсвере, – подтвердила Мирана.

– О, да у вас и в Охране затесались свои люди?

– Не столь высоко, как нам хотелось бы.

– Она в Кмитсвере? – Мирк резко вскинул голову. – А Уэрт?

– Во дворце. Кажется, он не покидал его с момента вашей дуэли. Но, зная Айрес, за него тебе стоит беспокоиться в последнюю очередь.

Слушая каждое слово с маской спокойной задумчивости на юном лице, Миракл сосредоточенно качнулся с мысков на пятки.

– Мы так и не заручились поддержкой Зимнего полка. И Золотого батальона. – Он вслух взвешивал доводы за и против. – Когда начнётся бунт, королевская гвардия и Охрана...

– Зато мы заручились поддержкой лучших убийц королевства. – В том, как Мирана скрестила руки на груди, читалось почти нетерпение. – Ты хотел подавить сопротивление короны нашей доминацией, но у нас и так хватит сил, чтобы одержать верх.

– В кровавой резне.

– Жертвы в любом случае неизбежны. Цепные псы Айрес будут сражаться за неё до конца. Даже осознавая, что дело заведомо проигрышное. Даже когда она окажется в наших руках. Я уже говорила тебе.

– Меня не псы Айрес волнуют.

– Волнения уже начались, Мирк. Слухи бегут по столице. Люди знают, что брат королевы мёртв. Люди слышали, кого в этом винят. Люди видели повозку Охраны у твоего дома – среди бела дня. И не все знают, что ты вернулся домой. В этот самый миг у Кмитсвера

собираются недовольные. – Мирана положила руку сыну на плечо: тяжёлую руку, державшую его с неженской цепкостью, пока в глазах командира Пятого магического дивизиона неженским хладнокровием блестела сталь. – Мы можем оседлать эту волну. Разогнать. Воспользоваться её силой. Или упустить – и милостиво позволить всем, кто поднял её, разбиться ни за что. Ты не хуже меня знаешь, как Айрес справляется с недовольными.

Мирк оглянулся на лиэра Дэйлиона, безмолвно и терпеливо задымляющего воздух. Подумал об иронии того факта, что даже судьбы королевств порой решает случайность. Одно стороннее вмешательство в филигранную партию, где никто не допускал и вряд ли допустил бы ошибку; одно неосторожное дуновение в сторону карточного домика, одна нечаянно задетая карта, незапланированно выпавшая из основания...

Оставалась последняя вещь, которую стоило прояснить сразу. И пусть вопрос, который Миракл собирался задать, был вопиюще провокационным, его нельзя было не задать.

– А вы не думали, лиэр Дэйлион, что убийство Кейлуса могла совершить его вынужденная гостья?

...он должен был услышать ответ сейчас. Чтобы затем этот ответ не всплыл в самый неподходящий момент, идя вразрез с версией, которой Мираклу Тибелю предстояло придерживаться во имя общего блага.

Лицо убийцы прочертила снисходительная усмешка; по этой усмешке его собеседник уже понял, что сейчас услышит.

– Эта фитюлька-то? Безоружная? Да у неё духа не хватило моих ребят убить, куда уж там устроить массовую резню! – В том, как лиэр Дэйлион пожевал кончик сигары, читалась почти озадаченность. – Блокирующий браслет на неё при мне нацепили, девчушка Кейлуса даже поцарапать не могла... А к чему вопрос, лиэр?

– Не мог не спросить. Учитывая тёмные обстоятельства этого преступления. – Отвернувшись, Мирк мягко снял руку матери со своего плеча. – Не хочу, чтобы кто-нибудь, прознавший о похищении, сделал неверные выводы.

– Я видел достаточно, чтобы не допустить подобной ошибки. За пределы узкого круга моих ребят информации не выйти. Ни к чему это.

Под выжидающими взглядами визитёров Мирк на миг прикрыл глаза: смиряясь со всем, о чём ему пришлось умолчать, и всем, о чём отныне ему предстоит лгать даже родной матери.

Бывают вещи, которым придётся навсегда остаться в тени, чтобы беспрепятственно зажечь свет. Обстоятельства смерти Кейлуса Тибеля оказались из таких.

– Даже псы Айрес не пойдут против воли богов. И отступят перед угрозой более страшной, чем мы, – когда Мирк заговорил, в словах звенела холодная решимость короля. – Нам нужен мой брат. И та, о ком пророчила Лоурэн.

– Он во дворце. Она в Кмитсвере, – резонно напомнил лиэр Дэйлион. – Ни туда, ни туда моим ребяткам не проникнуть.

– Значит, возьмём Кмитсвер штурмом.

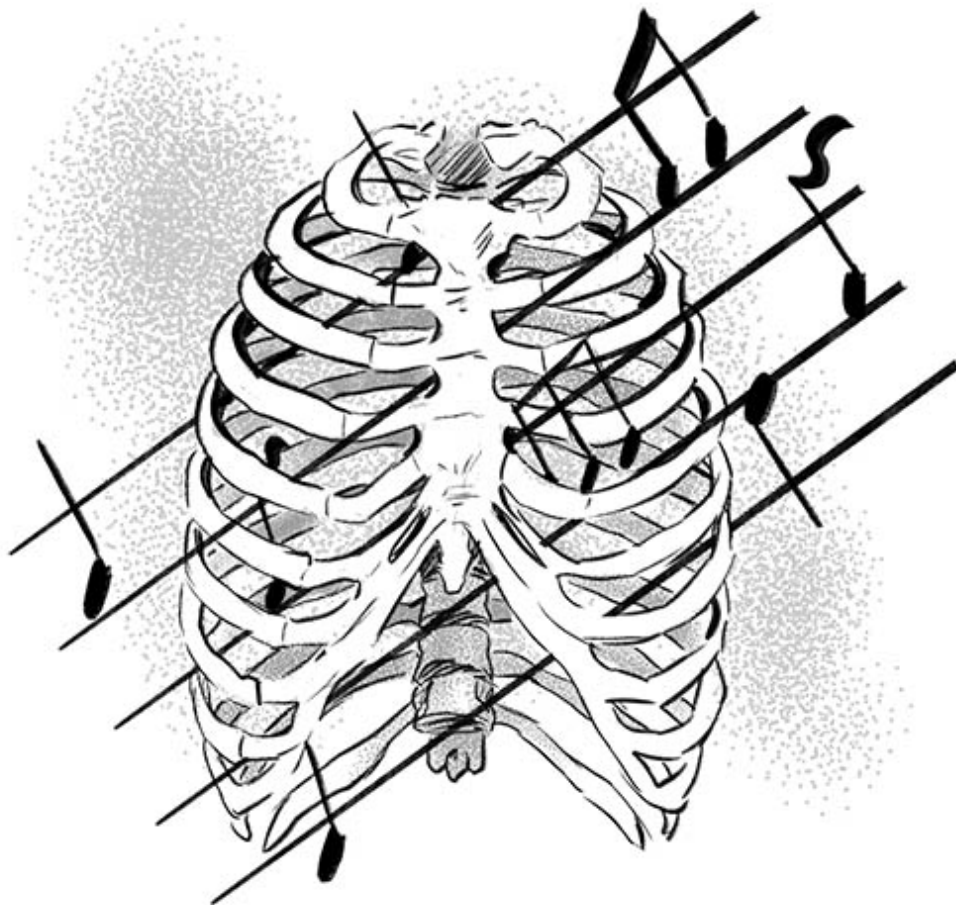
– Это будет неплохим отвлекающим манёвром, но основной удар нужно нанести по дворцу, – произнесла Мирана. – Если хотим одолеть и захватить Айрес, расплыть силы не стоит.

Когда Миракл улыбнулся, эта улыбка – мягкая, рассеянная, слегка пугающая – надёжнее любых слов напомнила: даже лучший из Тибелей в сердцевине своей остаётся Тибелем.

– Если я хоть немного знаю свою тётю, расплыть и не потребуется.

Глава 15

Adirato [\[21\]](#)

Ева не знала, сколько времени прошло, прежде чем она обзавелась сокамерницей. Отчасти потому, что в каменной клетке без окон и часов течение времени в принципе отследить сложно. Отчасти – потому, что Еве не было дела до всего, творившегося за пределами ада внутри неё. В камере успел погаснуть свет, оставив её в крошечной тьме, не

рассеиваемой мерцанием браслетов; потом, после нескольких часов – или целой ночи, или целого дня, – вспыхнуть вновь.

Как бы там ни было, в какой-то момент до Евы донёлся шум. Открылась дверь, и стало слышно, как кто-то безостановочно и очень бодро выкрикивает то, что в этих стенах выкрикивать было не слишком неразумно:

– Долой красную королеву!

Когда Ева открыла глаза, то увидела, как двое представителей Охраны зашвыривают ей в камеру соседку.

– Свободу и... ай! – ударившись о каменный пол, девчонка (лица Ева не видела, но голос определённо был девчачий) на миг задохнулась от боли. Вскочив, как неваляшка, метнулась к закрывшейся двери и принялась сосредоточенно избивать её кулаками. – Свободу Мираклу Тибелю! Корону Мираклу Тибелю! Долой тиранов, власть достойному!

Поорав ещё, в конце концов девчонка замолчала. Отошла, удовлетворённо потряхивая отбитыми кистями, и встретила взглядом с безучастно наблюдающей Евой.

– Привет. Бианта, твоя новая подруга по несчастью, – сообщила она. – Ты здесь за что?

Она была рыжей, веснушчатой, очень милой. Младше Евы. Неуловимо похожей на Юми. В тюремную одежду переодевать её не стали – оставили в рубашке и штанах, и почему-то босоногой. Видимо, на случай припрятанных в ботинках магических сюрпризов.

Разглядев новоприбывшую, Ева вновь закрыла глаза.

– Я здесь, потому что я убийца.

Правда сказала просто. До страшного просто. До жути спокойно.

За минувшие часы Ева успела пройти все круги ада. От безболезненной скорби лимба – до ледяного озера на самом дне, куда теперь медленно вмерзала её душа.

– Ты убила кого-то из Охраны? Людей королевы?

– Я убила хорошего человека. Много хороших людей.

Судя по повисшему в камере молчанию, среди которого отчётливо послышалось недоверчивое «хм», ей не поверили.

– Не такого уж хорошего, – едва уловимо прошелестело в сознании. – И убила не совсем ты.

Грёбанный демон. Так и будет теперь время от времени играть роль её внутреннего голоса?

– Я лучше внутреннего голоса. А ты безумно скучная, когда куксишься. – Мэт зевнул. – Послушай, ты была всё равно что под кайфом. Почти сошла с ума. Даже суд в вашем мире смягчает наказание, если убийца психически неадекватен. Почему бы тебе не признать...

Судорожно жмурясь, Ева воспроизвела в памяти начало «Пробуждения» Форе. Когда мелодия зазвучала в ушах, благополучно заглушив ненавистный голосок, снова посмотрела на сокамерницу.

– На твоём месте не очень умно кричать здесь то, что ты кричала, – сказала Ева скорее затем, чтобы за разговором не слышать Мэта, чем из искреннего интереса.

Она не собиралась искать себе оправдания. Не собиралась слушать того, кто услужливо отыскал их за неё. Когда твоими руками свершилось то, что свершилось, что никак и ничем не исправить, – оправданий быть не могло.

...а ведь Кейлус *верил* ей...

– Ничего, я недолго здесь просижу. Папа меня вытащит. – Усевшись, девчонка мстительно подышала на ладони: видимо, в камере было довольно холодно, просто Ева этого не чувствовала. – Раз войска по всему городу, назревает что-то крупное. Но это ей так с рук не сойдёт.

– Что не сойдёт? Кому?

– Королеве, кому ещё! Всем ясно, что это повод, чтобы Миракла казнить. Нашли дураков! – Девчонка, пылавшая негодованием до кончиков огненных волос, взглянула в Евино непонимающее лицо. – А, тебя здесь вряд ли новостями балуют... В общем, Кейлуса Тибеля вчера убили. Брата королевы, ну того, который композитор. А стража обвинила в этом лиэра Миракла, потому что в дом Кейлуса какую-то вещь его подкинули – я сама от папы слышала. Мой папа стражник, а его знакомый коллега лично место преступления осматривал, вот и...

– Там нашли его брошь, – сказала Ева тихо. – Я знаю.

– Ну вот. Только и кошке понятно, что Миракл тут ни при чём! Но Охрана, конечно, мигом его повязала. Со вчерашнего вечера все об этом жужжат, даже в лавке, куда я за хлебом зашла. И папа едва на ужин успел заглянуть: стражникам сверху приказ спустили, сказали патрулировать улицы днём и ночью. Разгонять подозрительные группы людей. Стрелять на поражение при необходимости. Но папа,

естественно, стрелять не будет. – В том, как девчонка заёрзала на ледяных камнях, тщетно пытаюсь устроиться поудобнее, читалось лёгкое беспокойство. – Папа сказал, если дело дойдёт до восстания, он сам баррикады будет строить. Может, и строит уже...

Опасения Айрес были не напрасными, констатировала Ева отстранённо. Так королева солгала про домашний арест, и Миракла всё же упекли в Кмитсвер? Или нет? Разговоры в булочной не обязаны быть достоверными, но...

– А тебя за что схватили?

– Мы с ребятами вместо уроков пошли на Кмитсверскую площадь. Только там уже были гвардейцы, разгоняли таких же, как я. Ну я и швырнула в их командира во-от такущий камень! Жалко, не попала.

– Зачем?

– Надоело бояться. Терпеть всё, что творится. Не говорить то, что думаю. Они зашли слишком далеко. – Взгляд девчонки сделался снисходительным. – Ты вот хоть раз видела лиэра Миракла?

От воспоминаний о прогулках по саду Рейолей Еве сделалось почти больно. Будто воспоминания о прошлой жизни – жизни, где Ева ещё не знала Кейлуса Тибеля, жизни, где Ева ещё не была убийцей.

...Кейлус, Тим, все слуги...

– Видела.

– И я видела. Мы на арену, когда он играл, раз десять ходили. Он же такой... такой... и выигрыш свой всегда больным и сиротам отдаёт! А они его в тюрьму! Разве можно так?

Глядя на её слегка покрасневшиеся щёки, Ева едва заметно качнула головой.

– Вряд ли твой папа хотел бы, чтобы ты ходила на площадь, – помолчав, сказала она. – И оказалась здесь.

– Меня здесь скоро не будет. И королевы на троне тоже.

Глядя в её беззаботное лицо, Ева капельку ей позавидовала. Такой уверенности. Такому бесстрашию. Такой наивной детской вере, что всё обязательно будет хорошо, а это – увлекательное приключение, вносящее приятное разнообразие в твои скучные будни, не более; возможность побыть героиней историй, которые ты привыкла разве что читать. Такому непониманию, с чем действительно ты столкнётся – лась.

Подумать только, совсем недавно Ева была на неё похожа...

– А ты маг, я смотрю, – с любопытством глядя на браслеты, резюмировала Бианта.

– Маг, – коротко подтвердила Ева.

– И ты здесь правда за убийство?

– Не только.

Не дождавшись дополнительных пояснений, Бианта улеглась на пол, закинув руки за голову так, словно под ней был уютный диванчик:

– Ладно, молчунья. Я думала, ты тоже захочешь скоротать время повеселее, но нет так нет.

Ева, не ответив, вытянула ноги. Откинув голову, прижавшись затылком к стене, закрыла глаза, возвращая себя в черноту.

Не пристало ей веселиться во время собственной казни. И едва ли Бианте захотелось бы с ней болтать, знай она, из-за кого в какой-то степени здесь оказалась.

Но каяться перед незнакомкой Ева тоже считала излишним.

Какое-то время прошло в ожидании неизвестности. Иногда девчонка бормотала что-то себе под нос. Иногда мурлыкала обрывки какого-то назойливого мотивчика. Иногда вскакивала и начинала ходить туда-сюда – выдавая, что нервничает больше, чем хочет показать.

Дверь открылась во время очередного её круга по камере, как раз когда Бианта направлялась к выходу.

Ева наблюдала, как двое охранников уводят настороженную девчонку, засыпавшую свой почётный эскорт вопросами. Ни переживать, ни чувствовать что-либо сил не было.

– Что-то мне подсказывает, больше мы её не увидим, – прокомментировал Мэт.

– Я тебя не звала.

– Входить по приглашению всегда приятнее, но находить лазейки – моя специализация. Особенно когда твой разум ничем особо не занят.

– Может, её отпустят.

– То, что на данный момент я просто голос в твоей голове, не делает меня идиотом. Тебя, к слову, тоже.

– Убирайся, – сказала Ева, стараясь не думать о том, о чём и правда давно задумалась сама.

Не в интересах Айрес распространять информацию об Избранной среди подданных. И вряд ли королева могла быть уверена, что Ева будет об этом молчать.

Если к ней посадили соседку – скорее всего, знали, что та всё равно уже никому и ничего не рас – скажет.

– Считай меня воплотившейся детской мечтой. Многие детишки мечтают о воображаемых друзьях.

– Я нет.

– Тогда тем более цени: я воплотил то, о чём ты и не мечтала.

Стиснув зубы, Ева заглушила непрошеного собеседника музыкой в голове.

Бианта всё же вернулась. Не скоро. Лишь после того, как в камере снова погас свет.

Ева сощурилась, когда дверь открылась, впустив в черноту широкую золотую полосу; девчонка упала лицом вниз, словно мешок с соломой. Потом закрылась. Свет, заливавший спутанные рыжие лохмы, уполз вбок, сужаясь до крохотной нити, и исчез одновременно со стуком железа о косяк.

Ева послушала хриплое дыхание, нарушавшее мертвенный покой окружающей тишины.

Подползла ближе, нащупывая путь сквозь безучастный мрак.

– Бианта, – негромко позвала она, когда вместо камня пальцы ощутили прохладные шелковистые кудри.

Хрип перешёл во всхлип. Следом – в судорожный сбивчивый шёпот:

– Папа...

Ева села рядом. Почувствовав, как Бианта вцепилась в подол её рубашки, неуверенно протянула ладонь, чтобы погладить девчонку по голове. Просто не могла оставить её вот так – одинокой, плачущей. Когда та, рыдая, уткнулась в её колени, Евины пальцы на миг соскользнули с мягкой пряжи чужих волос и коснулись руки, стиснувшей её подол, словно спасительную соломинку.

Ладони сокамерницы были выпачканы в чём-то слишком липком, чтобы быть слезами. И – едва заметного мерцания браслетов хватило, чтобы это разглядеть – слишком тёмном.

– Папочка, помоги, пожалу...

Ева сидела неподвижно, даже когда девчонка затихла. Лишь бессильно отняла руку от кудрявой макушки, пока мерные выдохи грели ей ноги сквозь грубую ткань рубашки.

– Ну давай. Скажи, что это тоже из-за тебя. Зарыдай и умри с горя.

– Может, и умерла бы. Если б могла.

Мэт издал театральный вздох, тяжёлый, как камень Сизифа:

– Банально, златовласка. Твои страдания никого не воскресят. И никому не помогут.

Ева промолчала. Не собиралась спорить, особенно когда на её коленях спала умирающая девчонка. Но слова демона всё равно упали на лёд её личного ада колючими жгучими звёздами.

Может, она и виновата в том, что Бианта пошла на Кмитсверскую площадь вместо уроков. Но не она создала мир, где детям за брошенный камень воздаётся смертью под пытками.

Мир, который должен быть разрушен.

Положив холодную ладонь на тёплый затылок девчонки, Ева послушала чужое дыхание – метроном, что отмерял утекающее сквозь пальцы время. Вдохнула и выдохнула – просто затем, чтобы вспомнить, каково это, дышать, – пока ноздри щекотал разлитый в воздухе кровавый металл.

...по льду поползли трещины, через которые прорвалось огненное сияние чистого гнева.

Кейлус умер, потому что хотел свергнуть Айрес тирина Тибель. Ева умерла, потому что Айрес верила: она, Ева Нельская, представляет собой угрозу. Угрозу, способную изменить ход той битвы, которую королева Керфи вела с собственными подданными.

Герберт верит в то же.

Ева его не подведёт.

– Злюкой ты мне нравишься больше. – В шелесте, прибоем раскатившемся по сознанию, слышалось удовлетворение. – Не благодари.

– Не надейся, клякса. Я тебя ненавижу.

– Брось нерационально тратить эмоции и мерить меня по скучным *человеческим* меркам. Это всё равно что ненавидеть молнию, испепелившую твою любимую берёзку. Для ненависти у тебя есть куда более подходящий объект. Куда более уязвимый.

– Едва ли Айрес можно назвать уязвимой.

– Более уязвимой, чем бесплотный голос в твоей голове.

Ева посмотрела во тьму, на невидимый выход из каменной клетки.

Айрес не оставит её гнить здесь вечно. Хотя бы потому, что вечность в блокирующих браслетах Ева не протянет. Значит, за ней придут. Возможно, скоро.

И тогда...

Опустив голову, тыльной стороной ладони Ева вытерла мокрые Биантины щёки – бережно, как касалась её Динка, когда сидела у постели больной сестры.

...то, что она сделала, не искупить. Мёртвых не вернуть никому, даже некромантам. Спасённые жизни не уравновесят отнятых, ведь спасение кого-то не воскрешает ушедших.

Но Ева сделает всё, чтобы помочь живым выжить, а мёртвым – спать капельку спокойнее.

Глава 16

Vittorioso [\[22\]](#)

Когда Айрес вошла в комнату своего наследника, тот стоял у окна, глядя на дворцовую площадь.

Обычно, выглянув из этого окна в это время суток, обитатель дворца обнаружил бы пестрядь прохожих и экипажей, разбавляющих белизну снега на брусчатке, блеклых небес и домов вокруг. Нынче фонтан Трёх Львов, гордость столицы, окружала лишь синева

мундиров королевской гвардии, оцепившей площадь по периметру – на случай, если пламя бунта, очагами вспыхнувшее в городе, доберётся сюда.

– Тебя радует это зрелище? – спросила Айрес.

Герберт, наблюдавший за военными, сцепив руки за спиной, не обернулся:

– Не слишком.

Королева подошла ближе; от неё пахло лилиями и миррой, курящейся на свежей могиле. Через плечо племянника посмотрела на свою армию.

– Скажи, ты правда хочешь моего падения? Или пытался таким образом примириться с Мирком? Или отомстить мне за всё, за что считал нужным?

Некромант долго молчал.

– Я не хотел твоей гибели. Никогда.

– Но видеть меня на троне тоже не хочешь.

– Я не смогу с тобой бороться. Ты об этом позаботилась.

Это прозвучало почти иронично – насколько иронично в принципе могут звучать слова того, кто выжиг в себе все чувства, даже от ненависти оставив один лишь пепел.

– Я не хотела, чтобы всё зашло так далеко. – Айрес сказала это мягче прежнего. – Я надеялась, ты останешься на моей стороне добровольно.

– Ты здесь из-за Евы, верно?

Ладонь королевы, тянувшаяся к его руке, замерла.

– Учитывая ситуацию, – продолжил Герберт мерно и спокойно, точно в диспуте о давнишнем историческом случае, не имеющем к нему никакого отношения, – не в твоих интересах оставлять всё как есть.

– Я должна вывести её из игры. Так или иначе. – Пальцы Айрес всё же легли племяннику на плечо: бережно и цепко, точно удерживая напуганную пичужку. – Она не стоит тебя. Не стоит того, чтобы ты страдал из-за неё.

– Это не тебе решать.

– Я знаю, ты едва ли со мной согласишься. Знаю, какую неизлечимую рану оставлю, отняв у тебя то, что так тебе дорого. Поэтому пришла предложить компромисс.

Наконец обернувшись, Герберт посмотрел на тётю очень ясными, очень холодными глазами.

Когда Айрес заговорила, в его радужках по-прежнему было бесстрастное горное небо – и лишь эта бесстрастность выдавала, сколь услышанное его поразило.

– Давай условимся, Уэрт, – закончила королева, изложив всё что хотела. – Если она не согласится, я верну её тебе – на том условии, что никто не узнает, кто она, а вы останетесь в стороне от всего, связанного с бунтовщиками. Если согласится – ты примешь мою правоту.

Герберт молчал, не опуская взгляда, точно в лице Айрес надеялся рассмотреть ответ на незаданный вопрос.

После услышанного немудрено было обзавестись вопросами – такими, которые он не задал бы ни – когда.

– Скажи это, Уэрт. Скажи, что, если она согласится, оправдав мои ожидания, ты не будешь препятствовать мне действовать так, как я считаю нужным.

Когда Герберт опустил глаза, любой сторонний наблюдатель счёл бы это капитуляцией:

– Не буду. Но она не согласится.

Слова упали в тишину – уверенные и звонкие, как песня стали, когда в бою она встречает другую сталь.

Айрес печально улыбнулась в ответ.

– Ох, Уэрти, – сказала королева Керфи. – Я думала, ты уже понял, на что способны люди во имя собственной жизни.

* * *

Дверь в камеру открылась, когда Еве снова вернули свет – и вместо охранников, которых она ждала, девушка увидела Айрес.

– Пойдём. – Королева опять была в красном: гранатовый бархат простого, будто домашнего платья подчёркивал бледность безучастного лица. – У меня есть к тебе предложение.

Ева посмотрела на Бианту, лежавшую по соседству на полу: девчонка так и не пришла в себя, только порой стонала во сне. На свету Ева достаточно хорошо разглядела, что Охрана сделала с её

сокамерницей, чтобы поддерживать температуру гнева, kloкочущего в душе, на стабильно убийственном уровне.

Поднялась на ноги и, не слишком торопясь, пошла к выходу.

За порогом оказался каменный коридор. Чистый, прекрасно освещённый, со множеством дверей по обеим стенам. Айрес сопровождали четверо охранников, что утвердило Еву в мысли выслушать предложение, каким бы оно ни было – хотя бы затем, чтобы выгадать более удачный момент для атаки.

– Иди, – сказала королева, когда двое людей в чёрных мундирах двинулись вперёд по коридору, задавая направление.

Меря босыми ногами гладкие плиты пола, Ева слышала, как позади шуршит по серому камню бархат королевской юбки. Айрес тирин Тибель не решилась подставлять Избранной спину.

Это ободряло.

– Смотрю, ваши подданные восприняли арест Миракла не слишком хорошо, – заметила Ева, пока они оставляли позади одну дверь за другой.

Внимательный взгляд королевы она ощутила затылком.

– Пообщалась с сокамерницей? – в голосе Айрес разливалась прохлада вежливого любопытства. – Если решила позлорадствовать, учти: во время этого разговора мои войска уничтожат бунтовщиков, забаррикадировавших Кмитсверский район. Сотни людей умирают и умрут. И это твоя вина.

В коридоре было тихо. Слишком тихо. Ничто не нарушало тишины, кроме звуков их шагов. То ли не обошлось без магии, то ли узники за закрытыми дверьми уже не могли ни стонать, ни кричать, ни ломиться наружу.

Несколько часов назад слова королевы заставили бы Еву рыдать. Сейчас она лишь плотнее сжала кулаки.

– Миракл правда в Кмитсвере?

– Тебя это должно волновать в последнюю очередь.

Ева промолчала, стараясь не поддаваться страху, вынудившему мысли замататься встревоженными мотыльками.

...если бы её хотели уничтожить, это могли бы сделать прямо в камере. И вряд ли стали бы говорить о каком-то предложении. От Айрес, конечно, всего можно ожидать, но...

– Подумай, – прошелестело в голове. – Обсудить условия новой сделки ещё не поздно. Ты же теперь в здравом уме и твёрдой памяти... Можешь наверстать упущенное и на сей раз сделать всё как надо.

Ева не ответила. И не потому, что Айрес едва ли оставила бы их с Мэтом диалог без внимания.

После всего, что произошло, она даже задумываться об этом не собиралась.

Дойдя до изгиба коридора, заворачивавшего за угол продолжением камер, они направились вверх по лестнице, выведившей из подвала. Поднявшись на два пролёта, свернули в другой коридор – тоже без окон. Прошли к ещё одной лестнице, по той – к проходу, отгородившемуся от тюремных застенок массивной железной дверью.

Когда они достигли пункта назначения, Ева не сразу поняла, что ей напоминает зал, озарённый искусственным светом, выполненный в виде чаши-амфитеатра. Пять рядов узких скамей ступенями спускались книзу, где посреди маленькой круглой «арены» виднелся серый камень-алтарь. И вспомнила, что обычно представляли собой подобные сооружения, лишь когда Айрес велела охранникам: «Оставьте нас».

Анатомический театр.

– Здесь было спасено немало жизней, – проговорила королева, стоило охранникам выскользнуть за двери. Они с Евой остались наедине, разделённые алтарём. – Одна наглядная демонстрация, как то или иное проклятие или ранение воздействует на людской организм, позволяла видевшим её исцелить десяток. Одна демонстрация, как та или иная болезнь разрушает нас изнутри, делала возможным спасти сотни.

– Даже если те, на чьём примере это демонстрировали, были ещё живы, – вспомнив рассказы Миракла, закончила Ева.

Айрес улыбнулась.

Глядя на эту улыбку, Ева поняла: правильная, красивая, очаровательная улыбка может пугать больше самой жуткой гримасы.

– Наивным детям недоступно понятие блага для большинства. Но, как бы ни хотелось детям это отрицать, жертвовать бесполезным меньшинством – единственный способ достичь чего-то по-настоящему великого. – Отвернувшись, королева почти мечтательно воззрившись на верхние места. Зал был пуст; «арену», где они стояли, выстелили лакированным паркетом, крутые лесенки меж рядами блестели тёмным

деревом, люстра с магическими кристаллами щеголяла золотыми завитушками. Даже стены и потолок отделали резными панелями, будто в уютном домашнем кабинете. – Разве не лучше отбросам общества, всё равно обречённым на смерть, своей гибелью принести пользу невинным, что продолжают жить?

«Люче», – прошептала Ева, не задумываясь. Слишком соблазнительно маячил перед ней затылок королевы. Слишком врезалась в память нечеловечность её улыбки. Слишком много всего поднималось внутри от сказанных слов.

Когда рапира не откликнулась, повторила призыв – почти в голос. Снова безрезультатно.

От ощущения пустоты в пальцах душу прошил липкий холод.

Нет, неужели...

– Вижу, ты больше не рвёшься в бой. – Обернувшись, Айрес удовлетворённо воззрилась на Еву, оцепеневшую от ужаса. – Мы с Уэртом поговорили по душам и заключили небольшую сделку. Всё, что ты сейчас услышишь, я делаю ради него.

...время. С тех пор как Мэт вытащил клинок из ножен, прошло куда больше одного дня. Никто не удосужился зачехлить Люче прежде, чем этот день истёк; может, кроме Евы никто и не мог. Чары, наложенные на рапиру, иссякли, волшебный клинок обернулся простым куском железа...

Оставив Еву абсолютно беспомощной.

– Зачем я здесь? – спросила девушка, почти не услышавшая последних фраз, скорее надеясь потянуть время, чем по любой другой причине.

– Потому что мне нужен алтарь, чтобы вернуть тебя к жизни.

Мысли, лихорадочно несущиеся в направлении нового плана спасения, с разбегу разбились об осознание прозвучавшего.

Ева неверяще уставилась на женщину по ту сторону алтаря.

– Я знаю, как тебя воскресить. И готова это сделать, – произнесла Айрес мягко. – В обмен на то, что после ты незамедлительно вернёшься в свой мир.

– Это невозможно, – слова сорвались с губ без раздумий, помимо воли. – Я не могу вернуться. Вы не можете знать, как меня оживить. Герберт говорил...

– Я могу многое, девочка. Даже Уэрту неизвестно всё, на что я способна. Разглашать границы своих возможностей – не слишком разумное решение. Лучше оставить противников в пагубном неведении. – Опершись ладонями на алтарь, Айрес безжалостно впивалась взглядом в её глаза. – Прорехи между мирами открываются с определённой периодичностью. Как ты могла убедиться, узнать, когда и где они откроются, мне несложно. Существует заклинание, которое заставляет прореху работать в обе стороны. Очередная возникнет через несколько часов, и я могу сделать так, что она позволит тебе пройти обратно в свой мир.

Ева осознала, что судорожно, непонимающе комкает в пальцах подол рубашки.

Лжёт. Наверняка лжёт. Но зачем? И хотя бы часть этой лжи – безусловная правда: что королева может вычислять появление прорех, наглядно доказало Евино убийство, не говоря уже о давних словах Эльена...

– Зачем это вам?

– Ты должна исчезнуть. Уничтожить тебя, когда Уэрт так тебя любит, значит навсегда объявить ему войну. В другом мире ты не будешь представлять для меня угрозы. – Палец Айрес неторопливо постукивал ногтем по камню. – Это компромисс ради него. Чтобы он остался на моей стороне.

...зачем ей лгать? Зачем предлагать то, чего она не собирается делать? Издёвки ради? Нет, не до издёвки ей, когда в столице бунт... Айрес тирин Тибель нужно каким-то образом разобраться с Избранной, избавиться от неё раз и навсегда – прежде, чем факт её существования станет известен всем, прежде, чем её обнаружат в подвалах Кмитсвера. Прежде, чем эта весть подольёт в пожар восстания топливо надежды, что в данной ситуации будет уже не рычагом управления – бумерангом, бьющим того, кто его отпустил.

Если на один миг предположить, что это всерьёз...

– И Герберт... Уэрт... согласился на это?

– Конечно нет. Он не верит, что ты его оставишь. – Айрес выпрямилась; золотые нити, окантовывавшие ворот её платья, блеснули в свете люстры едва заметным переливом. – Ты заставила его свернуть с уготованной тропы. Я хочу, чтобы он на неё вернулся.

– Хотите, чтобы я бросила его?

– Его. Восстание. Всё это.

– А если я откажусь?

Айрес тонко улыбнулась:

– Зависит от обстоятельств. Но, как я уже говорила, ты должна исчезнуть.

Учитывая, что королева недавно вещала об «отбросах», спрашивать, каким образом ей полагается *исчезнуть*, Ева сочла глупым.

– А как же рычаг управления и надежда?

– Я предлагаю тебе. Один раз. – Айрес проигнорировала вопрос. – Забудь об Уэрте, и я верну тебе жизнь. Забудь обо мне, и я помогу тебе вернуться домой.

Наверняка проверка, думала Ева лихорадочно. Даже если принять во внимание условия, она никак не могла ожидать от Айрес подобной щедрости. Или это не щедрость?.. Что мешает королеве сказать племяннику, что Ева благополучно вернулась домой, а в действительности просто смести в совочек оставшийся от неё пепел? Но тогда не было никакого смысла вести Еву сюда и разыгрывать весь этот спектакль в пустом зале...

А если это проверка, чего от неё ждут?

– Если я соглашусь, – помедлив, молвила Ева, прощупывая почву, – вы позволите нам с Гербертом увидеться... после моего воскрешения?

– Если ты согласишься, ты отречёшься от него. Не думаю, что ему будет приятно видеть тебя после этого. – Айрес чуть склонила голову набок, глядя на неё цепким орлиным взглядом. – А ты, стало быть, готова отречься?

– Вы же всё равно не позволите нам быть вместе.

– Как я уже говорила, зависит от обстоятельств, – откликнулась королева ускользяще. – Но даже если я позволю вам воссоединиться, как ты представляешь ваше будущее? Ты мертва. Ты не можешь сделать его счастливым.

– Если вы действительно его любите, ради него вы должны бы...

– Моя снисходительность к нему не безгранична. Не говоря уже о тебе. Даже если я милостиво подарю ему твою жизнь – если вы не расстанетесь сейчас, расстанетесь позже. – Айрес скрестила руки на груди; их разделял алтарь, расстоянием нивелируя разницу в росте, но королева всё равно взирала на собеседницу сверху вниз. – Ты не из тех, кто может пожертвовать всем ради любви. Одного взгляда на тебя

хватит, чтобы это понять. Ты – не часть нашего мира и не готова ею стать. То, что ты оставила по ту сторону, тебе важнее того, что ты обрела здесь. Если я неправа, скажи, что это не так. Скажи, что будешь покорной ради его блага, что никогда его не оставишь... Или соглашайся уйти, пока я не передумала.

Треклятая тибельская пронциательность, подумала Ева тоскливо. Мимолётом, ибо в основном её мысли занимали совсем другие соображения: о том, какого ответа от неё ждут.

Скажешь, что королева ошибается, вымолишь право вернуться к Герберту – останешься рычагом давления. Вдруг на это Айрес и рассчитывает? Сыграет в великодушие, будет держать Еву в добровольных заложниках – и повяжет племянника по рукам и ногам. Ею, Евой, и её «свободой». Может, Айрес и не под силу осуществить предложенное, просто она знает, что Ева на это не согласится. Ни одна порядочная любящая девушка не согласилась бы.

Ни один здравомыслящий человек, знакомый с Айрес тирин Тибель, тоже.

– ...ловушка...

Слабое эхо Мэтовского голоса потонуло в море догадок, штормом бившихся в сознании.

Ева почти не играла в шахматы. Плохо умела просчитывать наперёд чужие действия, видеть ловушки, разгадывать ход мыслей противника. И сейчас дико жалела, что не училась.

Что будет с Гербертом, если она откажется?

Что с ним будет, если согласится?..

Ещё миг невидимые весы, на каждой чаше которых покоился один из возможных ответов, балансировали в равновесии.

– Ладно. Идёт.

Груз лихорадочных соображений лёг на одну из чаш одновременно.

Лицо Айрес не выразило ничего.

– Стало быть, ты соглашаешься.

– Да. Я хочу жить.

Ева не знала, правильно ли считала чужие ожидания, которые теперь пыталась обмануть. Но услышанное слишком уж располагало к тому, чтобы она топнула ножкой и сделала всё, дабы разрушить нарисованный королевой портрет; и лучше Ева её удивит – хотя бы

затем, чтобы посмотреть, что будет дальше. Да и цветисто расписаться перед Айрес в вечной любви к её племяннику Ева всё равно не смогла бы.

Не перед ней.

– Мнится мне, ты лжёшь, – произнесла Айрес негромко. – Скажешь сейчас что угодно, лишь бы воскреснуть. Обрести свободу, перехитрить меня. Но мне не нужно что угодно. Мне нужна правда.

Только выпусти меня отсюда, подумала Ева, пытаюсь прочесть хоть что-то в тёмных глазах. Увидишь, какой правдивой я могу быть.

– Это и есть правда. – Она судорожно сцепила опущенные руки. – Вы сами сказали: я здравомыслящая. Я не боец. Не революционер. Мне вас не победить. И я хочу вернуться домой. Это выгодная сделка.

– И жизнь, стало быть, для тебя важнее любви.

Если уж играть, то играть до конца.

– Никакая любовь не стоит того, чтобы за неё умирать.

На губах королевы обозначился призрак улыбки, но Ева не могла понять, довольной или злой:

– Странно. Обычно влюблённые девочки так возвышенно максималистичны.

– Любовь и здравомыслие плохо совместимы. – От напряжения, с которым Ева пыталась считать реакцию собеседницы, почти болела голова. – Мы с ним знаем друг друга несколько недель. Думаете, я променяю дом и жизнь на мальчика, которого знаю всего ничего?

Собственная ложь прозвучала до боли легко, скальпелем резанув душу.

– Он бы променял, – заметила Айрес отстранённо. – Свою жизнь на твою.

От воспоминаний о Герберте, беззвучно шепчущем слова Обмена, Еве на миг захотелось расплакаться. Покаяться во лжи. Упасть Айрес в ножки и просить милости для них обоих.

Потом она вспомнила другого Герберта – насмешливого, готовящего её к роли спасительницы всея Керфи, – Бианту, оставленную в каменной клетке, и Кейлуса перед «Красной королевой».

– Моя психика не настолько искалечена, чтобы за несколько недель намертво прикипеть к первому встречному.

Улыбка Айрес осталась такой же призрачной.

– Каламбур, – констатировала она. Вновь отвернувшись, вскинула голову к верхним рядам. – Полагаю, ты услышал достаточно.

Воспоминание о том, что в Керфи существуют чары невидимости, пришло слишком поздно. Как и понимание, что зал, где они с Айрес разыгрывали этот спектакль, может быть не пустым.

Когда в тишине послышались шаги, аккомпанементом сопроводившие появление Герберта, пока он спускался вниз по крутой лесенке между рядами, Ева почти закричала.

Обвели вокруг пальца, как ребёнка. Просчитали, как по нотам. Просчитали даже то, что Ева попытается просчитать Айрес в ответ.

Забыв, что у той опыта несравнимо больше.

– Ступай, Уэрт, – произнесла королева. – Тебя проводят обратно во дворец.

– Герберт, я...

– Полагаю, отныне говорить вам не о чем, – слова Айрес сковали Евины губы колдовской заморозкой, оставив возможность разве что нелепо мычать. Грёбаная магия!.. – Иди, Уэрт.

Достигнув нижней ступеньки, некромант сошёл на лакированный паркет:

– А что будет с ней?

Голос его не выражал ничего, даже холода. На Еву он не смотрел.

– Не всё ли равно? – Айрес говорила без намёка на торжество, скорее утомлённо. – Как ты мог убедиться, она не стоит ни твоего доверия, ни твоего беспокойства.

Герберт перевёл взгляд на Еву – глаза его были голубыми и льдистыми. Такими же, как в день их знакомства.

Что теперь? Кинуться ему на шею? Попытаться промычать, что всё было ложью? Глупо, как же глупо...

Звук распахнувшихся дверей выстрелом прогремел в тишине:

– Ваше Величество...

– Кажется, я велела нас не беспокоить, – не оборачиваясь, бросила Айрес вошедшему охраннику.

– Бунтовщики прорвали оцепление. Они штурмуют тюрьму.

В словах полутонем прорезался страх, – и то, как медленно королева повернулась, не предвещало ничего хорошего. Ни для вестника, ни для окружающих.

– Кучка бунтовщиков прорвала военное оцепление? – уточнила она.

– С ними стражники, Охотничий полк и Пятый магический дивизион. – На лбу охранника блестел нервный пот. – Должно быть, каким-то образом узнали, что вы с наследником здесь.

– Миракл?..

– Лиора Мирана возглавляет своих магов, но лиэра Миракла с ними нет.

– Значит, он ищет обходной путь. Если уже не нашёл. – В зловещей задумчивости Айрес развернулась обратно к алтарю. – Ничего не попишешь... Выйди, Уэрт. Тебе не нужно на это смотреть.

Судорожно пытаюсь разобраться в происходящем, Ева точно поняла лишь одно: Избранная должна исчезнуть. Прямо сейчас.

Любой ценой.

– Выйди, – повторила королева. – За тобой присмотрят.

Герберт остался недвижим. Как и Ева, попытавшаяся рвануть к нему мимо алтаря, но обнаружившая, что трижды грёбаная магия будто приклеила ноги к полу; попытавшаяся убежать, призвать щит или смычок, сделать хоть что-то – бессмысленно. И она могла лишь стоять, наблюдая, как в тянучкой длящемся времени королева вскидывает руки, чтобы забрать у неё жизнь. Снова.

Даже то, что от неё осталось.

Глядя на племянника, Айрес чуть пожала плечами:

– Как хочешь.

...нет, всё не может закончиться так – просто, безжалостно...

...жизненно...

Огненная сфера взметнулась вокруг ядовитой зелены. Еве потребовался миг, чтобы осознать: пламя, призванное обратить её в пепел, встретило купол магического щита.

Понять, кто его поставил, было нетрудно.

– Всё ещё дорожишь ею? – Айрес оглянулась на племянника; колдовской огонь не гас, силясь добраться до Евы, жадно облизывая прозрачный защитный пузырь. – После того, что услышал?

– Неважно, что я услышал. Важно, что я знаю. Что чувствую.

В голосе и лице Герберта стыла снежная бесстрастность, – и это не погасило светлый сполох надежды и любви, вспыхнувший в Евиной душе ярче любого пламени.

Не купился. Не поверил. Не предал её.

Только вот...

– Жаль. – Королева не опустила рук. Если она и была разочарована, то не выказала этого ни жестом, ни тоном. – Силой клятвы твоей повелеваю тебе: убери щит.

...чего и следовало ожидать.

Ева закрыла глаза перед неизбежностью.

Течение времени размылось в остром желании жить, в наслаждении последними моментами существования. Поэтому осознание, что ничего не происходит, пришло к Еве несколько запоздало.

– Силой клятвы твоей повелеваю тебе: убери щит и упокой эту девушку!

В изумлённом голосе Айрес прорезался нажим, – и, робко приоткрыв глаза, Ева посмотрела на огонь, по-прежнему пляшущий в метре от её лица. На непонимающее лицо королевы.

На Герберта.

Некромант улыбался. Той неприятной, пугающей улыбкой, что Ева когда-то частенько наблюдала. Зелёные сполохи, сквозь которые Ева взирала на окружающий мир, придали этой улыбке лишь больше зловещести.

Воспоминания о том давнем разговоре, когда Еве рассказали о вассальной клятве, всплыли в памяти сами собой... одновременно с догадкой, каким непростительно простым образом можно её обмануть.

– Прости, тётя. – С театральной ленцой подняв руку, Герберт похлопал себя по уху. – Глухота. Ничего не слышу.

Дальнейшее произошло стремительно и одновременно, как тиканье секундной стрелки.

У дверей послышался булькающий вскрик охранника, следившего за происходящим. Зелёный огонь исчез, а вокруг самой Айрес соткался щит. Над головой королевы разноцветьем заплясали искры отражённого заклятия. По рядам анатомического театра, кольцом окружая арену, заскользили люди в чёрных одеждах и до боли знакомых птичьих масках.

Лёгкой танцующей походкой, точно выходя на очередную игру, Миракл перешагнул через тело охранника. Оставив позади «коршуна», держащего наготове окровавленный нож, отсалютовал тёте

собственным клинком – блестящим, чистым и стальным, как глаза обоих взбунтовавшихся Тибелей.

– Айрес тирин Тибель, – проговорил Мирк, – от имени народа Керфи я требую твоего отречения от престола.

Та ответила стрелой из арбалета, ржавым огнём полыхнувшего в её руках, Миракл ловко отбил болт лезвием меча, – и Ева, которую наконец отпустила магическая заморозка, торопливо скакнула к первому ряду скамей, подальше от центра боевых действий.

«Коршуны». «Коршуны», которые явно помогают Мираклу... Нет, лучше об этом не думать. Если Ева дождётся конца этой заварушки, ей всё логично объяснят.

Во всяком случае, она очень на это надеялась.

Когда она взобралась на зрительские места и обернулась, Герберт уже был рядом.

– Если хочешь что-то сказать мне, не отворачивайся, – произнёс он. – Я читаю по губам.

Сказать Еве хотелось многое. И не только сказать. Но поскольку момент был не совсем подходящим, она ограничилась тем, что протянула к нему руки – запястьями вверх, демонстрируя ненавистные блокираторы:

– Можешь избавить меня от браслетов? Я хочу помочь!

Герберт посмотрел вниз, на арену, где разверзся магический ад. Резали воздух огненные стрелы, фейерверками разлетались искры и пёстрые вспышки, разбиваясь о щиты королевы, «коршунов» и Миракла – видимо, его прикрывал кто-то из убийц. Для боя с таким количеством участников арена явно была маловата.

– Ты уверена, что им нужна твоя помощь?

– Ты будешь с ней сражаться. Тебе нужна.

Герберт не стал ни отговаривать её, ни спорить. Просто положил ладони на браслеты, чтобы кончиками пальцев расчертить рунами светящуюся медь, почти выпевая заклятие.

Едва ли всякому магу было под силу снять с неё блокираторы. Но в том, что под силу ему, Ева не сомневалась.

Кусая губы от нетерпения, краем глаза она следила за схваткой. Их с Гербертом окружал барьер – один на двоих, – но их атаковать никто не пытался: Айрес было немного не до того, «коршунам», видимо, просто без надобности. Кто-то из убийц заклятиями силился пробить купол

королевы издали, другие предпочли ближний бой и теперь уворачивались от града огненных стрел (скорострельность магического арбалета могла дать фору пистолету). Лакированный паркет пузырился и обугливался, одна из скамей разлетелась в щепки, задетая промахнувшимися чарами. Один «коршун» лежал на лесенке между рядами, другой повалился на пол на глазах у Евы: Айрес, зажатая врагами у алтаря, умудрялась давать достойный отпор десятку противников разом. На прозрачный пузырь обрушивались атаки земляных шпаг, водных хлыстов, воздушных мечей – всего изошрённого арсенала магических орудий. Миракл помогал обычным стальным клинком, и, глядя, как он ускользает от вражеского огня с балетным изяществом, Ева могла понять, почему видевшие его на арене готовы были отдать за него жизнь.

И всё равно самую могущественную колдунью Керфи едва ли можно было одолеть в честном бою. Особенно учитывая, что уже три «коршуна» пали жертвой королевских стрел и проклятий.

Блаженное ощущение пустоты на запястьях сопровождалось щелчком, почти потонувшим в звуках сражения.

– Они всё равно нам сейчас понадобятся, – сказал Герберт, сняв разомкнувшиеся медные кольца. Зелёное мерцание активного режима уступило место нейтральному голубому. – План такой...

Минутой позже сквозь купол королевы скользнули теньевые щупальца, и вступление в бой некроманта сильно осложнило жизнь Айрес. Крутанувшись на каблуках, она умудрилась расстрелять все чёрные отростки, что норовили обвить её руки, но пропустила несколько ударов Миракла и «коршунов», одновременно обрушившихся на мерцающий пузырь. Щит, не выдержав нагрузки, мигнул и исчез – всего на секунду, если не меньше. Один из «коршунов» успел скользнуть внутрь, но не успел увернуться от встретившей его огненной стрелы.

Когда он упал, колдовская защита восстановилась, а Айрес, разобравшись с врагом, повернулась в сторону Миракла, острие арбалетного болта почти уткнулось Герберту в грудь.

– Если хочешь победить, убив его, – сказал некромант, стоя под щитом королевы, – сперва придётся убить меня.

Ева, успевшая соскользнуть со зрительского ряда обратно на арену с алтарём, замерла, пока где-то – очень, очень далеко, как казалось

притупленному ужасом слуху – Миракл криком приказывал «коршунам» прекратить атаку.

Венценосный идиот! Когда он сказал «я её отвлеку», Ева никак не думала, что отвлекающим манёвром послужит *это!*.

– Уэрт, отойди, – держа палец на спусковом крючке, процедила Айрес сквозь зубы.

– Хватит. Сдайся. Отступись. – В лице Герберта не было ни намёка на страх. – Ты многое сделала для нашей страны. Для меня. Но ты должна уйти, прежде чем уничтожишь всё, чего достигла.

– Под моим началом Керфи станет мировой империей. Под моим началом мы станем легендой. Под вашим – останемся обитателями плодородного клочка земли, одного из десятка таких же.

– Под твоим началом мир станет кровавой пустошью, наша страна – родиной жестоких ублюдков, а наш народ – армией вырожденцев, уничтожающих всё живое. Я не собираюсь принимать в этом участие. – Герберт подался вперёд; болт, сотканный из того же ржавого огненного мерцания, что и королевский арбалет, оставил обугленное пятно на его белой рубашке. – Если ты выбираешь войну, стреляй.

Две безликие тени ждали за границами купола, застыв по соседству с убийцами в птичьих масках. Держа в одной руке волшебный смычок, ласкающий пальцы прохладной твёрдой водой, а в другой – блокиратор, Ева не осмеливалась сделать то, что должна была сделать; лишь молилась, чтобы никто не нарушил приказ Мирка бездействовать.

Если что-то заставит Айрес вздрогнуть, если рука её случайно дёрнется...

– Как только я сдамся, меня уничтожат. Ты это понимаешь?

В голосе королевы, к её чести, страха тоже не было. Ни капли. Один лишь прохладный интерес.

– Я не хочу твоей смерти. И не допущу её, если ты докажешь, что способна вести себя разумно. Что ты всё ещё человек.

– Да ну? И ради меня ты в одиночку выступишь против любимого брата и его новых друзей?

– Если понадобится. – Герберт почти улыбнулся. – Я со многим способен справиться в одиночку. Ты хорошо меня обучила.

– После всего, что я сделала?

– Ты остаёшься той, кого я когда-то любил. И кто на свой странный манер любит меня.

Уголок губ королевы дрогнул в намёке на горечь:

– В последний раз говорю, Уэрт, – отойди.

Герберт лишь смотрел на неё прямо и неотрывно.

Айрес вдруг глубоко, несдержанно выдохнула. Взвела арбалет чуть выше – туда, где в ворота белой рубашки виднелась трогательная ямка между худыми ключицами.

Ева отчаянно взмахнула рукой.

Ударив по прозрачному куполу, невидимая струна раскатила по залу мелодичное «дзинь». Одновременно с тем, как щупальца теней потянулись к женщине, угрожавшей их господину.

Одновременно с тем, как королева разжала пальцы, выпуская арбалет из рук.

Когда Айрес повернула голову на звук, Герберт запустил ладонь в карман штанов, в один шаг сократил разделявшее их расстояние – и дутая медная полоска, щёлкнув на запястье королевы, заискрилась зеленью блокирующих чар. Дождавшись, пока Айрес переведёт взгляд обратно на племянника, Ева подскочила к исчезнувшему щиту; второй браслет охотно и легко скользнул на женскую кисть, обрамлённую гранатовым бархатом, и замкнулся, не встретив сопротивления.

Ожившие тени истаяли клочьями черноты, подводя черту под случившимся.

Вот и всё.

Неужели всё?..

– Кто тронет её, будет иметь дело со мной. – Герберт обвёл взглядом присутствующих, застывших хищниками в засаде. Встретившись глазами с Мираклом, предупреждающе сощурился. – Ко всем относится.

– Желаю удачи в сражении с моими войсками, – сказала Айрес. – Капитулировать я им не прикажу. Даже не проси.

Нет, внезапно поняла Ева, глядя в лицо королевы, совсем не похожее на лицо человека, только что потерявшего всё. *Нет, Айрес тириин Тибель никогда бы не сдалась так просто.*

Никогда, не будь у неё запасного плана.

– Уэрт, ты же понимаешь, как проще всего закончить всё это, – негромко молвил Мирк, не торопясь вгонять клинок в ножны. – Если

она умрёт, её солдатам не за кого будет сражаться.

– Они будут сражаться за режим, при котором им так хорошо и вольготно жилось. За то, чтобы власть досталась кому угодно, кроме тебя, ведь при тебе всё будет совсем иначе. Но ты не хуже меня знаешь, что заставит их склонить головы. – Герберт выразительно кивнул в сторону Евы, благоразумно отступившей от королевы на пару шагов. – Вернее, кто.

– Уэрт...

– Или ты, благородный освободитель, намереваешься занять трон, убив свою беззащитную, сложившую оружие тётю? Тогда нам с тобой не по пути.

Глаза Герберта раскрывали вглядывающимся в них объятия льдистой бездны.

Медленно, очень медленно Миракл опустил меч:

– И что прикажешь с ней делать?

– Я поправил ограничение на браслетах. Она не может покинуть этот зал. Оставь с ней охрану из числа твоих новых друзей, – Герберт одарил «коршунов» взглядом, далёким от приязни, – потом переведём её в один из наших особняков. Я настаиваю, чтобы с ней обращались достойно. Если она *случайно* погибнет, у тебя появится одним врагом больше. Учитывая обстоятельства, сам понимаешь, насколько это нежелательно.

Более не удостаивая вниманием никого из присутствующих, некромант протянул Еве руку:

– Идём.

Не задавая вопросов, Ева покорно подбежала ближе, вцепилась в его ладонь и позволила повести себя к выходу из зала. Не зная, чей взгляд так ощутимо и зло сверлит её спину – Айрес или Миракла.

...ничего ещё не закончено – осознание этой истины было таким отчётливым и ясным, будто кто-то нашёптывал ей. Может, и нашёптывал: в конце концов, Мэт прекрасно умел подделываться под любой голос, включая её собственный. И сейчас Айрес лишь взяла передышку перед... чем?

– Ты уверен, что у вас получится? – негромко поинтересовался Миракл вдогонку.

Учитывая, что по техническим причинам Герберт никак не мог его услышать, Еве пришлось дёрнуть некроманта за рукав, вынудив

обернуться.

– Абсолютно, – откликнулся Герберт, когда его брат повторил вопрос. – А тебе, полагаю, ещё нужно триумфально освободить узников из камер. Вперёд, герой, довершай революцию. Мы займёмся своей частью.

– Мне полагается ещё триумфально объявить о пленении королевы народу, жаждущему её крови. И помочь моей матери подавить сопротивление её войск.

– Не беспокойся, минут через пять всем станет немного не до того. Особенно если ты сможешь произнести подобающую случаю воодушевляющую речь. Воодушевляющие речи, если не ошибаюсь, – конёк истинных королей.

Сарказм в этом прощании был почти неуловим.

За дверью в зал их ждали ещё несколько охранников. Таких же мёртвых, как тот, что остался в анатомическом театре. Пока они проходили мимо, Ева старательно смотрела прямо, что было довольно-таки нелегко, если ты хотел не запачкать босые ноги в кровавых лужах на полу. Наверное, после всего пережитого при виде такого количества мертвецов, сверлящих потолок остекленеными глазами, ей полагалось впасть в истерику, но чувства, притупленные всем кошмаром последних дней, просто отказывались реагировать. И даже когда тела остались позади, Ева молчала.

Слишком многое нужно было спросить. Слишком многое хотелось понять.

– Я снял чары, но говори громче, – посоветовал Герберт. – Такие вещи не проходят бесследно, ближайшую пару часов я буду слышать хуже обычного.

– Как ты... это...

– Усовершенствовал одну заковыристую формулу. Свёл всё к трём рунам, которые можно вычертить, прежде чем прозвучит непосредственно приказ. Научился читать по губам, чтобы Айрес не заподозрила подвоха. – Разбивший объяснение смешок оставался Еве непонятен, пока Герберт не продолжил: – Бедный Эльен. Он, конечно, любит поболтать, но даже ему в то время пришлось несладко.

О том, что интересовало её больше всего, Ева смогла заговорить, лишь когда коридор привёл их к маленькой полутёмной лестнице,

уходящей куда-то наверх. И задала она, пожалуй, не самый актуальный в данный момент вопрос:

– Ты же понял, что всё это... там, в зале... была игра, правда?

Впрочем, актуальность можно считать понятием относительным. И услышать ответ – от него, а не просто сделать выводы из случившегося – Еве было безумно важно.

– Мне приятно, что ты считаешь меня идиотом, но я скорее бы разочаровался в тебе, прояви ты само – убийственную честность. – Герберт не смотрел на неё: опережал на ступеньку, и то, что он не отпускал её руку, успокаивало лучше чего бы то ни было. – Глупость страшнее лицемерия.

– Тогда, выходит, я бы Айрес как раз и обыграла.

– Ты пыталась. К сожалению, шансы изначально были неравны. Таких милых девочек, как ты, Айрес ела на завтрак со своего придворного дебюта.

...одной проблемой на повестке дня меньше.

Об остальных – во всяком случае, обо всех одновременно – Ева предпочитала не думать. Больше шансов не сойти с ума.

– Жаль, твоя сокамерница немного не в той кондиции, чтобы оценить всю романтику момента, когда Миракл до неё доберётся, – донеслось с задворок сознания. – Прекрасный принц явился вызволить её из логова зла...

– Что будет дальше? – собственным голосом заглушив демона, спросила Ева. – Куда мы?

– На крышу. Учитывая, что происходит вокруг тюрьмы, сейчас это единственный безопасный способ выбраться отсюда.

– А почему мы не остались с Мираклом?

– У него свой план действий. У нас – свой. Всё получится, лишь если каждый выполнит собственную задачу. И о нашей задаче «коршунам» лучше не знать. – Остановившись, Герберт выпустил её ладонь, чтобы открыть люк, в который упёрлись закончившиеся ступеньки. Интересно, не так ли Миракл пробрался в здание?.. – Часть правды, полагаю, им уже известна, но чем меньше людей знает *всю* правду, тем лучше.

На крыше, длинной и плоской, было снежно и светло. После долгого заключения во тьме Ева зажмурилась, до того ударила по глазам яркость белого облачного неба. Откуда-то доносились крики,

хлопки и шум, обещающий неприятное зрелище битвы под тюремными стенами; это вконец спутало мысли, и без того кричащие и расталкивающие друг дружку.

– Айрес сдалась не просто так. Я уверена, – пробормотала Ева, забыв, о чём они говорили прежде. Босые ноги стояли на притоптанном у люка снегу, почти не чувствуя холода; отпечатки разномастных ботинок подтверждали теорию о том, каким обходным путём воспользовались Миракл и сотоварищи. – Наверняка у неё в запасе какой-нибудь коварный план.

– Пока на ней блокираторы, особо бояться её не стоит. С этого дня она будет под арестом, за ней установят круглосуточную слежку. Я проверю. – Закрыв люк, Герберт, не торопясь, выпрямился. – Знаешь...

Он не дрожал, стоя в зимней стуже в одной рубашке, но Ева заметила мурашки на его руках.

– Что? – в повисшей паузе спросила она, отчасти затем, чтобы не слушать отзвуки сражения, которого она пока не видела, но в красках представляла.

В том, как Герберт посмотрел на неё, сквозила печаль:

– Всё же актриса из тебя до боли хорошая.

Несмотря на всю неуместность обстановки, несмотря на то что Ева знала, как сейчас выглядит – неумытая, со спутанными волосами, в невзрачной тюремной рубашке, – оправданиям и извинениям она предпочла объятие.

Каким бы он ни был понятливым, услышанное не могло его не ранить. Хотя бы из-за не высказанной ею правды, о которой он не мог не задумываться. Но одна правда – что Ева не была и едва ли станет частью его мира – не отменяла другую.

Правду, что являлась (Ева внезапно поняла это с болезненной ясностью) единственной непреложной истиной, за которую она могла держаться – и не упасть в бездонную кровавую черноту всего, через что ей пришлось и придётся пройти.

– Я люблю тебя, – обхватив его тонкими руками, серьёзно глядя на него снизу вверх, сказала Ева. – Ты же мне веришь?

В наступившей тишине, растворившей отзвуки того страшного, что перемалывало людей за пределами их маленького мирка, ограниченного кружком утоптанного снега под ногами, – на целый миг всё стало далеко и неважно. Всё, кроме слабой улыбки Герберта,

разбившей зиму в его глазах, и тёплой ладони, коснувшейся её наверняка чумазой щеки.

– Тебе одной, пожалуй. – Отстранившись, он обнял её за плечи так, точно это её, а не его сейчас жёг беспощадный мороз. – Идём, нужно выбираться отсюда.

Как выяснилось, когда они подошли к краю крыши, Кмитсверская тюрьма строилась в три этажа в виде буквы П. Ева с Гербертом выбрались из правого корпуса; сбоку и сзади к тюрьме примыкали жилые дома, отделённые от неё широкой улицей, перед зданием расстилалась просторная площадь, куда бедная Бианта решила прогуляться вместо уроков. И если окружающее море крыш, покрытых снежными шапками, пыхтевших белым дымом из труб, выглядело умиротворяюще, то творившееся ниже – ни – сколько.

Кмитсверская площадь наполнилась народом, и сейчас этим народом двигало одно желание: уничтожить того, кто стоял напротив.

Ева смотрела, как на снегу, расцветенном багрянцем, выжженном чернотой, бушует шторм восстания. Что-то горело, что-то взрывалось, пугающей пестротой сверкали следы отражённых и свершившихся чар; люди сталкивались, чтобы упасть или пройти дальше, отбросить противника или позволить ему перешагнуть через себя. Сине-чёрный массив у тюремных стен – видимо, армия королевы – затапливала разномастная толпа, наседающая с улиц, силившаяся прорвать последнюю линию обороны. Ева выделила среди бунтовщиков золотистые мундиры магов (понять, что это маги, было нетрудно, если принять во внимание колдовские барьеры и волшебное оружие в руках), но различить что-либо ещё в месиве сражения было невозможно.

– Мы должны... Герберт, мы должны их остановить! Ты говорил, я могу это сделать? Но как...

Крылатая тень напозла на крышу за миг до того, как её недоговоренный вопрос повис в воздухе.

Огненная струя ударила по королевским гвардейцам метким золотым плевком. Шипастый хвост небрежно метнулся в пролёте, сшибив пару дымоходов – те брызнули кирпичом, словно коричной крошкой.

Ева задрала голову в момент, когда над схлестнувшейся толпой разнеслись исполненные ужаса вопли «дракон!».

За секунду, потребовавшуюся, чтобы вспомнить, что Гертруда мертва, зрелище летящей над площадью драконицы успело почти её обрадовать.

– Я собирался освободить тебя. Так или иначе. Большой мёртвый дракон мне бы в этом пригодился, – сказал Герберт. – Теперь пригодится для другого.

– Но она же больше не может... или может?..

– Изрыгать пламя? Нет, не может. Она же безмозглая мёртвая марионетка. – Некромант следил, как драконица, оставившая площадь позади, медленно разворачивается. – Немного заклятий. Немного иллюзий. Если ты забыла, я не только с костями возиться умею. Не волнуйся, мятежники не пострадали... серьёзно.

Когда он выплел в воздухе рунную паутинку, вторая струя не-совсем-драконьего пламени подпалила крышу тюрьмы на противоположном корпусе. Золотой огонь весело взметнулся к блеклому небу.

Под крики, в которых помимо «дракона» угадывалось «бегите», «убить» и «Лоурэн», драконица поднялась выше. Избегая взвившегося к ней роя стрел, колдовских и не только – от самых сообразительных из собравшихся внизу, – полетела дальше, с шумом взрезая воздух перепончатыми крыльями.

– Вот так шоу, – одобрил Мэт. – Кто бы мог подумать, что наш малыш некропиромант...

– Герберт, ты решил исполнить пророчество *сейчас*? – сдавленно произнесла Ева, в полной мере осознав происходящее.

Ну, конечно. Обе стороны прекратят вражду, а лучше – объединятся перед угрозой извне. Угрозой, предвещенной величайшей предсказательницей Керфи, угрозой, не делающей разбора между мятежниками и теми, кто лоялен власти...

По крайней мере, в теории.

– А ты против?

Проводив поднятую драконицу тоскливым взглядом (называть её Гертрудой даже в мыслях было неловко), Ева посмотрела на воюющую толпу. Ожидаемо увидела, что та прекратила воевать. Пока кто-то в страхе вглядывался в небо, а другие атаковали крылатого монстра из арбалетов и магических светящихся луков, третьи позорно бежали. Иные из солдат королевы стреляли вверх наравне с бунтовщиками;

многие, разбив строй, не хуже оппонентов бросились врассыпную. Ожидаемо, учитывая, что удар «чудища с Шейнских земель» пришёлся по ним.

Иронично, учитывая, что тот, по чьей милости их товарищи *на самом деле* тлели на земле мясными факелами, тоже явился из Шейна.

...хватит, Ева. Даже если не все люди королевы – кровожадные ублюдки, лучше они, чем невинные горожане. А какое же это выйдет чудище, если его атака на столицу не оставит после себя ни единой жертвы?

– Герберт, но Люче...

– Я знаю, что с ней. Наколдую иллюзию огня. Вогнать её дракону в подмышку, полагаю, тебе будет нетрудно. Остальное я сделаю сам. – Подхватив Еву под локоть, Герберт повёл её к противоположному краю крыши. – Теперь нам действительно пора.

– К озеру?

– Прямо отсюда к нему не перенестись. Охранные чары запрещают. А вот с соседней крыши – легко. Надеюсь, левитировать не разучилась?

Когда они взобрались на поребрик, за которым ждала пустота и недолгое падение на уличную брусчатку, Еве вспомнилось, как безумно давно они пили фейр и смотрели её любимую сказку.

– Вот сейчас тебе точно только стильного серого костюмчика не хватает, – пробормотала она, пока они, взмыв в воздух, плавно перемахивали через широкую улицу над бежавшими по ней перепуганными людьми.

– А ещё сердцеедства и позёрства.

– По-твоему, броситься грудью к Айрес на прицел, призвать мёртвого дракона и устроить весь тот спектакль, что мы устраиваем, – не позёрство?

– Суровая необходимость, не более. Лучше возьми пример с Софи и прими перепуганный вид, подобающий первому совместному полёту.

Ева почти улыбнулась.

Было что-то пугающее в том, что даже сейчас, когда на оставленной за тюрьмой площади лежат умирающие люди, они способны шутить. С другой стороны, когда многие твои чувства свелись к душевной анестезии, наверное, лучше шутить, чем ры – дать.

На конёк припорошенной снегом черепичной крыши они приземлились неслышно: хотя бы по причине того, что ступни их так и не коснулись его поверхности.

– Жители Айдена!

Голос Миракла, громогласно летевший со стороны тюрьмы, разнёсся эхом, словно он вещал в микрофон. Впрочем, Ева не сомневалась, что у магов и на этот случай припасён колдовской аналог.

– Вовремя, – одобрил Герберт, балансируя на воздухе. – Если не будет слишком велеречив, успеет вдохновить толпу прежде, чем все разбегутся, и достаточно, чтобы она не пропустила основное представление. До озера отсюда недалеко.

Перенос прошёл без осечек. На сей раз Ева даже не покачнулась, когда их ноги коснулись снега у набережной, гранитным парапетом отгородившей столицу от озёрных вод. Озеро, куда впадала река Лидемаль, действительно не успело замёрзнуть: только у краёв лёд сковал воды, отражающие серость низкого неба. Льдины мутными стекляшками дрейфовали по жидкому стальному зеркалу, дальний берег угадывался лишь по обрамляющим его горам – отсюда они казались холмами.

– Стой здесь, – велел Герберт. – Сейчас вернусь.

Ева оглянулась на ряд невысоких разномастных домов, тянувшихся вдоль берега, выходящих фасадами аккуратно на набережную. Если б их обитатели вздумали выглянуть из окон, от любопытных взоров Еву скрыл бы ствол раскидистой ивы, нависающей над парапетом, и её ветви, струившиеся вниз серебристым льдом.

И всё-таки...

– А если кто-нибудь увидит, как я терпеливо дожидаюсь здесь дракона, он ничего не заподозрит?

– Посмотри на себя, – посоветовал Герберт, прежде чем исчезнуть. – Полагаю, догадаешься сама.

Ева опустила взгляд на собственные руки, но вместо них увидела заснеженную брусчатку.

Надо же. Даже не заметила, как её заколдовали. Хотя должны же треклятые чары невидимости хоть раз сыграть не против неё...

– Касательно твоей зубочистки у меня есть предложение получше иллюзий.

– Даже слушать не собираюсь.

– Я её загубил, мне её и чинить, – Мэт вещал со смиренностью кающегося грешника. – Брось, златовласка. Знаешь же, что лично против тебя ничего не имею. Всей душой за вас болею.

– У тебя нет души.

– Если б была, рвалась бы от сопереживания.

– Разве что на крестражи.

– Можешь с чистой совестью проигнорировать мой бесценный совет, но хотя бы выслушай.

К моменту, когда вернулся Герберт, Ева ждала у заснеженного парапета, мучительно пытаюсь забыть всё, что услышала.

– Попутно разнёс пару башен королевского дворца и подпалил центральный рынок, – доложил некромант, протягивая Еве рапиру. Невесть каким образом угадав выражение её невидимого лица, насмешливо вскинул освободившиеся руки; он успел набросить плащ, за что Ева была ему искренне благодарна – теперь ей, немёрзнущей, стало не так больно на него смотреть. – Не волнуйся, никто не пострадал.

Я следил.

Она кивнула, забыв, что её не видят. Уставилась на Люче: золотое мерцание зачарованного лезвия уступило место обыденному стальному блеску. Лишь по рукояти и угадывалось, что это тот же клинок.

Уже то, как просто Герберт держал его в руках, ясно намекало – по хорошему самое время прибегнуть к гарантийному ремонту, если гномом тот предусматривался.

– Так, чары правда иссякли, – обречённо констатировала Ева.

– Даже так управляться с ней легче, чем с обычным оружием. Но потому её и смогли оттащить в королевскую оружейную. – В словах Герберта она не услышала особого сожаления – и хотела бы тоже его не испытывать. – Я мог бы наколдовать полную иллюзию меча, но так будет... честнее. И в чём-то проще.

Ева вспомнила то, что ненадолго вытеснило встревоженное удивление, и ещё секунду информация – слишком странная, чтобы быть ложью, слишком свое – временная, чтобы не нуждаться в проверке, – балансировала на кончике языка.

– Я знаю, что это звучит бредово и ему нельзя доверять, но Мэт говорит, что гномьи клинки заколдовывают драконьим пламенем, дом

матери Миракла неподалёку отсюда, в нём спрятан детёныш Гертруды, и он может помочь нам частично восстановить чары на Люче.

Ответом на эту скороговорку – свалившую в кучу то, что демон пару минут раскладывал по полочкам с дружелюбной убедительностью свидетеля Иеговы – послужил тяжёлый взгляд. Настолько тяжёлый, что впору было пугаться.

– Говорю же, бред, – добавила Ева, пытаясь оправдать себя нервным смешком. – Детёныш Гертруды ведь в яйце, в твоём замке, верно?

– Каким образом Мэт с тобой *говорит*?

Ещё прежде, чем некромант уронил последнее из слов, медленных и весомых, как стальная дробь, Ева вспомнила, сколько всего случилось с момента их двойной разлуки. И что толком обсудить случившееся им было некогда.

– Ты ведь знаешь... что мы заключили сделку?

Задать этот простой вопрос оказалось сложнее, чем на одном дыхании выпалить конспект демонских советов.

Короткое, невыразительное движение, которым Герберт склонил голову чуть вперёд, Ева расценила как кивок.

– Он теперь в моём сознании. Всегда. Из-за того, что я отдала ему своё тело. – Под колочим взором, устремлённым в прозрачную пустоту на месте её лица, Ева почему-то опустила глаза. – Если не врёт, пока я не умру окончательно.

...если разобраться, глаза она опустила не *почему-то*. Боялась, что Герберт (может, не словами, но ей хватит и взгляда) подтвердит факт, который она прекрасно знала сама: Ева Нельская не только убийца, но и беспросветная дура.

Однако в том, как бледные пальцы коснулись её невидимого плеча, не было и тени осуждения.

– С этим мы разберёмся позже, – сухое обещание в этих простых словах успокоило Еву лучше самых цветистых утешений. – Драконье пламя, значит...

Задумчивость, с которой некромант обернулся на пёструю линию домов, красноречиво закончила невысказанную мысль.

– Только не говори, что ты ему поверил!

– Едва ли гномью сталь способен расплавить чих маленького дракончика. Если не поможет, по крайней мере, не навредит, – заметил

Герберт рассудительно. Посмотрел в небо над столицей. – Дракону всё равно нужно ещё полетать над городом... Чтобы не осталось незнающих.

Когда у неё бесцеремонно отобрали едва врученную рапиру, Ева не стала возражать. Даже мысль, что поблизости может находиться новорожденный (или нововылупленный?) детёныш Гертруды, не вызвала никаких эмоций.

Позже. Если это правда, она почувствует что-нибудь позже. Наверняка.

Пока она слишком устала.

– Придётся тебе ещё подождать. Тебя в дом Мираны защита всё равно не впустит... скорее всего, – добавил Герберт, пряча клинок в складках плаща.

На сей раз он пошёл пешком. Притаившись за ивой, Ева следила, как долговязая фигурка удаляется, чтобы степенно подняться на крылечко симпатичного кирпичного домика за кованой оградой – ни дать ни взять коттедж с Тисовой улицы. Ещё немного, и из окна порхнёт полярная сова. Кажется, матери Миракла за жизнь пришлось проделать долгий путь: если в таком доме и могла обитать аристократка, то разве что не слишком состоя – тельная...

Ева не знала, что Герберт сказал дворецкому или тому, кто открыл вместо него. Но видела, что дверь отворилась, и спустя некоторое (очень непродолжительное) время некромант переступил порог; а ещё спустя некоторое (чуть более продолжительное) время дверь распахнулась снова.

Когда Герберт двинулся обратно к иве, даже издали Ева заметила, как из-под плаща его пробивается солнечное сияние.

– Часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла, – благодушно возвестил Мэт.

– Не льсти себе, клякса, – без труда поняв, куда он клонит, сказала Ева устало.

– Да ладно тебе. Признай, даже смерть Кейлуса на пользу делу пошла. Не обернись всё так, как обернулось, сколько бы ещё твой женишок и людишки под его началом ковырялись с восстанием?

Слова бичом хлестнули по кровотокающей душе.

– Не смей. Говорить. О Кейлусе. – Жмурясь, Ева прижала ладони к вискам: собственный голос, глухой, как струна под сурдиной, едва

пробился в ушах сквозь музыку, погребаящую демона под нотным шумом. – Пошёл вон.

Когда она открыла глаза, Герберт стоял перед ней, протягивая рапиру на вытянутых руках и вопросительно вглядываясь в гримасу на её лице.

– Неладно с внутренним демоном, – процедила Ева, отвлекаясь от мысленного воспроизведения яростной темы первого виолончельного концерта Сен-Санса. Взяла Люче, не удивляясь, что клинок снова переливается огнём – лишь чуть тусклее, чем прежде. И как она раньше не замечала, что он цвета драконьего пламени?.. – Идём. Хочу быстрее с этим покончить.

Герберт мягко развернул её лицом к озеру:

– Пойдёшь ты. Я отступаю за кулисы. Не волнуйся, буду недалеко.

Ева посмотрела на дрейфующие льдины. На серость вод, начинавшуюся там, где заканчивались все намёки на твердь, пусть даже не земную.

Волнения она не чувствовала. Ни капельки. Скорее просто... констатацию. *О, так сейчас произойдёт то, к чему мы готовились*, – не более.

– Значит, всё по плану?..

– Всё по плану. – Герберт отступил на шаг. – Как увидишь дракона, прыгай на лёд. Иди к центру озера. Остановишься, когда он начнёт пикировать.

Он тоже не называл Гертрудой то, что сейчас под его чутким руководством громило столицу.

Это делало всё немножко легче.

Ева оглянулась, чтобы временно попрощаться, и охнула:

– Что с тобой?!

Угадав, куда направлен её взгляд, Герберт вскинул ладонь к лицу. Посмотрев на красные пятна, расплывшиеся на подушечках – следы от багряной дорожки под носом, – растёр кровь между пальцами.

– Просто плачу за то, что поднял, как-никак, дракона. И раскидывался всем тем, чем сегодня раскидывался. – Он скупно, но обнадёживающе улыбнулся. – За меня не беспокойся.

Больше он не сказал ни слова. Просто растворился в воздухе: то ли ушёл в невидимость, то ли перенёсся туда, откуда удобнее будет режиссировать финальный акт разворачивающегося действия.

Впрочем, дополнительные указания Еве не требовались.

Ждать пришлось недолго. Мшистой погибелью прошелестел над ивой дракон – так низко, что ветер под его крыльями просыпал снег с ветвей. Отряхнув с плеч белую пыль, Ева проследила, как неживое создание взмывает над озером, улетая к дальнему берегу. Вскарabкавшись на скользкий гранит, она спорхнула на лёд, в полёте активируя левитацию: белая корка казалась достаточно прочной, чтобы идти по ней без магии, однако Ева предпочла подстраховаться. Видимость вернулась к ней тут же – и зрелище Люче, плывущей в воздухе, перестало казаться диким. Не слишком-то они с Гербертом конспирировались, если подумать... С другой стороны, даже если кто-то их заметил, едва ли он сделает из увиденного верные выводы. Да и не всё ли равно, что скажет один случайный свидетель? Куда важнее будет то, что увидят сотни, и совсем не случайных.

Кстати, о них...

Шагая по воздуху и ради собственной уверенности перепрыгивая тёмные трещины, Ева оглянулась. Без удивления увидела, как набережная заполняется людьми. Она успела отойти достаточно далеко, чтобы не различать лиц, но, судя по цвету одежды, в основном то были гвардейцы под предводительством Миракла, готовые отразить атаку чудища, когда то повернёт обратно к городу. Наверное, ещё стражники. Кто-то из простого народа, кто посмелее.

Сейчас все они смотрели на тонкую фигурку в тюремной рубашке, бредущую по воде с росчерком огненного клинка в опущенной руке. Спасибо Айрес, помогла сделать зрелище ещё драматичнее.

Как просто сотворить легенду, думала Ева, ступая над нервно дрожащей водной рябью. Пусть скептики потом пробуют доказать, что хрустальная тувелька не могла подойти одной-единственной девушке во всём королевстве. Или что меч куда сложнее вогнать в камень, чем вытащить. В людской памяти остаётся складная красивая сказка; сказка, в которую так легко – и так хочется – верить людям, голодным до сказок и красоты...

Мёртвый дракон заложил круг. Неторопливо развернулся, поворачивая обратно к городу.

Истинная власть там, где вера. Деньги работают, пока люди верят, что они чего-то стоят. Корона работает, пока люди верят, что голова под ней неприкосновенна. Кнут работает, пока люди верят, что им не

пережить удара. Какой же властью тогда обладает любой спектакль, заставляющий верить в то, чего никогда не было, и сопереживать людям, которых никогда не существовало? Хотя бы ей самой. Не Еве Нельской – Избранной из пророчества Лоурэн, незаметно занявшей её место.

Сплошной фикции, если подумать.

Шагая по тонкой воздушной кромке, отделяющей её босые ноги от воды, Ева замедлила поступь – из размеренного *andante* в торжественное *lento*. Вскинула рапиру высоко над головой, привлекая внимание противника в небе, пока озёрная тишина за спиной размывала отголоски толпы, оставшейся на берегу.

Сложив крылья, дракон плавно спикировал вниз.

Сделав последний шаг, Ева замерла.

...ещё неделю назад её могла испугать ледяная бездна, ждущая под ногами. Теперь куда важнее казалось ироничное осознание, что сейчас она отыгрывает главный концерт своей не-жизни. Пусть даже в руках рапира вместо смычка, а зрители при всём желании не добьются выхода на бис...

Над самой кромкой воды, разбегавшейся волнами от крылатого вихря, дракон замер, будто насмешливо разглядывая букашку, кинувшую ему вызов. Чешуйчатая морда осталась такой же, какой Ева её помнила; только глаза, горевшие фальшивым золотом, были пустыми и бессмысленными, без следа гипнотической живой ворожбы.

Прощай, Гертруда.

Прощай, власть Айрес тириин Тибель.

Прощай, милая, маленькая, безвестная Ева Нельская...

Прежде чем из недрогнувших ноздрей чудища с Шейнских земель вырвалась струя ненастоящего пламени, – не оглядываясь на публику, затаившую дыхание в партере далёкой набережной, Ева расчеркнула рапирой стылый хрустальный воздух и приготовилась к прыжку.

Да будет легенда.

Глава 17

Magnifico [\[23\]](#)

О помолвке объявили на балу в честь коронации Его Величества Миракла тирин Тибеля.

В других обстоятельствах Ева подумала бы, что очутилась в сказке. Огромный зал, полный золота, музыки и цветочного дурмана. Праздничная белизна мрамора, расцвеченная витражами под потолком, разноцветьем шёлка и бархата на гостях и алыми штандартами по

стенам – в цветах королевского герба. Прекрасный принц приглашает тебя на танец. Даже лучше: принц может не добраться до трона, но к руке юного короля гарантированно прилагается корона.

– Отлично справляешься, – тихо сказал Мирк, когда они с Евой сошлись в очередном па, сплетая шагами кружево ещё одной легенды: о прекрасном молодом монархе, что вернёт в Керфи светлые деньки легитимности и свободы, и его иномирной возлюбленной, едва не погубленной коварной чёрной королевой, но всё же сумевшей вырваться и воплотить великое пророчество.

...начало этой легенды они положили ещё там, на берегу озера. Сразу после того, как озёрная толща сомкнулась над телом Гертруды, а Ева, приводнившись на гребень одной из расходящихся волн, пошла назад. Она не стала ждать, пока беспокойство воды утихнет – не хотела смотреть, как драконицу, успевшую стать ей другом, поглотит льдистое забвение. Когда она подошла к берегу, толпа ликовала; затем удивлённо притихла – в те мгновения, пока Ева без лишних слов бросалась в объятия Миракла, – и возликовала ещё пуще. Еве даже разговаривать ни с кем не пришлось – она просто обмякла у Мирка на руках, изображая обморок.

После *такого* трепетной деве почти положено упасть в обморок.

Естественно, толпа заметила поцелуй, которым Миракл Тибель коснулся макушки бесчувственной девушки. И то, как бережно он нёс её в дом своей матери, услужливо предложившей принять усталую гостью. И, конечно, Миракл не стал скрывать, кто эта поразительная особа, спасающая столицу от разбушевавшегося чудища. Так что на другой день по стране уже неслась, обрастая подробностями, история о том, как Миракл Тибель и его верный брат прятали обещанную Лоурэн героиню от соглядатаев королевы; о том, как в процессе прятков между спасённой и спасителем ожидаемо зародилось нежное чувство; о том, как королева всё же обнаружила угрозу своей власти – и незамедлительно организовала предлог для ареста Миракла, а его возлюбленную бросила в Кмитсвер, где та ожидала казни (чего ещё она могла там ждать?).

Волнения в столице улеглись ещё раньше. Когда появился дракон, большая часть королевских войск забыла про бунтовщиков. Куда важнее стало убить огнедышащую тварь, – ну, или укрыться от неё в местечке понадежнее. Когда же многочисленные очевидцы разнесли по

городу весть о сбывшемся пророчестве, большая часть большей части посудила, что идти против смутьянов – одно, а против судьбы – чревато. Особенно когда против вас весь город (а потенциально и вся страна), королева повержена, многие из командования бесславно дезертировали, а дракон спутал все карты и посеял неразбериху везде, где можно было её посеять.

Таким образом, к исходу дня королевские войска уже скандировали на дворцовой площади хвалу новому монарху. И в целом всё прошло по плану, не считая предшествующих событий.

Настолько по плану, что Еве трудно было в это поверить.

– Осталось немного, – подбодрил Мирк, когда очередной поворот танца свёл их лицом к лицу: видимо, в Евиных глазах в этот миг отражалось всё, что она вот уже неделю старательно прятала. По крайней мере, на публике.

Протянув ему руку, затянутую в белый атлас, Ева бросила беглый взгляд на цвет керфианского двора. Лица, следившие за одинокой парой посреди зала, платья и костюмы сливались в единое пёстрое море. Совсем как зрители в зале, когда смотришь со сцены... При желании Ева всегда могла найти среди публики родителей или Динку, но желания у неё не было. Она ещё лет в тринадцать поняла: лучше играть не кому-то конкретному, даже не помнить о ком-то конкретном, а беседовать музыкой напрямую с Вечностью.

Сейчас она тоже легко могла бы найти среди лиц одно. И тоже отчаянно не хотела.

– Осталось самое сложное, – пробормотала Ева.

...в других обстоятельствах, возможно, с коронацией повременили бы. Особенно учитывая, что официально Айрес тирин Тибель так и не отреклась от престола. Однако в керфианском законодательстве, как Еве поведал Эльен, со времён предыдущей династии существовало нечто вроде вотума недоверия. Айрес собиралась упразднить этот обычай, но не успела. Стоило озаботиться этим пораньше, однако до поры королеву вполне устраивало тихое исчезновение неудобных, помогающее запугивать остальных. К тому же она сделала всё, чтобы в число её Советников входили люди, решительно не способные объединиться друг с другом. Но поскольку часть Советников погибла во время восстания, часть сбежала в неизвестном направлении, а ещё часть поспешила оставить свои должности, Миракл назначил новых –

сразу, как Герберт во всеуслышание отрёкся от прав на престол в его пользу. Хотя отречение было недолгим, и, как мельком обмолвилась Мирана Тибель, не всем сторонникам нового короля пришлось по нраву, что в качестве своего преемника он выбрал прежнего наследника. Наследника Айрес.

Другие кандидатуры Мирк даже не рассматривал.

Впрочем, сторонники быстро примирились с мыслью, что это вынужденная мера – до тех пор, пока Миракл тирин Тибель не обзаведётся собственными детьми. А если учесть, что по керфианским законам монарх мог в любой момент изменить решение о наследовании, выбор Герберта выглядел вполне разумным компромиссом между необходимым и привычным...

– Всё будет хорошо, – пообещал Миракл, когда струны зазвенели в торжественном напряжении, ведя музыку к завершению.

– Иначе, чем хорошо, оно быть не может, – заметила Ева иронично. – Если мы все хотим быть и дальше.

Танец тоже был сказочным: они с Мирком скользили среди блестящей мраморной пустоты, организованной придворными, на время «королевского тильбейта» отступившими к стенам. Старая традиция всех балов, где присутствовал Его Величество – дарить монаршей семье один танец, который они могли исполнить со своими избранниками, не стеснённые близостью подданных. Во времена правления Айрес привилегией не пользовались: наследник престола танцевать не любил, а королева никого не выделяла настолько, чтобы открыто признать фаворитом. И когда дирижёр объявлял королевский тильбейт, Её Величество милостивым жестом предлагала расступившимся придворным вернуться в центр зала – получить удовольствие за неё.

Сегодня королевский тильбейт танцевали впервые за много лет.

Сегодня керфианцы впервые за много лет за ним наблюдали.

Кончики пальцев соприкоснулись для завершающей фигуры. Сближение, кружение, взгляд глаза в глаза, – и с финальной трелью последних тактов Ева отступила на три шага для реверанса.

Аплодисменты были бурными. Ева полагала, что больше льстивыми, чем искренними, хотя как знать... Они приложили все усилия, чтобы увиденное пришлось двору по душе. Королевская мантия струилась по плечам Миракла бархатной волной – не кровью,

как наряды Айрес, а алым маревом заката; зубцы короны сияли на тёмных волосах жёлтыми звёздами. Еву окутывало мягкое мерцание парчовой белизны. Платье выбрали простого строгого фасона: без намёка на вырез, с пышной юбкой, сдержанно отделанной золотом и янтарными кристаллами. Длинные рукава незаметно переходили в атласные перчатки, горло закрывал кружевной воротник.

Платье было прекрасным. Не слишком модным, но, как заметила Мирана Тибель, Ева теперь будет диктовать собственную моду – и лучше, если она пойдёт вразрез с той, что задавала Айрес. Ещё платье было практичным: за атласом и плотной парчой никто не заметит, как холодна скрываемая ими кожа. В нём Ева могла не бояться случайных прикосновений.

Ещё платье выбирала Мирана Тибель, и эта женщина являла собой чуть ли не единственную причину жалеть, что из двух братьев Ева предпочла некоронованного. Свекровь ей досталась бы мировая. И не потому, что после Айрес любая свекровь покажется ангелом во плоти.

Аплодисменты стихли, когда сиятельная публика поняла, что они с Мирком не собираются уходить, выжидая чего-то в центре зала. Это вызвало у Евы фантом знакомого ощущения под ложечкой – оно всегда терзало её на сцене в короткую паузу между приветственными овациями и первыми звуками виолончели. Волнение уходило, стоило смычку коснуться струн, но не раньше.

Овации перед этим представлением были куда бурнее тех, которыми Еву встречали обычно. Это самую капельку сбивало с толку.

– Лиоретта, – произнёс Миракл в воцарившейся тишине, – перед лицом богов и людей я спрашиваю: разделите ли вы со мной тяготы трона и бремя короны?

Придворные ахнули. Оставалось лишь гадать, насколько наигранно. Этого следовало ожидать: любому было ясно, что ещё должен сделать Миракл тирин Тибель, чтобы развеять последние сомнения в законности своей коронации.

Формулировка керфианского предложения руки и сердца Еве казалась забавной. Особенно королевского. Здешние короли могли жениться по любви, но вот объясняться в этой любви им приходилось донельзя формально. Нет, сперва у девушки (почти всегда) спрашивали согласия наедине, и там вполне можно было обойтись без церемонных

фраз, – но потом ритуал требовалось повторить на публике, чтобы тут же совершить обручение.

Здесь невольно задумаешься, прежде чем радостно выпалить «да». Хотя, может, это в какой-то степени честно: намекнуть девушке, что супружеская жизнь выслана не розами.

– Мой король, – сказала Ева, приложив максимум усилий, дабы звонкость ответа не вытеснила из голоса нежность, – я пойду с вами одной дорогой до тех пор, пока не оборвёт её Жнец.

Наверное, она могла и просто выпалить «да». Она ведь иномирянка, ей можно не знать положенного ответа. Вышло бы искренне, простодушно, даже трогательно. Но Еве не хотелось, чтобы уроки Эльена пропали даром.

Под аккомпанемент возобновившихся оваций Мирана Тибель шагнула из первого ряда зрителей к королю, ждущему мать. Госпожа полковник – в бархате цвета гречишного мёда под тёплый оттенок её глаз, с топазовым венцом в коротких пшеничных кудрях, с характером и чертами острыми, как осока – внушала восхищённый трепет. Стук её каблучков по мрамору пел звоном спускаемой тетивы. Пять дней назад она сменила полковничий мундир на сюртук Советника по военным делам, но ради коронации сына облачилась во фрак. Еву сперва поразило, что такое – женщина в брюках и фраке – допустимо при королевском дворе, да ещё в «отсталом» для землян мире, но различия в гендерной политике давали о себе знать.

Приблизившись, лиора Тибель с торжественной медлительностью сняла с себя венец. Без единого слова протянула его Мирку. Ещё один важный ритуал в обручальной традиции керфианцев: этим соблюдалась преемственность поколений, а заодно подтверждалось, что семья жениха одобряет грядущий союз. Будь отец Миракла жив, он сам поднял бы диадему с волос жены, чтобы передать в руки сына.

Мнение родителей невесты, что характерно, никого не интересовало. Даже будь они здесь и будь они против, с момента обручения девушка имела полное право уйти из родного дома и жить под крышей жениха. В этом мире табу на близость до брака не существовало.

– Венцом, лежавшим на челе моей матери, – сказал Миракл, поднимая диадему над Евиной головой, – беру с тебя зарок стать моей.

Украшение деликатно скользнуло в волосы. Золотые дужки, прежде покоившиеся на живой тёплой коже, приятно согрели кожу Евы, неизменно прохладную. Она почти видела, как сверкают солнечные топазы в обрамлении старого золота; как уместно они дополняют высокую причёску, как хорошо смотрятся с молочно-золотым платьем.

Это было очень важно – какую драгоценность из своей коллекции мать жениха пожертвует для невестки. Это несло в себе послание, и в данном случае оно считывалось предельно ясно. Диадема, что увенчала лоб Евы, некогда украшала причёску матери Айрес; это был венец, в котором к алтарю шла сама Мирана.

И это был венец королевы.

...«венец обручальный на чело её король истинный возложит»...

Эта мысль одновременно всплыла в стольких головах, что почти прозвучала вслух. И от осознания, что её роль в этом представлении подходит к концу, Еве сделалось немного жутко.

Оставалось последнее.

Когда ладони Миракла легли ей на плечи, Еве очень хотелось просто закрыть глаза, смирившись с неизбежным. Но трепетные влюблённые девы так себя не ведут. Сказки не заканчиваются тем, что прекрасный принц целует принцессу, пока та стоит безответной статуей; поэтому Ева улыбнулась и подалась навстречу, обвивая руками шею венценосного жениха.

Поцелуй был долгим, но целомудренным. Просто прикосновение одних сжатых губ к другим. Едва ли кого-то могла смутить подобная сдержанность. Самые подозрительные придворные сплетники должны были понять причины: влюблённые не хотят выставлять свои чувства напоказ. Особенно лиоретта, такая юная, такая милая в своей скромности.

О главной причине – с зимними глазами и бледным солнцем в волосах, смотрящей на них из передних рядов гостей – Еве думать не хотелось.

Зал взревел, тепло на её губах исчезло, чужая ладонь соскользнула с плеча на локоть, чтобы подхватить её под руку, и это безумие наконец закончилось. Во всяком случае, самая постыдная его часть.

– Вы ни крошки не съели, лиоретта, – заметил добродушный лиэр Соммит, когда от танцев перешли к ужину, а Евина тарелка пережила

уже третью перемену блюд в девственной чистоте. – Я понимаю, это безумно волнительное событие для юной девушки... да и последствия заточения... но поверьте, кушать необходимо. При вашей-то фигурке! Будете голодать – ещё лишитесь чувств прямо у алтаря!

– Моя религия вынуждает меня поститься. – Ева скромно опустила глазки, изучая скатерть, расшитую шёлковыми цветами. – До наступления лета я ем лишь после захода солнца и лишь когда никто не видит.

Лиэр Соммит (богатейший фабрикант страны, отец ближайшего сподвижника Миракла и непосредственный участник заговора), сам едва влезавший во фрак, озадаченно подкрутил усы:

– Ваша религия? Выходцы из вашего мира рассказывали о ваших верованиях, но я не припомню, чтобы в каком-либо из них присутствовали столь суровые ограничения. Разве что...

– Я последовательница пастафарианства, – строго и серьёзно проговорила Ева, давно продумавшая ответ на подобные вопросы. – Очень молодая религия. Мои предшественники вполне могли о ней не знать, потому что на тот момент она не существовала.

В деликатные особенности её состояния не были посвящены даже близкие сторонники нового короля. Никто, кроме Герберта, Миракла, его матери – и ещё одной персоны, которую беседа искренне забавляла. Во всяком случае, Ева поймала на себе его пристальный взгляд, и в колючих сапфирах глаз Дауда Дэйлиона таяла насмешка.

Главу «коршунов» Еве представил сам Миракл. Теперь они сидели за одним длинным столом с королём, но по понятным причинам Ева не питала к лиэру Дэйлиону тёплых чувств: без его помощи ей с высокой долей вероятности не пришлось бы выбираться из застенков Кмитсвера.

С другой стороны, без него она бы с высокой долей вероятности так оттуда и не выбралась бы.

– Вот как, – уважительно закивал лиэр Соммит. Слегка нахмурился, отчего его лощёное лицо стало похоже на сморщенную картошку. – Надеюсь, у вас с Его Величеством не возникает... недопониманий на религиозной почве?

– У меня нет никаких сомнений в существовании Жнеца, Садовника и других великих богов вашего мира, – незамедлительно откликнулась Ева. – Я питаю искреннее уважение к вашему верованию.

Думаю, ближе к свадьбе я и сама приму его. Но не так просто сразу отвлечься от своего бога... – Она подняла глаза, одарив собеседника проникновенным и уместно печальным взглядом. – Вы понимаете, полагаю.

Лиэр Соммит растроганно заверил, что понимает. Да и вообще, религия – последнее, из-за чего двум влюблённым сердцам стоит ссориться.

Заметив умилённые перешептывания тех, до кого донеслись обрывки их разговора, тонкую ухмылку лиэра Дэйлиона и одобрительный взгляд Мираны Тибель, Ева подумала, что быть королевской невестой у неё определённо получается лучше, чем спасительницей всея Керфи. С другой стороны, в данном случае эти понятия были примерно тождественны.

Да хранит её Макаронный Монстр.

Ева на миг представила себя с дуршлагом на голове. Осознала, что улыбается – искренне, от детской, дурашливой мысли, которую она не позволяла себе так давно. С тех пор как она очнулась в подвале Кмитсверской тюрьмы, она почти успела забыть, каково это – дурачиться и улыбаться, и не потому, что так требует роль. На миг возникла шальная мысль достать телефон и включить что-нибудь вроде Gangnam style, но мобильник давно у гнома, и даже будь сейчас гаджет спрятан у неё за подвязкой, Ева никогда бы так не поступила.

Потому-то сейчас она и сидит там, где сидит.

Воспоминания о последней встрече с гномом всплыли по ассоциативной цепочке – и Ева перестала улыбаться.

– Подожди здесь, – попросила она Герберта, когда они подошли к разрушенному храму. Поправила сумку на плече: ту самую, с которой очень давно сбегала из замка Рейолей. – Хочу поговорить с ним одна.

Некромант без возражений замер; лесной полумрак и снег, запорошивший хвойную россыпь, отражались в его глазах бликами на тёмной синеве. Прислонившись плечом к холодному камню, посмотрел на ножны с рапирой – он сам не видел их, но знал, что именно Ева держит в опущенной руке.

– Ты уверена в этом?

Ножны Еве принесли на другой день после восстания. Она не спросила откуда: думать, что Герберту пришлось идти за ними в

особняк Кейлуса, не хотелось. Вместо этого она вернула клинок в его законное вместилище – и сказала некроманту, что теперь хочет с ним сделать.

– Мы получили меч обманом. Меч мне больше не нужен. Пусть хоть сейчас всё будет честно. – Евины пальцы с сожалением сжались на тёплой коже. Она успела привязаться к Люче, несмотря ни на что. – Ей лучше вернуться к создателю.

Герберт только плечами едва заметно пожал.

В последние дни он на удивление мало с ней спорил. Ева надеялась, это потому, что в последние дни им немножко не до того, а не по другим многочисленным причинам, просившимся на ум.

– Я буду здесь, – коротко сказал он.

До каменного круга Ева дошла быстро, стараясь не смотреть по сторонам. Скелеты из-под снега вроде не выглядывали – наверное, останки «коришунов» забрали коллеги, чтобы достойно похоронить. Но проверять, действительно ли их там нет, Еве не хотелось.

– Навекает воспоминания, да?

Мечтательный голосок Мэта заставил Еву застонать:

– А я-то надеялась, ты самоликвидировался...

С того дня на озере демон не докучал ей ни разу. Звать его Ева не пробовала, но лелеяла мысль, что их связь каким-то образом разорвалась.

Напрасно.

– Я демон немножко иной породы. – К её удивлению, Мэт узнал отсылку. Хотя, учитывая, в чьей голове он сидел... – Нет, просто не хочу лишний раз портить тебе жизнь.

– Да ну?

– Ладно, не жизнь. – Демон благодушно вздохнул. – Это вышла занятная заварушка, но... В общем, с моей стороны будет разумным дать тебе немножко отдохнуть.

– Ты и разумность? Вы, оказывается, знакомы? – Ева шагнула в круг разноцветных камней, чуть поблекших под блестящей присыпкой инея. – Вынуждена тебя разочаровать: никакого «следующего» я не планирую, по крайней мере в ближайший век.

– Жаль, жаль. – Особого сожаления, впрочем, Ева не услышала. – А мне вот чутьё подсказывает, что грядёт веселье похлеще минувшего.

– Например?

Демон промолчал.

Чертыхнувшись про себя, Ева закрыла глаза, нащупывая невидимую дверь. На этот раз костяшки ударили по камню почти сразу: наверное, потому что Ева уже точно знала: дверь тут есть. Отстранившись от проявившейся в воздухе арки, она терпеливо дождалась, пока резные створки откроются, выпуская в мир старого знакомого.

...хуже всего, что она думала о том же. Пусть Мирк на днях будет коронован, пусть Айрес Тибель (уже не тириин) содержится под неусыпным надзором стражи в одном из загородных помещений королевской семьи, пусть на руках её магические блокираторы, – Ева не верила, что всё закончилось. И не могла понять, откуда нужно ждать подвоха, отчего плохие предчувствия лишь больше отдавали паранойей.

– А, это ты, – голос гнома прозвучал скучающе, но мишистые глаза под рыжими кудрями недобро блеснули. – Если пришла просить, чтобы я снял чары с ножен, учти: за прошлый обман цену назначу двойную.

– Приветствую. – Ева на вытянутых руках протянула собеседнику рапиру. – Я пришла извиниться. И вернуть её.

В том, как гном смерил взглядом своё творение, явственно читалось презрение, и вовсе не к Люче.

– Стало быть, она тебе больше не нужна? – сухой яд в голосе не помешал маленьким пальцам незамедлительно вырвать оружие из Евиных ладоней. – Попользовалась, теперь и выбросить можно?

– Не выбросить. – Ева смотрела на зачехленный клинок с искренней грустью. – Я... испортила её. Она больше не приходит на мой зов. Не делает всё за меня. – Хоть в чём-то Мэт не обманул: драконье пламя и правда восстановило чары лишь частично. – Но я возвращаю её не поэтому. Просто... она ведь живая, верно? И мы с ней сделали всё, что от нас требовалось. Теперь она будет лежать без дела. Скучать. Я ведь даже из ножен её больше вынуть не могу. – Ева примирительно развела руками. – Вот и подумала, что ей лучше вернуться к вам, чтобы вы смогли её... вылечить.

Сказать «починить» в применении к Люче у неё язык не поворачивался. Даже не потому, что гному такое отношение к его

детищу наверняка понравится больше – просто Ева и правда воспринимала рапиру живой.

– И... это вам, – прибавила она, доставая из сумки то, с чем прощаться ей было ещё грустнее. – Честная плата за вашу работу. Извините, что пыталась обмануть.

Гном уставился на предлагаемый ему планшет.

Выражение искреннего недоумения на его лице частично компенсировало Еве горечь грядущей утраты.

– Сначала жаль было честно расплатиться одной своей игрушкой, а теперь без нужды жертвуешь другую?

Ева кивнула.

Это решение далось ей даже тяжелее, чем расстаться с клинком, подарившим Мираклу корону. Но за последний месяц она стала немножко по-другому смотреть на многие вещи – и то, что при первой встрече с гномом казалось невыносимым лишением, сейчас выглядело простой справедливостью. Фото (Ева отфотокала напоследок всё – от Герберта и замка Рейолей до королевского дворца) всё равно лежат на карте памяти и док-станции. Как и музыка. И записи Динкиных концертов.

Если у них с Гербертом однажды снова появится время для совместного досуга, они найдут, чем заняться, кроме просмотра аниме.

– Игрушки – это просто игрушки. Есть вещи поважнее. – Ева настойчиво дёрнула планшетом, предлагая гному взять подношение. – Люче очень нам помогла. Чтобы мы сделали всё как надо. И вы нам помогли.

Гном искривил глазами изучил её лицо. Качнулся с носков на пятки и обратно, утопив мыски сапог в снежной пороше.

Снова посмотрев на рапиру, нехотя кивнул – точно отвечая на неслышимые Еве слова, – и резко отвернулся.

– Жди здесь, – бросил он, скрываясь за дверью в Потусторонье.

Прижав планшет к груди, какое-то время растерянная Ева послушно топталась на месте, размышляя, что всё это значит.

– Да ничего особенного. Он просто пошёл посоветоваться с сородичами, какую из тысячи мучительных кар для злостных обманщиков лучше выбрать.

– Ты всё об одном, – отмахнулась Ева; демон уже даже не раздражал. Краем глаза увидела Герберта: тот выглядывал из-за храмовой стены, встревоженный её долгим отсутствием. Помахала ему рукой, давая знать, что всё в порядке.

Наверное, гном просто решил принести сломанный мобильник. Для обмена на работающий планшет. Действительно, зачем ему бесполезный кусок пластика, металла и микросхем... Но когда представитель маленького народа вернулся, вместо телефона он нёс всё те же ножны, из которых выглядывала знакомая светлая рукоять.

– Дарю, – вручая Еве клинок, коротко молвил гном. – Чары восстановлены. Ограничений на ножнах больше нет. Используй с умом.

Ева послушно взяла подарок, от замешательства не сразу сообразив, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Воззрилась на рапиру: тёплая кожа, словно впитавшая солнце потустороннего мира, грела пальцы правой руки – левая всё ещё некрепко сжимала планшет.

Перевела ошалелый взгляд на дарителя:

– За что?..

– Скажем так, обманом меня уже не удивить, а вот чистосердечием – возможно. – Гном небрежно сунул руки в карманы камзола, точно отогревая их от зимней стужи. – Она ковалась для тебя. Вдали от хозяйки она заскучает больше, чем лёжа без дела рядом с ней.

Растроганная Ева даже не нашла слов. Просто смотрела на клинок, пока её не застал врасплох звук щёлкающего затвора.

– Портрет на память, – снисходительно пояснил гном, опустив до боли знакомый мобильник. Полюбовался картинкой на сенсорном экране; с будничностью того, кто имеет дело с подобной техникой всю свою жизнь, заблокировал смартфон и сунул в карман. – Вы с ней хорошо смотрите.

Ева удержалась от желания попросить у него гаджет на пару дней. Исключительно для изучения магических методов починки: едва ли в мире гномов располагался аналог Савеловского рынка, где торговали сменными аккумуляторами.

– Так вы, – лишь робко уточнила она, – смогли его...

– Мы недаром считаемся лучшими мастерами всех миров. – Гном отступил к двери. – Удачи.

Миг, который он отворачивался к каменной арке, для Евы растянулся тянучкой мучительных колебаний.

– Неужели просто за то, что я проявила честность?

Вопрос полетел в бархатную спину обитателя Потусторонья, вынудив того замереть в шаге от бледнеющего прохода.

– Она и правда живая. Я не вправе её неволить. – Гном не смотрел на неё, но в словах Еве почудилось сочувствие. – Она привязалась к тебе. Она заинтересована в твоей безопасности. И она тебе ещё пригодится.

Дверь истаяла в пустоте, стоило гному исчезнуть в мареве за порогом. Оставив Еву наедине с зимним лесом, белёсым полумраком тихими шагами, хрустевшими по снегу в тишине.

– Странная щедрость, – прокомментировал Герберт, подойдя к ней.

– Ты всё слышал?

– Почти.

– И что думаешь?

Некромант посмотрел на следы, оставленные гномом на льдистой белизне.

– Думаю, что жизнь долгая, и волшебный клинок любому человеку в ней может ещё как пригодиться. – Приобняв её за плечи, Герберт повёл Еву назад, к ручью в низине и телепорту в столицу. – Не бери в голову.

Ева кивнула. Не хотела портить редкий вечер, что они могли провести вместе, страхами и домыслами. Но она достаточно хорошо знала Гербеуэрта тир Рейоля, чтобы понять: он-то в голову взял всё. Ещё как.

...«она тебе пригодится»...

Недавние слова Мэта, вторящие этому предсказанию, зловещим эхом прозвучали в ушах – и Еву пробрал холод, никак не связанный с морозом.

– ...лиоретта?

Вернувшись мыслями из заснеженного леса в дворцовый зал, убранный цветами и шёлком, Ева сфокусировалась на том, кто сейчас к ней обращался.

– Раз я тут не единственный, кто не заинтересован в десерте, – невозмутимо проговорил Дауд Дэйлион, – хотел пригласить вас подышать свежим воздухом. Духота здесь жуткая.

Она посмотрела на Миракла, сидящего во главе стола – Ева устроилась по его левую руку. Очень хотела посмотреть на Герберта, сидящего по правую, но вовремя вспомнила, что разрешения ей положено спрашивать не у него.

Дождавшись от свежеиспечённого короля лаконичного кивка, приняла руку в чёрной перчатке, что убийца учтиво ей протянул, и прошествовала к выходу.

– Удивлён, что вы согласились, – хмыкнул лиэр Дэйлион, когда они миновали лакеев и дежурных гвардейцев, и Евина юбка зашелестела по розовому мрамору галереи, ведущей к зимнему саду.

– Мы удалились слишком открыто, чтобы это могло вызвать кривотолки, – пояснила Ева, пряча неприязнь за очаровательнейшей из улыбок. – К тому же я не отказалась бы прояснить некоторые моменты.

– К вашим услугам.

– Нет, ваши услуги мне точно не потребуются.

Он лишь посмеялся. Коротко, грубовато – его голос, щекочущий нервы вкрадчивой хрипотцой, всегда звучал грубовато, – но добродушно.

Удивительно добродушно для убийцы.

Оттягивая минуту откровения, Ева смотрела на оконные витражи, расцветивавшие кремовую стену. В цветном стекле запечатлели картины из жизни великого основателя династии Тибелей, но темнокудрый юноша на витражах, остро напоминавший Мирка, никак не ассоциировался у Евы с тем самым великим Берндеттом, сумевшим призвать саму Смерть. Вернее, самого.

– Совсем мальчишка здесь, – безошибочно угадав её мысли, с отеческой снисходительностью заметил Дэйлион. Скучающим взглядом скользнул по стеклянному рисунку, где крылатого Берндетта осеняло белое сияние, которое Ева узнала даже на витраже. – По магическим меркам в тот день он только из пелёнок вылез. Говорят, на свои тридцать и то не выглядел. А уж если тир Гербеуэрту удастся повернуть своё дельце... В двадцать три для старичков из Ковена ты вообще младенец, пускающий пузыри.

Евины шаги сбились с размеренного ритма, что отбивали по мрамору её невысокие каблучки.

– Какое дельце? – как можно небрежнее спросила она.

– Бросьте, лиоретта. Уж вы-то знаете получше меня. – Убийца не смотрел на неё, но голос его заставил Еву ощутить себя ребёнком, который категорически отрицает свою причастность к пропаже конфет, неловко пряча за спину измазанные шоколадом руки. – Слух в высших кругах гуляет уже с месяц.

Может просто блефовать. Прощупывать почву, подумала Ева, притормаживая напротив очередного витража. Насколько она поняла, подготовка к ритуалу проходила в обстановке строжайшей секретности. Ни Герберт, ни Айрес не собирались афишировать грядущий подвиг – мало ли что могло пойти не так.

– Уэрт не из тех, кто болтает о своих планах, – туманно откликнулась она, не раскрывая карты раньше времени.

– Зато его наставница вполне может. Особенно если это в её интересах.

– Зачем бы это Айрес?

Глядя в окно, по которому разливалось белое сияние хрустальных люстр, Дэйлион заложил руки за спину: Ева свою ладонь отняла уже давно.

– Свернуть назад, пока никто не знает, что ты вообще собирался шагать по этой дорожке, – одно. Свернуть назад, признав перед всеми собственную трусость, – другое. Особенно когда помимо такого таланта боги отвесили тебе такого гонору. – Слова звучали абсолютно равнодушно, без намёка на оскорбление. – Учитывая, что призыв Жнеца был едва ли не последним способом удержать на голове лиоры Тибель падающую корону...

Сучка, без всяких угрызений совести выругалась Ева про себя. Играть на слабостях, прекрасно тебе известных, отрезать все пути отступления, заставлять родного племянника рисковать жизнью, чтобы ты могла усидеть на троне... Любящая тётушка, ничего не скажешь.

Учитывая события последних недель, они с Гербертом давно не поднимали тему ритуала. Ева даже подзабыла о нём, если честно.

А может, просто надеялась, что это Герберт о нём подзабыл.

– Тогда логичнее было бы объявить это во всеуслышание, разве нет?

– Вряд ли наследнику это понравилось бы. Вот украдкой пустить слух, который вполне могла пустить и не она, – другое дело. – Лицо, рубленый профиль которого даже Еве внушал нечто вроде суеверного уважения, чуть повернулось в её сторону. – О ритуале знал кое-кто ещё, кроме королевы и её племянников... Правда, он не особо любил болтать с придворными сплетниками.

Понять, о ком речь, было нетрудно.

...забавно. Кажется, Кейлус говорил, что в бреду Ева приглашала его на танец, и о том, что он не преминет воспользоваться этим на ближайшем балу; и вот он, бал, и будь Кейлус здесь, он наверняка наблюдал бы за их спектаклем из первого ряда с усмешкой, за которой лишь Ева считала бы истинный смысл...

Думать о Кейлусе Еве хотелось ещё меньше, чем о самоубийственной затее Герберта, так что она старательно уставилась на витраж напротив.

– Не припомню в житии Берндетта такого эпизода, – сказала она. На картине, сложенной холодными стекляшками, коленопреклонённый двойник Миракла – в белом, как везде – держал на руках юношу в чёрном.

Судя по общему сходству витража со скорбящей Мадонной Микеланджело и крови, пятнающей мантию основателя династии и одежду незнакомца, объятия были отнюдь не любовными.

– Странно, юные особы его обожают... Ай, да, вы ж в нашей стране чужая. С вашей дрессировкой и забыть немудрено. – Укол Ева решила простить: хотя бы за то, что Дэйлион великодушно повёлся на её неловкий перевод темы. – Это Гансер. Ближайший сподвижник и лучший друг старины Берндетта. Университеты тогда ещё не построили, так что они учились у одного учителя. По старинке.

– Он умер?

– В точку.

– Почему?

– Берндетт убил его.

Ева потрясённо воззрилась на линии, складывавшие печальное лицо Берндетта Тибеля, и облако золотых осколков, обрамлявших лик мёртвого юноши.

Об этом Эльен ей и правда не рассказывал. В Евину «школьную программу» краткая биография Берндетта, конечно, входила, но

призрак считал, что период после ритуала куда важнее того, что ему предшествовало.

До этого момента Ева была с ним солидарна.

– Они вроде как вместе работали над ритуалом, – продолжил Дэйлион. – Тем самым. Выводили правильную формулу, подбирали руны, чем там ещё маги занимаются... И они были не одни, им аж семь приятелей помогали. Все в процессе умерли. Или спятили. Сами понимаете, работёнка была почти непосильная, выматывала тело и разум. Вот и Гансер в один прекрасный момент сошёл с ума и набросился на Берндетта, а тот совершенно случайно заколол своего дружка ритуальным кинжалом. – Убийца достал из кармана портсигар. – Ужасно грустная история.

Скепсисом, звучащим в этом заключении, можно было отравиться.

Как ни странно, Ева его разделяла.

– Берндетт ведь был магом, – сказала Ева, пока её собеседник зажигал «вечную спичку», бесцеремонно чиркнув ею по гранитному подоконнику под витражом. – Неужели он не мог нейтрализовать этого Гансера какими-то чарами? Вместо того, чтобы тыкать в него ножом?

Подпаливая сигару, Дэйлион усмехнулся:

– Моя дочурка, когда слышала эту историю, подобными вопросами не задавалась, а сразу захлюпала носом.

– Я читала слишком много детективов, чтобы просто хлюпать носом.

То ли в этом мире тоже писали детективы, то ли магический переводчик нашел слову достойный аналог, но улыбка, скользнувшая по лицу убийцы, была почти довольной.

– Если вас интересует моё мнение на этот счёт, то давайте представим... чисто теоретически... что есть некий талантливый и честолюбивый юнец. Он планирует открыть великий ритуал, а потом с его помощью стать королём. Сыграть на том, что он единственный из людей, кого удостоили чести служить божественным сосудом. И есть у этого юнца друг и соратник, потому что ритуал слишком сложен, чтобы сдюжить в одиночку. Друг такой же талантливый, но далеко не такой честолюбивый. – Дэйлион небрежно повёл рукой, обводя лицо Берндетта дымным контуром. – В конце концов наши приятели выводят нужную формулу. Поскольку пробовать её в деле смертельно опасно, а

мёртвый на трон не сядет, то пробы честолубивый юнец великодушно доверяет своему другу. А когда всё проходит успешно, получается, что в планы будущего короля Керфи совершенно не вписывается ещё один человек, побывавший вместилищем бога... Да к тому же, первым в истории.

– А может, вы просто судите всех по себе. Не все, знаете ли, используют друзей в качестве подопытных кроликов.

Возразила Ева скорее из неприязни к собеседнику, чем из чего-либо ещё. Она свела слишком близкое знакомство с Тибелями, чтобы не понимать: если яблочко действительно недалеко падает от яблони, то прародитель семейства едва ли мог быть белокрылым ангелом. Будь она уроженкой Керфи, данная мысль наверняка показалась бы ей кощунственной: в конце концов, подобная теория пятнала светлый образ освободителя страны с ног до головы.

Но Еву куда больше волновала судьба потомков Берндетта, чем сомнительность его присыпанной пылью веков персоны.

– И мы возвращаемся к тому, зачем я выдернул вас на эту маленькую прогулку. Что-то мне подсказывает, лиоретта, что вы меня не жалуете.

– С чего бы это. – Ева оглянулась, убеждаясь, что гвардейцы стоят слишком далеко, чтобы их услышать, и всё равно понизила голос почти до шёпота: – Вы пытались убить Уэрта. Вы похитили меня. И вы неприлично много знаете.

– А вы, естественно, опасаетесь, что я использую эти знания против вас.

– Мне трудно навредить больше, чем уже навредили.

– Чего не скажешь про ваших друзей?

Ева выразительно промолчала, и Дэйлион вздохнул даже как-то разочарованно.

– Думал, вы окажетесь смышлёнее. – Её снова подхватили под руку; докуривая на ходу, неуклонно повлекли в сторону зимнего сада. – Вы правда полагаете, ваш жених позволил бы мне гулять по этому дворцу, не будь у него рычагов давления?

Еве хотелось сказать, что рычаги давления – это про Айрес. Затем она вспомнила, что за улыбчивостью Мирка скрывался всё-таки Тибель – и король.

Он не так глуп, чтобы оставлять рядом с собой возможную угрозу. И не так безобиден.

– Тогда вам стоит получше контролировать свой тон, особенно когда речь заходит о моём женихе.

– О, уж простите пожилому человеку маленькую слабость. – Особого раскаяния в этом извинении Ева не заметила. – Я знаю, когда меня могут услышать посторонние. Получше некоторых.

Ответить Ева не успела: галерея привела их в зимний сад, а препираться при других гостях точно было небезопасно.

Сад раскинулся за двустворчатыми дверьми, на которых вырезали дуб почти в натуральную высоту, и под магическим куполом с регулицией осадков и температуры. Прозрачный мерцающий барьер, выглядящий куда эффектнее любой стеклянной крыши, слегка присыпало снегом, но это не мешало колючим зимним звёздам наблюдать за теми, кто прогуливался по мраморным тропинкам при ярком свете парковых фонарей. Серебряные кроны странных деревьев с белыми стволами мерцали на фоне чёрных небес; листья в форме звёзд падали на сиреневый папоротник и клумбы, пестрящие рыжими тюльпанами. Ева уже наведывалась сюда с Мираклом, который рассказал, что это любимые деревья риджийских дроу – семена для этого сада подарили ещё Берндетту, когда керфианцы подписали с дроу какой-то старый договор. Миракл даже сказал, какой, но Ева успела забыть.

Что ж, всё лучше банальных пальм.

– Зачем мы здесь?

Вместо ответа убийца стряхнул сигарный пепел на садовую дорожку и, махнув кому-то рукой, негромко окликнул:

– Али!

Обернулись сразу несколько сиятельных персон, беседовавших среди деревьев или ворковавших в каменных ротондах, увитых синим плющом. Но обращение было адресовано девушке, которая любовалась на рыбок в круглом пруду чуть впереди.

Быстро подобрав длинную юбку, девушка направилась к ним, и по её пружинистой походке стало ясно: побежать ей не дают лишь правила приличия.

– Тоже решил прогуляться, па? – улыбка незнакомки сверкала белизной мелких зубок в обрамлении ненакрашенных губ. Потом

девушка обратила юное, очень симпатичное лицо к Еве – и тут же смущённо откинула за спину тёмный локон, выбившийся из причёски. – О... лиоретта.

Такую причёску (четыре сплетённые на затылке тонкие косички, удерживающие распущенные волосы) за сегодняшний вечер Ева видела не раз. А ранее видела в подвалах Кмитсвера – у Айрес. Логично, что придворные дамы следовали моде, заданной королевой, но Еве почему-то стало легче от мысли, что больше никто не будет брать пример с Айрес Тибель.

Ещё она видела такие же глаза, похожие на осколки сапфира – у того, на чью руку сейчас опиралась её рука. Только его глаза не светились такой невинностью.

– Знакомьтесь, лиоретта. Аларена, моя дочь, – сказал Дэйлион. – Слыхали б вы, как она поёт.

– Я польщена, лиоретта!

Судя по восторженному девичьему взгляду, то была не просто учтивая фигура речи. Конечно, теперь любой керфианец почтёт за честь быть представленным деве из пророчества Лоурэн, будущей королеве...

От осознания, сколь жестоко они обмануты, Еве порой хотелось истерично расхохотаться.

– Хотя, возможно, лиоретта дала бы твоим способностям более строгую оценку, – продолжил убийца. – Лiorетта у нас тоже музицирует.

– Почту за честь спеть для вас!

– Может, даже удосужится как-нибудь тебя послушать. Ей вроде тоже нравятся твои любимые пьески... Те, которые писал наш знакомый Тибель. Правда, лиоретта?

– Так жаль его, – подхватила Аларена печально. – Я лично не знала лиэра Тибеля, но музыка у него была чудесная. Папочка нас так и не познакомил, жаль, что теперь уже никогда...

Ева едва подавила желание зажмуриться: так прогнать неуместные воспоминания было бы проще. И очень старалась, чтобы диминуэндо её настроения не отразилось на её лице, – но, судя по тому, как Аларена осеклась, его всё равно заметили.

– Впрочем, не буду вас задерживать, – невпопад закончила девушка, отступая в сторону. – Вы ведь сюда не ради меня пришли.

– Если сейчас вернёшься за стол, ещё успеешь к мороженому, – ласково посоветовал Дэйлион.

Чмокнув убийцу в щеку, как чмокает всякого любимого отца всякая любящая дочь, Аларена прошуршала мимо них, подметая мрамор синим бархатом шлейфа.

Не угадала, девочка, подумала Ева, провожая её взглядом. Поймав себя на этой мысли, с усталым удивлением поняла: только что она смотрела на свою ровесницу, как на кого-то много младше.

Убийство – очень эффективный способ взросления.

– Я в жизни всякого повидал, лиоретта, – сказал Дэйлион, когда их уже никто не мог услышать. – На моей памяти пролилось слишком много крови, чтобы я позволил своей дочери увидеть хоть малую её толику. Она не должна жить в мире, который готовила для неё Айрес тирин Тибель. Не должна жить в мире, где её дорогой папа – убийца. – Он неторопливо повёл Еву к пруду, зеркалом черневшему в обрамлении гранитных берегов. – Можете не волноваться: у меня много своих секретов, в разглашении которых я совсем не заинтересован. Если ваш жених и правда тот, о ком пророчила Лоурэн, я последний, кого ему стоит бояться... и первый, кого стоит бояться его врагам.

– Потому что ваша дочь должна жить в мире, где на троне сидит мудрый истинный король? – почти без иронии предположила Ева, очень стараясь думать исключительно о том, что слышит и говорит сейчас.

– Миракл – многообещающий парнишка. Лишний раз на рожон не полезет, но своего не упустит. Арена, знаете ли, многое показывает.

Мимо прошёл рыжеволосый мужчина в зелёном мундире капитана городской стражи. Встретившись с Евой беглым взглядом, он уважительно склонил голову – и, застыв над водной гладью, по которой разбегались круги от золотых рыбьих хвостов, Ева попыталась вспомнить, где видела его лицо.

...отец Бианты, рыжей девчонки из застенков Кмитсвера. Точно. После коронации Миракл незамедлительно приставил к награде тех, кто помог ему короноваться, и этого человека в том числе. Капитан отказался стрелять в безоружных горожан, бастовавших против ареста любимейшего из Тибелей, а потом не просто помог этим горожанам строить баррикады, но и поднял своих людей на подмогу. Только вот не учёл, что его дочь в тот день решит прогулять школу, и папина весточка с приказом отправиться в безопасное место её не застанет. Или не смог

предположить, что люди королевы будут пытаться убить ребёнка – просто потому, что отец этого ребёнка, судя по его подрывной деятельности, мог участвовать в заговоре и проговориться при дочери о чём-нибудь важном.

Чёрт, сегодня всё в этом грёбаном дворце напоминает о том, что она предпочла бы не вспоминать никогда! Как бы вернуться к той жизни, где в категорию «забыть на веки вечные» попадало только лицо её мёртвого брата? Или хотя бы просто к жизни...

...нет, вот об этом тоже лучше не вспоминать.

– Спроси, – очень вовремя и очень вкрадчиво пропело в ушах. – Пока есть возможность.

Рука в белой перчатке почти произвольно выскользнула из-под руки в чёрной.

Сделав вид, что её крайне заинтересовали обитатели пруда, Ева присела на гранитный бортик:

– Что спросить? – едва шевеля губами, сквозь зубы уточнила она.

– Сама знаешь, – Мэт почти мурлыкал. – Кое-что поинтереснее трогательных баек старого волка, который очень хочет убедить тебя, что он вылез на свет в овечьей шкурке.

– От волка слышу.

– Простите? – вежливо переспросил Дэйлион.

– Нет, ничего. – Глядя, как рыбки неторопливо скользят в водном хрустале, Ева оперлась ладонью на полированный гранит. – Это я... сама с собой.

Она действительно знала. Вопрос, возникший ещё в витражной галерее, удивительно легко всплыл в памяти.

Наверное, потому, что об этом думать было не столь болезненно, сколь обо всём остальном.

– А всё-таки, – не оборачиваясь, проговорила Ева, – чисто теоретически... Если Берндетт хотел устранить конкурента, зачем было делать это кинжалом?

Краем глаза она видела, как Дэйлион подносит недокурную сигару к губам. Не дождавись ответа, повернула голову.

Лицо собеседника окутывала дымка, сглаживающая прорези морщин вокруг рта, и на этом лице она прочла поощрение.

– Маги располагают другими способами убийства. Куда менее заметными, – продолжила Ева, подстёгнутая выражением его глаз. – Не

будь на теле Гансера ран, можно было бы сказать, что он умер, пытаюсь призвать Жнеца. Подтвердило бы могущество и исключительность Берндетта, раз уж призыв удался.

– Берндетт утверждал, что когда Жнец нисходит в своего Избранника, то дарует ему неуязвимость. Лишь на время ритуала, но тем не менее. – Кончик сигары, которую Дэйлион насмешливо жевал уголком рта, выписывал в воздухе серые вензеля. – Бога, сами понимаете, убить не так просто. Ни магией, ни сталью его не взять. Даже в человеческом воплощении.

– Вам виднее.

– Однако если б я... чисто теоретически, само собой... вдруг решился напасть на Избранника в момент ритуала...

– Вы и об этом задумывались?

– Любопытная была бы задача, только и всего. Не каждый имеет возможность прикончить бога. К счастью тир Гербеуэрта, я прагматик, а не фанатик. – Склонившись над прудом, убийца ввинтил сигару в бортик, расцветивая тёмный гранит пепельным пятном. – Так вот вздумай я напасть на Избранника в момент ритуала, я бы сделал ставку на магическое оружие. Не на Дар – на заговоренную сталь. Не из нашего мира.

– А у Берндетта...

– Кинжал ему ковали гномы. Теперь он хранится в храме Жнеца, что воздвигли рядом с местом, где Берндетт совершил призыв. Великая реликвия, как-никак.

Ева вспомнила о Люче, ждущей чего-то в её постели. Ощутила тот же холод, что изморозью сковал душу после свидания с гномом.

...нет, они определённо слишком долго не говорили с Гербертом о ритуале. И о многом другом.

Хорошо, что ещё не поздно.

Глава 18

Lamentoso [\[24\]](#)

– Держалась молодцом, – сказала Мирана Тибель, когда в конце бесконечно долгого вечера они с Евой наконец остались вдвоём.

В гостиной дома, где мать Миракла провела своё девичество и куда вернулась после смерти мужа, было тихо и тепло. Комната поразительно напоминала свою хозяйку – в светлых тонах, строгая, но приветливая. Аскетизм обстановки разбавляли уютные мелочи вроде

сухих цветов в пёстрой вазе и плетёного коврика у камина, на котором сейчас мирно сопел маленький дракончик.

– Спасибо, – серьёзно поблагодарила Ева.

– Я думала, будет хуже.

Ева не обиделась на небрежную усталость в голосе. За время, проведённое в этом доме, она уже успела понять: редкая скупая похвала Мираны Тибель стоит тысячи комплиментов придворных льстецов. К тому же, в отличие от них, Мирана Тибель знала всю подноготную «невестки».

Поводов проникаться к Еве пламенным восхищением или горячей любовью у неё не было.

– Я старалась, – сказала Ева с той же серьёзностью.

Дракончик зевнул. Положив морду на лапы, лениво приоткрыл глаза, косясь на двух женщин, сидящих в креслах чуть поодаль от него; под травянистыми веками блеснуло абрикосовое золото солнечных радужек.

– Хотела бы я, чтобы всё это скорее кончилось. – Мирана взяла с высокого столика чашку с фейром. Тени под её глазами – сейчас, когда госпожа полковник смыла косметику, их было отчётливо видно – почти спорили оттенком с сизым вечером за индевеющим окном. – Но не могу отделаться от мысли, что ничего не кончится, пока Айрес дышит.

Нагнувшись, Ева погладила дракончика по тёплому кожистому загривку. Он лишь вчера перестал прятаться под диванами и избегать их общества: до того охотно ластился только к Мираклу, из-за чего Ева регулярно шутила про молодого отца-одиночку.

– Вы ведь тоже не верите, что она могла сдать так просто?

– Конечно нет. Сам факт её отказа от отречения это подтверждает. – Мирана сдержанно пригубила фейр. – Но змея, которой вырвали зубы, кусаться не может.

– Не вырвали, – напомнила Ева негромко. – Скорее, забинтовали.

Если уж Мирану Тибель, отвечавшую за охрану свергнутой королевы, не успокаивал тот факт, что Айрес сидит в блокирующих браслетах под домашним арестом – значит, у Евиных нехороших предчувствий были вполне законные основания. А это странным образом обнадёживало.

Знание, откуда ждать угрозы, увеличивало шансы благополучно её избежать.

– Пока я жива, она не снимет эти наручники, – сказала Мирана. – И не перекинется словечком ни с кем, кто мог бы ей помочь... с чем бы то ни было.

– В нашем мире монархов, которые отказывались отречься, высылали из страны.

– Чтобы за границей, где некому их остановить, им удобнее было искать себе новых сторонников? – поверх чашки Мирана следила, как Евины пальцы почёсывают млеющего дракончика под подбородком. – Здесь я хотя бы могу обеспечить, чтобы она и на милую не приблизилась к трону.

Ева всерьёз поразмыслила, стоит ли говорить то, что ей хотелось сказать. В итоге сочла, что Мирана Тибель не из тех, кто морщится от присыпанных солью ран: скорее уж из тех, кто немедля заковывает раны в сталь, дабы никто и никогда не смог её задеть.

– Мне жаль, что так вышло. С вашим мужем.

Бледные губы над фарфоровой кромкой едва заметно усмехнулись.

– На первых порах я часто представляла, что сделаю с Айрес, когда Мирк займёт её место. Яд выглядел разумным решением, но я всегда его презирала. В изобретениях проклятий, происхождение которых не раскроет Охрана, я не слишком сильна. Убить в открытую... Дуэль меня устраивала, но пятнать репутацию сына было бы последней глупостью. К тому же я не была уверена в победе, а оставить Мирка одного никак не могла. – Держа чашку одной рукой, Мирана отстранённо подпёрла голову другой. – Обратиться к Дауду тоже было бы подло, но я рассматривала это как вариант. Уже тогда полагала, что за бывшую королеву цена выйдет меньше, чем за правящую.

– А это действительно так? – отметив это фамильярное «Дауд», спросила Ева.

– Действительно. Я уточнила. Ради интереса. – Не поднимая головы, госпожа полковник сделала ещё один сдержанный глоток. – Правда, теперь он не возьмётся за это даже по такому знакомству, как наше. Слишком просто.

– Но Айрес охраняете вы, как-никак. Не думаю, что вашу систему защиты преодолеть так уж просто.

– Когда охранник и заказчик – одно лицо, шанс того, что система защиты совершенно случайно окажется ослаблена, разочаровывающе

велик. Но Дауд пообещал, что не будет отказываться, если контракт предложит кто-то ещё. Тем интереснее.

Ева слабо улыбнулась: улыбаться широко от мыслей о чьём-то убийстве она не могла, даже если речь шла об убийстве Айрес.

– Если её убьют, Гербер... Уэрту это не понравится. Наверное.

Мирана пожала плечами. Без лишних пояснений. Возможно, тоже не знала, одобрит ли Гербеуэрт тир Рейоль убийство дорогой тёти – после всего, что та сделала с ним, с его братом и его возлюбленной.

Ева не была уверена, хочет ли это знать.

– Вы думаете, что не победили бы её? – произнесла девушка, перелистнув разговор на несколько реплик назад.

– Я думаю, сейчас в Керфи нет мага, способного её победить. По крайней мере в честном бою один на один.

– Даже если считать Уэрта?

– Даже если считать Уэрта. – Взгляд, которым госпожа полковник изучала её лицо, сделался неожиданно цепким. – Ты знаешь, что Айрес взяла с него клятву вассала?

– Могла бы спросить у вас то же, но теперь надобность в этом отпала.

– Могла бы догадаться, что я знаю. Буду считать, я очень похожа на человека, который легко допустит в свой дом виновного в гибели любимого мужа.

Её сарказмом можно было бриться.

– Вдруг Миракл ничего вам не рассказал, – вымолвила Ева, на миг задумавшись о странностях генетики. Во всяком случае, из двух братьев Тибель на госпожу полковника куда больше походил тот, с кем её не связывали кровные узы. – Ни сейчас, ни тогда.

– Он мог не рассказать чего-то отцу, но не мне. – Фарфор тихо звякнул о лакированное дерево, когда Мирана аккуратно вернула чашку на стол. – У клятвы есть одна любопытная особенность: она не возымеет силы, если вассал сильнее «сюзерена». Сильный маг подчиняет более слабого, но не наоборот. Со времён Бернетта не рождалось некромантов столь сильных, как Уэрт. Мне нужно пояснить, что из этого следует?

– Когда Айрес взяла с него клятву, Герберт был совсем маленький. И, естественно, не так силён, как сейчас. Что происходит, если вассал «перерастает» сюзерена? Может, его клятва вообще уже потеряла силу?

Мирана рассеянно посмотрела на полупустую чашку.

– Насколько я знаю, клятва не может быть разорвана, покуда «сюзерен» жив. Или покуда он сам не сочтёт её исполненной. О последнем, как ты понимаешь, речи не идёт. – Она обвела стриженным ногтем парчовый узор на ручке кресла. – На самом деле, вопрос любопытный. Вассальная клятва не изучена так хорошо, чтобы я могла на него ответить.

Герберт, лёгкий на помине, вошёл в комнату секунду спустя – в компании Миракла, вымотанного не меньше матери. Оба уже избавились от парадных одежд, вернувшись к привычным штанам и рубашкам, и оба изумлённо застыли на пороге.

– Герберт-младший уже не против женского общества, – сказала Ева, верно истолковав устремлённые на неё взгляды. Ласково потрепала дракончика за рогом на лбу, там, где у собаки были бы уши. – Дети так быстро растут, ах.

Услышав драконью кличку, Герберт-старший привычно поморщился.

Назвать малыша Гербертом было идеей Мирка. Дескать, иномирное имя подходит дракону как нельзя лучше. Но Ева подозревала, что новоявленному королю просто нравится всякий раз наблюдать за тем, как закатывает глаза любимый брат.

– Я думал, драконы не жалуют нежить. – Мирк смотрел, как его питомец блаженно щурится под тёплыми девичьими пальцами (огонь и драконья шкурка согрели Евины холодные ладони). Он не обижался, что Герберт-младший не спешит вскакивать навстречу хозяину: при некоторой схожести повадок дракон всё же не был собакой, и Миракл мудро не равнял с преданным щенком существо, что лет через тридцать будет смотреть на него с высоты замковой башни. – Эльена он на дух не пере – носил.

– Она не нежить, – голос Герберта прозвучал чуть резче, чем можно было ожидать. – Я поймал её в шаге от грани, не *за* ней. – Некромант ожесточённо нацелил палец на стул в углу; миг спустя тот уже стоял у камина, ровно между двух кресел. – То, что её сердце не бьётся, не значит, что она мертва.

– Хорошо, хорошо. Я забыл.

– Забыл, что пациент скорее жив, чем мёртв? Любопытно, – голосок, что Ева не слышала со вчерашнего вечера, прозвучал даже

ехиднее обычного. – Хотя сказочным королям не свойственны предубеждения против поцелуев с мёртвыми девушками... Даже если те не бегают на своих двоих, а благонадёжно лежат в гробу.

Ева молча выпрямилась.

Надо сказать, Мэт вёл себя на удивление примерно: почти не надоедал, и вообще голос подавал редко. Даже если учесть, что теперь находить лазейки для бесед ему было нелегко. Как будто чувствовал вину... Или знал, что грядёт нечто крайне интересное, и это знание позволяло ему не скучать.

К сожалению, Ева была не настолько наивна, чтобы верить в первое.

– Кажется, нас можно поздравить, – сказала она.

– Хотя по некоторым версиям у сказочных принцев не возникало проблем и с чем-то похлеще поцелуев.

– Вроде всё прошло вполне неплохо, – сказала она.

– Полагаю, если керфианцам не хватит простой помолвки, с консумацией брака он тоже не оплошает. Мирк же ответственный мальчик, привык всё доводить до конца.

– Во всяком случае, я не совсем опозорилась, – сказала она.

– Уже хочу посмотреть, как наш малыш держит свечку. В процессе что-то легко может пойти не так, не бросит же он «своё создание» в такой...

Зажав руками уши, Ева во весь голос пропела заглавную тему «Галаванта».

– Не обращайтесь внимания, – вымолвила она, когда в голове воцарилась та же тишина, что разлилась по гостиной. – Треклятая магия снова шалит.

Мирана сделала новый глоток из чашки, вернувшейся в её сухие пальцы, и всем своим видом выражала: в последнюю минуту не произошло ничего, заслуживающего её реакции.

Матери Миракла не сказали о госте, которого она приютила в своём доме вместе с фальшивой невесткой, а Ева очень старалась не реагировать на происки внутреннего демона. Получалось не всегда, но периодические странности её поведения списывали на несовершенство Гербертовой магии. Мозги мертвецов – или почти мертвецов – загадочная штука, в конце концов.

Музыка действовала безотказно: чем навязчивее был мотивчик, тем быстрее Мэт замолкал. Герберт объяснял это тем, что навязчивой песне проще заполнить сознание, не оставляя демону пространства для манёвров.

Впрочем, Ева подозревала, что если в «Галаванте» от заглавной песни пираты добровольно выходили за борт, Мэту мотив – прилипчивый, как ядрёная смесь смолы, жвачки и репейника – тоже действовал на нервы.

– Надеюсь, при риджийцах вы все проявите себя не хуже, – заметила Мирана сдержанно.

– Когда они приезжают? – тщетно пролистав свой внутренний календарь, спросила Ева; песня назойливо крутилась в голове, но издевательские восхваления героя, которого сами создатели признали воплощением сказочных клише, были определёнno лучше демонических острот.

– Через три дня.

Ева с несчастным видом следила, как новоявленный король Керфи, опустившись на колени подле камина, чешет Герберту-младшему блекло-травянистый живот, пока тот заинтересованно пытается скузить с его рукава малахитовую запонку. Немудрено – любовь к драгоценностям и их пению в драконах просыпалась ещё в яйце.

О том, что ей придётся обманывать не только керфианцев, Еву известили вскоре после бунта. Риджийские Повелители возжелали встретиться с правителем Керфи для переговоров, ещё когда на троне сидела Айрес, и не стали переносить встречу после того, как корона Тибелей перекочевала на другую голову.

Успешно обмануть керфианцев – чудовищная ответственность. Успешно обмануть посольство соседней страны, отношения с которой сложно назвать дружественными, – ответственность, чудовищная вдвойне.

– Полагаю, ты это и так знаешь, – продолжила Мирана, – но на встрече с риджийскими послами тебе лучше не проявлять свои... певческие таланты.

– Если бы были просто послы. Как их Повелители не боятся лично приезжать?

– Потому и приезжают, чтобы показать, что не боятся, – заметил Мирк. – Они договорились с Айрес – а теперь со мной, – что их будет

сопровождать большой отряд охраны из личной гвардии. Если верить слухам, в крайнем случае они и сами могут за себя постоять. Эй, так делать нельзя, – строго добавил он, выдирая рукав из драконьих зубов.

– Гвардия им не поможет, если здесь их окружит армия, предварительно отрезав возможность магического перемещения. Ожидать такого от Айрес было бы логично.

– Насколько я знаю, у них есть интересные игрушки. Помимо подчиняющих ошейников. – Сидя на стуле, откинувшись на высокую спинку, Герберт скрестил руки на груди. – Они изобрели парные волшебные кольца. Владелец одного сможет откуда угодно призвать владельца другого, и никакие чары им не помеха. Пока их Повелители сидят за столом переговоров, кто-то в Риджии будет неусыпно их страховать. Как только произойдёт нечто подозрительное, их моментально вернут на родину.

– Значит, надо всего-навсего первым делом отрубить им руки.

К моменту, когда трое Тибелей воззрились на Еву в шокированном молчании, она и сама задумалась, с чего стала мыслить а-ля Мэт.

– Чуть что, так сразу я, – голос демона звучал тихо, словно сквозь испорченный приёмник. – А немёртвое существование, застенки Кмитсвера и прочее веселье последнего месяца, конечно, никак не могли привить тебе чёрный юмор и некоторую долю здравого цинизма, благодаря которым теперь от твоей тошнотворной положительности хотя бы не сводит зубы.

– Не волнуйся из-за риджийцев. Если будешь держаться, как сегодня, всё не так страшно. Мирку придётся тяжелее. – Мирана предпочла деликатно сменить тему. – Но через шесть дней Жнец Милосердный, и там вы окажетесь на виду у всей столицы... И не только столицы.

– Люди съезжаются со всего Керфи, – невыразительно подтвердил Мирк.

– Есть на что посмотреть. Новый король. Будущая королева. Риджийцы, среди них эльфы и дроу – та ещё диковинка. И, возможно...

Госпожа полковник осеклась, но все прекрасно поняли, какое событие должно было завершить перечисление.

– Я вас оставлю, пожалуй. Утомительный вышел день. – Когда Ева с Мирком уставились на Герберта, отстранённо глядящего перед собой,

Мирана поднялась на ноги. Проходя мимо сына, на миг коснулась ладонью темнокудрой макушки: – Я горжусь тобой.

Три коротких слова грели лаской не меньше, чем взгляд из-под пшеничных ресниц. Больше, чем пламя за каминной решёткой.

Хотела бы Ева когда-нибудь услышать это от своей матери – и увидеть, что на неё смотрят так.

– Скажи, ты не передумал? – без обиняков спросила Ева, как только за хозяйкой дома затворилась дверь.

– Ты о чём?

...почти забытые мысли о доме царапнули почти забытой болью. За минувшие дни Ева испытала много разнообразной душевной боли, и неведомые ранее сорта затмили тот, с которым она прожила большую часть жизни.

Добавлять ко всем своим кровоточащим ранам ещё одну она не собиралась.

Она знала, что Герберт знает. Хотя бы потому, что, не глядя на неё, безошибочно понял, к кому обращён вопрос.

– О ритуале.

Герберт встретил взгляд брата. Тот сидел на полу, открыто изучая его лицо, следя за реакцией; рука, гладившая дракона, застыла на мшистой чешуе.

Когда некромант повернул голову, встречая Евин взгляд, зима в его глазах была холоднее обычного. Усталый февральский холод, который тем больше кусает за щёки ночью, чем чувствительнее его тронула подступающая днём весна.

– Настолько не веришь в меня?

– Верю. – Перед внутренним взором стоял витраж из дворца, где мальчик, так похожий на ныне живущих Тибелей, убивал лучшего друга. – Но слишком много дурных предзнаменований, чтобы я могла этого не бояться.

– Например?

– Неважно. Просто... я не хочу, чтобы ты это делал.

– Как и я.

Герберт вновь посмотрел на брата, лишь сейчас подавшего голос. Сжимая пальцами подлокотники, уставился на вензеля каминной решётки:

– Я думал над этим.

– И? – сказал Мирк, не дождавшись пояснений.

В те секунды, что некромант медлил с ответом, даже огонь трещал тише.

– И склоняюсь к выводу, что есть другие способы вписать своё имя в историю. – Герберт небрежно закинул ногу на ногу. – В конце концов, я переживу тебя лет на двести. Если за это время не добьюсь чего-то более грандиозного, чем уже добился, раскрою карты о своём скромном вкладе в твоё воцарение. Летописцы будут в восторге.

– Не надейся, зазнайка. – Мирк восхитительно скрыл облегчение за ироничным фырканием: оно проявилось лишь в том, что пальцы его вновь заскользили по драконьему боку. – Без тебя в соседней могиле мне будет скучно, так что я укажу особый пункт в своём завещании. Специально для «коршунов».

Ножки Евиного кресла закрипели по паркету, когда его обитательница стремительно встала.

Бесцеремонно забравшись на худые, не слишком удобные для этого колени, Ева прижалась губами к другим, тёплым, родным губам – и прежде, чем Герберт закрыл глаза, февраль в них сменился мартом.

...никакого ритуала. Никакого риска. Никаких кошмарных предчувствий о том, чему отныне не суждено оправдаться. И ей даже не пришлось уговаривать, давить, молить, плакать, снова читать душеспасительную проповедь.

Она его не потеряет. Никого больше не потеряет.

– Если хотите, я тоже могу выйти, – где-то очень далеко сказал Мирк, – но не думаю, что мама одобрит подобное применение её кресел, даже если бы там сидел я.

– Я рад, что к своей коронации ты сохранил столько невинности, чтобы полагать, что твои родители использовали все предметы в доме исключительно по прямому назначению, – откликнулся Герберт, на миг прервавшись.

– А, значит, если в другой раз я решу воспользоваться для этих целей твоей кроватью вместо своего неудобного королевского ложа, ты будешь не против. Учту.

– Можно я сегодня вернусь с тобой в замок? – выпрямившись, спросила Ева; глаза её сияли. – Эльен будет рад.

Раз в три-четыре дня она принимала ванны в своей прежней обители, но всё равно скучала по замку Рейолей и милому призраку, с

которым теперь почти не виделась: Герберт забирал её для процедуры под покровом ночи и возвращал до рассвета. В тайну немёртвой Избранной не посвятили никого, кроме нескольких избранных лиц, и истинное положение вещей скрывалось даже от слуг. Ева честно перебралась в новый дом, роль её горничной играла Мирана (иначе при облачении дорогой гостью в непривычные платья служанок ждал бы сюрприз), а подносы с едой из уважения к её вере приносили в комнату после захода солнца, где гостья исправно аннигилировала провизию специально разученным заклятием.

– Не в первую ночь после счастливого события. Сегодня скомпрометировать тебя перед случайными свидетелями было бы особенно неуместно. К тому же у меня есть дела. – Герберт покосился на брата. – Тебе, полагаю, теперь придётся ночевать не в отцовском доме, а в тётушкином?

– Теперь он мой. И, к слову, моей прелестной невесте рано или поздно предстоит тоже перебраться во дворец.

Обернувшись, одним движением брови Ева выразила всё, что думает по этому поводу.

– Да, предстоит. В твоём мире, кажется, это не слишком одобряют, но у нас поощряется, если молодые люди до брака опробуют... свою совместимость. Во всех планах. – Под её взглядом Мирк неловко развёл руками: сейчас он мало походил на солнцеликого короля, с которым они танцевали тильбейт. – Естественно, об этом речь не идёт, но спать в одной постели... рано или поздно... придётся. Иначе пойдут слухи.

В шуточки Мэта разом добавилась только доля шуточки.

– Когда до этого дойдёт, тогда и поговорим, – сказала Ева.

Похолодание в воздухе она ощутила ещё прежде, чем вновь увидела лицо Герберта: наверное, если б некромант сейчас посмотрел в окно, иней расцвёл бы не только на стекле, но и на шёлковых обоях вокруг рамы.

Не смотри на меня так, хотелось сказать ей. Ты знал, на что идёшь. Ты знаешь, что это фальшь, фокус, не более.

Она не просила и не собиралась просить прощения за всё, что ему пришлось видеть сегодня. Что придётся видеть ближайшие месяцы. Они все знали, на что идут. Но она с самого начала понимала, что из них троих Герберт – тот, для кого этот спектакль окажется самым мучительным. Ей, в сущности, игра в чужую невесту не доставляла

особого дискомфорта: просто потому, что не вызывала ни малейшего эмоционального отклика, кроме ощущения бесконечной неловкости за то, что Мирку приходится целовать труп, и не по собственному желанию.

Ладно, по собственному – и не совсем труп.

– Я бы с радостью никогда не поднимал эту тему, раз это настолько портит вам настроение, – молвил Миракл, – но по некоторым причинам это будет несколько проблемати... эй, плюнь! Да что с тобой делать! Плохой дракон!

Часом позже, запершись в гостевой спальне, Ева сидела на полу, чертя руны над очередным подносом с недоступным ей ужином.

– Спать с законным женихом ты не собираешься, я понял. О, женское коварство. – Она почти видела, как за гранью видимого Мэт иронично кривит ту иллюзорную маску, что заменяла ему лицо. – Предложи хоть малышу. Поцелуй тебя, конечно, не оживил, но вдруг всё дело в том, что поцелуя недостаточно.

– Не знала, что ты у нас веришь в сказки, – когда поджаристый бифштекс начал рассыпаться пеплом, сказала Ева.

– Выборочно. Поцелуй истинной любви – бред для маленьких девочек. Активные телодвижения, заставляющие кусок отравленного яблочка вылететь из горлышка Белоснежки, у которой губы совсем не случайно красны, как кровь, – по мне выглядит вполне правдоподобно.

– Меня никто не травил, если ты забыл.

– Попробовать стоит. Других альтернатив у тебя всё равно нет.

– Появятся.

Ева смотрела, как обращаются в пыль мясо и гарнир из синего горошка, фрукты, сладкое, хлеб. В другое время ей стало бы грустно: потому, что она не может их попробовать, или потому, что она уничтожает трапезу, которая могла бы спасти пару нищих, замерзающих где-то в зимней ночи за пределами её уютного прибежища.

Сейчас у неё и без того хватало поводов для грусти.

– Ты надеешься на это с первого дня в Керфи. Пока не появились.

– Просто Герберту было немного не до того. И есть.

– Ты правда думаешь, что он сидит без дела всё время, пока ты здесь играешь в почти коронованную особу?

Ева промолчала.

Ей не хотелось думать об этом. Даже задуматься о том, что она может навсегда остаться такой, как сейчас, значило упасть в печальную бездну, сравнимую с той, куда она погрузилась в казематах Кмитсвера. За этим, чего доброго, ещё последовали бы мысли о доме, а они точно пришлись бы некстати. Проблемы нужно решать по мере их поступления.

Но не думать она не могла. Особенно с подначки того, кто если и щадил её, то весьма выборочно.

– Он отказался от мысли призвать Жнеца. Во всяком случае, у тебя есть основания так считать. Следовательно, у него появилась новая цель, – продолжил демон проникновенно. – В прошлый раз, если помнишь, его одержимость твоим воскрешением кончилась не слишком хорошо... просто потому, что ему не хватило силёнок. Ему, сильнейшему в своём роде. Ты правда думаешь, что сейчас что-то измени...

Зажмурившись, Ева запела, оставаясь наедине с теми поводами для грусти, которые были более актуальны.

Странно с её стороны вообще слушать убийцу Кейлуса. Не говоря уже о том, чтобы вступать с ним в диалог. В другой раз стоит прогнать его сразу, как подаст голос.

...убийца Кейлуса...

Когда Ева открыла глаза, перед ними был чёрный пепел на серебре. Спустя секунду и тот исчез, оставив от еды пустые, слегка заляпанные тарелки.

В последнее время ей свойственно уничтожать всё, к чему она прикасается.

Ева посмотрела на свои руки, тихо и безвредно сложенные на коленях поверх мягкой юбки домашнего платья.

Даже Мирана не знала, что поселила в своём доме убийцу. Для неё Ева была просто милой, смышлённой и полезной – при всей своей, в общем-то, бесполезности – девочкой. И до недавних пор у Евы не оставалось времени думать об этом... Пока она не сделала почти всё, что от неё требовалось, и роль её не свелась к красивой кукле, которой нужно всего-то не открывать рот, когда не следует.

У неё и сейчас хватало забот. Но они больше не могли отвлекать от кое-каких простых жестоких истин.

Рывком поднявшись с узорчатого ковра, Ева вышла из спальни, надеясь, что госпожа полковник ещё не спит.

...завтра ей предстоит новый день, полный фальши и лжи. Как и послезавтра, и много дней после него. Чтобы пережить их, она обязана сделать что-то, исполненное искренности и истины.

Хотя бы для неё самой.

* * *

– Покои для риджийцев приготовлены, Ваше Величество.

Подняв голову от стопки докладов и документов от нового Советника по финансовым делам, Миракл тирин Тибель хмуро воззрился на своего сенешаля.

– Восточное крыло, как вы и велели, – прибавил юноша, стоя посреди королевского кабинета. Было видно, как он смущён – с непривычки: сенешаль Айрес сбежал во время бунта, и нового придворного распорядителя Миракл выбрал из числа тех, кого предложили на эту должность главные его сторонники, Соммиты. Парень происходил из незнатной семьи (Миракл всецело одобрял стирание сословных рамок) и пока ни разу не оплошал, даром что был немногим старше своего короля.

Вот бы этот король тоже не оплошал. Особенно в самый неподходящий момент.

Хотя в его случае любой момент будет неподходящим.

– Прекрасно, – сказал Миракл, морщась от треклятого запаха лилий. Он давно отдал распоряжение, чтобы эти цветы перестали расставлять на каждом углу, но излюбленный Айрес сладкий дурман как будто пропитал каждый дворцовый камень. – Приём в честь прибытия?

– Шестьсот гостей разместятся в тронном зале. Для гвардейцев приготовлен отдельный стол. Музыканты найдены, цветы заказаны, семь перемен блюд согласованы.

Миракл опустил глаза на строчки, полные фактов и чисел, сплетающихся в сложную схему податей, расходов и доходов. Сложную для многих, но не для него.

...проблемы были. Естественно. Проблемы есть всегда. Восстановить Большой Совет, чтобы в принятии решений государственной важности снова участвовали все сословия (этого от него и ждали). Проредить машину власти от прикормленных Айрес взяточников (этого от него тоже ждали). Разобраться, кто из несчастных, умирающих на рудниках, сослан туда за длинный язык, а кто – за кровь на руках (на самом деле от него ждали массовой амнистии, но Миракл не собирался освобождать головорезов просто потому, что тем посчастливилось дожить до смены власти). Разобраться с последствиями переворота, наконец. Они как могли оперативно привели улицы столицы в порядок, отправили в Кмитсвер кого следует и назначили своих людей на опустевшие места, и жизнь в Айдене потекла почти так же размеренно, как прежде, только теперь без страха перед пытками в казематах. Даже бывшие сотрудники Охраны в заточении удостоились таких условий, каких они, по-хорошему, не заслужили.

Но замены, последствия и удары в спину ещё будут. Несомненно.

Однако, не считая некоторых аспектов, королевство досталось ему на блюдечке. Слаженный, в общем-то, прекрасно работающий механизм. Предстояло разобраться, кто из переметнувшихся людей Айрес злоупотреблял полномочиями, но тётушка знала толк в эффективности, и работали они хорошо. Учитывая, какая часть бюджета тратилась на армию и флот – если урезать расходы, в которых без подготовки к войне больше не было необходимости, и перераспределить ресурсы... Налоги можно снизить – незначительно, но народ встретит это с восторгом. При нынешнем состоянии казны это не повлияет на уровень жизни ни при дворе, ни за его пределами. Появится пространство для торговых маневров и новых вложений. Можно даже подумать о том, чтобы простить долг Ильдену – страна, когда-то собиравшая с Керфи дань, теперь сама немало им задолжала. А в обмен, естественно, потребовать кое-какие важные уступки с их стороны. Например, пересмотреть не слишком выгодный контракт на экспорт минерального сырья...

Самой Айрес – когда она, будучи немногим старше Мирка, унаследовала страну от его деда – после коронации пришлось куда тяжелее.

– Подарки для гостей?

– Всё согласно вашим пожеланиям. Кузнецы, ювелиры и маги трудятся не покладая рук. Будут готовы завтра.

– Я не рад, что им пришлось работать в такой спешке, но слышать это приятно.

Айрес тоже припасла риджийцам подарки. У Миракла нашлась не одна причина на то, чтобы их заменить. Первейшая из них – та, что он лучше кого бы то ни было знал: любые дары Айрес Тибель таят в себе отраву.

– Все прекрасно понимают причины ваших указаний, Ваше Величество.

Миракл посмотрел на семиугольник, образованный подпалинами на паркете: сенешаль держался за его границей, суеверно не решившись переступить колдовские линии.

Кабинет, где совсем недавно Айрес готовила племянника к ритуалу, которому теперь не суждено состояться, заливал бесцветный свет зимнего дня.

...он не раз думал, почему Айрес пригласила риджийцев с таким расчётом, чтобы те застали День Жнеца Милосердного. И находил лишь одну причину: успешный вызов стал бы превосходной демонстрацией силы. Испуг тех, на кого ты собираешься пойти войной, может сыграть тебе на руку, особенно если по вражеской армии разнесутся слухи, что на стороне твоих врагов даже боги. А если к тому же поколебать их собственную веру... В конце концов, Четверо ни разу не соизволили явиться риджийцам лично.

На это Айрес и рассчитывала? Или?..

– Надеюсь, я и сам верно понимаю эти причины, – пробормотал Миракл, вновь утыкаясь в бумаги.

То, что первыми с ним встретятся монархи страны, отношения с которой у Керфи были весьма натянутыми, его не радовало (благодаря Айрес все страны относились к ним с опаской, но Риджия издавна славилась тем, что *реагировала* на опасения). Как и то, что среди гостей будут Евины соотечественницы – сразу две, если шпионы не обманывают. Его подданные охотно списывали причуды прелестной королевской невесты на иномирное мышление, однако других иномиряннок обмануть будет не так просто. Впрочем, своему королю и своей спасительнице керфианцы в любом случае поверят охотнее, чем чужеземцам из дикарской враждебной страны, а Ева кажется

достаточно сильной, чтобы сделать всё, чего – Миракл это понимал – у него не было права от неё требовать. Но если она сломается... Какой бы момент она для этого ни выбрала, в её случае он также будет самым неподходящим.

Жаль только, причин, чтобы сломаться, у его невесты имелось в избытке. Больше, чем у кого бы то ни было из живущих.

Хотя бы потому, что к живущим она относилась с большой натяжкой.

* * *

День был холодным и светлым. Обесцвеченным белизной.

День был тихим. В столице он отвлекал людским гомоном, но здесь, за городской чертой, лишь чуть слышно скрипел снегом под ногами.

Какое-то время Ева стояла у переплетения чугунных вензелей на воротах, вглядываясь в сад по ту сторону. Почти незнакомый – прежде она видела его с иного ракурса.

Ладонь в перчатке легла на обледенелый металл, казалось, помимо воли.

Ворота загородного имения Кейлуса Тибеля поддались легко, точно стража забыла возобновить магическую защиту. На деле заклятия надёжно стерегли мёртвый особняк от мародёров – просто для Евы сделали исключение.

Она предпочла бы никому не говорить, куда идёт, однако она была не в том положении, чтобы действовать без объяснения причин. Да и не вышло бы у неё ничего без этих объяснений. Поэтому вчера она сказала Миране, что хочет сделать, после чего получила разрешение – и пропуск; госпожа полковник слегка удивилась, но озаботилась, чтобы маги из стражи вплели в защиту дома ещё одно исключение. В конце концов, Ева успела зарекомендовать себя милой доброй девочкой, и это было в её духе: навестить могилу человека, которого она не знала. Просто потому, что этот человек тоже пал жертвой козней Айрес и тоже был музыкантом, и о таланте его Ева успела послушаться от лиэра Дэйлиона...

Скользнув в щель, Ева зашагала по садовой дорожке, оставляя следы в нечищеном снегу.

В идеальной безжизненной белизне её тёмный плащ казался чужеродным. Её присутствие – лишним. Хотя не настолько лишним, как если бы она дышала, сердце её билось, а руки не пятнала кровь тех, кто жил и умер здесь. Она и сама была наполовину мертва: почти как дом, к которому она приближалась, больше, чем любой из людей, переступавших его порог за последнюю неделю.

Больше, чем была, когда сама в него попала.

Дойдя до особняка, Ева прошла мимо парадного входа к левому крылу. Вспомнив указания Мираны, завернула за угол и направилась туда, где в окружении раскидистых дубов темнел ряд надгробий.

На этом фамильном кладбище хоронили далеко не всех Тибелей. Остальных ждал королевский склеп и другие кладбища, куда более претенциозные. Здесь же снег пушился на простых полукруглых камнях, украшенных только надписями и датами.

Остановившись у того из них, что не успели тронуть ни мох, ни трещины, ни время, Ева посмотрела на гладкий мрамор. На буквы – такое уместное золото по черноте, – складывающие имя Кейлуса Тибеля.

Она пришла бы на его похороны. Взглянуть в его лицо. Осознать в полной мере, что сделала. Но его тихо схоронили на другой день после бунта, и Еве об этом не сказали. Согласно официальной версии, Кейлуса убили сотрудники Охраны – ныне, увы, покойные – по приказу королевы, решившей избавиться от надоедливового кузена и заодно покончить с главной угрозой её власти, подставив любимого племянника. Слуг погребли на городском кладбище. Тима, кажется, тоже: трогательных распоряжений касательно совместных похорон Кейлус не отдавал, и воссоединиться в могиле им не позволили.

Какое-то время Ева смотрела на белые прожилки мраморного узора, расплывшиеся по камню трещинами в чёрном льду.

Опустилась на колени, прямо в снег.

– Он сам виноват в том, что случилось, – прошелестело в ушах.

Ева не ответила. Не была даже уверена, что есть кому отвечать. Это с равным успехом мог быть не Мэт, а та маленькая, подленькая часть её, которой очень хотелось найти себе оправдания.

Она ожидала, что могила будет отличаться от прочих. Готовилась увидеть вскопанную, ещё не осевшую землю. Или хотя бы грязь на снегу. Но зима уравнила всех, и метель погребла Кейлуса под той же ровной холодной белизной, что его предков, умерших века назад. Просто ещё один камень. Просто ещё одно имя того, кто недавно смеялся и дышал.

Там, под землёй, под снегом, под чёрным с золотом камнем лежит убитый ею человек.

В это верилось с трудом.

– Это была не ты. Тебе не в чем себя винить.

В это верилось с трудом, но верить было необходимо. Думать, что это просто камень, никак не связанный с тем, кто заставлял её душу петь в унисон с его душой, было бы слишком легко. Слишком милосердно – к себе.

Последнее, чего Еве хотелось – щадить себя.

– Я этого хотела. Когда-то. – Она смотрела на равнодушную белую порошу. – Я хотела, чтобы он был мёртв.

Лёшкина могила поросла земляникой и ландышами. Ева всегда думала, что брату бы это понравилось. Когда летом они пропалывали участок от сорняков, спелые ягоды давились под каблуками, заглушая запах ладана, который мама жгла на жестяных крышках стеклянных подсвечников. Они всегда зажигали свечи, навещая его.

Интересно, чем по весне порастёт могила Кейлуса.

Его рука больше никогда не выведет финальной черты в последнем такте законченной пьесы. Его инструмент больше никогда не заплачет под его пальцами.

– Я хотела убить его. Собиралась его убить. Теперь он убит. Моей рукой. Моим клинком. Как я и представляла... пока не узнала его. – Она коснулась снега расправленной ладонью. Слегка, но когда убрала пальцы, на белизне всё равно остался отпечаток. – Он мёртв, потому что я слишком хотела жить. Существовать. Делать то, что делаю теперь.

Она хотела, но не могла плакать. Слезы – тоже милосердие к себе. От слёз становится легче.

Облегчать свою вину каким бы то ни было образом – роскошь, на которую Ева не имела права.

Она убила больше, чем человека. Она убила всё, что он ещё должен был подарить миру. Всю музыку, всю красоту, все песни,

улыбки и слёзы, рождённые его заслугами и виной, его страданиями и любовью, дурными и благими делами, складывавшими его суть. Его тёмной мятежной душой, которая едва ли могла попасть на небеса, над которыми он смеялся.

Такому не могло быть прощения.

– Твои страдания ничего не изменят, – сказал Мэт. – Ты уже ничего не сделаешь.

Ева смотрела на отпечаток своей ладони – единственное свидетельство того, что кому-то есть дело до последнего пристанища Кейлуса Тибеля.

– Чтобы исправить случившееся – нет. – Встав, она отвернулась, оставляя могилу позади. – Но кое-что для него сделать могу.

Она хотела бы оставить эту могилу позади навсегда. Это тоже было малодушно.

Двери в особняк открылись так же охотно, как прежде ворота. Холл встретил пугающей чистотой: лишь бурый круг, испещрённый рунными знаками, темнел на белом мраморе. Ева не знала, почему его не стёрли. Наверное, сперва оставили как улику, а потом всем стало не до того.

Ноги сами двинулись в нужном направлении.

Картины Манель пропали со стен. В золотой гостиной заметны были следы обыска. Клаустур стоял открытый, ноты валялись на полу – на желтоватой бумаге виднелись отпечатки чьих-то грязных подошв. Тихо закрыв крышку инструмента, Ева села на пол; бережно взяв один из разбросанных листков, как могла, воспроизвела в голове написанное.

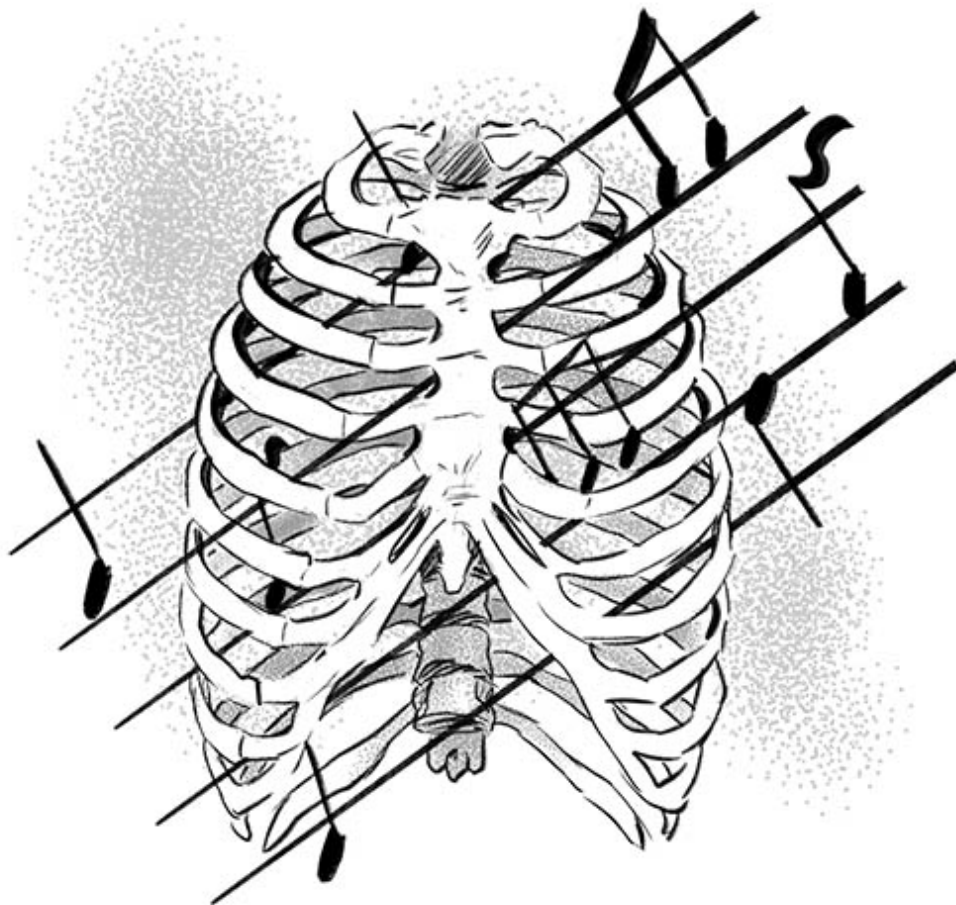
Отложив в сторону, взяла следующий.

Когда – час или вечность спустя – она вышла, прижимая к груди последнее законченное сочинение Кейлуса Тибеля, собранное ею страница за страницей, остальные аккуратной стопкой лежали на осиротевшем клаустуре.

Даже некроманты не могли заставить мертвецов жить. Зато музыка – могла.

Глава 19

Ripieno [25]

– Альянэл из рода Бллойвуг, Повелитель дреу, Владыка Детей Луны, – возвестил герольд.

В наступившей тишине, вязкой, как жидкая канифоль, не было слышно шагов тех, кто вошёл в зал. Не могло быть, даже если бы их не приглушала ковровая дорожка, которой выстлали проход от дверей к

тронному возвышению. Но шуршание их одежд и лёгкое звяканье доспехов звучали вкрадчивой песней неслучившейся войны.

Первым на золотую ткань, расшитую алыми астрами, шагнул знаменосец. К удивлению Евы – человек. К ещё большему удивлению – девчонка, на вид почти подросток. Она несла королевский штандарт, крепко сжимая лакированное древко; над её темноволосой макушкой реял звёздный венец, и луна, вышитая серебром на чёрном шёлке, и роза, заключённая в круглый бледный лик любимицы поэтов. За девчонкой следовали гвардейцы в лёгкой, гибкой, чёрной с серебром броне: жёлтые глаза на молодых лицах сияли драконьим огнём, кожа – серый пепел, волосы – сгущённый звёздный свет.

Их Повелитель шёл в центре процессии, окружённый бдительной охраной и блестящей свитой. Бархат его плаща ниспадал на алые астры; чернильные складки со сливовым подбоем скользили по дорожке струями ночной тьмы, затмевающими солнечный свет. За ним тенью, шаг в шаг, ступал молодой мужчина в мантии колдуна – второй и последний человек в делегации. Длинные русые волосы свободно падали на тёмно-серый шёлк, кожа казалась бледной почти до болезненности.

– Добро пожаловать, Повелитель Альянэл, – сказал Миракл, когда друу расступились перед тронном, чтобы их Повелитель мог приблизиться к королю Керфи. – Я рад нашей встрече.

Правителей соседней страны он приветствовал на риджийском, на котором говорил бегло и безупречно, лишь с лёгким певучим акцентом. Как вскользь упомянула Мирана, её сына готовили к правлению основательно, так что Мирк свободно изъяснялся на пяти основных языках этого мира. Ева не знала ни одного, но переводческой магии не было разницы, с какого переводить: с керфианского или риджийского.

Правителей соседней страны они встречали у подножия тронного возвышения, пока у стен волновалась и перешёптывалась придворная толпа. Так гласил этикет: послов король встречает на троне, но с другими королями он равен. Заставлять их смотреть на тебя снизу вверх – оскорбление, а то и недвусмысленная угроза.

Иногда Ева думала, как бы риджийцев встретила Айрес. Особенно если вспомнить её намерения.

– Да хранят звёзды тебя, Миракл тирин Тибель, – сказал Повелитель Альянэл, пожимая протянутую ему руку, – и твою

прекрасную невесту. – Глаза дроу скользнули вправо, на лицо Евы, стоявшей подле жениха. – Лиоретта Йевва, молва о ваших подвигах донеслась даже до наших земель. Как и о вашем происхождении.

Его глаза тоже напомнили Еве о канифоли: яркий янтарь, в котором можно увязнуть и пропасть. Плащ и королевский венец в волосах – то были единственные детали в его облачении, выдававшие, что это одежды короля; но не будь ни венца, ни плаща, ни гвардии кругом, Ева всё равно поняла бы, кто перед ней.

– Я польщена, – проговорила Ева, – но не уверена, что мои подвиги стоят столь громкой молвы.

Естественно, дроу прекрасно понял её слова. Переводческой магии снова было всё равно, на какой язык их переводить.

– Надеюсь, лиоретта, вам доставила удовольствие встреча с соотечественницей?

Ева слабо улыбнулась.

Дроу оказались четвёртой и последней делегацией риджийцев, которую они с Мирком приняли сегодня. Как-никак, Риджия включала в себя четыре королевства, и вваливаться всей гурьбой было бы странно. Сперва король Керфи поприветствовал лепреконов, следом людей, затем эльфов.

Надо сказать, из всех волшебных народов дроу произвели на Еву наибольшее впечатление. Лепреконы очень походили на гномов – такие же маленькие и рыжие, разве что без гипнотической зелени в глазах, присущей обитателям Потусторонья. Люди ожидаемо не отличались от людей, разве что одевались как ролевики. Эльфы до скучного смахивали на толкиновских, и не на весёлый народец из Ривенделла, а на утончённых жителей Лориэна – светловолосые, в струящихся одеждах, с лучезарными очами на прекрасных молодых лицах. Разве что король их выбивался из общего ряда: Повелитель Дэнимон, Владыка Детей Солнца, был сыном эльфа и смертной девы, и тёмные кудри человеческого мальчишки странно смотрелись над неземным ликом. Его супруга, Повелительница Кристаэль, и та больше походила на эльфийку... Если б не кинулась Еве на шею, тараторя на чистейшем русском.

Когда-то Кристаэль звали Кристиной. Она родилась в Питере и попала в этот мир за пару лет до Евы. Она встретила Дэнимона, тогда ещё принца, в первый же вечер, как оказалась в Риджии. Они

поженились этой осенью. Она боится скелетов, но в Керфи они очень милые. Она любит танцы и мороженое. Её можно звать Кристой. И всё это Ева узнала от неё даже не за ту четверть часа, что Миракл и Дэнимон беседовали за закрытыми дверями смежного с залом кабинета, а за первые пять минут встречи, – пока все вокруг, включая короля Керфи и владыку эльфов, вежливо ждали, когда у Повелительницы иссякнет поток любви к землячке.

Хорошо хоть Ева успела отшатнуться, прежде чем её чмокнули в ледяную щёку.

– Знакомство с супругой Повелителя Дэнимона ошеломило меня, – честно ответствовала Ева. – Полагаю, нам ещё удастся переброситься словечком. – *Полагаю, мне не отвертеться*, поправилась она про себя. Криста всю аудиенцию безостановочно трещала над ухом, рассказывая потрясающую историю своих приключений в чужом мире (типичный попаданческий роман с отважным принцем, любовью с первого взгляда, коварными врагами, похищениями, страдающей девой в темнице и свадьбой в конце), а напоследок посулила, что на вечернем приёме ждёт от Евы ответной любезности. – Наверняка она не меньше моего скучает по дому и будет рада услышать, что произошло в нашем мире за время её отсутствия.

Краем глаза она заметила движение. Ещё прежде, чем тишину нарушило тихое «кха-кха». Это девчонка-знаменосец дроу поднесла к губам кулак, чтобы приглушить ехидный кашель – насколько кашель вообще может быть ехидным.

– Полагаю, в таком случае вы будете рады узнать, что в моей свите прибыла ещё одна ваша соотечественница, – сказал Альянэл с улыбкой, призраком насмешки растянувшей его серые губы. – Сноуи, мой знаменосец.

– Снежана, если на русский манер, – добавила девчонка. Провела пальцем по переносице – снизу вверх, будто хотела поправить невидимые очки; тут же опустив руку, согнулась в поклоне. – Безмерно рада знакомству, лиоретта. Польщена быть представленной Вашему Величеству, тирин Тибель.

Она была вся в белом, и её наряд больше подошёл бы мальчишке-пажу, нежели девушке. Поверх рубашки была наброшена бархатная куртка, бриджи заправлены в высокие сапоги – бежевая замша капельку разбавляла стерильную белизну. На риджийском она говорила с

акцентом, который Ева ни с чем бы не спутала; к тому же «русский» девчонка произнесла с типичным выговором уроженки Московии.

Ева поймала взгляд Герберта, следившего за происходящим из первого ряда, и Мираны, возглавлявшей королевскую гвардию, – и взгляды эти были предостерегающими.

Снежана – так её звали в мире, оставшемся по ту сторону Межгранья. Сноуи – так её звал Повелитель. Белая Ведьма – так прозвал её риджийский народ. Девчонка, которая вышла по эту сторону прорехи, почему-то не получив магический дар. Она начала путь в этом мире пленницей дроу, с помощью одного лишь ума завершив его знаменосцем короля... и советницей, если верить слухам. Неофициальной, конечно: дроу и так были не в восторге от того, что Первым Советником Повелитель назначил человека, а уж иномирянку в качестве министра точно не приняли бы. В конце концов Белая Ведьма и магию получила – в результате какой-то тёмной истории с убийством другой попаданки, у которой милая девочка Снежана в итоге забрала Дар.

Хорошо, что Еве вкратце поведали, с кем ей предстоит иметь дело. Учитывая обстоятельства, с такой особой стоило держать ухо востро.

– Соотечественницам Евы всегда рады в нашем общем доме, – учтиво откликнулся Мирк. Вновь повернулся к дроу. – Повелитель, я предпочёл бы продолжить разговор с глазу на глаз. Конечно, в сопровождении избранных представителей вашей охраны.

– И моего Первого Советника. – Альянэл указал на колдуна, державшегося за его правым плечом. – Лодберг из рода Миркрихэйр. Вынужден настаивать на его компании.

Не выходя из-за спины Повелителя, колдун поклонился монаршим особам; он улыбался – так тонко, что улыбку почти скрыла густая щетина на щеках.

О Лодберге из рода Миркрихэйр Ева тоже была наслышана. Своим Первым Советником Повелитель дроу избрал правнука Ильхта Злобного, легендарного колдуна, когда-то развязавшего самую кровопролитную войну за всю истории Риджии. Слава богу, внучок не пошёл в предка, однако специфический склад ума и амбиции от него, видимо, позаимствовал. Ходили слухи, что колдун он слабый, а в Советники пролез через постель сестры Повелителя: Лодберг всерьёз намеревался породниться с королевской семьёй, но принцессе

подыскали жениха получше. Колдун, впрочем, не особо огорчился и уже спустя пару дней был замечен в объятиях новой пассии, что многое говорило о его чувствах к той самой принцессе.

Глядя на него сейчас – симпатичного, приветливого, светлоглазого, – Ева никогда не предположила бы, что этот милый молодой человек способен на хладнокровный расчёт.

– Не вижу никаких причин для возражений. – Мирк указал на двери в кабинет, уже распахнутые услужливым лакеем. – После вас.

Прежде чем Повелитель принял приглашение, Ева заметила у него на пальце серебряное кольцо с рунной насечкой: ровно такое же блеснуло на руке риджийского колдуна.

Как только за венценосными особами затворились двери, придворные робко обступили тех из Детей Луны, что остались в зале, – в кабинет за Повелителем проследовала лишь пара гвардейцев. Дроу держались надменно и довольно-таки холодно, но это не мешало керфианцам пытаться их разговорить, в процессе восхищённо любуясь чужеземными диковинами. Улыбался и охотно поддержал беседу лишь один, в бело-красном одеянии – он казался старше остальных, невзирая на столь же молодое лицо. Помимо пары десятков гвардейцев и колдуна Альянэла сопровождали пятеро дроу в обычных парадных одеждах: те же шёлковые рубашки и камзолы без рукавов, что у Повелителя, лишь других цветов. Все мужчины. Среди эльфов затесалось несколько фрейлин Кристи, Повелительница людей также включила в свою свиту представительниц прекрасного пола, но вот лепреконы и дроу прибыли суровой мужской компанией. Впрочем, Повелитель лепреконов – единственный – даже личным появлением их не удостоил, вместо себя прислав посла. Должно быть, для него волшебного колечка не нашлось, а рисковать головой правитель маленького народа не решился.

Чувствуя себя немножко потерянной, сдерживая желание немедленно присоединиться к Герберту, который скупающе следил за дроу у ближайшей колонны, Ева вместо этого направилась к Белой Ведьме. Снежана не двинулась с места и, опираясь на знамя, глядела на неё с нехорошей пристальностью.

Она не может знать, напомнила себе Ева, пытаясь избавиться от ощущения, что с каждым шагом приближается к капкану. *Даже если видит мою ауру.*

Чтобы маги (при дворе их было немало) не сделали неприятное для себя открытие, вздумав посмотреть на Избранную магическим зрением, Герберт скрыл её истинную ауру мороком. С аурой проверить такое было непросто; некромант долго объяснял почему, но Ева поняла лишь, что подделать ауру с нуля невозможно, ибо само колдовство оставило бы подозрительные следы. В итоге Герберт фактически сделал слепок с ауры Мираны, и теперь Еву незримо окутывала её точная копия. По этой причине она старательно держалась от госпожи полковника подальше – встань они бок о бок, мог произойти казус. Впрочем, Герберт успокоил её, что сама по себе аура постоянно видоизменяется: потоки силы в человеческом теле волнуются и текут, словно пламя свечи, пусть и подчиняясь некоторым закономерностям, и заметить сходство в любом случае почти невозможно...

– Кто бы мог подумать, – произнесла Ева, чопорно сложив на животе руки в перчатках. – Встреча трёх подруг по несчастью в один день.

– Так вы считаете это несчастьем? – глаза Снежаны, синющие и циничные, изучали её лицо из-под редкой чёрной чёлки. – Надеюсь, вы не против, что я перешла на русский.

Эти глаза странно выглядели на юном личике и странно сочетались с детской припухлостью бледных щёк. Особенно учитывая, что Ева смотрела в них сверху вниз: гостья была ниже неё минимум на полголовы, а под Евиной юбкой сегодня к тому же скрывались каблук.

– На первых порах точно считала, – осторожно сказала Ева. – И всё равно скучаю по дому.

– Но теперь ваш дом здесь. «Да прилепится к мужу своему», если перефразировать Библию. – В словах Снежаны скользнул такой яд, что Еве сразу стало ясно: главную пользу Библии гостья видит в том, что в экстренном случае ею можно растопить камин. – Вы выбирали между двумя мирами и склонились к этому. Стоит ли называть «родиной» тот мир, где для вас не оказалось ничего достаточно родного, чтобы оно перевесило одного человека отсюда?

– Какой милый проницательный ребёнок, – сказал Мэт, подав голос впервые за день. – Но я бы на твоём месте не пытался кормить её с ложечки. Без руки ты вряд ли провернёшь вечером то, что хочешь проверить.

– Родина остаётся родиной. Всегда, – молвила Ева сдержанно. – Надеюсь, вам понравится в Керфи.

– Аналогично, – очень серьёзно откликнулась Белая Ведьма.

– И, надеюсь, вам понравились наши подарки.

Дары ждали риджийцев в покоях, куда дорогих гостей проводили прежде, чем они удостоились аудиенции. Клинки для гвардейцев, инкрустированные самоцветами кинжалы – для Советников, корона для Повелителя, магический амулет для колдуна. Кажется, для Белой Ведьмы тоже что-то приготовили, но детали Ева забыла.

– Они великолепны. – Тон девчонки остался прохладным. – Хотя для меня лучшим подарком послужило бы разрешение посетить вашу библиотеку. Некромантия крайне меня заинтересовала, а в Риджии, сами понимаете, трудно достать добротные трактаты по той области магии, которую на её землях не практикуют.

– Вы ведь не некромант.

– Я маг. И учёный. Меня интересуют все подразделы магической науки. – Девчонка держалась равнодушно, как счётная машинка, но в интонации Ева услышала примесь раздражения: не то тем, что какой-то подраздел науки по невероятной оплошности судьбы остался вне пределов её досягаемости, не то Евиной непонятливостью. – Единственной книгой, в которой я нашла что-то, похожее на научные выкладки, оказались «Исследование посмертия» Шамблера.

– О. – С этим трактатом Ева и сама была хорошо знакома. «Исследование» занимало почётное место на полке одного из шкафов в библиотеке Рейолей, и оттуда Ева почерпнула немало информации об умертвиях в далёкие времена их с Гербертом холодной войны. – Так вы читали Шамблера?

Отстранённо глядя на двери, за которыми беседовали два короля и у которых дежурила лично Мирана Тибель, девчонка подтвердила информацию кивком.

В воздухе разлилось долгое молчание, разбивавшееся на отзвуки отдельных диалогов, жужжащих в стороне.

– И что думаете? – сказала Ева, пытаясь поддержать беседу. Сама не понимая зачем: просто невежливо и глупо казалось переброситься с соотечественницей всего несколькими фразами.

– В данный момент я думаю о бритве Оккама.

Ева воззрилась на собеседницу в ожидании пояснений.

Ответный взгляд показался ей до обидного стоическим.

– Вы пытаетесь понять, при чём тут бритва Оккама, – уточнила девчонка, – или незнакомы с данным методологическим принципом?

– Боюсь, и то, и другое.

– Бывает. – Вид у Белой Ведьмы сделался скучающим. – Если упрощать оригинальную формулировку монаха-францисканца Уильяма из Оккама, жившего в четырнадцатом веке и потому изъяснявшегося довольно пространно, данный принцип гласит «не умножай сущности без необходимости». В современной науке под бритвой Оккама обычно подразумевают тезис «простейшее объяснение всегда лучшее».

– Понятно. – Ева предпочла проигнорировать подтекст, сквозивший между строк: *«Это знает и первоклассник, но чего ещё ждать от милой простушки вроде тебя»*. – И при чём здесь эта самая бритва?

– Ваша фамилия случайно не Нельская?

Когда Ева приоткрыла рот, пытаясь поймать хоть слово в безмолвной растерянной пустоте, затопившей мысли, взгляд девчонки сделался ещё снисходи – тельнее.

– Ваша сестра. Дина «Эленвэ» Нельская. Киберспортивный комментатор. У меня есть... был... плакат с подписями русских талантов, и её в том числе, – сказала Снежана. – Я геймер... была в том мире, вернее. Среди русскоязычных комментаторов Эленвэ мне нравилась больше всех. Особенно в паре с Сервелатом. Хотя не суть. – Она удовлетворённо пригладила чёлку. – Я с первой минуты думала, почему ваше лицо кажется мне знакомым. Перебирала самые невероятные варианты. А всё куда проще – оно *действительно* мне знакомо. Эленвэ выкладывала в твиттер ваши совместные фото, не говоря уже о том, что вы очень похожи.

Этот грёбанный мир тесен, как хроматическая гамма, подумала Ева потрясённо. *И не только этот*.

– Можешь намекнуть ей, что подобные речи лучше начинать со слов «элементарно, Ватсон», – заметил Мэт. – Раз уж она питает явную слабость к тому, чтобы ослеплять окружающих блеском своего недюжинного интеллекта.

– Я... даже не знаю... такое совпадение просто нереально.

– Воистину. Никогда не думала, что увижу сестру Эленвэ при таких обстоятельствах. И в такой роли. – Взявшись за древко обеими

руками, Белая Ведьма привалилась к нему, словно к поручню в метро. – Слышала о вашей схватке с драконом. Огненный меч, пророчество, победа над злой королевой... весьма оригинально.

Ева уставилась, пытаясь понять, говорит она искренне – или очень изощённо издевается.

– Видимо, в нашем мире вы читали не слишком много фэнтези, – осторожно предположила она.

– На досуге я предпочитала кодить.

– А, так вы программист?

– Училась на ВМК МГУ. Попала сюда прежде, чем перешла на третий курс. – Снежана избегала смотреть ей в глаза, фокусируя взгляд где-то в районе Евиного плеча. – Ах, да, и поздравляю с грядущей свадьбой. Невероятная удача: прибыв в чужой мир, так стремительно устроить свою судьбу. И с таким комфортом.

Она держалась донельзя серьёзно, говорила серьёзно, смотрела серьёзно – как человек, который в жизни не читал ничего, кроме учебников по программированию. Даже если бы кто-то из придворных понял, о чём они говорят на незнакомом языке, никто не посмел бы обвинить её в неучтивости.

Лишь в чём-то едва уловимом, четвертью тона примешавшемся к словам, Ева уловила гнусный смех тролля – достаточно умного, чтобы прятать бородавки и зелёную шкуру под эльфийским капюшоном.

– Кристине повезло не меньше.

– Статистика, говорящая в вашу пользу, не делает вашу удачу менее невероятной. – Белая Ведьма пожала плечами. – Видно, девушкам из нашего мира свойственно находить ключи к королевским сердцам и простые дорожки к трону. Во всяком случае, тем, кто так же прелестен, как вы. Для меня подобных бонусов уже не осталось.

Сарказм в ровном голосе почти прорезался наружу, и на миг Еве захотелось, истерически рассмеявшись, поведать собеседнице правду. В подробностях, в красках, живописно расписав самые милые эпизоды: свою голову, пробитую стрелой Айрес, мёртвые глаза Гертруды, опустевшее поместье Кейлуса. Просто чтобы посмотреть, как это невыносимое выраженьице сотрётся с её лица.

...эта надменная пигалица смотрела на неё так, словно знала всё на свете. Словно в один миг, где-то после своей лекции о монахе из Оккама, взвесила Еву на невидимых весах – и нашла удручающе

лёгкой. Ведь со стороны она видит то же, над чем и сама Ева наверняка бы посмеялась: девочку-блондинку со смазливym личиком, очередную героиню истории, избитой до зубовного скрежета, красивую дурочку, прошествовавшую к короне по проторенной штампами сказочной дорожке...

– Зато вы можете греть свою душу тем, что слишком умны, чтобы нуждаться в подачках судьбы, и выбиваетесь из убогого серого большинства, – сказала Ева любезно. – Если, конечно, ваша душа нуждается в том, чтобы её согревали подобными доводами вместо любых других.

Когда пигалица, сощурившись, попыталась перехватить её взгляд, Ева уже разворачивалась на каблуках, собираясь лично поприветствовать ближайшего дреу.

Месяц назад мнение незнакомой пигалицы было бы последним, что её волновало. Сейчас в Евиной душе болело слишком много мозолей, чтобы у высокомерной маленькой засранки вышло не отравить хотя бы одну из них.

Но поскольку Белая Ведьма не должна нашептать на ухо Повелителю дреу то, что не понравится Мирку, к вечернему приёму Еве лучше набраться столько терпения, чтобы в полной мере соответствовать поговорке про пульс покойника.

* * *

– Не могу не отметить ещё один твой талант, – сказал Герберт, когда после очередного танца с Мирком Ева привалилась к колонне по соседству. – Обычно этому учатся годами.

– Чему? – уточнила она, старательно изображая тяжёлое дыхание.

– Умению избегать нежелательных персон в хаотическом бальном движении, где вероятность столкнуться приближается к отметке «обязательно». – Некромант скупо улыбнулся: кажется, впервые за последние дни, хотя теперь они виделись слишком редко, чтобы Ева могла сказать точно. – Так умело выстраивать свою траекторию в обход риджийцев – заслуживает похвалы.

Приём был в разгаре. Белое золото тронного зала обволакивал бальный дурман. Трон пустовал – Мирк, как и после коронации,

предпочёл быть ближе к народу. Вон, к слову, и он: беседует о чём-то с лепреконами, умудряясь смотреть сверху вниз без малейших признаков унижительного превосходства. Зелёное пятно представителей маленького народца (лепреконы, совсем как в сказках, дружно облачились в мшистое, болотное и травяное) окружала разномастная пестрядь керфианцев; время от времени чёрными проблесками мелькали дроу, не танцевавшие, но лениво курсировавшие в толпе. Зато среди танцующих то и дело виднелся летящий шёлк эльфийских одежд и бархат – людских.

Даже людей из Риджии легко было отличить от керфианцев. Если керфианская мода приближалась к викторианской, риджийцы одевались так, будто ограбили съёмочную площадку «Игры Престолов».

– Они нас не услышат? Магией, имею в виду, – добавила Ева вполголоса.

Она избегала риджийцев даже не потому, что ей не слишком хотелось вновь выслушивать колкости Белой Ведьмы или восторги Повелительницы эльфов. Просто ей не улыбалось в который раз рассказывать прекрасную ложь о своих злоключениях в чужом мире.

И чем меньше соотечественницы услышат от неё, тем меньше вероятность, что они случайно обнаружат невидимые керфианцам белые пятна.

– Они не рискнут колдовать здесь. Охранные чары в зале среагируют, и Мирана крайне этим заинтересуется. – Герберт повернулся к ней, привалившись плечом к колонне; алый бархат его выходной куртки растекался по светлому мрамору, словно кровь на снегу. – Как ты?

Он не касался её. Не смел. И больше не улыбался – тоже не смел.

Но в его взгляде Ева прочла столько, сколько не выразила бы ни одна улыбка.

– Устала, – признала она. – Немного.

Хорошо, что в её состоянии ей не грозят кровавые мозоли на пальцах. Ева давно не занималась так исступлённо, как в последние дни – и давно так не радовалась, что ей не требуется сон.

– Если ты сошлешься на головную боль и уйдёшь, никто тебя не осудит.

Она промолчала. Опустила глаза, чтобы поправить чёрные перчатки, гармонировавшие с кружевной отделкой платья из шуршащей

тафты: сегодня Мирана облачила её в голубое.

Она сама не знала, почему никому не сказала о том, что хочет сделать. Никому, кроме Мирка да скрипачей на помосте, сейчас выведивших мелодию очередного танца. Наверное, Мирана о чём-то догадывалась – накануне ведь Ева спрашивала, где и когда она может найти придворных музыкантов, а потом попросила отвезти её во дворец, пока те не закончили репетировать. Впрочем, госпожа полковник ничего не сказала, а музыканты не посмели отказать будущей королеве. Хотя они вроде даже отнеслись к её затее с одобрением. Вот Герберту она отчего-то не решилась открыть, почему пока не может уйти и чего ждёт Дерозе в том самом кабинете, где днём вели приватную беседу королевы и короли. Собственно, то была первая причина, по которой Ева вынуждена была просить разрешения у Мирка: виолончельный футляр – не та вещь, которую можно спрятать незаметно.

Вторая причина – ей не хотелось своей выходкой случайно его опозорить.

– И на твоём месте я бы сделал это прямо сейчас, – добавил Герберт, пока она старательно тянула скользкий чёрный шёлк, норовивший сползти ниже локтя.

– Ещё час-другой я вполне...

– У меня есть все основания думать, что Советник Повелителя дроу идёт к нам не просто так.

Когда Ева вскинула голову, бежать было поздно.

– Да хранят вас звёзды, тир Гербеуэрт. – Лодберг из рода Миркрихэйр приблизился к ним неторопливо и пружинисто, словно кот. – Вот и вы, лиоретта. Долго же пришлось вас искать. Удостоите меня одним танцем? Если, конечно, наследник меня не опередил.

Надеясь, что выражение её лица сделалось не слишком подозрительным, Ева воззрилась в серые глаза колдуна. Там искрились бальные отблески, мягкое веселье – что угодно, кроме угрозы или корысти. Благородное лицо с правильными чертами могло принадлежать рыцарю, другу, мудрому кудеснику из сказок – никак не придворному интригану.

Он казался удивительно мил. Слишком мил для того, чтобы это было правдой.

– Кажется, – встрял Мэт, – настал момент, когда малышу было бы уместно в кои-то веки повести себя как порядочный принц и спасти прекрасную деву от чар злого колдуна.

– Наследник не жалуется танцы, – сказала Ева, поглядев на Герберта почти с мольбой.

– Даже если б жаловал, с моей стороны было бы оскорблением отобрать у гостя один из немногих танцев с лиореттой, что судьба может ему подарить, – голос Герберта сделался таким безразличным, словно его устами вещал призрак, давно и надёжно утративший какой-либо интерес к презренным мирским делам. – Если, конечно, лиоретта расположена танцевать.

...типичный Герберт. Даже тут не поступился своей драгоценной нелюбовью к публичным увеселениям.

Еве вдруг стало обидно. Что он делает? Проверяет её? Хочет, чтобы она сама нашла в себе силы соврать – в очередной раз?..

– Лiorетта расположена, – губы разомкнулись почти против воли, пока пальцы с тем же самоволием ложились в протянутую ладонь колдуна. – Разве могу я отказать, если сам наследник счёл бы это оскорблением?

Лицо Герберта осталось бледным и бесстрастным, – и, вышагивая рядом с иноземцем туда, где мужские и дамские туфли сплетали паутину фигур и па, Ева мельком подумала, что перегнула палку.

Герберту приходится тяжелее, чем ей. По многим причинам. Не стоит ждать от него защиты там, где ей куда проще защититься самой.

– Благодарю, – сказал колдун, когда они заняли место среди сиятельной толпы, раскланивающейся по завершении очередного танца. – Не думал, что вы согласитесь.

Ева вопросительно вскинула брови:

– Почему же тогда вы меня пригласили?

– Решил, что это самый простой и надёжный способ поймать вас для разговора. – Лодберг улыбнулся. Ева заметила, что он часто улыбается – и что улыбка эта как нельзя лучше идёт к его располагающему образу. – Утром нам не удалось перекинуться словечком, а вечером вы стали досадно неуловимы.

Она пожалала плечами – очень естественно:

– Просто не подозревала, что вы жаждете моего общества.

Музыканты заиграли энедетт: неторопливый, на четыре доли, без перемены партнёра. Почти идеальный для беседы. Можно было бы подумать, что Лодберг заглянул в программу танцев, чтобы подобрать подходящий... если б она существовала.

– И о чём же вы хотели поговорить?

– Видите ли, лиоретта, – начал колдун, пока они, соединив расправленные ладони, медленно обходили друг друга, – я в каком-то смысле являюсь специалистом по иномирам. Я помогал Снежане, когда она только начинала путь в этом мире. Я помогал Кристе, когда она попала в затруднительное положение. И хотел бы помочь вам.

– Каким образом?

Лодберг закружил её под рукой; ловко перехватив девичьи пальцы в финальном повороте, повёл её вперёд степенным, уверенным шагом. Танцевал он хорошо.

– Насколько мне известно, в эту область магии керфианцы не углублялись, но я долго изучал прорехи между мирами. Я открыл заклятие, которое позволит вам увидеть тех, кого вы любите. Друзей. Родных. – Следующая фигура вновь развернула их лицом к лицу, чтобы Ева смогла недоверчиво заглянуть в светлые, очень цепкие глаза. – Полагаю, на родине у вас остался кто-то, кого вы не отказались бы проведать.

За серым туманом его радужек пряталось что-то, недоступное ей. За маской участливости – намерения, которые ей очень хотелось разгадать.

У услуг всегда есть цена. Особенно когда их предлагает незнакомец. И с каждым новым тактом Ева уверялась в мысли, что Лодберг из рода Миркрихэйр не похож на человека, который может продешевить.

– Это... щедро, – сказала она, прощупывая почву.

– Будь вы в другой ситуации, я бы сделал ещё более щедрое предложение. Но, полагаю, вы в этом не заинтересованы.

Она отметила, как спокойно и просто это было озвучено. Никаких многозначительных интригующих ноток. Голый факт.

Едва ли Первый Советник Повелителя дроу встречался с демонами, но если бы встретился, ещё вопрос, кто кому преподавал бы пару уроков грамотного искушения.

– Не говорите обиняками, Советник. Вы не можете знать моих интересов.

– Это верно. – Глаза колдуна блеснули почти весело. – Зато я знаю, как вернуть вас домой.

Ева порадовалась, что новый переход вынудил её отвернуться. Она неплохо владела собой, но не настолько, чтобы новость не отразилась в её лице эмоциями, которые ей совсем не хотелось показывать.

«Я знаю, как вернуть вас домой». Фраза отдалась в голове потрясённым эхом, на миг заглушив и музыку, и бальный шум, разбилась на осколки слов, словно витражи на стенах вокруг.

...«вернуть вас домой». Вот так просто. То, о чём она не осмеливалась даже задумываться, вдруг без спроса подают ей на блюдечке.

...«домой»...

– Оп-па. – Мэт присвистнул от удовольствия.

...что ж, либо это проверка гнусной и бессовестной ложью, либо предложение *слишком* щедрое, чтобы Еву могла не ужаснуть предполагаемая цена. Прекрасно. И ещё прекраснее то, что Ева знала, как должна на это реагировать: никак. Будущая королева Керфи и счастливая невеста не могла думать о том, чтобы отказаться от магии, порвать с Мираклом и упорхнуть обратно в Москву, к своей скучной обыденной жизни в скучном обыденном мире.

Или...

– Во всяком случае, я изобрёл ритуал, который теоретически позволяет пройти через прореху с этой стороны. И выйти в том мире, что вы покинули, – как ни в чём не бывало продолжил Лодберг, когда они снова развернулись друг к другу. – Полагаю, вам это неизвестно, но при должном мастерстве можно вычислить место, где откроется...

– Где откроется очередная прореха из нашего мира в ваш. Знаю. – Ева вскинула руку, чтобы их пальцы окошком соединились над головой. – Вы сказали «теоретически». А практически?

...в конце концов, пока никто не говорил, что это билет в один конец. И в любом случае ей семнадцать, а по ту сторону прорехи у неё остались люди, по которым она не может не скучать. Она юная особа, полная противоречий. Даже если это простая проверка, едва ли она провалит её, выказав свою заинтересованность.

Страшно, что она так долго играла в те чувства, которых не испытывала, что теперь боялась проявить настоящие.

– Практически мои опыты не увенчались успехом, – ничуть не смутившись, сказал колдун, пока они сходились и расходились, меняясь местами через кружево лёгких и изящных восьми шагов.

– Что делает ваше предложение не настолько щедрым.

– Видите ли, этот мир не отпускает того, кто успел пустить в нём слишком длинные корни. И вернуться может лишь тот, кому есть куда возвращаться. Я бы даже сказал, *к кому* возвращаться. Но все мои подопытные выбирали остаться здесь. Там их ничто не держало.

А ты с чего-то уверен, что мне есть к кому возвращаться, подумала Ева, пытаюсь разобрать хоть что-то за его непроницаемым дружелюбием. *Из чего можно сделать вывод, что Белая Ведьма насплетничала тебе про мою сестру.*

Ева тоже читала Динкин твиттер. И прекрасно помнила, как часто та выкладывала фото счастливых сестёр Нельских, сопровождаемые сердечками и подписями вроде «зависли в океанариуме с сестрёнкой, люблю её».

– Снежана тоже была среди ваших подопытных?

– Была, – легко подтвердил Лодберг.

– Она сирота?

– Насколько я знаю, в том мире у неё остался отец, но у них были не слишком хорошие отношения.

– И ни одной подруги? Друзей? Вещей, от которых она не смогла бы отказаться? – Ева не представляла, чтобы геймера и программиста прельстил мир без компа и интернета. Динку бы точно не прельстил. – Хотите сказать, она просто добровольно выбрала магию и почётную должность знаменосца?

– Она выбрала меня.

Тихий ответ почти слился с голосами скрипок. Или как их там называли местные – сути это не меняло.

Так вот чьи объятия утешили тебя после расставания с принцессой дроу, думала Ева, пока они бок о бок скользили по белому мрамору, сиявшему отблесками кристаллов и оконных витражей. *Неожиданно. Или очень ожидаемо – если посмотреть с другой стороны.*

В одном Бела́я Ведьма была права: они безошибочно находили дорожки к трону. Только вот далеко не всегда прямые и лёгкие.

– В каждом из миров есть много прекрасных вещей, ради которых стоит жить. Здесь. Там. Просто жить. – Колдун отступил для завершающей фигуры. – Но в конечном счёте люди всегда привязывают нас легче и надёжнее всего. – Он поклонился, не опуская головы, и этот неотрывный взгляд пробрал Еву почти до мурашек. – Думаю, вы можете это понять.

Приседая в реверансе, она вспомнила далёкий, очень далёкий вечер, когда Герберт задал ей простой и такой многогранный вопрос.

...«ты останешься со мной?»...

– Почему вы предлагаете мне это?

Ева не замечала людей и эльфов вокруг, расходившихся для отдыха или заступающих в центр зала для нового танца. Не сопротивлялась, когда её подхватили под руку, увлекая куда-то: наверное, вернуть Герберту или проводить к Мирку. В голове теснилось слишком много мыслей, догадок и лихорадочных соображений, чтобы задумываться о таких вещах.

Сейчас они были лишь ещё одним маленьким потоком в великосветском море, старавшимся не пересечься с другими.

– Не верите, что я просто хочу помочь?

– Увы, Советник. Такой подарок, как безосновательная вера, даётся далеко не всем. Если и даётся, то прискорбно легко теряется.

Лодберг засмеялся – коротким, очень приятным смехом, в нужной степени бархатистым и звонким.

– Считайте это подкупом. – Он прокладывал путь сквозь толпу с небрежной лёгкостью. Замечавшие их приближение торопились расступиться, но многие гости были слишком заняты беседой; тем не менее колдун пробирался вперёд так уверенно, что Ева ни разу не задела чей-то неаккуратно выставленный локоть. – Я заинтересован в том, чтобы наладить хорошие отношения с вами и вашим женихом.

– Или с моим женихом через меня.

– Читайте, как вам угодно.

– По-вашему, Миракл будет вам благодарен, если вы поможете его невесте сбежать в другой мир?

– Истинно любящий вас будет благодарен, если я помогу вам обрести счастье. Вне зависимости от того, является ли вашим счастьем

он – или дом. – Мягко притормозив, колдун наконец выпустил её руку. – Кажется, Криста, у меня для тебя подарок.

Ева запоздало повернула голову, прекратив тщетно искать подсказки в его чётком профиле.

Повелитель дроу, Повелительница людей и Повелители эльфов поприветствовали её калейдоскопом улыбок, включавших в себя пёстрый спектр эмоций – от расположения до почти откровенной хищности, – и Ева почти увидела, как Мэт в её голове устраивается поудобнее.

– О, это ты! – Криста немедленно перехватила её опущенные руки. Она перешла на «ты» ещё на дневной аудиенции, если слово «перешла» применимо в случае, когда говорить «вы» даже не пробовали. – Так рада снова тебя видеть! Весь вечер тебя ищу!

Феноменальная доброжелательность этой девушки валила с ног.

– Она только недавно сетовала, что её прекрасная соотечественница неуловима, как дым, – сказал эльфийский правитель. Как ни странно, из всех встретивших Еву улыбок его казалась наиболее человеческой – и одновременно нейтральной, под стать бесстрастному лунному серебру его одежд; поскольку Дэнимон стоял плечом к плечу с Повелителем дроу, облачённым в ночной бархат, зрелище выходило и вовсе фантастическое.

– В менее поэтичных выражениях, – добавила Белая Ведьма.

Она тоже была тут как тут. И, возможно, Еве только почудилось собственничество в том, как она немедленно шагнула к Лодбергу, чтобы уцепиться за рукав его мантии.

– К счастью, из сетей Лода не ускользнуть даже дыму, – произнёс Альянэл.

– О, твой Первый Советник как никто умеет расставлять сети, – фыркнула Повелительница людей, юная и смуглая королева Навиния.

Лепреконы весь вечер держались особняком, сбившись в кучку, как и гвардейцы дроу. Эльфы и люди предпочли слиться с толпой. Но эти шестеро смотрелись вместе так органично, как не могли смотреться люди (и не совсем), объединившиеся только потому, что их окружали чужаки. Они выглядели... *дружно*. И явно были большим, чем просто соотечественниками и коллегами по короне.

Ева внезапно ощутила себя куда более одинокой, чем могла чувствовать себя просто девушка из другого мира, потерявшаяся среди

чужих лиц.

– Надеюсь, теперь-то ты расскажешь свою потрясающую историю? Пожалуйста, мне так интересно! – Криста воодушевлённо сжала её ладони в своих; Ева даже сквозь перчатки ощутила, как тепла её кожа, разгорячённая танцами и бальной духотой. Рукава белого платья Повелительницы эльфов подметали пол, золотые локоны обрамляли голубоглазое лицо, точёное, как скульптуры Венеры. – Как вы встретились с Мираклом? Как вам удалось свергнуть его тётушку? И как ты только смогла убить дракона?

– О последнем подробнее, если можно, – пропела Навиния: высокая, гибкая, в облегающем солнечном шёлке, с водопадом чёрных волос, прижатых к голове серебряной сеткой. – Я слышала, вы владеете огненным клинком – как и я. Хотела бы услышать захватывающую повесть о том, как одно из опаснейших созданий нашего мира удалось одолеть кому-то, кто с детства не упражняется в боевой магии и владении мечом.

Вокруг сама собой образовалась почтительная пустота. Кажется, другие гости с интересом наблюдали за беседой, но встретиться с ними глазами было невозможно – взгляды придворных были осторожными, как лесные зверьки, прячущиеся при малейшем признаке опасности. Ева подумала, что их компания должна фантастически смотреться со стороны: дроу, эльф, колдун, королева и три попаданки, одна из которых – зомби с демоном в светлой головке.

Даже жаль, что о последних пунктах никто не подозревает.

– Это очень долгая история. Боюсь, здесь слишком шумно, чтобы я могла рассказать её до конца, не сорвав голос.

– И правда, Вини. – В том, как Альянэл коснулся плеча Повелительницы людей, сквозило нечто почти интимное. – Полагаю, у вас будет возможность побеседовать с лиореттой в более благоприятной обстановке.

Перед балом Повелитель дроу скинул королевскую мантию, зато простой венец, в котором Ева видела его днём, сменил другой: изящное переплетение шипов и серебряных ветвей, держащее крупный аметист, подарок Миракла. Впрочем, Ева ещё на аудиенции думала, что дроу не требовались символы королевской власти, чтобы выглядеть королём. Альянэл из рода Бллойвуг держался, как держится тот, кто властен и не сомневается в этой власти; он выглядел старше Миракла – не столько

лицом, прекрасным в своей нечеловеческой неправильности, сколько тем, что в этом лице читалось. За насмешливым взглядом, обращённым на Еву, за вкрадчивой тигриной угрозой, читавшейся в каждом его движении, она видела того, кто испытал в жизни очень многое, и большей частью из этого была боль.

Возможно, всё это Еве лишь казалось. В конце концов, она не назвала бы себя знатоком человеческой натуры. Но она слишком недавно общалась с тем, кто за насмешкой и повадками утончённого хищника прятал искалеченную судьбу.

Это напомнило ей, зачем она на самом деле здесь. До сих пор.

– Рада, что вам понравился подарок, – сказала Ева, наблюдая, как в гранях аметиста пляшут белые блики. Это помогало отвлечься от инсинуаций колдуна: она чувствовала его взгляд на своём лице. – Мне говорили, что Дети Солнца и Дети Луны равнодушны к музыке. Скажите, это правда?

По тому, как Альянэл выгнул изломанную белую бровь, Ева поняла, что вопрос застал дроу врасплох. Немудрено – лишь для неё самой он органично вытекал из предыдущего высказывания.

На одном из уроков с Эльеном Ева долго расспрашивала призрака о сказочных народах, силясь понять, насколько реальность отличается от фэнтезийных представлений. Она не преминула спросить и то, действительно ли пение эльфов завораживает смертных. В ответ услышала, что особые эльфийские песнопения и правда могут заморозить, но куда больше Дети Солнца и Дети Луны любят другие песни, – и поют их исключительно для своего удовольствия.

Тогда это показалось ей забавным. Не более.

Три дня назад воспоминание обернулось маячком, подмигнувшим, чтобы указать Еве верный путь.

– Мы более музыкальны, чем люди, пожалуй, – подтвердил Дэнимон, когда Повелитель дроу промедлил с ответом. – Мы любим петь. Любим слушать звуки пения.

– А просто музыку?

– Любая музыка – песня, – наконец произнёс Альянэл, – но струны поют её без слов.

Ева могла бы сказать то же.

– Тогда, если разрешите, я вас оставлю. – Её ладони мягко выскользнули из пальцев Кристи. – И даже если не разрешите.

– Острая аллергия на любовь к музыке?

В вопросе Снежаны вновь прозвучали отзвуки тролльего смешка, но в этот раз Ева встретила взгляд Белой Ведьмы спокойно.

– Я сама музыкант, – сказала она, прежде чем отвернуться. – И у меня есть для вас свой подарок.

– Серьёзно? Сбежать из компании прежде, чем они по-настоящему покажут зубки? Да ладно, ты правда хочешь упустить такое...

Кислый голосок Мэта Ева заглушила коротким, очень решительным «сгинь».

Она почти не помнила, как дошла до кабинета. Ей даже показалось, что двери распахнулись сами собой: Ева просто не заметила лакеев, беспрепятственно впустивших внутрь будущую королеву. Когда она вернулась в зал, неся в руке расчехленного Дерозе, кажется, кто-то посмотрел на неё недоумённо. Может, и нет – она направилась к помосту для музыкантов, не глядя ни на кого, точно так, как выходила на сцену.

Финальный такт очередного танца растворился в шелесте реверансов и поклонов, аплодисментах и гомене слов. Опустив смычок (древко изгибалось высокой дугой, как у лука, на старый земной манер), пожилой скрипач-концертмейстер встретил Евин взгляд и встал, отложив семиструнную скрипку, чтобы выволочь в центр помоста заранее приготовленный стул.

Шагнув на возвышение, Ева развернулась к залу, по которому недоумёнными волнами расходилась тишина.

– Я хотела бы преподнести нашим гостям ещё один дар, – глядя поверх голов, сказала она. Громко, как только позволял непослушный голос. – И... и почтить память человека, который погиб, чтобы мы могли быть сегодня здесь.

Позади музыканты ставили на пюпитр ноты, начертанные её рукой. Еве не доводилось раньше переключать фортепианные пьесы для струнного квартета, но это переложение она написала за одну ночь. Конечно, Кейлус бы сделал это лучше. Потому что был старше. Потому что был гением. Потому что это было его сочинение.

Ева надеялась только, что он простит ей огрехи.

– Я не знала Кейлуса Тибеля. – Эта ложь выговорилась труднее, чем любая другая. – Но я узнала его музыку. Его смерть помогла нам восстать против гнёта Айрес Тибель. Его смерть лишила нас шедевров,

что он не успел написать, и красоты, что он не успел сотворить. Здесь и сейчас я хочу проститься с ним самым уместным способом из тех, что мне подвластен.

Не обращая внимания на перешёптывания и смешки, она села. Устроив Дерозе между коленей, в складках юбки, стянула перчатки, бросив их прямо у резных деревянных ножек. На миг встретилась взглядом с золотыми глазами Повелителя дроу: он шурился там, где Ева его оставила, и что-то говорил Лодбергу. Кажется, насмешливо.

...«я знаю, как вернуть вас домой»...

Ева вытерла ладони о голубую тафту, и лица в зале исчезли. Со всеми лишними мыслями, растворившимися в светлой пустоте, которую могло заполнить только одно.

Кто из великих говорил, что после тишины лучше всего невыразимое выражает музыка?..

– Кейлус Тибель, – сказала она в никуда, даже не пытаясь подражать зычному голосу конференсье, но понимая, что объявить это необходимо. – Романс для сизеллы и клаустура.

Они уже репетировали. Вчера. Всего раз. Но вместо струнного вступления Ева всё равно слышала звуки фортепиано: то, как его играл сам Кейлус.

Это ей не забыть даже на том свете.

Вступила она, конечно, вовремя, как в мёртвом сейчас особняке, когда выводила ту же мелодию на чёрно-белых клавишах. Виолончельное соло легко вознеслось над переливами струнного аккомпанемента, околдовывая бессловесными, лучшими на свете чарами; оно звучало не так вольно, как если б Еве аккомпанировал тот, кто без всяких репетиций пел с ней в едином ритме, но достаточно, чтобы не вызвать недовольства творца.

В этом зале она была единственной, кто знал, как на самом деле должна звучать музыка Кейлуса Тибеля. Единственной, кто мог исполнить её так, как ему того хотелось.

Если другие не понимали её прежде, она заставит их понять.

Растаял помост. Исчезли музыканты за спиной. Растворились в темноте перед закрытыми веками стены тронного зала, цветы, гости, риджийцы. Остались Дерозе и Ева, и звуки скрипок, помогающие ей ткать картины из нот и света, что мерцал в её душе, и тьмы, что прежде была ей неведома, и крови, что роняло её разодранное виной сердце. В

непроглядной ночи путеводный маяк рассыпал лучи по тёмным волнам, обещая, что как бы ни было сейчас больно и одиноко, всё обязательно будет хорошо. Ускользал в зимний шторм тот, кого приходилось отпускать навсегда. На берегу, над гребнями из морского льда плакала девушка, простирая бледные руки к горизонту и молила того, кто уходит, вернуться к ней, но отвечали ей только звёзды, колко сияющие сквозь мрак.

...тогда, вечность назад, в их первый и последний дуэт, Ева не вполне осознавала, о чём он, но осознавала сейчас – то, чего не могла понять и выразить, даже потеряв брата. Вырывая музыку из той глубины себя, что она не открывала никому, которой просто не существовало прежде, Ева играла как никогда; играла так, словно прощалась не только с чужаком, которому уже не сможет сказать «прости», а с другом, миром, самой жизнью. Той жизнью, что осталась по другую сторону границы миров, которую Ева не могла вернуть, даже вернувшись, – ведь прежней её больше не существовало. И маяк пронзал несокрушимую полночную мглу, и уходящий оглядывался, чтобы одарить последней улыбкой всё, что оставалось позади, и девушка отступала от края бездны, утягиваемая теплом, светом, неумолимой и милосердной судьбой, в которой рано ещё ставить точку...

Далеко, где-то в ином мире, девушка на помосте в последний раз провела смычком по струнам, вторившим её неизбывной печали и бесконечной любви к тому единственному, в чём всегда продолжит жить Кейлус Тибель.

Темнота, в которую Ева вернулась из краёв, куда унесла её музыка, ещё миг звенела неестественной тишиной.

Аплодисменты сперва показались ей тихими. Секундой позже стало ясно: нет, они оглушительные. Настолько, что слух не может воспринять их во всей полноте.

Открыв глаза, Ева неуверенно, словно после сна, поднялась на ноги. Заученно, не думая о том, что делает, поклонилась и шагнула с помоста, выпитая до дна. Прежде чем заводной куклой зашагать к выходу, ослабшей рукой неся Дерозе сквозь расступающуюся толпу, посмотрела туда, где в последний раз видела Повелителя дров.

Когда Альянэл из рода Бллойвуг чуть склонил голову, встречая её взглядом, где таяло выражение бесконечно далёкое от насмешки, Ева

без намёка на удовлетворение поняла – подарок принят.

Глава 20

Divisi [\[26\]](#)

Белая Ведьма нашла её на балконе.

Ева стояла, опершись на перила, так и не выпустив из пальцев гриф Дерозе, и смотрела, как за прозрачной стенкой магического купола падает снег, растворяясь в ночи.

– Мои поздравления, лиоретта, – сказала Снежана, прислонясь к каменному парапету. – Вы нашли едва ли не единственный не

предусмотренный нами способ, как нас впечатлить.

Ева не повернулась в её сторону. Лишь удостоверилась зачем-то, что шпиль Дерозе упирается в щель между гранитными плитами, выстилавшими пол.

– А милый ребёнок продолжает приятно удивлять. Если уж она смогла пролезть мимо гвардейцев госпожи полковника...

Ева вышвырнула Мэта из сознания так же жёстко и легко, как минутой раньше. И ещё минутой раньше. Демон прямо-таки жаждал поделиться с ней бесценными комментариями о произошедшем, но Еве очень хотелось побыть по-настоящему одной.

Сейчас заглушить голос в голове было проще, чем когда-либо. Наверное, потому что в ушах всё ещё звучала знакомая мелодия, словно на балкон доносилось эхо романса, до сих пор гулявшего под сводами тронного зала.

– Я сказала охране, что хочу побыть одна.

Балкон был пуст. К моменту, когда Ева пришла сюда, здесь прохладилось (в прямом и переносном смысле) с десятков человек, благополучно пропустивших её выступление, но будущая королева Керфи с несвойственной ей категоричностью обеспечила себе одиночество. Когда же присутствующие удалились, гвардейцам у дверей был отдан приказ никого не впускать.

Ева сама не знала, почему почти не удивилась, что на Белую Ведьму правила не распространялись.

– Трудно отказать важному гостю из страны, с которой ваша страна очень хочет наладить дружественные отношения и который несёт важное послание от Повелителя. Особенно если этот гость умеет подобрать правильные аргументы. – Снежана налегла на камень груди: пажеский костюмчик скрадывал её фигуру, обточив её почти до мальчишеской. – Повелитель Альянэл просил передать своё почтение и благодарность.

– Значит, вам понравилось.

– Ничего не смыслю в музыке. Но Аля и Лод смыслят. Им понравилось. Я им доверяю.

Голос девушки прозвучал прохладно, однако Ева улыбнулась прямо в её слов. В усталом опустошении, всё ещё владевшем ею, всё равно не было места ни злости, ни колкостям.

– Я рада.

Снег над ними повисал в воздухе, оседая сверху искристым навесом. За границей охранной магии, окружившей балкон хрустальной стеной, мороз белил крыши и брусчатку, вился инеем на стёклах. Здесь колдовство удерживало снаружи и мороз, и ночь, не давая им затопить уютный и хрупкий людской мирок, вытеснить тёплый свет, который обитатели дворца хранили вопреки воле тёмного холодного мира.

– Аля сказал, у вас... очень добрая музыка, – после долгого молчания произнесла Белая Ведьма. – Лод когда-то говорил, что человек раскрывается в музыке. Слова могут обмануть. Поступки могут обмануть. Музыка идёт из души и лгать не может. – Она тихо, как-то неловко хмыкнула. – Иногда я рада, что мне этот риск в любом случае недоступен.

Ева крепче сжала в пальцах смычок: тот лежал на парапете, но Ева не решалась его отпустить. Удержалась от желания красноречиво отодвинуться подальше – перчатки она забыла на помосте, и скрыть холодные руки было нечем.

– Эленвэ жаловалась, что вы никогда не играете вместе, – сказала Снежана, не дождавшись ответа. – Всегда думала, почему её сестра упускает возможность, за которую многие бы отдали... многое. Видимо, вы просто предпочитали играть в другом плане.

– Не люблю компьютерные игры. Бесплезная трата времени, как по мне.

– У игр можно многому научиться. Если смотреть в суть. К примеру, один из величайших законов жизни я усвоила в Doom.

– И какой же?

– Если перед тобой закрываются все двери и положение кажется безвыходным, где-то поблизости обязательно отыщется открытая вентиляция. – Белая Ведьма мечтательно созерцала россыпь особняков вокруг дворцовой площади, расцвеченную окнами, прорезанную освещёнными улочками. Снежная ночь размывала фонари, делала их призрачными и зыбкими, словно заколдованные огоньки, какими в сказках злые духи заманивают путников в болото. – Взгляд на звёздное небо и наполненный музыкой слух перед сном – это лучше, чем все твои снотворные снадобья.

Ева не сразу поняла, к чему это. Лишь одновременно со следующими словами сообразила, что собеседница цитирует.

– Это из другой игры. В бисер, – хмыкнула Снежана. – Я бы посоветовала вам прочесть Гессе, но здесь достать его будет трудновато. Математика и музыка, вам бы понравилось. – Заложив руки за спину, Белая Ведьма наконец повернулась к ней. – Поскольку я ничего не смыслю во втором, зато неплохо разбираюсь в первом, в благодарность за блестящее выступление могу устроить обмен опытом и прочесть вам ещё одну лекцию.

– Я уже уяснила, что такое бритва Оккама, – заметила Ева сухо.

– На сей раз не по философии. По математике. Если точнее, о проблеме решения-проверки, она же проблема Кука-Левина. – Снежана чуть наклонила голову; лицо её ушло в тень, прячась за чёрными прядями. – Она входит в список так называемых задач тысячелетия. Важнейшие задачи, которые никто так и не смог решить. Полагаю, вы о них не слышали.

– Не слышала.

– Проблема Кука заключается в том, что на проверку любого решения уходит больше времени, чем на решение самой задачи. Пока никому не удалось найти такую задачу, которая решалась бы быстрее, чем проверялась. Кто найдёт, получит вечную славу и миллион долларов в придачу.

– Неплохо. И что, неужели это так сложно?

– Как ни странно. Хотя, возможно, я стала на шаг ближе к этому. – Снежана опустила руки. Облачко пара, сорвавшееся с её губ, мгновенно растаяло в полумраке. – Извините за это.

К моменту, когда Ева осознала смысл последних слов, Белая Ведьма уже подалась вперёд.

Ева отдернула пальцы почти в тот же миг, как их накрыли чужие. Живые. Тёплые.

Почти.

Чёрт, чёрт, *чёрт*...

– Простите, не люблю, когда меня трогают малознакомые люди, – произнесла Ева так надменно, как позволила ей лёгкая паника. Только не показывать волнения, не показывать, что это вообще стоит внимания, что она... – Я что-то замёрзла. Мне пора...

– Ты умертвие, верно?

Ева отступила на шаг, за Дерозе, что щитом отгородил её от иноземной девчонки с циничными глазами, – и паника, путавшая

мысли в клубок, уступила место звонкой пустоте.

– Не понимаю, о чём вы.

– Твоя аура. – Белая Ведьма не улыбалась, не насмехалась, не торжествовала; нотки снисходительного превосходства, к которым Ева успела привыкнуть, и те исчезли из её речи. – У меня эйдетическая память. Я хорошо запоминаю всё, что связано с визуальными образами. Твоя аура – точная копия ауры капитана королевской гвардии. Ты очень не хочешь, чтобы кто-то касался твоей кожи. Ты не ешь на людях. Да, об этом обмолвились. И Лод следил, как ты дышала, когда танцевала... и волновалась. Вернее, не дышала. А я следила за этим утром, когда ты злилась.

Каждый довод камнем падал на крышку Евиного метафорического гроба.

– Ты не краснеешь и не потеешь, – продолжила Снежана, скрестив руки на груди, неотрывно следя за её лицом. – Конечно, тебя умело накрасили и хорошо напудрили, но...

– И всё? – заставив себя фыркнуть, Ева чуть вскинула руку с виолончелью, готовясь к стратегическому отступлению. – Этих сомнительных оснований вам хватило, чтобы выдвинуть абсолютно дикую догадку?

– ...и чуть раньше я сотворила заклятие, которое понизило температуру вокруг нас достаточно, чтобы из твоего рта пошёл пар.

Застыв вполоборота, Ева безнадежно поздно догадалась, зачем минутой ранее Белая Ведьма прятала руки за спину.

Даже не ощутила. Смешно – и естественно. У Евы теперь вообще не слишком хорошие отношения с чувством холода. И охрана вряд ли встревожится: на балконе и без того действовали температурные чары, а Белая Ведьма лишь внесла в них лёгкие, наверняка очень аккуратные изменения...

– Бритва Оккама. Если в стране некромантов ты встречаешь нечто подозрительное, самый простой ответ – тот, что в этом замешана некромантия. – В том, как Снежана склонила голову, сквозило сочувствие. – А ведь Лод мне не верил. Здесьние маги вообще свято убеждены, что существование разумных умертвий невозможно. Слишком привязаны к вере в необратимость и предначертанность. В душу, богов, судьбу и прочее. Зато я подобрала ответ ещё утром... и

убила на проверку куда больше времени, чем на решение. Жаль только, до Математического института Клэя отсюда далековато.

Её слова по-прежнему обращались дымкой, уносившейся к снежному козырьку над их головами. Дымкой, которой не было в начале их беседы, – и это Ева тоже заметила безнадежно поздно.

Кажется, теперь она смутно понимала, каким образом Белая Ведьма проделала долгий путь от темниц дреу до места за спинкой трона.

– Дай-ка угадаю. Свержение злой королевы прошло не так благополучно, как это обычно описывают?

Свет из зала стучался в витражные окна, проливаясь на гранит снаружи россыпью алых и золотых цветов. По ту сторону фигурного переплёта кружилась бальная пестрота; за ними лгали, интриговали и признавались в сердечных тайнах, но здесь, на каменном пяточке между миром живого тепла и колючей зимней ночью, было только молчание.

Ева стояла, опустив смычок, сжимая виолончельный гриф до неощутимой боли. Не в силах повернуться обратно – и шагнуть к дверям тоже.

Она не знала, что говорить. И надо ли.

– Не хочешь, не отвечай. Мне достаточно знать, что я права. – Белая Ведьма с удивительным равнодушием оперлась спиной на тёмный камень, дугой опоясавший балкон. – Мне жаль, что тебе не повезло.

...все усилия, вся игра, все тщательно выстроенные баррикады притворства – всё разрушилось за секунды. Из-за одной не в меру пытливой пигалицы, которая не верила в очевидное. Или, напротив, слишком верила. Керфианцы наверняка бы тоже смогли свести концы с концами, заметить то, что не так трудно заметить... Если бы хотели – и если бы глаза им не застилало пророчество и блеск королевского венца в её волосах.

Едва ли они поверят чужеземке, даже вздумай та открыть правду. Однако Ева отчётливее прежнего ощутила бездну, над которой балансирует.

С отношением местных к смерти немёртвая Избранная – это полбеда, но если кто-нибудь узнает про Кейлуса и Гертруду...

– Мне нечего отвечать, – сказала Ева, всё же отвернувшись. Шаг в сторону дверей дался с таким трудом, будто виолончель в руке обернулась куском мрамора: все силы уходили на то, чтобы сохранять оскорблённое непонимание в голосе и спокойствие в лице.

– Я искала тебя не из желания поглумиться. Хочу показать тебе твою сестру.

Ева очень хотела не слушать. И не останавливаться. Но всё равно услышала.

И всё равно остановилась.

Когда она обернулась, Белая Ведьма доставала из кармана круглое зеркальце и серебряную табакерку. С какой-то театральностью выложив всё это на парапет, открыла крышку, под которой явно прятался не табак.

– Мне понадобится пара капель твоей крови, – сказала она, достав что-то, похожее на угловатый белый камушек. – И пара минут твоего внимания. Больше ничего.

– А потом вы с Лодбергом пустите мою кровь на опыты, – тихо закончила Ева.

– Если верить тебе, твоя кровь ничем не отличается от моей.

– Но ты мне не веришь.

– Святые ёжики. – Снежана на миг прикрыла глаза, будто не хотела, чтобы Ева увидела, как та их закатывает. – Шантажировать твоего короля будет, бесспорно, увлекательно, но начинать с этого долгосрочные плодотворные отношения двух стран – едва ли хорошая идея. И твоя кровь нам точно в этом не поможет. – Отвернувшись, девушка провела рукой по поручню, на котором остался светлый круг. – Ну, оглашу я правду, и что? Вряд ли меня вообще станут слушать. Даже если послушают, едва ли жителей страны некромантов твоё состояние напугает настолько, чтобы непоправимо навредить Мираклу. Зато отношения с нами точно испортятся безнадёжно, а мы достаточно упорны в намерении восстановить достойное положение Риджии на мировой арене, чтобы бездарно проваливать первые же переговоры с соседями.

Ева смотрела, как белый камушек, оказавшийся мелом, расчерчивает тёмный камень, добавляя в круг шестиконечную звезду.

Ей следовало уйти. Но вместо этого она почему-то смотрела, как Белая Ведьма, почти не глядя, разрисовывает звезду рунными

закорючками.

– В таком случае тебе вообще не стоило об этом заикаться, не считаешь?

– Я сторонник принципа, что почти любая проблема решается, если озвучить её словами через рот. У тебя есть проблема. Мы могли бы её решить. – В сумраке глаза собеседницы казались почти чёрными, провалами выделяясь на белом лице. – Некроманты не могут воскрешать мертвецов... по-настоящему. Иначе тебя уже воскресили бы. Зато мы с Лодом с удовольствием поломаем голову над этой задачей.

Ева знала, что поддерживать этот разговор не стоит, но последнее прозвучало столь неожиданно и абсурдно, что она всё же спросила:

– Зачем?

Снежана покосилась на неё, стрельнув саркастичным взглядом из-под чёлки:

– Я понимаю, что об этом легко забыть, особенно наблюдая за тем, что я делаю сейчас, так что на всякий случай напоминаю – я маг. И учёный. Научный интерес, прелесть свершения первого по-настоящему фундаментального открытия на моём новом поприще, благодарность короля Керфи за спасение его невесты... Сплошные бонусы.

Конечно, скептически подумала Ева. Настолько скептически, что собственную мысль легко было спутать с отголоском веселья Мэта.

Справедливости ради, определённый смысл в доводах имелся. Если Белая Ведьма магией заменяла программирование, которым занималась дома – человека с таким складом ума, каким от Снежаны разило за версту, должна прельщать возможность покопаться в устройстве столь интересного объекта, как не-совсем-мёртвая-девочка-из-легендарного-пророчества. И починить то, что в нём сломано.

– Даже если... подчёркиваю, *даже если* бы ты была права, керфианские маги теоретически тоже способны...

– Я не знаю, на что способны керфианские маги. Но я знаю, на что способна я. И Лод. Он прекрасный целитель, сестра нашего Повелителя – тоже. Эльфам подвластна животворящая магия, какая людям и не снилась. Если кто-то и может решить твою проблему, это мы. – Последнюю руну Снежана вывела, будто ставя точку в конце сочинения. – А пока небольшой аванс, чтобы не выглядеть голословной.

Мел отправился в табакерку. Вместо него Белая Ведьма извлекла тонкую жемчужную шпильку. Умно: с ножом её сюда точно не пустили бы, призвать его значило бы всполошить охрану, зато шпилька выглядела достаточно острой, чтобы эффективно пустить Еве кровь.

...почти такими же Динка закалывала волосы перед концертом.

Лицо сестры само собой всплыло в памяти. Вместе с осознанием (куда более острым, чем шпилька), что за возможность снова увидеть её Ева готова отдать куда больше, чем кровь.

Я не могу тебе верить, думала она, пока Белая Ведьма демонстративно покачивала серебряную безделушку между пальцев. Конечно, не могу.

Но...

Шпиль Дерозе вновь упёрся в пол, знаменуя капитуляцию:

– Что именно... и, главное, каким образом... ты хочешь мне показать?

...в конце концов, едва ли пара капель её крови откроет риджийцам богатые возможности для манипуляций. Магия крови у местных магов существовала, но в Евином состоянии ей мало что могло навредить. О том, чтобы у Снежаны не осталось материала для опытов, она позаботится.

Если подумать, она ничего не теряет.

Ева снова не была уверена, что последняя мысль принадлежит ей: просто потому, что Мэт уже слишком долго вёл себя непривычно тихо.

– Я порезу тебе палец. Ты прижмешь его к стеклу и сосредоточишься на образе того, кого ты хочешь увидеть. После чего я прочитаю заклинание, и твоя сестра отобразится здесь. – Шпилька тихо и глухо стукнула по зеркальцу, возложенному в центр рунной звезды. – Ты узнаешь, где она сейчас. Что делает. Звук не будет – к зеркалам, как ты могла заметить, не приделывают динамики. Считай это односторонним звонком по зазеркальному скайпу.

– Но она меня не увидит.

– Нет.

– И поговорить с ней я не смогу.

– Микрофон в зеркало, как ты могла заметить, тоже не встраивают. Это лучше, чем ничего.

Колеблясь, Ева качнула виолончель, словно трость, – и Белая Ведьма опустила руку со шпилькой.

– Мне в своё время предоставили выбор. Вернуться домой или остаться, – сказала она с внезапной откровенностью. – Я осталась. В нашем мире у меня не оказалось ни одной живой души, которой бы мне по-настоящему не хватало. Там я была большим чужаком, чем здесь. – Снежана уставилась на зеркало, отражавшее зимнюю черноту. – Если там есть те, кто тоскует без тебя, по кому тоскуешь ты... ради кого ты готова рискнуть и довериться подозрительным незнакомцам из чужой страны... ты счастливица. И должна это ценить.

В её лице проявилось нечто, чего прежде Ева не замечала. Нечто... человеческое.

Наверное, именно это послужило причиной того, что Дерозе аккуратно, бережно, как убаюканный ребёнок, опустился на пол. Даже несмотря на то, что его хозяйка прекрасно осознавала – только что она выслушала не самую тонкую манипуляцию.

– Я ценю, – сказала Ева, пристраивая смычок на корпусе. – Так это всё-таки путешествие в один конец.

– Время в наших мирах течёт по-разному. Учитывая, что сама по себе прореха работает исключительно в одну сторону, Земля явно стережёт свои границы. У нас нет магии – и не должно быть. Неизвестно, что вообще с тобой будет, если ты вернёшься: прореха наделяет нас Даром по пути сюда, и мы с Лодом предполагаем, что на обратном пути она его отбирает. Возможно, заодно стирает память обо всём, что случилось здесь. Чтобы уж наверняка. – Снежана пожала плечами. – В любом случае без магии тебе просто не удастся отыскать прореху, чтобы вернуться, а вероятность того, что ты снова провалишься случайно, ничтожна – если верить в то, что мы вообще приходим сюда случайно.

Лекция прозвучала достаточно неутешительно, чтобы сейчас Ева предпочла не думать о ней всерьёз.

– А ты веришь?

– У меня нет убедительных доказательств в пользу какой-либо из моих теорий. – Белая Ведьма протянула ей ладонь. – Руку.

Вместо того чтобы подчиниться, Ева приблизилась и отобрала у неё шпильку.

– Инструкции можешь не повторять. – Серебряное острие вошло в кожу легко, как иголка. Бесцеремонно бросив украшение к ногам, Ева сдавила кончик указательного пальца, выдаивая непослушную кровь;

быстро, пока рана не затянулась, коснулась зеркала – внизу, у самой оправы, чтобы не закрывать обзор. – Начинай.

Хмыкнув с примесью уважения, Снежана легко дотронулась до её кисти.

Ева сощурилась, думая о сестре.

Знакомый смех перезвоном раскатился в ушах. Следом вспомнилось насмешливое и любовное «дурилка». По зеркальцу, скрывая Евино бледное лицо, блеклым мерцанием расползся колдовской перламутр.

Расступился, заменяя отражение настоящего чем-то другим.

Динка сидела на кухне. Не съёмной, а родной, за столом, где дети четы Нельских обедали и ужинали всё своё детство, ещё втроём. Сжимая одной рукой кружку (персональную – она всегда береглась в шкафу специально для Динки), оживлённо жестикулируя другой, сестра что-то рассказывала маме, занявшей место по соседству. Сбоку папа, сидящий и уставший, меланхолично переправлял в рот вечернюю трапезу, пока в окне за тюлевой занавеской угасал закат.

Картинка не казалась ни печальной, ни мелодраматичной. Обычный семейный ужин. Ничем особо не отличающийся от тех, когда у четы Нельских было две дочери, а не одна.

Ничем, кроме того, что мама курила.

Ева смотрела в крохотные, почти неразличимые в зеркальце лица. До боли узнаваемые. Знакомые настолько, что она легко могла дорисовать их выражения.

К курению мама относилась резко отрицательно, запрещая себе сигареты так же строго, как детям. Но к алкоголю она относилась ещё хуже. Поэтому, когда после смерти сына перед Еленой Нельской встал вопрос, чем снимать стресс, она выбрала сигареты. Позже Ева думала, что маме стоило поразмыслить насчёт психотерапевта и антидепрессантов, однако для Елены Нельской визит к кому-то, чья профессия начиналась со слога «псих», ассоциировалось со смиренными рубашками и уютными палатами с решётками на окнах, чего она никак не могла себе позволить. Она даже самой себе не признавалась, что не справляется: хотя бы потому, что у неё оставались другие дети, которые в ней нуждались.

Первый год после Лёшкиной смерти – ровно столько продлилась мамина зависимость от сигарет. Бросила она моментально, без помощи

жвачек и заменителей, на одной воле – по той же причине, по которой не обратилась к психотерапевту. Динка как-то раз обмолвилась, что мама слишком за них волнуется, чтобы позволить себе бросить дочерей, умерев от рака лёгких.

Ева взгляделась в подоконник, прикрытый прозрачным тюлем. Там вот уже пять лет стояла Лёшкина фотография, вставленная в рамку сразу после похорон. Теперь рядом виднелась другая рамка, отсутствовавшая, когда Ева завтракала на этой кухне в последний раз. В маленькой зазеркальной картинке разглядеть подробности не представлялось возможным, но Ева и без того догадывалась, чьё фото дополнило кухонную экспозицию.

Рука дрогнула непроизвольно – одновременно с губами.

Ещё один их ребёнок ушёл, оставив после себя только фотографии. Даже если официально Ева – пока – просто пропала без вести. Ещё один ребёнок бросил их наедине с тем, что приходится топить в сигаретах, душеспасительной Динкиной болтовне и ужинах, которые изо всех сил притворяются обычными, за которыми вы так стараетесь убедить себя, что жизнь продолжается, что всё идёт, как прежде, – кроме того незначительного факта, что вам никогда уже не собраться за этим столом впятером...

Когда по стеклу пробежала колдовская рябь, стирая тех, от кого Еву отделяла пропасть большая, чем Вселенная, зеркало отразило её жалкое сморщенное лицо.

Рыдания прорвались миг спустя. От воспоминаний плохих и хороших. От мыслей о том, что она неблагодарная тварь. От того, что за сегодняшний вечер Ева испытала слишком много, чтобы теперь это могло не прорваться наружу.

– Эй...

Оклик Снежаны донёсся словно из-за границы миров, будто Евина душа осталась там, на маленькой кухне в бетонной коробке спальной новостройки.

– Они же вроде неплохо держатся... мне показалось. – Чужая рука неуверенно, почти пугливо коснулась её плеча. Белая Ведьма могла похвастаться многими талантами, но мастером утешения точно не была. – Твои родители?

Ева провела по зеркалу тыльной стороной ладони, стирая кровь. Нашарив шпильку у подола юбки – марево в глазах мешало видеть, –

вытерла её о тафту: тщетно пытаюсь справиться с тем, что всхлипами рвалось из груди и холодом заливало щёки, словно вместо слёз на них таял снег.

Даже в такую минуту думает о безопасности. О вещах, что позволят ей ещё некоторое время не выйти из роли. Узнала бы её вообще Динка: лживую, расчётливую, отвечающую ударом на удар?..

...убийцу...

– Я хочу помочь. Правда, – молвила Снежана, когда Ева всучила ей шпильку. – Подумай о том, чтобы поехать с нами. Обставим всё так, что ты отправилась в Риджию послом. Налаживать деловые связи. Керфианцы поймут...

– Что здесь происходит?

Три слова, прошуршавшие ледяной крошкой на ветру, осушили Евины слёзы лучше любых утешений.

Силуэт Герберта разбивал надвое полосу света из открытых дверей.

– Простите, тир Гербеуэрт. – Быстро вернув в карман ритуальные атрибуты, Белая Ведьма рукавом стёрла мел. – Я показала лиоретте её родных, и она... растрогалась.

– *Показали?*

– Заклинание, основанное на формуле Дэлира. Усовершенствованное так, чтобы пробивать барьер между мирами.

Тон Снежаны вернулся к нейтральному градусу профессора за кафедрой, под конец дня изнемогшего от бестолковых студентов.

– Это правда?

Ева не видела лица некроманта – слишком било по глазам сияние из коридора за его спиной. Но поняла, что вопрос адресован ей.

Кивнула скорее потому, что сейчас у неё не было сил говорить.

Следующие секунды она наблюдала, как Белая Ведьма уходит, безошибочно угадав момент, когда ей лучше удалиться. Герберт повернул голову, провожая знаменосца дроу долгим взглядом.

Может, и хорошо, что Ева не видела его глаз: сейчас в них наверняка читалось то, что кислотой могло разесть если не кожу, то душу.

– Что случилось? – когда двери закрылись, Герберт широким шагом переступил через виолончель, лежавшую посреди кратчайшего пути к её владелице. – Что ей нужно от тебя?

На этом месте стоило сказать ему всё. А ещё лучше – чуть раньше. Но Ева просто смотрела на грязное белое пятно, оставленное на камне колдовской звездой.

– Зачем ты ушла? Мирка там осаждают поклонники твоего новоявленного таланта. Страстно желают выразить восхищение.

Вопрос прозвучал не так требовательно, как предыдущие: Герберт постарался подбавить в голос ноток, более подходящих разговору с любимой девушкой, только что плакавшей на твоих глазах.

Ударив ровно в рану, кровоточащую в небьющемся сердце даже сильнее тоски по дому.

– Я не заслужила этого. Почестей. Уважения. Восхищения.

Она столько носила это в себе, что наконец сказать это вслух оказалось почти облегчением.

Почти.

Она видела, как дёрнулся Герберт, сдерживая порыв податься к ней. Балкон королевского дворца, отделявший их от тысячи придворных одной лишь стеной с витражными окнами, был не тем местом, где они могли позволить себе объятия.

– Я знаю, ты считаешь себя самозванкой. Это не так. – Он взял её за плечи: наибольшая степень близости, которую не зазорно проявить кузену короля по отношению к его невесте. – Ты исполнила пророчество, пусть не так, как все считают. Ты одолела Гертруду, заключив с ней мир. Твои действия положили конец правлению Ай...

– Мои действия, из-за которых два десятка людей вырезали, как скот. Я не заслужила быть там, на свету, в красивом платье, пока где-то гниют те, кто погиб из-за меня.

– Ева, не надо.

Он пытался поймать её взгляд, но Ева смотрела в ночь за его плечом.

Снег мелькал и исчезал во мраке. Мгновенно, бесследно. Совсем как человеческие жизни.

– Он погиб. Они все погибли. Из-за меня.

Ей хотелось бы, чтобы от этого стало легче. От слов. От того, что она сделала на помосте бального зала. От того, что теперь, может, музыку Кейлуса Тибеля будут ценить хоть в половину заслуженного. Пусть даже Ева клялась себе не пытаться облегчить вину.

Но всё это не меняло свершившихся фактов. И не могло поднять Кейлуса из могилы, чтобы тот услышал сегодняшние аплодисменты – в его честь.

– Подумай лучше обо всех, кого ты спасла нашей победой. К тому же Кейлус был не из тех, о ком стоит жалеть.

Ева повернула голову так резко, что Герберт почти отшатнулся:

– Он был не таким, как ты думаешь.

– Он хотел меня убить. Если ты забыла.

В словах снова зашелестели отзвуки метели.

...а ведь они говорят о Кейлусе впервые с того дня, как Еву выкрали из замка Рейолей. Герберт ничего не спрашивал о её заточении в дядином особняке. Никогда не видел Кейлуса таким, каким его видела она, – как сам Кейлус никогда не пытался смотреть на племянников другими, непредубеждёнными глазами.

– Он не знал тебя по-настоящему. Он и себя-то толком не знал. – Ева зажмурилась. Так легче было объяснить всё, что требовалось объяснить: не под взглядом знакомых глаз, с каждым словом становившимся всё более колючим. – Он... он был гений. И я была в его власти, но он не делал ничего, что бы причинило мне боль, он...

– Судя по тому, как ты его защищаешь, он делал разве что нечто весьма тебе приятное. – Ладони, лежавшие на её предплечьях, сжались так, что узкие рукава жалобно затрещала по шву. – Ну да, в отличие от меня дорогого дядю вряд ли смущало, что его новая игрушка немножко не жива. Как я мог забыть.

...а ещё до сего момента Ева не задумывалась, как Герберт должен интерпретировать то, что она сделала сегодня. Её странное – для него – отношение к человеку, державшему её в плену.

Но даже если б задумалась, предположила бы какую угодно трактовку, кроме этой.

– Подумай ещё раз, – очень, очень тихо произнесла она, открывая глаза, – что ты сейчас сказал.

Она не знала, что Герберт увидел в её лице. Пожалуй, не хотела знать.

Но тиски на её плечах ослабли.

– Прости. Я не хочу ссориться. Тем более из-за него. – Некромант примиряюще погладил её руку: большим пальцем, коротким, незаметным движением. – Я просто хочу, чтобы ты поняла – твоё

стремление видеть в людях лучшее не всегда применимо. Не всегда помогает. Перестань винить себя за то, что сделала не ты, с человеком, по которому не скорбит никто, кроме тебя.

Ева слышала, как тщательно он пытается смягчить голос. Как искренне хочет помочь. Понимала, как трудно всё это даётся ему, вынужденному наблюдать, как она играет в любовь с другим, а сегодня ещё и выразила иную, неподдельную любовь – не к нему. Понимала, что ей нужно успокоиться и объяснить, что это любовь не к личности, не к телу или душе, что музыка и её создатель ни разу не тождественны. И, наверное, не пытаться доказать, что и создатель всё же был не так плох: во всяком случае, не сейчас.

Жаль только, он выбрал последние слова, которые могли бы её успокоить.

– Снежана предложила мне уехать с ними в Риджию. Они знают, как вернуть меня домой. Может, узнают даже, как воскресить.

Она пожалела о сказанном ещё прежде, чем угасло последнее слово. Она сказала это не только затем, что Герберт должен был это знать – затем, что ей хотелось причинить ему такую же боль, как он причинил ей.

Она ожидала изумления. Гнева. Вопросов. Но он лишь побледнел так, что из них двоих куда больше стал походить на мертвеца.

– Так ты всё-таки хочешь вернуться.

Слова тоже прозвучали мёртво.

– Она... Герберт, она показала мне родителей. Сестру. Им плохо без меня. – Наплевав на возможных наблюдателей, Ева сжала его пальцы, желая уже не ранить, а донести то, что рано или поздно им всё равно пришлось бы обсудить. – Я никогда не говорила, что останусь здесь.

О последней фразе она снова пожалела. Это было жалкое, глупое оправдание, сорвавшееся с языка прежде, чем Ева успела его сдержать.

Снова поздно.

– Ты говорила, что никогда не ударишь меня по больному. Ты – моя боль. Стала ею. – Герберт смотрел на неё, как осуждённый смотрит на палача. – Значит, я не стою того, чтобы выбрать меня?

– Герберт, ты... ты не... ну почему ты сводишь всё к однозначности?

– Потому что это так. – Ладонь, иссечённая паутиной белёсых шрамов, накрыла её губы прежде, чем Ева успела ответить. – Я знаю, что ты скажешь. Ты уже говорила когда-то. Нельзя сводить всё к чему-то одному, мы не можем существовать ради единственной одержимости, даже если это любовь... Но я отдал бы тебе всё, включая жизнь. Ты могла в этом убедиться.

В словах звучала такая болезненная, скупая, трогательная нежность, что Еве снова захотелось плакать.

– Если бы от меня требовалось умереть за тебя, – сказала она, как только его опущенные пальцы позволили ей говорить, – я бы умерла.

– Если ты готова умереть за меня, почему не готова для меня жить?

– А если ты готов, почему бы тебе не уйти со мной?

Прежде это не приходило ей в голову. Она так упорно убегала от мыслей о доме, что так и не доходила до первого перекрёстка, разбежавшегося в стороны не только вариантом «я покидаю его навсегда».

Это тоже сказалось сгоряча, не подумав.

Это был единственный раз за весь разговор, когда Ева не пожалела о сказанном.

Снег падал сквозь ночь, отмеряя секунды.

– В твоём мире нет магии, – наконец вымолвил Герберт. Взгляд его сделался беспомощным, как у ребёнка. – Как я... без неё?

Тоненькая струна надежды, едва успевшая протянуться в её душе, лопнула болезненно и звонко, серебряной пылью осыпавшись в бездну безысходной, беспросветной усталости.

– А как ты можешь требовать от меня отречения от всего, что мне дорого, если сам к нему не готов? – Ева резко подалась назад, стряхивая его руки. – Мне семнадцать, Герберт. Ты немногим старше. Мы не можем быть уверены, что это... то, что между нами... что это навсегда. Что оно стоит того, чтобы ради этого отказаться от всего остального. Если я останусь, а потом случится то, о чём сейчас мы не хотим думать... У тебя будет твоя родина, твоя магия, твой брат.

А у меня?

– Музыка. Магия. Мой брат.

Еве хотелось возразить, но она поняла, что куда больше хочет просто завершить разговор. Несмотря на то что он не мог завершиться на ноте, которая устроила бы обоих; хотя ни одна возможная нота не

устраивала даже её саму. Что бы она ни выбрала, ей всё равно придётся убить часть себя, вырвать из сердца то, что неизбежно оставит рану, которая никогда не заживёт до конца.

Пожалуй, при таком раскладе потеря памяти окажется благом.

– Давай... закроем тему. Больше не будем об этом. Сейчас. Тебе надо подумать. Мне надо подумать. – Развернувшись на каблуках, Ева вернулась к брошенной виолончели. – В любом случае сперва мне нужно ожить.

– А потом, стало быть, ты счастливо со мной распрощаешься.

Дерозе встал на шпиль, стальным острием царапая гранит, пока его хозяйка искала поддержки в родном ощущении струн и дерева под пальцами.

– И ты обвиняла меня в том, что я трус? Ты, которая боится поверить в себя и в меня?

– Герберт, я... я тоже не хочу ссориться.

– Тогда скажи, что ты не привязала меня к себе лишь затем, чтобы бросить.

Это было до горечи, до ярости несправедливо.

– Я не хотела этого. Привязывать тебя. Привязываться самой. Именно поэтому. Просто не смогла иначе.

...много позже Ева понимала: всё случилось так, как случилось, потому что они были достаточно изранены, несдержанны и глупы, чтобы собрать бинго из самых неудачных возможных ответов. Немногим позже она думала, где могла бы сдержаться, проявить отсутствующее терпение, повернуть всё иначе.

Но сейчас она сказала то, что сказала, – и это повисло между ними молчанием острым, как нож.

– Я польщён, – отстранившись от парапета, выговорил Герберт безразлично.

Ева не знала, зачем он идёт к ней. Ударить, обнять – она приняла бы любой вариант.

Только не то, что он пройдёт мимо, глядя сквозь неё.

– Герберт...

– Не собираюсь более обременять тебя своим присутствием. – Он даже головы не повернул. – Полагаю, так тебе проще будет перешагнуть через меня навстречу тому, что ты действительно любишь.

– Герберт!

– Тише, лиоретта. Вы же не хотите, чтобы при дворе пошли слухи? – он всё же обернулся. Слегка поклонился – на прощание; алый свет, льющийся сквозь витраж, обволакивал его кровавой пеленой, укрывал лицо маской, сотканной из теней и равнодушия. – Приятного вечера.

Ева рванула к нему.

Треск тафты она услышала прежде, чем осознала: бальные платья не предназначены для того, чтобы бегать. Во всяком случае, если ты не хочешь завершить этот забег на земле, наступив на подол собственной юбки. Она даже не могла подставить руки, смягчив удар – лишь успела повернуться так, чтобы не рухнуть на Дерозе, но всё равно услышала хруст дерева. Смычок, выскользнувший из пальцев, запрыгал по граниту к стене; голова стукнулась о камень одновременно с плечом – жёстко, с размаху, с бесконечно странным ощущением отсутствия боли от удара, который любого человека скрючил бы невыносимой мукой.

Стеклянные цветы закружились в глазах тошнотворной каруселью.

– Гер...

Когда она с трудом приподнялась на локте, Гербеуэрт тир Рейоль, не сбившись с мерного шага, уходил в сияющий свет по ту сторону балкона.

Двустворчатые двери затворились, бросив Еву в багряной полутьме.

– И-и снято, – резюмировал Мэт. – Спасибо, это было увлекательно. Немного переборщили с драмой, как по мне, но в целом пойдёт.

Она села. Уставилась на трещины, прочертившие верхнюю деку; накрыв их ладонью, срывающимся шёпотом зачала заклинание целостности – просто потому, что это было единственным, что она могла сейчас сделать.

Магия может всё. Может даже склеить то, что было разбито вдребезги. Только никакая магия не срастит бесследно то, что связало их с одиноким мальчиком, избранным Смертью, – то, что они разбили сейчас.

Айрес Тибель, недавно утратившая право называться Её Величеством, встречала полночь за чтением.

Поместье, что ей выделили, было далеко не самым роскошным именем Тибелей, но куда роскошнее условий, в которых коротали остаток своих дней другие свергнутые королевы. Обычно эти условия включали в себя солому, крыс и склизкий камень, а не мягкие кресла, книги и бокал хорошего спиртного.

Когда дверь в гостиную, где бывшая правительница Керфи проводила дни в непривычном безделье, почти беззвучно отворилась, она сидела с ногами на софе, уютно подобрав под себя босые ноги. Тонкие руки листали страницы, время от времени ногтем отчёркивая сомнительные или важные фразы.

Услышав шаги, она вскинула голову – и тень улыбки коснулась бледного лица, не тронутого ни помадой, ни пудрой.

– Я всё думала, когда ты придёшь, – захлопнув книгу, сказала Айрес.

Задержавшись на пороге, поздний гость окинул взглядом комнату. Убранство отдавало деревенской романтикой: светлые тона, некрашеное лакированное дерево, много хлопка и других тканей, от которых легко отвыкнуть во дворце. И лилии – в количестве достаточном, чтобы Айрес шлейфом окутывало характерное благоухание.

Даже растрёпанная, готовящаяся ко сну, утратившая свой безукоризненный и беспощадный лоск, опальная королева смотрелась здесь неуместно.

– Я не знал, стоит ли приходить.

– Боялся, что тебе будут не рады? – Айрес одними глазами указала на место подле себя. – Садись.

– Думаю, ты уже отдала мне достаточно приказов.

Глядя в бесстрастное лицо племянника, Айрес сплела пальцы так, словно собиралась молиться:

– Я хотела защитить нас обоих. Думала, что делаю то, что нужно сделать. Я сожалею. – Непривычное выражение так смягчило её черты, что сейчас мало кто узнал бы в этой женщине королеву, наводившую ужас. – Сядь. Прошу.

Помедлив, Герберт прикрыл дверь – так же тихо, как прежде провернул дверную ручку.

Даже в заточении Айрес Тибель не отказалась от цветов своего дома. Складки длинного платья стекали по молочной обивке софы водой, отражающей багровый закат; бывшая королева аккуратно подобрала юбку, чтобы племянник сел рядом.

– Будем считать, мы квиты, – сказал Герберт, когда долгая тишина зазвенела осколками, на которые било её тиканье часов. – Хочу, чтобы ты знала: я никогда не хотел твоей...

– Тебе не нужно передо мной оправдываться. – Повелительный жест, призвавший его к молчанию, тоже странно смотрелся в этой комнате. Все керфианцы, приближенные ко двору, привыкли видеть его на тронном возвышении. – Ты имел право сделать то, что сделал. Я прекрасно помню, кому обязана тем, что сейчас я сижу здесь, а не отчитываюсь перед богами о своих грехах. И ты всегда останешься моим наследником. Тем, кому я рада. – Айрес ласково заправила за ухо золотистую прядь, падавшую на его острую скулу. – Не хочу говорить о прошлом, только о настоящем. Как там Мирк, справляется?

Герберт смотрел на женщину, заменившую ему мать, предавшую его.

Выслушав всё, что прозвучало в его молчании, Айрес накрыла ладонями изрезанные руки, сжатые в кулаки:

– Значит, риджийцы всё-таки предложили иномирной глупышке вернуть её домой?

Его удивление выразилось лишь в том, как слегка расширились его зрачки.

– Мне говорили, что сегодня приём в честь прибытия риджийских делегаций, – устало пояснила бывшая королева. – Я знаю, что риджийцы открыли, как можно отправить гостей из иного мира обратно. И не сомневалась, что они попытаются поманить этим твою глупую девочку. – По браслетам, окольцовывавшим её узкие запястья, колдовской зеленью змеилась блокирующая вязь. – Насколько уязвимее и сговорчивее станет Мирк, если его королева, дева, обещанная Лоурэн, боготворимая нашим народом, окажется в руках его врагов. Не исключаю, что они правда ей помогут... чем-то. Позволят повидать родных и друзей – им это подвластно, насколько мне известно. Привяжут к себе, чтобы легче было лепить из неё свою марионетку. – Айрес вздохнула так тяжело и прерывисто, будто воздух вокруг горчил,

а не веял лилейной сладостью. – Бедная дурочка. А она, конечно же, попала на крючок?

Герберт отвёл взгляд, словно пустой бокал на столике подле софы внезапно стал для него самой интересной вещью на свете.

– Они угроза, Уэрт. Теперь ты видишь сам. Кто-то должен показать им, что нас стоит бояться. Что мы не позволим безнаказанно забирать то, что принадлежит нам. Вот почему я пригласила их в канун Жнеца Милосердного... я надеялась, что вместе у нас получится. Всё ещё надеюсь.

Некромант сидел недвижимо и безответно, как сломанная кукла.

– Её не в чем винить, глупыш. – Айрес обняла племянника за сутулые плечи. – Она призналась, чего хочет, ещё в день восстания. Когда я предложила ей то же, что предложили они. Тебе тоже не в чем себя винить: ты поверил, что она лгала, потому что очень хотел поверить. – Ласковые руки покачивали его, как ребёнка, словно пытаюсь убаюкать боль, пульсирующую в остекленном взгляде. – Жаль только, она причинила тебе ту боль, от которой я так старалась тебя уберечь. Но я знала, что это закончится так. Как и ты.

– Я не мог знать.

– Уэрт, ответь честно – не мне, себе. Почему ты так и не вывел заклятие, что вернуло бы её к жизни?

Усмешка Герберта вышла кривой, как зазубренное лезвие:

– Видимо, потому что вопреки твоим утверждениям и папиным надеждам я не так умён и велик, как Берндетт.

– Глупыш. Именно так. В этом мире нет вещей, которые были бы выше твоих сил. Нет, ты не сделал этого, потому что в глубине души всегда знал, что на самом деле держит её рядом с тобой. Знал, что она оставит тебя, как только перестанет в тебе нуждаться. Переметнётся к тому, с кем ей будет проще. Веселее. Привычнее. К тому, с кем... или туда, где. – Бледная ладонь, обрамлённая колдовским серебром, скользнула по спутанным светлым волосам. – Мне тяжело говорить это, но не все готовы мириться со всем тем, что делает тебя тобой.

За окнами, не прикрытыми гардинами, плыли две луны: снегопад сдался перед стужей, разогнавшей тучи, обернувшей небо чёрным хрусталём со звёздным напылением.

– Ты не обязан её отпускать. Если тебе так этого не хочется. – Впервые за всю беседу Айрес пропустила в слова вкрадчивые кошачьи

нотки. – Пока она зависит от тебя, она не сможет уйти.

– Раз она хочет уйти, пусть уходит. – Герберт вдруг улыбнулся. – Ты права. Я забыл, что делает меня мной. Зато пытался стать тем, кто всё равно недостаточно хорош... дурак.

Если б в этот миг он мог себя видеть, он бы заметил: в его улыбке скользнул тот же характерный яд Тибелей, что он привык наблюдать в лице покойного дяди. Тот же, что когда-то отвращал Еву от них обоих.

Тот же, что пугал посторонних до дрожи.

– Спасибо. – Некромант отстранился. Выскользнув из материнских объятий, встал. – Я сделаю то, что должен сделать. Всё, что должен сделать.

Айрес смотрела, как справляются его плечи:

– Если ты спасёшь её, ты её потеряешь.

– Она мне не нужна, – отворачиваясь, сказал Гербеуэрт тир Рейоль, Избранник Великого Жнеца. – Мне никто не нужен.

Две луны за окном безмолвно следили, как открывается и закрывается дверь, ставя точку в его коротком визите.

Айрес Тибель, недавно утратившая право называться Её Величеством, смотрела вслед племяннику – и на губах бывшей королевы играла улыбка темнее, чем самая тёмная и студёная ночь.

Глава 21

Silenzio [\[27\]](#)

О том, насколько всё плохо, Ева узнала следующим вечером, когда в её спальню без стука влетел Мирк.

– Что ты ему сделала? – выдохнул он, не дожидаясь, пока оборванная мелодия затихнет, запутавшись в складках кроватного балдахина.

Ева не вылезала из-за инструмента почти весь день. Жаль, даже музыка не сумела до конца отвлечь от воспоминаний о вчерашнем. От мыслей. От сожалений.

От мучительных раздумий о том, о чём сейчас думать точно не стоило.

...«я знаю, как вернуть вас домой»...

Ева в замешательстве опустила смычок, задев им парчовую обивку стула:

– Я не...

– Уэрт сегодня явился во дворец. Велел приготовить всё, что нужно для ритуала. Хочет, чтобы Айрес была там, «ведь она заслужила это увидеть». – Мирк даже не скинул плащ, и снег с его сапог сыпался на ковёр осколками тающей глазури; сжатые кулаки обливала кожа тонких перчаток. – Он призывает Жнеца.

Ева не сразу поняла: этот странный звук, похожий на стон перетянутой струны, смешавшийся с отголосками Апокалиптики, слетел с её губ.

...она боялась и ждала вечернего визита. Не Миракла, конечно. Боялась заглянуть Герберту в глаза и увидеть там то же, что стыло в них накануне. Боялась, что не сумеет сказать «прости». Боялась, что снова сорвётся и вместо «прости» скажет нечто совсем иное, потому что в глубине души ещё злилась – за ревность, за несправедливость обвинений, за то, что даже не подумал протянуть руку ей, упавшей, корчащейся на полу.

В один миг всё это стало до глупости, до слёз неважным.

– Я знаю, это ты. Только ты смогла отговорить его. Только ты могла толкнуть его обратно.

– Я... не хотела.

Ева не желала оправдываться, но сейчас это оказалось единственным, что она сумела сказать.

– Верю. – В голосе Мирка скользнуло то, что никогда раньше не проявлялось в нём под этой крышей: холодная властность короля Керфи. – Тем не менее я очень хочу знать, почему за один вечер мой брат снова превратился в того заносчивого засранца, с которым я имел несчастье видеться последние шесть лет.

Будь ответ не таким болезненным, Ева даже подчинилась бы. Такому Мирку сложно было не подчиниться. Но она просто сидела,

глядя в его лицо, расплывавшееся в полумраке невнятным светлым пятном.

Странно. Она ведь даже не плакала.

– Твоя мама... Мирана сможет отправить меня к нему? Сейчас?

Собственный вопрос она расслышала с трудом. К счастью, Мирк всё понял и так. К ещё большему счастью, вместо пыток новыми расспросами он просто отвернулся к двери:

– Я узнаю.

Вместо всех иных возможных слов прозвучал лишь стук, с каким дерево соприкоснулось с деревом, оставляя Еву в одиночестве.

– Если ты волнуешься, что утратишь память об этом мире, – сказал Мэт, нарушив тишину, впервые за день воцарившуюся в сознании, – можешь не волноваться.

– Сейчас это последнее, что меня интересует, спасибо.

– Вот с магией там паршиво, сама понимаешь. Но память останется при тебе. Попробуй утешить малыша тем, что до конца жизни будешь плакать в подушку, вспоминая его прекрасное личико.

– Тебе-то откуда знать?

– Я демон или кто?

Ева смотрела на дверь, не видя ничего, кроме лица Герберта, с каким он говорил, что отказывается от призыва. Насмешливого. Человечного. Это было всего лишь этажом ниже, всего несколько дней назад.

Как мог один вечер, один час, один разговор перечеркнуть всё, к чему они шли так долго?..

Госпожа полковник вошла в комнату, как на плац, даже в домашних туфлях чеканя каждый шаг.

– Мирк мне сказал, – кратко отрапортовала Мирана. Жестом – коротким движением двух пальцев, словно приглашая на бой – велела Еве приблизиться. – Полагаю, Эльен угостит меня фейром, пока вы с Уэртом беседуете по душам.

Ева не стала говорить почти-свекрови, что той не стоит утруждаться. Не стала даже зачехлять Дерозе. Просто отложила виолончель на кровать и как была шагнула к двери, не побежав лишь потому, что Мирана Тибель на её глазах не бегала никогда.

– Если вы с Уэртом уладите этот вопрос, к слову, я буду благодарна, – заметила госпожа полковник, пока они спускались на

первый этаж. – Организовывать подобное мероприятие – та ещё морока. Об одной охране риджийцев придётся знатно поломать голову.

– Я постараюсь, – пообещала Ева глухо, пока деревянная лесенка скрипом аккомпанировала их шагам.

– Они ведь должны наблюдать за всем из первых рядов, – продолжила Мирана, на ходу застёгивая плащ. – Ритуал проходит на площади Одиннадцати богов. Там же устраивают традиционное празднество в честь наступления нового года. Король следит за всем с балкона Храма Жнеца, другие почётные гости довольствуются помостом.

Ева не знала, зачем ей это рассказывают. Лишь когда они вышли в раннюю зимнюю ночь, встретившую их искристой стужей, поняла: госпожа полковник всеми силами пытается отвлечь и развлечь почти-невестку. А может, не прочь отвлечься сама. Её не могла не печалить возможная судьба мальчика, бывшего братом её сыну, как и судьба сына, если тот потеряет брата – снова.

Перемещения Ева почти не заметила. Прикосновения Мираны, обхватившей её запястье мозолистыми пальцами, тоже. Неприятные ощущения в теле, сопровождавшие короткий полёт сквозь скрученное пространство, растаяли в тех, что терзали душу.

– Хотя жаловаться дроу будет не на что. Помост выстроен перед самой трибуной, – как ни в чём не бывало продолжила госпожа полковник, стоило ночи вновь утвердить вокруг незыблемую тьму вместо круговерти красок и форм. – Но там будет уйма народа. Даже если людей потянет к риджийцам праздное любопытство, а не враждебность, это сулит... проблемы. Сможешь открыть, или придётся стучать?

Ева посмотрела на ворота замка Рейолей.

– Тебя ждут, – услужливо подсказал Мэт.

– Едва ли, – пробормотала она.

– А ты проверь.

Калитку Ева потянула неуверенно, но та и в самом деле поддалась. С другой стороны, чары защищали замок и его обитателей куда надёжнее засова.

Только вот бдительный Эльен, как и его хозяин, ни за что не оставил бы его поднятым случайно.

– Некромантия, – хмыкнула Мирана, когда Ева отступила в сторону, предлагая спутнице пройти первой; вытянула ладонь – над пальцами вспыхнул язычок белого пламени, разогнавший сумерки. – Хорошо, что от твоего... положения есть и прок.

Ева не стала разьяснять ситуацию. Пусть думает, что всё дело в магии.

Снег захрустел под подошвами, когда они двинулись по нерасчищенной дороге к замку: его очертания таяли в ночи, лишь светлячками мигали окна да снег на крышах светлыми линиями ложился на тьму более плотную и густую, чем чернота колючего воздуха.

– Королевская семья тоже будет на балконе? – спросила Ева на полпути, глядя, как мимо проплывают серые призраки деревьев, присыпанных снежным пеплом.

– Там будет король. И королева. – Мирана шла рядом, плечом к плечу. – Это не ложа на арене, это храм. Служители Жнеца пускают только тех, на чьём челе лежит корона... и кто верит в нашего бога. Для тебя, полагаю, сделают исключение.

Ева запоздало подумала, что госпожа полковник не озаботилась сменить обувь на более подходящую для прогулок по снегу. Пусть даже недолгих. Затем осознала, что есть в их прогулке нечто странное – будто ритм, в котором похрустывала белизна под их ногами, звучал неправильно. Мельком оглянувшись, поняла: нет, не почудилось. Просто Мирана Тибель не оставляла следов на пышной белой кромке, покрывшей брусчатку на дороге к замку Рейолей.

Что ж, ожидаемо, что новый королевский Советник по военным делам владеет левитацией получше некоторых...

Из тьмы, ждавшей впереди, выплыл крохотный огонёк – тоже льдисто-белый. Дрожа, двинулся им навстречу, и, без труда догадавшись, что это значит, Ева всё-таки побежала.

Минутой позже она уже кинулась на призрачную шею Эльена.

– Тише, лиоретта! Фонарь... но и пусть с ним. – Растроганный призрак обнял её в ответ, кое-как удерживая в пальцах громоздкий стеклянный светильник. – Если я и уроню его, ваш приход всё одно озарил это место ярче любого света.

– Ох, Эльен. – Отстраняясь, Ева поняла, что улыбается. – Я скучала.

Губы под закрученными усами одарили её ответной улыбкой, которой Еве так не хватало сейчас – и все дни безумного маскарада, каким обернулась её жизнь.

– Лиора Тибель. – Эльен поклонился другой гостье, скорым шагом подошедшей к ним. – Благодарю, что не только помогли доставить к этим стенам главную их драгоценность, но и явили свой сиятельный лик, коего я не имел счастье созерцать долгие и тоскливые годы...

– ...но сноровки в медовых речах за эти годы явно не растерял, – закончила госпожа полковник. – Здравствуй, Эльен. Полагаю, Уэрт дома.

– В рабочем кабинете. Ждёт вас. – Враз погрузнев, призрак отвернулся. – Вернее, вас, лиоретта. Лиора Тибель, вы не будете возражать, если...

– ...если детишки поговорят вдвоём? Ничуть. Всё, что я могла сказать своему племяннику, я уже сказала днём, но, увы, для моих доводов Уэрт был и остаётся слишком упрямым ребёнком.

Больше не было сказано ни слова. Но пока они пересекали внутренний двор, Еве чудилось, что не ощутимый ею мороз с каждым шагом становится колючее.

Он не отступил, даже когда их шаги – уже их – эхом зазвенели в холле.

– Дорога мне известна, – сказала Ева, пока они поднимались по каменной лестнице; цветы на стенах распускали лепестки серые, как меланхолия. – Вам, полагаю, со мной не по пути.

– Я велел подать фейр в голубую гостиную, как только заклятие известило меня о гостях. – На площадке второго этажа Эльен учтиво открыл Миране дверь, за которой ждал длинный коридор. – Лиора Тибель, не сочтёте ли оскорблением...

– Я помню, где голубая гостиная. – Та переступила порог размашисто, словно на полу не темнела деревянная планка, а зиял огненный провал. – Можете перекинуться словечком, если не подозреваете меня в том, что я стащу у Уэрта любимую вазу.

Эльену восхитительная привычка госпожи полковника угадывать его предложения, видимо, была далеко не в новинку.

– Всего пара слов, прежде чем вы подниметесь к нему, лиоретта, – сказал призрак, пока стрельчатые арки глухо перекатывали

удаляющиеся шаги. – Он любит вас. Он страдает, потому что любит вас. Он хочет, чтобы вы пришли. Значит, хочет быть переубеждённым.

Ева смотрела в светлую зелень его глаз: светильники на стенах едва заметно просвечивали сквозь них, словно белое солнце искрилось через источенное морем бутылочное стекло.

– Вы уже помогли ему выбраться из черноты одиночества. Если кто-то может сделать это снова, то только вы.

– Даже если это я толкнула его обратно? В черноту?

Пауза перед ответом была почти незаметной. Но всё-таки была.

– Даже если это вы.

Пауза была, но Ева, не опустившая взгляда – как бы тяжело это ни казалось, – не увидела в глазах напротив того, что ожидала. Осуждения. Боли. Даже удивления.

– Он ничего не говорил. Но сопоставить факты нетрудно, – Эльен без труда прочёл немой вопрос на её лице. – Идите.

Когда Ева поднялась на первую ступеньку из тридцати, оставшихся до важнейшей, возможно, беседы в её нежизни, ей было уже не холодно.

– Как будто тебе впервые проповеди читать, – заметил Мэт в такт её страху, пока она как могла растягивала отнюдь не бесконечную лестницу.

– Не те, от которых зависит так много.

– Да ладно тебе. Извинишься – ты это вроде умеешь, в отличие от некоторых. Напоёшь песенку о неземной любви – можешь буквально, это ты тоже вроде умеешь. Людям иногда свойственно пускаться в сложные танцы там, где нужен забег на короткую дистанцию, но у тебя с этим вроде тоже проблем нет.

– А тебе-то какой интерес?

– Просто подбадриваю соседа по голове. С соседями, знаешь ли, лучше дружить. А то оглянуться не успеешь, а поутру найдёшь в своих тапках что-то липкое и белое, и хорошо, если это окажется зубной пастой.

Стиснув зубы, Ева подступилась к дверям на этаж и, провернув ручку, принялась отмерять последние шаги до момента истины.

...не могло же всё, что они строили неделями, сломаться от нескольких фраз, в самом деле. Она пробивалась сквозь его стены раньше, пробьётся снова. Как справедливо заметила Белая Ведьма

(тройную альтерацию ей ниже спины), проблемы решаются словами через рот, а поговорить с Гербертом о том, что он и так уже слышал, Еве несложно...

В кабинет она скользнула без стука, но с негласным приглашением. Герберт сидел за столом – волосы падают на лицо, рубашка отливает кладбищенским светом. Перо в левой руке размеренно выводило чернильные строчки в книге, которую Ева уже видела – в день, когда нашла некроманта умирающим в том самом кресле, где теперь он ра – ботал.

– Всё-таки пришла, – сказал Герберт, когда затворившаяся дверь негромко щёлкнула замком. – Удачно. Хотя в ином случае я заглянул бы сам.

Он даже головы не поднял.

– Герберт, я хотела...

– Я оставил подробные инструкции, как поддерживать твоё существование. Раствор, заклятия, руны. Передам их Мирку. Полагаю, он сумеет подыскать некроманта, которому можно доверять. – Он аккуратно отложил перо, по-прежнему не глядя на Еву, застывшую по другую сторону столешницы. – Здесь записано всё, что касается моих исследований воскрешения. Если я не вернусь, найдёшь эту книгу в верхнем ящике стола – у тебя останется доступ ко всем закрытым дверям в этом замке.

– Герберт, послушай...

– Передашь мои заметки своим риджийским друзьям. Не сомневаюсь, их блистательные умы и без меня бы справились, но подспорье не мешает. – Он наконец встал, и даже не видя лица, на котором снова лежала маска теней, Ева понимала: не для того, чтобы её поприветствовать. – Нужно проверить и подправить чары, чтобы ты смогла существовать за счёт собственного сидиса, лишившись подпитки от меня. Если что-то пойдёт не так, твоя гибель подведёт слишком многих.

Подведёт слишком многих. Не более. Словно они случайно провернули маховик времени, вернувшись в те дни, когда Ева была лишь инструментом, непослушной марионеткой в руках несносного мальчишки...

...это не его слова. Не он. Не Герберт, которого она любит – Гербеуэрт тир Рейоль, гордость семьи, наследник королевы, пустившей

стрелу в Евин лоб. Её Герберт снова спрятался где-то там, внутри, за стенами слоновой кости.

– Герберт, поговори со мной. Пожалуйста. – Она облизнула губы: машинально, словно те и правда могли пересохнуть от волнения. – Прости меня, я не хотела...

– Замолчи.

Ева замолчала. И даже не сразу поняла – не от растерянности, не от обиды на то, что слово выплюнули, как оскорбление.

От давно забытого ощущения магии, разливающейся под кожей и парализующей губы.

– Не двигайся.

Когда колдовской приказ невидимым льдом лёг на руки, ноги, тело, сковывая их, лишая воли, Еве захотелось кричать, но она могла только беспомощно ждать, пока некромант выберется из-за стола.

Нет, он не может снова поступать так с ней. Не может *действительно* вернуться к тому, с чего они...

– Я благодарен за всё, что ты пыталась сделать для меня. Я ценю это. Правда. – Бледные пальцы скупыми скорыми движениями расстегнули пуговицу на кружевном воротнике, обнимающем её горло. Двинулись ниже. – Видишь ли, наш вчерашний разговор любезно напомнил мне, что у каждого есть стержень, лежащий в основе его личности. Диктующий то, что ты делаешь, и то, как ты живёшь. То, без чего ты больше не будешь собой. Для тебя это не любовь. – Платье спустили с плеч рывком, открывая рубин. – Спасибо, что помогла вспомнить – для меня тоже.

Тёплая ладонь накрыла рунную вязь на серебре, окунувшись в текущее сквозь пальцы багряное сияние. Замерла, когда на его запястье, оголённом задравшимся рукавом, разбилась прозрачная капля.

Герберт поднял взгляд. Свободной рукой вытер бледные девичьи щёки, прорезанные мокрыми дорожками.

– Не плачь. Так будет лучше. Для всех. – В её глаза, молившие «не надо», он смотрел без стыда, без гнева, без горечи. – У этой истории с самого начала не могло быть другого конца. Просто я оказался достаточно глуп, чтобы позволить себе поверить в иное.

Лучше бы он кричал. Или снова смотрел на неё в бешенстве. Но то, что владело им сейчас, было страшнее.

Смирение. Равнодушное, отречённое смирение того, кто оставляет позади и бешенство, и горечь, и гнев. Со всем, что их вызывает.

– Когда я завершу ритуал, я буду свободен от того, что сковывает меня сейчас. После такого невозможно придавать хоть какое-то значение ревности. Страху. Боли. Любви. – Его ресницы опустились блекло-золотистыми бабочками, скрывая спокойствие, мертвенной синью разлившееся во взгляде. – Гербеуэрт тир Рейоль не сумел вернуть тебя к жизни. Полагаю, новый Берндетт сможет.

Его губы почти не шевельнулись, когда с них выдохом сорвались слова заклания.

Перемены Евы не ощутила. Только то, как рвётся внутри ещё одна тонкая струна, никак не связанная с магией.

– Возвращайся к Миране, когда я уйду. Не ищи меня. Не ходи за мной. Не беги за мной. Не зови меня. Это приказ. – Герберт отнял руку от её груди. Тыльной стороной ладони вытер новые слёзы, успевшие сбежать по её щекам; коротко, почти неощутимо коснулся губами холодного лба. – Прости, если сможешь.

Он не отменил приказ, даже отвернувшись. Так и оставил Еву смотреть сперва в его спину, потом – в дверь.

Когда вечность спустя тихие слова, прошелестев в сознании, обрезали магический поводок, она рухнула наземь куклой с оборванными ниточками. Вскочила, побежала, пытаюсь крикнуть, остановить, удержать – и, подчиняясь запрету, упала вновь.

Лазейки. Нужно найти лазейки. Лазейки есть всегда...

– Окей, – сказал Мэт, – должен признать, всё прошло чуть больше не по плану, чем я думал.

...и, не найдя в выжженной душе ни сил, ни чувств, ни надежды – ничего, кроме пепла, чёрного и колючего, как звёздная пыль, Ева закрыла лицо руками, чтобы скрючиться на дощатом полу.

Наверное, у этой истории и правда не могло быть иного конца. Особенно если учесть, как истории любят закольцовываться, с безжалостной иронией заглатывая зубастой пастью финала собственный хвост.

Просто глупым в ней с самого начала был вовсе не Герберт.

Глава 22

Аpotheosis [\[28\]](#)

Когда за ней пришли, Айрес сидела перед зеркалом, глядя, как в отражении её руки сплетают тугие тёмные пряди.

– Мы сопроводим тебя на площадь, – сухо сказала Мирана, переступив порог спальни. Двое гвардейцев бдили за её спиной, ещё четверо ждали за дверью. – Ритуал начнётся на закате, мы будем там загодя.

Солнце праздничного дня било в стёкла косыми лучами, путалось в волосах свергнутой королевы, лежащих в тонкие косички с шуршанием тихим, как трепет крыльев мотылька. Лицо Айрес отражалось гладкой стеклянной маской – и не изменилось, когда в зазеркалье её глаза нашли лицо Мираны Ти – бель.

– Минуту, – мягко ответила она.

Айрес не обернулась, не ускорила мерных движений. Будто причёска её сейчас была куда важнее того обстоятельства, что по истечении часа её племянник может испустить последний вздох.

Возможно, так оно и было.

Возможно, не только сейчас.

Мирана следила за солнечными бликами, плясавшими в чёрном шёлке её волос.

– Оставьте нас.

Если приказ и пришёлся гвардейцам не по душе, они ничем этого не выказали. Королевская гвардия – не то место, куда могут попасть игнорирующие субординацию.

– Я не знаю, что ты задумала. Знаю одно, – сказала Мирана Тибель, когда они с бывшей королевой остались наедине. – Сделаешь что-то, в чём я увижу хоть намёк на опасность для Мирка, – я тебя убью.

Айрес вновь нашла в зеркале её глаза; оттенок их был теплее, чем у Миракла, но выражение нивелировало разницу. Во взгляде Мираны не осталось ярости, не было угрозы – лишь расчётливая, рассудочная ненависть. Давно остывшая, из жгучего пламени, разрушающего себя и других, перековавшись в острый клинок: изящный, послушный инструмент уничтожения.

– Я учту, – с той же мягкостью пообещала Айрес. Пальцы её не замерли, даже не дрогнули.

– Это не всё. Сделаешь что-то, в чём я увижу хоть намёк на опасность для девочки, – я тебя убью. Сделаешь что-то, в чём я увижу хоть намёк на опасность для риджийцев, – я тебя убью. Сделаешь что-то, в чём я увижу хоть намёк на опасность для Уэрта, – я тебя убью.

– Забавно, что в твоём списке он идёт лишь четвёртым.

– Просто сохранила ещё достаточно глупости, чтобы смотреть на тебя как на мать. Глазами матери, которая готова без раздумий пожертвовать многими, но не сыном.

Айрес аккуратно, без спешки закрепила на затылке последнюю косичку из четырёх, оставляя волосы свободно падать на спину. Взяла флакон с духами, чтобы растереть масляную каплю меж запястий, распустив по комнате горькую сладость.

Алому платью она предпочла чёрное – зимнее, тяжёлое, из плотной тёплой шерсти, украшенное лишь мехом на рукавах да серебряной вышивкой на талии. Рубиновый гребень в причёске был единственным, что напоминало о цветах королевского штандарта.

– Я признательна, – сказала Айрес, поднявшись с кресла. Накинула на плечи плащ, ждавший своего часа на спинке; поправила рукава, не скрывавшие блокираторы на запястьях, взяла с туалетного столика перчатки. – Если ты закончила, то я тоже.

Безмолвно отвернувшись, Мирана потянулась к дверной ручке.

В одном судьба Айрес Тибель не изменилась. Перед ней по-прежнему распахивали двери, вот только теперь – не все. Впрочем, сегодня ей важна была лишь одна дверь: на волю.

Та, что открывалась в данный момент.

* * *

В витражное окно столичного Храма Жнеца тоже стучалось солнце, проливая раскрашенные лучи на белый мрамор, каким ещё при Берндетте отделали круглый зал. Витраж светился точно над алтарём – чёрная плита, отполированная временем и ритуалами, что творили на ней веками – и статуей Жнеца, распростёршей каменные крылья над россыпью свечных огоньков. Величайший из сынов Творца не требовал иных подношений, кроме свечей, коими многие поэты злоупотребляли как символом людских жизней. В день праздника те пылали не только на алтаре и в нишах по стенам, но и на полу, словно в зале с лета заблудилась стая светлячков.

В другое время витраж нарисовал бы на полу скелеты, танцующие меж песочных часов. Пары им составляли девы и юнцы, с улыбкой сжимавшие костяные пальцы посланников того, кого в Керфи издавна встречали без страха. Сейчас рисунок, вытянутый умирающим солнцем, окутывал искажённым разноцветьем юношу на коленях перед алтарём. Синий печатью ложился на сомкнутые губы, красный – на

склонённый лоб, жёлтый, песком сыпавшийся в часах, – на белую мантию, в которой покидал этот храм каждый, надеявшийся повторить деяние Берндетта.

Избранник всегда готовился к ритуалу в одиночестве. Позже, на трибуне, Верховный Жрец благословит его, но главное благословение он мог испросить лишь у того, кто незримо смотрел на него из-под складок мраморного капюшона.

В тишине, которую не нарушали даже отзвуки немой молитвы, шаги Мирка прозвучали немногим резче, чем последовавшие за ними слова:

– В последний раз говорю. Отступись.

Герберт не отнял переплетённых ладоней от губ, не открыл глаз. Только ресницы дрогнули да уголок рта дёрнулся в лёгкой досаде.

– Ты правда этого хочешь? Плясать под дудку Айрес? Воплотить амбиции отца? Или просто решил умереть, чтобы о тебе поплакала та, которую ты знаешь едва ли месяц?

– Я не умру. Не имею права.

Слова звучали так, будто говоривший оглядывался на мир из-за черты, за которой многое, смехотворно важное для живущих, не имеет значения.

В молчании слышно было, как затрещали перчатки короля Керфи, когда пальцы под ними слишком резко сжались в кулаки.

Вдыхая медовый запах тающего воска (обычно он успокаивал, но не сегодня), поверх плеча брата Мирк посмотрел на кинжал Берндетта, мерцавший у подножия статуи Жнеца. Зачарованная гномья сталь, которой основатель династии пронзил сердце лучшего друга, взрезавшая его ладонь в день призыва, не затупилась и не поблекла. Смерть Берндетта лишила кинжал владельца, ослабив чары, не позволявшие посторонним присвоить волшебное оружие, но никто не осмелился забрать реликвию себе. У некромантов, решившихся повторить призыв, всегда был собственный ритуальный нож. Уэрт больше других имел право выйти сегодня на площадь с кинжалом предка, но между помпезностью и удобством он выбрал второе – и предпочёл свой, резавший его руки сотни раз.

– Отступись. Прошу. – Ладонь Мирка, всё ещё пытавшегося найти слова, легла на плечо под белой мантией. – Ещё не поздно. Я сам заткну рот каждому, кто осмелится...

– А я надеялся, что прошлое научило тебя верить в меня чуть больше. – Герберт стряхнул руку брата одним резким, почти брезгливым движением. – Это. Мой. Путь. Единственный, что всегда был мне уготован. Единственный, что ждёт и зовёт меня. Хочешь помочь – оставь меня и не смей во мне сомневаться.

Огоньки свечей замигали – огарков, почти оплывших, и тех, что лишь обтекали воском, длинные и бледные, как пальцы танцоров на цветном стекле. Это Миракл отвернулся, взметнув королевскую мантию за спиной, хлестнув свечи взволнованным воздухом.

Когда Герберт, оставшись один, всё же открыл глаза, скелеты улыбались ему.

* * *

– Не думала, что однажды увижу танцующих скелетов не в мультиках, – признала Снежана, с помоста созерцая карнавал, круживший на площади перед храмом живых и мёртвых.

К празднику столичные улицы украсили гирлянды с белыми флажками, паутиной тянувшиеся между крыш. Багряным конфетти замерзали на снегу маковые лепестки – ими осыпали крышку гроба, прежде чем на него падал первый ком земли, и ими сегодня осыпали брусчатку городов, городишек и деревенок до самых гор на востоке, до самого побережья. Хрусткое морозное небо накрыло площадь кобальтовым стеклом; одиннадцать храмов выстроились кругом, устремив ввысь покатые купола, схожие в своём многообразии. Цветочные лозы увивали колонны храма Великого Садовода, орнамент из стрел и копий вился на портике храма Великого Воителя, рунная вязь испещрила капитель храма Великой Ворожеи.

Каждому из них в должный день года на этой площади воздавали хвалы. Но лишь один храм сегодня удостоится визита короля.

– В мультиках? – уточнил Лод.

Он неизменно был рядом. И тоже говорил на русском.

– Это как фильмы. Только нарисованные. Я тебе не рассказывала?

– А, мультфильмы. Не знал, что их так сокращают. – Глядя на девушку, маленькую и смешную в пушистой шапке и громоздком

тёплом тулупе (на тулупе он настоял сам), колдун мельком улыбнулся. – Ты здесь не так долго, чтобы можно было рассказать мне всё.

– В последнее время всё чаще кажется, что целую жизнь. – Высунувшись из-за спинки трона, Снежана утащила из-под носа у Повелителя дроу имбирного скелетика. – А тот мир был просто странным сном.

Альянэл снисходительно следил, как девичья ладонь тянется к подносу с традиционными праздничными сладостями: сахарными черепами, пряничными гробиками и надгробиями, горячим вином с молоком и пряностями, белым, как крылья Жнеца, примешивавшим к морозной свежести нотки цветов и специй. Сласти лежали на столике у каждого из четырёх тронов, размещённых на помосте для почётных гостей; позади свите подготовили и кресла, и угощение, но Лод и Снежана предпочли занять стоячие места в первом ряду.

По многим причинам.

Без лишних сантиментов откусив от печенья кусок с глазурным черепом, девушка, в этом мире звавшаяся Белой Ведьмой, а в том, что стремительно оставался позади, – просто Снежкой, задумчиво оглядела площадь.

Храмы выстроили в том порядке, в каком керфианцы чествовали богов в течение года, и над входом каждого следила за людским весельем статуя того, кому жгли свечи и возносили молитвы внутри. Первый – Творец Изначальный: создатель всего и вся, крылатый и юный, единственный, кого отлили из золота в тон отделке его обители. В начале круга ждали Великая Мать, приводящая души в этот мир и опекающая в детстве, и Великий Садовод, хранящий людей в их весну, каждый год пробуждающий природу от зимнего сна. В конце – Великий Мудрец, которому молились старики и учёные мужи, и Великий Жнец: могущественнейший из сынов Творца, прятанный бесстрастный лик под капюшоном, с острыми крыльями, словно отлитыми из гнутых лезвий ненужных кос. Бог смерти и жизни, приводящей к ней.

Бог, которого сегодня они могут увидеть.

Доедая печенье, тонкое и хрустящее, как корочка льда на осенних лужах, Снежка одарила трибуну в центре площади прицельным скепсисом долгого взгляда.

Место, где когда-то Берндетт Тибель первый (и пока единственный) раз призвал бога, являло собой круглую площадку с

невысоким ограждением из серого гранита. Очень похожую на Лобное место, хорошо знакомое всем уроженцам златоглавого города на семи холмах. Даже ступенек, по которым на помост в зависимости от обстоятельств поднимались жрецы, короли и некроманты, было тоже одиннадцать, по числу богов и их отца. Сейчас на ступеньках разместились музыканты, заботливо прикрытые чарами Хитаскира: лишь терморегуляция могла позволить им сидеть на камнях и терзать струны, не рискуя отморозить не только руки без перчаток. Эти же чары укрывали деревянный помост, где восседали риджийские короли, и другой помост – каменный, разместившийся меж храмами Жнеца и Творца. На нём обычно выслушивали свой приговор преступники слишком важные, чтобы от них можно было тихо избавиться в тюремных казематах. Иные сходили с него живыми, дабы отправиться туда, где они доставят неприятности разве что камням на рудниках; иные оставляли на нём жизни – и кровь, в те времена, когда казни свершались не магией.

Учитывая количество гвардейцев, дежуривших вокруг, и одинокое кресло, поставленное посредине, Снежка догадывалась, что за преступница появится на эшафоте сегодня. И едва ли для казни.

– Им пора возвращаться, – молвил Альянэл, щуря глаза на последние лучи солнца. Оно давно скрылось за домами, клонясь к горизонту, но даже этот неяркий свет мог ранить дреу, привыкших к вечной ночи. – Закат скоро.

Пояснять, о ком он, не требовалось. Троны по обе стороны от Повелителя дреу пустовали: лишь Советник лепреконов ёрзал на бархатной подушке, не особо уютно чувствуя себя на королевском сиденье со спинкой в два его роста. Поставить стул поменьше керфианцы наверняка побоялись из боязни оскорбить.

– Короля Миракла ещё нет, – справедливо напомнил Лод, взглядом указав на пустующий балкон храма Жнеца. – Его... спутницы и виновника торжества тоже. Без них не начнут.

Судя по тому, с каким лицом Альянэл следил за иными из тех, кто танцевал сейчас на площади, его едва ли это успокоило.

Праздник в честь Жнеца Милосердного начался с рассветом и теперь был в разгаре. В обычные дни кульминацией стала бы молитва и проповедь Верховного Жреца, после которой гуляния продолжались до рассвета, знаменующего новый год: завтра на этой площади будут

чувствовать уже Творца. Сегодня после молитвы им предстояло наблюдать божественный призыв; а пока люди, дроу и эльфы лакомились сладостями, смотрели на кукольников, разыгрывающих комические истории из жизни Берндетта, и танцевали вокруг помоста, игнорируя стражников. В этот день слуги плясали с господами, аристократы с простолюдинами – пред Жнецом все становились равны, ведь тому не было дела до титулов и благородства крови. Плясали даже скелеты, которых прихватили на праздник хозяева или привели жрецы-некроманты. По традиции. Иные друг с дружкой, на потеху публике, иные с живыми, если находились охотники и охотницы. Одна, к примеру, сейчас кружила в объятиях гвардейца, усопшего где-то век назад – к празднику того принарядили в новенький мундир его полка, благополучно дожившего до правления Миракла тирин Ти – бея.

Даже если бы плащ её не выделялся солнечным пятном, Повелитель дроу и его советники всё равно без труда узнали бы её венценосную макушку.

– Вيني молодец, – заметила Снежка вполголоса, глядя, как Повелительница людей смеётся в костлявых руках немертвого кавалера, провожаемая одобрительными взглядами керфианцев. В посмертье сохраняя все умения ушедшей жизни, танцевали скелеты не хуже, а то и лучше живых. – Если так пойдёт, к рассвету можно прощаться с мифом о страшных дикарях-риджийцах.

– Тревожить покой мертвецов для забавы живых – кощунство. Потакать им в этом – едва ли не большее, – бросил Алья вскользь. На риджийском, но в ответ на русский: проводя немало времени в обществе своих советников, для удобства Снежаны часто говоривших на другом языке, Повелитель предпочёл потихоньку осваивать этот язык, а не оставаться в неведении.

– Тогда почему ты её не остановил? – цепкий взгляд Лода наблюдал из-под отороченного мехом капюшона.

– Покуда керфианцы не судят нашу веру, я не буду судить их. Она делает то, что способствует успешному союзу, а я довольно ограничивал её свободу в прошлом, чтобы делать это и теперь.

Следя за Навинией из-под кошачьего прищура белёсых ресниц, Повелитель дроу не мог видеть, как за спинкой трона Белая Ведьма уважительно отсалютовала ему ещё одной печенькой.

Немногие дроу рискнули смешаться с толпой, зато эльфы и люди веселились вовсю. Дэнимон кружил девчонку в васильковой мантии столичного магуниверситета, румяную от мороза и счастливой возможности потанцевать с эльфийским королём. Её товарки разобрали эльфов попроще, пока супруга их Повелителя улыбалась мальчишке лет пятнадцати, путающемся в характерном балахоне будущего лекаря. Судя по невероятной, почти сверхъестественной лучезарности этой улыбки, Кристе регулярно наступали на ноги, но она умела держаться с истинно королевским снисхождением к досадным мелочам, когда ей того хотелось.

Снежана снова посмотрела на трибуну, ждущую Избранника Жнеца.

Лишь Лодберг заметил, как девичьи пальцы шевельнулись, вычерчивая руны.

– С барьером всё в порядке. С нашими чарами тоже, – произнёс колдун вполголоса, чуть громче праздничного гула. – Я проверял.

– Проверить ещё не помешает. – Снежка сосредоточенно плела магическую паутину, прощупывая купол вокруг помоста, выискивая малейшие уязвимости. – Это бог, Лод. Бог смерти. Или некая сущность, по могуществу сравнимая с богом, – неважно, она всё равно опасна.

– Если у тир Гербеуэрта всё получится, надеюсь, твои сложные взаимоотношения с богами станут капельку проще. – Шутка в словах не совсем вязалась с серьёзностью взгляда. – Я уже говорил: я прочёл всё, что смог достать, о Берндетте и его последователях. Независимые источники. В том числе из других стран. Худшее из всего, что может случиться – смерть призывающего, для зрителей ритуал абсолютно безопасен.

– Читала я в нашем мире о богах смерти. Ничего *безопасного* применительно к ним быть не может. Надеюсь, местный хоть своим избранникам тетрадь на память не оставляет.

– Ритуал не слишком отличается от призыва демонов. Гексаграмма, которую чертит Избранник, усилена элементом Алджьера – полная формула ведома только некромантам, но в любом случае руны отрежут от мира того, кто будет внутри, и защитят всех снаружи.

– Я помню, в чём суть элемента Алджьера, и всё равно предпочла бы наблюдать за этим с задних рядов. Желательно вообще по зеркалу из соседнего города. – Снежка потянулась поправить несуществующие

очки. Чары, которые они с Лодом наложили на помост (сюрпризом для всех керфианских магов), были на месте, но её это не успокоило. – Перед кульминацией я активирую дополнительный барьер.

– Как и я.

– Сказал бы вам положиться на местных магов, чтобы вас не заподозрили в подготовке к атаке, – проговорил Алья, ничем прежде не выдавший, что слышал весь разговор, – но предпочту позже разбираться с их напрасными подозрениями, чем с оправдавшимися вашими.

На другой стороне площади по морю праздничной толпы волнами разошлась тишина: словно сам Жнец вдруг появился вовсе не там, где его ждали.

Снежка следила, как подоспевшая Айрес Тибель восходит на свой помост в окружении конвоиров.

Народ любит глумиться над сверженными королями. Знание, что тот, кто прежде смотрел на тебя с недостижимой высоты, теперь пал ниже нищего в подворотне, пьянит успешнее хмеля. Но Айрес Тибель опустилась в кресло, как на отобранный у неё трон – и в том же безмолвии, что сопровождало её выходы к подданным последние годы.

Даже сейчас, лишённая власти, эта хрупкая красивая женщина вызывала у керфианцев больше священного ужаса, чем возможное явление бога смерти.

– Жители Керфи и Риджии!

Запоздало осознав, что бывший правитель невольно отвлек их от выхода настоящего, Снежка задрала голову.

Миракл тирын Тибель сегодня снова облачился в красное – на белом, как кость, храмовом балконе цвет дома Тибелей смотрелся как никогда тревожно. Вместо синих мундиров гвардейцев короля окружали снежные одеяния жрецов; впрочем, не следовало думать, что это делало правителя Керфи более уязвимым. По меньшей мере половина служителей Жнеца была некромантами, и грози Мираклу опасность, с ней разобрались бы своими методами.

Тишину сменил восторженный рёв.

– Я рад быть здесь и возрадуюсь больше, когда окажусь среди вас, равный с равными.

Новый всплеск рёва был ещё восторженнее. Юные магички, напрочь позабыв об эльфах (свита Дэнимона уже сопровождала своего

Повелителя к помосту, дабы занять положенные места), сверлили молодого короля влюблёнными глазами. Некоторые, кажется, плакали.

На миг опустив взгляд, Снежка сощурилась: глаза, в родном мире страдавшие близорукостью, излечили магией не так давно, и ходить без очков Белая Ведьма пока не привыкла. Хотя Айрес Тибель всё равно сидела слишком далеко, чтобы самый зоркий глаз сумел разглядеть выражение её лица.

К тому же керфианская Железная Леди никогда не выказала бы, как ненавистна ей неподдельная любовь толпы к мальчишке, лишившему её всего.

– Сегодня мы не только славим милость покровителя, что выше нас, – продолжил Миракл; чары легко разносили голос короля над площадью, – сегодня, если будет на то Его воля, он явится нам, чтобы взглянуть на нас глазами Его избранника.

Двери храма – как раз под балконом с королевской особой – распахнулись, выпуская наружу маленькую толпу служителей Жнеца.

Хмурясь, Снежка следила, как Верховный Жрец (смешной приземистый человечек с залысинами, слишком упитанный и добродушный, чтобы хоть немного походить на слугу Смерти) шествует к трибуне сквозь почтительно расступившуюся толпу.

Внезапное явление Миракла на балконе её не удивило. Иноземных гостей успели посвятить в протокол церемонии; среди подданных король появлялся лишь после молитвы, напоследок произнеся ещё одну речь, в которой благодарил богов за уходящий год. На площади висели чары против мгновенного перемещения, дабы не облегчать работу магам-ассасинам (мало ли), но Миракла наверняка впустили в храм с заднего входа.

Удивляло другое.

Снежка покосилась на Лода, который – конечно же – тоже смотрел на пустоту по правую руку от короля Керфи.

– И где же прелестная лиоретта? – как всегда озвучив её собственные мысли, сказал он.

* * *

– Ты чудовище, – возвестил Мэт.

Ева, отсутствующим взглядом созерцающая гобелен на стене, оставила высказывание без внимания.

– Такое зрелище бывает раз в вечность, а ты лишаешь меня возможности увидеть его с ВИП-мест! Как же помпоны в поддержку любимого малыша? Плакаты? «Оле-оле-оле»?

Гобелен распускал золотые цветы на чёрной шерсти.

Праведным негодованием демона впору было поджаривать попкорн – и это никак не могло убедить Еву встать и отправиться туда, где ей по всем возможным соображениям следовало сейчас быть.

«Я не пойду», – сказала она под непонимающим взглядом Мирка – здесь, в его спальне, в окружении проклятого багрянца Тибелей, подле несуразно огромной кровати, на которой теперь она ждала конца. Этой истории – и, опционально, Герберта.

Она до последнего была уверена, что будет на проклятой площади. Облачилась в дурацкое белое, почти свадебное платье, щекочущее руки колючим гипюром – поверх полагалось набросить что-то вроде пальто из тёплой шерсти, но оно сейчас валялось в кресле. Накрасилась. Завила волосы в причёску, от которой теперь осталась спутанная грива да разбросанные по кровати шпильки, сверкающие рядом с ненавистным обручальным венцом. Прибыла во дворец, откуда экипаж должен был торжественно доставить их с Мираклом к храму. Позволила гвардейцам препроводить себя к жениху, завершавшему приготовления к ритуалу, противному ему не меньше, чем ей.

И лишь глядя, как корона золотым блеском венчает его кудри, поняла простую истину, которую должна была понять куда раньше.

«Скажи что хочешь, – продолжила она, пользуясь тем, что собеседник потерял дар речи. – Что я заболела. Что жрецы не пустили меня в храм».

«Почему?» – только и сумел выговорить Мирк.

«Я не смогу на это смотреть».

Она должна была понять это куда раньше – и не могла. Раньше мысли о грядущем не доходили до этого момента. Раньше Ева не позволяла себе поверить: то, что она так старалась предотвратить, всё-таки случится.

То, о чём ей не хотелось даже думать, может случиться тоже.

«Настолько в него не веришь?»

«Я не смогу скрывать, что чувствую. Особенно если что-то пойдёт не так».

Это было жестоко. Это было трусливо. И это было правдой. Немногим захочется смотреть на будущую королеву, когда на трибуне им предложат зрелище куда интереснее, но те, кому захочется, увидят совсем не то, чего ожидают. Последнее, что нужно Мирку, – сплетни и домыслы жрецов, которым поручили охранять их на том треклятом балконе и которые наверняка заметят, каким взглядом их почти-королева провожает наследника престола, идущего навстречу смерти: в одном или другом смысле. Тысяча людей увидит, как она закричит или зарыдает, если этим смыслом окажется не успешный призыв бога, а встреча с ним на том свете.

Может, этим оправданием она прикрывала страх. Судя по тому, как крепко обняли её на прощание, даже если это был страх, её не осуждали.

Никто, кроме неё самой.

– Ты это мне назло, верно? Ох уж эти девочки, вечно дуются из-за всяких мелочей! Любимого композитора у неё убили, видите ли...

Оторвав остекленелый взгляд от гобелена, Ева посмотрела в окно: в апокалиптическом небе, синем в зените, алом у коньков заснеженных крыш, догорал закат – бога смерти всегда призывают вместе с тем, как умирает солнце. Если встать, можно увидеть праздничные улицы, к этому часу наверняка опустевшие. Едва ли найдётся в Айдене хоть один человек, который не захочет взглянуть на призыв, даже если тот не увенчается успехом. Последний безумец, решившийся на это, умер на площади Одиннадцати Богов тридцать лет назад. Следующего многие могут просто не дожидаться.

Если что-то пойдёт не так, скольким людям это испортит праздник? А сколько продолжат плясать и есть сласти, лишь немного взгрустнув по нелюбимому принцу?..

– Лиоретта, вы должны быть там.

Даже оглянувшись на голос, Ева не сразу поверила, что услышанное – и увиденное – ей не мерещится.

– Эльен?

Призрак стоял по эту сторону закрытой двери. Без улыбки, без стука, без соблюдения приличий.

– Эльен, что вы тут...

– Давно я не бывал в этих стенах. – Дворецкий сделал два шага вперёд, неслышных, как трепет белых флажков за окном. – Я могу покидать замок, если вы забыли.

– Но вы должны быть сейчас там! Если... если Герберт больше не сможет вас подпитывать, ваше существование поддержит замок, но вдали от него...

– Если господин Уэрт больше не сможет меня подпитывать, моё существование потеряет всякий смысл, ради которого его стоило бы поддерживать. Почему вы здесь?

Ева редко видела его лицо, не смягчённое приветливостью. Пониманием. Сочувствием. Если подумать, так и вовсе никогда. Сейчас в его глазах не было солнца – лишь прохлада талой воды.

Она не хотела, но всё-таки опустила взгляд:

– Я не смогу на это смотреть, Эльен. Просто не смогу.

– Вы должны. Должны напомнить ему, почему он обязан сделать всё безукоризненно. Почему он обязан выжить.

– Я не уверена, что это... не возымеет другой эффект.

– И это единственная причина?

– Нет. Не единственная. – Она говорила правду. – Но среди этих причин не только страх.

Можно было ожидать, что призрак подойдёт ближе. Попробует взять за руку, уговорить, убедить. Но он просто стоял, отделённый от неё, так и сидевшей на кровати, двумя метрами тонкого пёстрого ковра: тихий, немой, слегка прозрачный, как тень, которой по сути и являлся. Стоял напоминанием, почему она, Ева, тоже обязана сделать всё безукоризненно – если он, отделённый от небытия тонкой ниточкой магии, без раздумий поднёс эту ниточку к огню фатального риска, чтобы сейчас оказаться здесь.

Если даже Айрес увидит то, чего так не хочет видеть она.

«Это и её триумф тоже, – сказал Мирк, когда Ева неловко, тоскливо спросила, правда ли королева будет сегодня на площади Одиннадцати богов. – Я против. Мама против. Но Уэрт прав – она заслужила это увидеть».

– Ты, конечно, это и сама прекрасно понимаешь, но я бы на твоём месте ещё подумал, будешь ли ты для малыша стимулом преуспеть или источником лишнего волнения, которое ему сейчас совершенно ни к чему.

То, что Мэт вновь безошибочно угадал её мысли, Еву не удивило. Ничуть.

Удивило другое.

– Постой-ка... Минуту назад ты разыгрывал драма квин, потому что я не хотела там быть, а теперь говоришь то, что может удержать меня здесь?

Она не стала пояснять вслух, к кому обращены её слова. Знала, что Эльен поймёт и так.

Театральность ответного молчания лишь подогрела робкую искру сомнений:

– Так ты хочешь, чтобы я пошла туда, или хочешь, чтобы я *думала*, что ты хочешь?..

Все, кто мог её слышать – призрак и тот, кто был даже более эфемерным, чем призрак, – молчали.

Это заставило Еву спустить ноги с кровати, зарыв каблуки в ковер, красный, как лепестки маков, разбросанные сегодня по улицам Айдена:

– А если на самом деле ты этого не хочешь, то лишь по одной причине: ты знаешь что-то, чего не знаю я. И Герберт тоже.

...но ведь о ритуале известно всё. Он описан в стольких книгах, и Герберт столько прочёл о нём, что увидел бы подвох...

– Скажем так, – сказал Мэт наконец, – я бы очень хотел на это посмотреть, будь я уверен, что при ожидаемом развитии событий ты не натворишь глупостей. Но шансы этого крайне малы, а мне твоя голова дорога как память и уютная квартирка.

Открытая вентиляция, подумала Ева, пока пальцы сами собой стискивали парчовое покрывало. *И закрытые двери*.

В эту вентиляцию она могла влезть уже давно... Если б не монстры, что в ней прятались. Нет, этого монстра Ева не боялась: брезговала, ненавидела, презирала – это вставало на пути преградой куда более непреодолимой, чем страх.

Однако бывают минуты, когда приходится прибегнуть к услугам даже того, кого ненавидишь. Иначе возненавидишь себя.

– Чтобы ты знал, – выговорила Ева, считая необходимым прояснить этот момент хотя бы для себя самой, – помощь от тебя мне нужна меньше всего на свете.

– Что я там говорил о девочках и мелочах?

– А я знаю, что не в твоих интересах говорить мне то, что не коррелирует с твоими планами.

– Планы на то и планы.

– Тем не менее. Ты хочешь увидеть всё из первых рядов. Я обещаю не творить глупостей.

– Так это сделка?

Демон почти мурлыкал.

– Моя. И на моих условиях. Я помогу тебе увидеть то, что хочешь, если поможешь мне. – Ева поднялась, балансируя на каблуках. – Ты заглядывал в голову Айрес. Ты говорил мне однажды. Ты знаешь, почему ей так хочется, чтобы Герберт призвал Жнеца?

...ведь Айрес будет там. *Хочет* быть там. Пусть это просьба Герберта, она должна была присутствовать на площади с самого начала. Ещё прежде, чем восстание перевернуло всё, лишив королеву возможности наблюдать за ритуалом с балкона храма Жнеца, низвергнув на эшафот для преступников – почти под тем же балконом.

Ева подумала бы, что это иронично, если бы сейчас могла читать иронию хоть в чём-то.

Слушая опасную тишину в голове, она думала, хватит ли у неё сил стоять на своём, если Мэт захочет сделки совсем иного рода. Слишком мало неба оставалось между солнцем и горизонтом.

– Больше, чем любовь к спойлерам, мне чужда разве что бескорыстность, но ты уже оказала мне не одну услугу, сейчас взять с тебя всё равно нечего, зато финал шоу при таком раскладе обещает выйти куда драматичнее. Да и за любимого композитора за мной должок... как-никак. – В тяжёлом вздохе Мэта не было ни малейшей нужды, но Ева уже привыкла, что её внутреннего демона отличает страсть к внешним эффектам. – В королевской сокровищнице есть то, что ответит на твой вопрос.

Ева смотрела в окно: облака пылали так ярко, что цветом сравнялись с узорчатой шерстью под её ногами.

– Ты можешь просто сказать...

– Я и так сказал столько, что из демона рискую перековаться в бога. Из машины. Но если спустишься в сокровищницу, обещаю показать, что тебе нужно и где это лежит.

Когда Ева отвернулась от окна, Эльен стоял перед ней:

– Если вы не пойдёте на площадь прямо сейчас, лишь впустую потратите время.

– Мне нужен ответ, Эльен.

– Вы опоздаете.

– Если всё так, как я думаю...

– Он морочит вам голову. Сбивает с дороги. Это то, чем занимаются демоны. Айрес симпатична мне не больше вашего, но вы не должны...

– Должна. Потому что, если всё так, как я думаю, мне нужен законный повод прорваться на эту трибуну сквозь армию гвардейцев и жрецов. – Подобрал юбку, Ева без колебаний обошла стороной последнего, кто стоял между ней и дверью. – И более весомый, чем обычная непосредственность иномирной девицы.

* * *

– ...золотые поля Твои ждут нас, и когда настанет пора жатвы, не убоимся её...

Праздничная молитва медленно близилась к седьмому песнопению той главы Книги Десятерых, где воздавались хвалы сильнейшему сыну Творца. Кто-то в толпе честно вторил голосу Жреца, журчавшему над площадью певучим ручьём; кто-то (особенно дети) украдкой оглядывался на кукольников, склонивших головы с тем же смирением, что все вокруг. Во время хвалы Жнецу даже скелеты склоняли черепа, будто по-прежнему могли слушать.

Айрес голос Верховного Жреца всегда убаюкивал, но не сегодня.

На время молитвы она встала – как все, и опустила голову – как все. Она вынуждена была делать это, даже когда чело её венчала корона, и не собиралась нарушать устои теперь, когда вместе с венцом её лишили былых привилегий. Интересно, что сделали бы её тюремщики, реши она остаться в кресле?.. Наверное, не будь у неё иного пути, кроме мелочной глупой мести, возможности досаждать им одним фактом своего существования – того, что ей позволили существовать, когда из-за неё перестали существовать очень многие, – она бы так и сделала.

Иные пути были.

– ...ибо прейдут счастье и печаль, хула и слава, земля и небо, но не прейдёт власть Твоя...

Айрес смотрела на тех, благодаря кому сегодня на балконе храма Жнеца оказалась вовсе не она: смиренный набожный поклон так кстати заставил взгляд упасть на тех, кто совсем не случайно слушал молитву у подножия эшафота.

Мирана Тибель, в песочном плаще в тон мундиру, стояла вполоборота. Будто за спиной Айрес не дежурили шестеро, готовые вогнать в неё клинки, стоит новому Советнику по военным делам молвить слово. Сегодня площадь охраняли множество гвардейцев – иных Айрес узнала, – но на эшафот Мирана поставила лишь тех, в чьей преданности не сомневалась. Верный Сайнус пал во время восстания, Болер с Медибелем бежали, и из троих генералов Айрес в живых остался только Гордок. Говорят, он одним из первых велел войскам сражаться с драконом вместо того, чтобы усмирять бунтовщиков, а после – сложил оружие к ногам Мирка... Она этого не забудет, когда власть вернётся к ней.

Впрочем, незачем раскидываться людьми, защищавшими родной город, а после проявившими смекалку, чтобы остаться в живых. Лучше побеседовать с Гордоком по душам и выяснить, была то измена или тактический ход.

Чуть поодаль чернел другой старый знакомый: Дауд Дэйлион даже ради праздника не расстался с цветом, в который облачались его «ребятки». Они тоже слушали молитву, вот только не в толпе – Айрес любопытства ради взглянула на близлежащие крыши Зрением Изнанки, что не блокировали даже брас – леты.

Заклятия невидимости не могли скрыть всего.

Аларена Дэйлион также была здесь. Рядом с отцом (где же ещё) и на достаточном расстоянии от эшафота, чтобы её не задело, случись что-то, чего главарь «коршунов» явно ждал. У Айрес только зрел план, как отблагодарить Дауда Дэйлиона за поразительную забывчивость о том, кому он обязан своим нынешним положением, но страдания его дочери определённно займут в этом плане особое место.

Неподалёку, насмешкой богов, Айрес увидела капитана Шиэля – того, кто первым отказался стрелять в бунтовщиков. Когда он ещё был офицером, она лично вручала ему награду (у неё была хорошая память на лица). Когда он стал капитаном, Айрес доносили о нём... в

последние часы её правления. Донесли и о том, что схватили его дочь – уже после того, как та побывала в пыточной камере, не рассказав ничего интересного. Охрана давно не советовалась с королевой, у кого и какими методами добывать информацию, если в жилах её носителя не текла голубая кровь. В дочери капитана городской стражи не текла, и сегодняшнюю молитву тот слушал в одиночестве.

Посоветуйся Охрана с ней, Айрес сказала бы, что это лишняя трата времени: если сам капитан Шиэль и мог знать что-то о побеге Миракла, он не подставил бы дочь под удар. Использовать Бианту Шиэль в качестве заложницы – здоровой и напуганной – было куда уместнее. В будущем она не забудет, что и самых верных псов лучше держать на очень коротком поводке... Ошибаются все, она не исключение. Без ошибок не бывает уроков: боль, и стыд, и желание избежать их, когда хоть раз ощутил их горький вкус, – самые надёжные помощники в обучении.

Айрес знала это лучше кого бы то ни было. Её покойный зять, так любезно подаривший ей Уэрта, тоже.

– ...ни жизнь, ни смерть, ни сила, ни слабость, ни настоящее, ни будущее не отлучит нас от любви Твоей и Отца Твоего...

Взгляд королевы скользил по шапкам и капюшонам, приближаясь к трибуне, за которой высился помост для почётных гостей.

Соммиты тоже пришли. Куда же без них, без семейства, чей кошелек подпитывал восстание. Отец, необъятный, как бочка для амелье, лиэра Соммит, дородная и невыносимо глупая, оба её сына и дочь, которую так наивно пытались представить возлюбленной Уэрта. Его первая любовь наверняка тоже сегодня здесь... в отличие от последней. Девчонка должна была появиться на балконе вместе с Мирком, но племянник вышел к народу один; Айрес подозревала подобный исход, и то, что её подозрения в который раз оправдались, не могло не радовать.

Едва ли присутствие девчонки могло что-то изменить, учитывая, что гномья рапира стараниями Айрес превратилась в обычный кусок железа, но...

– ...излей милость свою на нас и благоволение своё на потомков наших...

Скользнув глазами поверх парапета гранитной трибуны и непокрытых голов жрецов, Айрес сощурилась, глядя на риджийских

королей. Повелитель эльфов с супругой – пара, красивая до приторности, – слушали молитву так внимательно, будто их и правда могло интересовать воззвание к чуждым для них богам. Дроу, привыкшие жить во тьме, прятали глаза и лица в тени капюшонов; их Повелитель исключением не был. Королева людей восседала рядом – в раздражающих птичьих цветах своего рода, совсем как её отец. Айрес до сих пор помнила лицо Лилария Сигюра в день, когда тот выслушивал гневную отповедь от её отца: разгневанное, беспомощное, забавное – точно цыплёнок. Он даже кудахтал так же.

...память всё-таки забавная вещь. Сейчас, когда все её мысли заняты тем, что так скоро случится в настоящем, не преминула вытащить прошлое. Забавно... При иных обстоятельствах Айрес стала бы матерью той девочки, что теперь сидит перед ней на троне и правит людьми за горами (пока ещё правит). При иных обстоятельствах подле риджийцев стояли бы ещё два трона: для Мирка и Кейла. Хотя последнего Айрес постаралась бы удержать подальше отсюда. Пара дней в Кмитсвере под уважительным предлогом едва ли пошли бы брату во вред; учитывая иные из его пристрастий, ему могло даже понравиться.

А иначе...

Он был бы единственным, о ком она бы жалела. Так же, как жалеет сейчас.

– ...из тьмы приходим, но покидаем мир в сиянии Твоём...

Вслед за кузеном она вспомнила о других родных. О брате, убитом по её приказу. О сестре, убитой её рукой. Она сожалела об обоих: просто не могла поступить иначе. В тот вечер, когда она оставила Уэрта сиротой, Айрес искренне надеялась, что ужин завершится по-другому. До десерта всё шло как нельзя лучше, но потом завязался тот разговор, ради которого чета Рейолей и прибыла во дворец.

Конечно, принимая приглашение, они этого не знали.

Он тоже начался с поминания риджийцев.

«...как подумаю порой, что сейчас ты могла бы не сидеть здесь с нами, а чахнуть в Риджии, страшно становится. Слава Творцу, всё решилось так, как и должно было решиться, – молвила Инлес Рейоль, в девичестве Тибель, поднимая бокал со сладким амелье, так хорошо шедшим с пирожными. – За тебя, Айри. За то, что ты заняла своё

законное место: величайшей королевы, которую Керфи знал со времён Берндетта».

«За то, что нам посчастливилось жить в дни, когда имя нашей страны снова вызывает трепет», – добавил её муж.

Ответив улыбкой и лёгким движением бокала – в семейном кругу не было принято чокаяться, – Айрес подумала, что самое время перейти к главной теме вечера.

«Вызовет ещё больший, когда ваш сын свершит то, к чему мы его готовим», – сказала она.

«Если свершит, – откликнулся Эдрилин Рейоль – с теми саркастичными нотками, что потом Айрес сотни раз слышала в голосе Уэрта. – Третий месяц голова только одним и забита, и это совсем не учебники».

«Спешишь некуда, любовь моя, – напомнила Инлес. – Вспомни себя в юности. Думаю, в пору первой любви тебя тоже занимали отнюдь не магические формулы».

«Спешишь есть куда, если он хочет войти в историю не просто как ещё один сосуд Жнеца, но как самый юный сосуд Жнеца».

«Тебе недостаточно того, что он уже самый юный магистр за всю историю?»

Пора, подумала Айрес тогда.

«К сожалению, я согласна с Лином. Его... увлечение ставит всю затею под угрозу. – Опускаясь на расписанный фарфор, её вилка чуть слышно звякнула. – Призывающий Жнеца должен не просто желать этого всем сердцем. На земле для него не должно быть ничего, что могло бы перевесить его желание стать сосудом. Ничего, что помешало бы ему расстаться с жизнью, пытаясь этого достичь».

Сестра вздрогнула так, что бисквит с её вилки упал, измазав кремом скатерть:

«Не напоминай мне о том, что мой сын может умереть. Пожалуйста».

«Вывод любопытный, но безосновательный, – сказал Лин. – Этого условия не найдёшь ни в одной книге о призыве».

Её зять всегда был учёным куда лучшим, чем мужем и отцом. Так же, как Инлес была женой куда лучшей, чем матерью. Так Айрес думала – до того вечера.

То, что случилось потом, она помнила куда отчётливее, чем ей бы хотелось: слишком отчётливо, чтобы воспоминания могло заглушить седьмое песнопение Жнецу, неумолимо приближавшее действие на площади к кульминации.

«К слову об этом, – сказала Айрес в день, когда ей пришлось убить родную сестру. – Я должна вам кое-что рассказать».

И призвала шкатулку.

* * *

– Нам нужно внутрь, – без обиняков объявила Ева парочке гвардейцев, тосковавших у двери сокровищницы.

Гвардейцы страдали. Дворец опустел – Ева убедилась в этом, пока бежала по анфиладам верхних этажей к лестнице на нижние. Избранной не пристало бегать, но раз её не видел никто из считавших её таковой, Ева стянула дурацкие сапоги и припустила по ступенькам в одних чулках, пользуясь тем, что под юбкой всё равно ничего не разглядеть. Все, кто мог сейчас быть не здесь, были не здесь: Еве встретился лишь один дроу, тосковавший в просторном зале неподалёку от покоев риджийцев с какой-то деревяшкой в руках. Он проводил её недоумённым взглядом. В другой ситуации она бы поинтересовалась, что здесь забыл гвардеец Повелителя, но ей было не до того.

Сокровищница расположилась на подвальном этаже. Ещё полчаса назад Ева об этом не знала, но ей достались хорошие гиды: один подсказывал путь в голове, другой за спиной (естественно, Эльен не оставил дорогую лиоретту в сольное распоряжение внутреннего демона). Сапоги пришлось бросить за углом – Ева подозревала, что они ей ещё пригодятся, но являться гвардейцам с обувью в руках было как-то некомильфо.

– Мы бы с радостью, лиоретта, – лишь чудом не сбиваясь на подобострастный лепет, откликнулся один, – но если вам не дали допуск, защитные чары сокровищницы...

– Тебя пустит, – сказал Мэт.

– Меня пустит, – сказала Ева. Не удержавшись, уточнила: – Если войти можно лишь с допуском, зачем вообще вы здесь?

– Тр'адиии, – грустно пояснил другой, слегка картавивший. Оба были молоды, под стать весёленькой зелени своих мундиров; оба одновременно согнулись в поклоне, отступив от массивной двери, не украшенной ничем, кроме резьбы на бронзовой ручке. – Пр'ошу, лиор'етта.

Прежде чем принять приглашение, Ева мельком оглянулась на Эльена.

– Его тоже пустит, – неслышно заверили её. – Увидишь.

Дверь поддавалась куда легче, чем можно ожидать от куска морёного дуба в десять сантиметров толщиной.

Когда Ева, беспрепятственно переступив порог, услышала сзади стук, с каким дерево вернулось на законное место, призрак действительно стоял рядом.

– Тот же фокус, что с чарами в замке Рейолей, – предположила она, без подсказок догадавшись, что к чему.

– Мы слуги наследника престола. Носители его энергии и его магии. Естественно, наследник имеет неограниченный доступ ко всем помещениям во дворце. – Эльен огляделся: куда небрежнее, чем это сделал бы тот, кто видел королевскую сокровищницу впервые в жизни – или в посмертии. – Мы тоже.

Сокровищница больше напоминала музей, чем золотые горы из фэнтезийных фильмов. Вместо огромного зала – анфилада просторных комнат, заставленных золочёными шкафами тёмного дерева. Некоторые прятали содержимое за витражными стёклами; другие являли взору блеск статуэток, кубков, орденов и ваз.

– Тебе в седьмой зал. Радуйся, что не в двадцатый, – добавил Мэт, когда Ева, чуть слышно чертыхнувшись, рванула по скользкому паркету.

Мимо пролетели стеллажи, картины, мечи, тоскующие на стенах, мантии, расшитые золотом и камнями. Короны – высокие и громоздкие, похожие скорее на папские тиары, чем на венцы, что украшали керфианских королей теперь. Сундуки в углу, которым положено было бы пылиться, но драгоценная отделка на дереве сверкала не хуже ёлочных игрушек.

Ева очень старалась не сбиться со счёта, но указание Мэта всё равно застало её врасплох.

– Здесь. Сундук в левом углу. Тот, что поменьше.

Притормозив, по инерции проехавшись пятками в чулках по лакированному полу, Ева развернулась: два сундука, большой и не очень, обнаружили под портретом какого-то несимпатичного короля.

К счастью, на магию здесь полагались больше, чем на навесные замки. Если с первым у Евы не возникло проблем, то спешно переквалифицироваться во взломщика она была не готова. Под тяжёлой резной крышкой розового дерева с пошлыми цветами, похожими на ромашки, обнаружилась груда расшитого жемчугом тряпья.

– На дне.

Когда Ева подняла платье, тлеющая ткань разошлась прямо в пальцах: носительница наряда упокоилась по меньшей мере за сотню лет до момента, как его коснулись Евины руки. Она заметила и другие прорехи, оставленные кем-то, рывшимся в сундуке до неё.

Впрочем, куда важнее было то, ради чего при иных обстоятельствах Ева уже всю чихала бы от пыли, искрившейся в белых лучах волшебных светильников по стенам.

Ева вытащила со дна шкатулку – широкую и плоскую, без малейших изысков. Просто шесть скрепленных вместе кусков дерева, изрезанных рунами. Боковым зрением заметила, как встревоженно шевельнулся Эльен, замерший рядом неммым караульным.

– Открывай, – сказал Мэт. – Тебе позволят.

Наверное, Еве полагалось с трепетом опустить шкатулку на колени. Взяться за крышку, державшуюся на порядком разболтанном медном крючке, с нерешительным колебанием. Она почти слышала тревожные звуки струнных, что нагнетали бы обстановку, будь это сцена из фильма. Однако она просто грохнула ларец на паркет и, почти сорвав крючок непослушными, чересчур торопливыми пальцами, потянула старое дерево вверх.

Не тратя время на изумлённое созерцание того, что оказалось внутри, взяла в руки книгу.

Книга была старой. Очень старой. Ева поняла это хотя бы по истрёпанной кожаной обложке без единой надписи. Жёлтые страницы с ровными чернильными строчками – куда толще тех, на которых при ней черкал Герберт – лишь подтвердили это. Наверное, пергамент, настоящий, кожаный.

Впрочем, Еве куда интереснее было содержание талмуда, зачем-то спрятанного там, где никто не ожидал бы отыскать книгу, чем форма.

Какое-то время она вглядывалась в керфианские строчки, пока магический переводчик подсказывал значение слов, выведенных каллиграфией тонкой, как росчерк ласточкиного крыла.

– Неужели это...

* * *

«...это записи Берндетта, – сказала Айрес, когда книга легла на стол по соседству с недоеденным пирожным. Кошунство, один взгляд на которое наверняка заставил бы Верховного Жреца освободить свой пост куда раньше, чем тот надеялся: трудно восхвалять богов с сердечным приступом. – Дневник, что он вёл, когда открыл ритуал призыва».

Но Верховный Жрец этого не видел, и потому сейчас благополучно завершал одиннадцатое песнопение, усыпляя внимание тех немногих, что дослушали до сего момента. Впрочем, все немедленно проснулись, стоило прозвучать финальному «ибо правдиво каждое слово моё», и зааплодировали так ретиво, будто их одарили величайшим откровением в жизни. Айрес не увидела бы Мирка, даже задери она голову, но знала – тот смыкает ладони с тем же рвением. Она сама благодарила за молитвы куда более сдержанно: бурные рукоплескания, по её мнению, пристали арене, но не этой площади.

Уэрт считал так же.

Двери храма остались открытыми, выпустив жрецов, и не могли предупредить о том, что настаёт главный момент дня. Однако заметить ещё одну фигуру в белом, спускающуюся по храмовым ступеням, было нетрудно.

Уэрта она увидела, лишь когда тот двинулся по освобождённому проходу, сопровождаемый гулом. Золотистые волосы, по традиции непокрытые, падали на ритуальную мантию – Айрес поймала глупую мысль, как сейчас ему должно быть холодно, если от мороза его отделяют лишь тонкий лён церемониальных одежд, похожих на нелепые эльфийские хламиды.

Глупой была не столько сама мысль, сколько желание это исправить.

«...записи Берндетта сгорели в Великом пожаре», – возразил Эдрилин Рейоль шесть лет назад, не подозревая, что ему не суждено увидеть, как его сын поднимется на трибуну, дабы войти в историю.

«Это ложь, которую наша семья тщательно хранит уже три века. Тот пожар устроил сам Берндетт, чтобы оправдать потерю записей. Поджёг дворец, обвинив врагов короны. – Айрес помнила, как улыбалась потрясению в их глазах. Наверняка слова были немного иными: и самая хорошая память не может удержать всего, но суть оставалась неизменной. – Он отдал дневник своему наследнику, когда тот готов был взойти на престол. С тех пор он передаётся от отца к сыну, от матери к дочери».

Когда Уэрт склонил голову, дабы принять финальное благословение, толпа на площади сомкнулась, отрезая путь назад.

Айрес почти не слышала, что говорил Жрец, вздымая руки к облакам. Лишь догадывалась, как губы Уэрта сжались, когда рукава старика едва не хлестнули его по лицу, и уловила среди воззвания к богу неуместное «окажи ему ту же милость, что явил Ты пращуру его» – Жрец дерзнул немного отойти от обычного «нашему освободителю». Впрочем, и случай был особый: после Берндетта на эту трибуну не поднимался ни один Тибель. Не для ритуала.

Айрес предпочла бы формулировку, не имевшую отношения к их предку. Лгать богу в лицо – не лучший способ завоевать его расположение.

«...и что там написано?» – оправившись от потрясения, спросил Эдрилин, приближая тот ужин к роковому концу.

Айрес ответила не сразу. Хотя ждала вопроса. Она прекрасно знала, что последует за ответом – и, понимая, как это глупо (так же глупо, как сейчас волноваться о том, что её наследник может замёрзнуть на пути до трибуны), всё равно тянула секунды.

Ответ разнёсся над столом в такой же тишине, в какой теперь народ следил, как Жрец кладёт ладонь на макушку Гербеуэрта тир Рейоля для последнего напутствия.

«Что Берндетт никогда не призывал Жнеца».

– И Айрес хранила его в сокровищнице? – выдохнула Ева, всё ещё пытаясь осознать, что именно держит в руках. – Серьёзно?

– А кто подумает, что там что-то, кроме брюликов? Особенно если шкатулка запечатана так, чтобы её смог открыть лишь законный король и избранный им наследник, и окружена таким количеством защитных чар, что уничтожить её можно только в Ородруине заодно с содержимым?

Доводы демона звучали разумно. И это не мешало Еве смотреть на дневник с куда большим потрясением, чем если бы она увидела призрака. Призрак, в конце концов, сейчас стоял за её плечом, глядя на сокровище в её пальцах с тем же выражением лица.

Своего лица Ева, конечно, не видела, но представить было нетрудно.

– Тайна передавалась от отца к сыну. Или к дочери. Всегда только из уст в уста, без единого стороннего свидетеля, – продолжил Мэт. – Айрес положено было передать её малышу, однако у неё на этот счёт возникли другие планы.

– А я могу открыть ларец потому же, почему смогла войти в сокровищницу. – Понимание приходило толчками. – Но Айрес дико рисковала. Если бы Мирк вдруг...

Она осеклась за миг до того, как демон одобрительно цокнул несуществующим языком, подтверждая невысказанное.

– Да, златовласка. Айрес не отреклась от престола. Она остаётся законной королевой. Мирк – узурпатором. Он не получил бы дневник, даже если бы нашёл шкатулку. Лишь после её смерти.

– А Герберт...

– У малыша был неограниченный доступ к библиотеке. Всё, что могло бы ему помочь, он искал там. Он верил любимой тёте Айри. Он знал, что все дневники Берндетта сгорели в Великом пожаре. Он знал, что успешное проведение ритуала в интересах королевы. Так зачем бы ей скрывать то, что имеет к нему прямое отношение? Можешь представить себе, как он роется среди тряпок в поисках вещи, в несуществовании которой он полностью уверен?

Так просто, думала Ева, чувствуя под пальцами тёплую кожу. *Главное сокровище королевского рода хранилось в сокровищнице.* И ведь сама бы стала искать нечто подобное (даже зная она о его

существовании) в тайнике в спальне, в жутко секретной комнате, спрятанной за книжным шкафом...

Где угодно, только не под тлеющим платьем давно умершей королевы, в сундуке с пошлыми ромашками в седьмом зале керфианского Эльдорадо.

– Зачем? – спросил Эльен. – Зачем было хранить его в такой тайне?

Ева могла лишь догадываться, сколько вопросов призрак хотел бы задать. Он-то не слышал диалога с гостем в её голове – вернее, слышал далеко не всё.

Но ограничился самым важным.

– Листай до последних страниц, – сказал Мэт. – И я бы на твоём месте поторопился.

Листала Ева недолго: наугад открыла дневник в середине и обнаружила пустоту – книгу исписали едва ли наполовину. Оставалось перевернуть несколько страниц назад, добравшись до последней записи основателя правящей династии. Короткой, всего на лист, датированной 480-м годом – чуть меньше чем четыре сотни лет назад. Через месяц после воцарения первого из Тибелей: Эльен хорошо постарался, вкладывая в голову ученицы даты и хроники керфианской истории.

Ева прочла запись.

Прочла ещё раз – внимательнее, – желая убедиться, что не сходит с ума.

Вернувшись на пару страниц назад, пробежала глазами предпоследнюю запись.

Вскоре она уже выскакивала из сокровищницы и, не дожидаясь, пока Эльен поспеет за ней (призрак ещё дочитывал, на ходу глотая услужливо разборчивые буквы), выдыхала в лицо кланяющемуся гвардейцу:

– Вы сможете перенести меня на площадь?

– Какую...

– Площадь Одиннадцати богов. Туда, где проходит ритуал.

Она не кричала. Странно, учитывая, что внутри она заходила не криком даже – смехом; тем смехом на грани истерики, который заканчивается кровавыми дорожками от ногтей на лице в миг, когда безумный хохот переходит в такие же рыдания.

– Мы... не маги, лиоретта.

Ей хотелось вцепиться ему в воротник, заорать, потрясти за грудки – если бы только это могло помочь.

Почему, ну почему она так и не научилась телепортам?..

– Мне нужен маг. Немедленно.

– Лиор’етта, боюсь, сейчас найти кого-то будет сложно, – сказал картавый, оставшийся за спиной. По голосу слышно было: одно её слово, и он пойдёт точить меч для ритуального самоубийства, так велика его вина за то, что он, убогий, ничем не может помочь прекрасной без-пяти-минут-королеве. – Большая часть пр’идвор’ных магов *уже* на площади, к тому же к пр’аздникам её всегда накр’ывают чарами, сбивающими магические пер’емещения, чтобы к кор’олю не подобралась убийца, и...

Лиор’етта?

Последнее донеслось Еве в спину, когда она пролетала мимо оставленных за углом сапог, чтобы рвануть по арочному коридору, стелившему под ноги шахматную доску чёрно-белой плитки. Лишь в самом его конце догадалась обернуться – убедиться, что Эльен, прозрачный от гнева, бежит следом, прижимая дневник к груди.

Вещественное доказательство ей пригодится. Как и свидетель.

– Если ты на выход, на грядущей развилке тебе налево, – услужливо подсказал Мэт. – От дворца до площади бежать пять минут. Должна успеть.

– Покажешь дорогу?

– Ещё спрашиваешь.

Не тратя силы на слова, Ева – босиком, как была – пролетела сквозь распахнутую дверь, разветвлявшую в две стороны бесконечную картинную галерею, и повернула налево.

Она успеет.

Ничего другого ей не остаётся.

* * *

Первые руны, что Уэрт вычертил в воздухе, сияющими снежинками опустились на мрамор у его ног. Перед этим, кажется, он всё-таки посмотрел на балкон, где Мирк наблюдал за ним в

одиночестве, – и Айрес снова подумала, что обстоятельства сложились как нельзя удачнее.

Толпа ещё не затихла, лишь в миг, когда жрецы покинули трибуну и заняли место на нижней ступеньке лестницы, подарила Избраннику минутку почтительной тишины. Она затихнет позже, хотя тогда в этом молчании как раз не будет никакого смысла: гексаграмма отрезала все звуки вне круга тому, кто останется внутри (на самом деле она отрезала ещё и звуки *из* круга тем, кто останется снаружи, но об этом до поры никто не догадается). В момент чтения заклęcia – Айрес знала – все застынут, боясь выдохнуть: жрецы и музыканты, согнанные со ступенек в толпу, знать и чернь, мальчишка в её короне и глупые дети на помосте для почётных гостей.

Лучше бы они помолчали сейчас. Вместо того, чтобы гудеть встревоженными пчёлами, отвлекая Избранника от гексаграммы, которую тот чертил по памяти (её всегда чертят по памяти). Но Уэрт умел концентрироваться как никто, и белые линии продолжали расползаться по мрамору, сплетаясь побегам вьюна, обрастая рунами, как листвой. Гексаграмма походила на диковинный цветок: Айрес не видела её сейчас, однако Уэрт столько раз творил заклęcia при ней, что она сама заучила наизусть каждое движение, всю последовательность от первой до последней строчки, словно стих или ноты.

Ей положено было знать это. В своё время она долго разбиралась в формуле, чтобы понять, истинная ли она – и не требуется ли внести в неё изменения под благовидным предлогом. К счастью, не требовалось. Плетение Берндетта было филигранно сложным, слишком сложным. Даже для неё.

Нож, который Уэрт пока держал в правой руке, тускло блеснул в закатных лучах.

Он не стал брать кинжал Берндетта, хотя имел право – один из немногих. Предпочёл свой, «удачливый», с которым проводил все ритуалы с тех пор, как получил его в подарок от Айрес на тринадцатилетие. То, какое лезвие обогрится его кровью во время ритуала, они обговорили уже давно: это было важно.

Его выбор и правда был удачным. Кинжал Берндетта сегодня пригодится ей самой.

Мало кто видел, как она тренируется метать ножи, и этот кинжал тоже.

Айрес смотрела – угадывала, – как слой за слоем ширится рунное плетение.

Будь гексаграмма алой, она походила бы на мак. Цветок смерти, рассыпанный сегодня по улицам Айдена как никогда уместно. Но гексаграмма, в которой должен явиться Жнец, всегда была белой. Даже в тех ритуалах, когда Жнец никак не мог явиться.

«...ты серьёзно?» – сказал её зять в день, когда Айрес пришлось убить родную сестру, в миг, как он узнал о смысле утраченных берндеттовских рун.

«Я не сказала бы вам, не требуйся мне ваша помощь. – Она вернула дневник в шкатулку. – К моменту ритуала его характер должен быть настроен филигранно. Иначе ничего не выйдет. До недавнего времени, надо сказать, вы и сами неплохо с этим справлялись, но появление в его жизни серьёзных привязанностей недопустимо... и, боюсь, к вам он всё же привязан больше дозволенного».

«Тебе известно то, что известно, и ты хочешь, чтобы это вышло?»

«Это всё, чего он желает. Ты знаешь сам».

«Не такой же ценой!»

Айрес ожидала увидеть ужас в его глазах. В их глазах. Конечно ожидала. И всё равно ей сделалось тоскливо. Глубоко, очень глубоко в душе она надеялась, что учёный в её зяте и жена в её сестре возобладают над родителями.

Она была готова к тому, что требовалось сделать, если этого не случится, – и сердце её болело так же, как сейчас, на закате года двух лун, пока её наследник чертил гексаграмму на трибуне, где когда-то их предок разыграл самый прекрасный спектакль в истории Керфи.

«Истинному учёному в радость расстаться с жизнью, чтобы его мечта исполнилась. Чтобы его имя осталось в веках. Первые лекари умирали, чтобы вывести те заклятия исцеления, что сейчас использует каждый деревенский маг. Первые некроманты умирали, чтобы открыть те ритуалы, на которых теперь основано величие нашей страны. Он будет первым из Тибелей, кто действительно это сделал. – Шкатулка исчезла: Айрес была единственной, кто мог призвать её. – Ты сам этого хотел. Ты сам взрастил в нём это. Он

знает, что может расстаться с жизнью на той трибуне. Он к этому готов».

Она произнесла свою речь как могла мягко – и этого, конечно, было недостаточно.

«Айри, как ты можешь говорить такое?»

Она подозревала, как хочется Инлес выплюнуть совсем другое, но сестра, в конце концов, оставалась Тибель, и сдержанность у них была в крови. Вся глубина её потрясения читалась лишь в глазах цвета спелых каштанов, сейчас совершенно круглых.

«Ты чокнутая, – сказал Лин. – Ты свихнулась».

«А чего хотели для него вы? После ритуала? Любовь? Семью? Детей?» – поднявшись из-за стола, Айрес подошла к окну. В другое время она напомнила бы зятю, в чьё лицо он бросает оскорбления, но сейчас он имел на это полное право. – *Я единственная, кто действительно его знает. Кто знает, о чём он мечтает. Кто знает, что для него будет лучше. Такие, как он, не могут быть счастливы в простой мирской суете, не могут жить долго и счастливо – зато свет, в котором они сгорают, озаряет мир на века.* – За окном стелилась площадь, усыпанная суетливыми горожанами: отсюда, из окон королевского дворца, они казались не крупнее муравьёв. – *Он и без того не слишком высокого мнения о людях. Вы представляете, как невыносимо было бы взирать на всё это тому, кто видел мир глазами бога, примерившему вечность, как плащ? Спросите у него, что он предпочтёт: недолгую жизнь и вечную славу – или смерть в окружении внуков, с женой, рыдающей над его постелью, с забвением, ждущим за чертой. Если вы не знаете, каким будет ответ, – я знаю».*

Первой встала Инлес:

«Ты больше никогда не увидишь нашего сына. Никогда».

Они с сестрой всегда были похожи, но нрав слишком проявлялся в чертах, чтобы кто-то сторонний мог сделать им подобный комплимент. Сейчас перед Айрес стояло её собственное отражение – и, глядя в лицо младшей, каким прежде она никогда его не видела, Айрес обречённо поняла: всё завершится так, как и должно было.

«Жаль. Я надеялась, что вы поймёте. Но так даже лучше. – Она сплела опущенные руки в замок, и голос её сорвался в шёпот. Айрес уповала, что в нём звучит вкрадчивость, а не слабость. – Я – королева.

В моей власти забирать то, что должно быть моим. Он мой, он мой вассал, и я заберу его. Хотите вы того или нет».

...они всегда были похожи. Но даже в такой ситуации Айрес едва ли могла бы обезуметь настолько, чтобы глупо, так глупо – не думая о последствиях, не думая, кто ей противостоит, не думая, что ты лишь обычная слабая женщина, в девичестве носившая имя королевского рода, – схватить со стола нож и кинуться вперёд.

Заключение Лина, которым он пытался спасти жену – может, и сына, но это тоже было бы глупо, – Айрес отразила с такой же лёгкостью, как за секунду до того остановила сердце сестры. С ним всё прошло ещё легче.

Когда гвардейцы, которых об атаке на королеву оповестили чары, нашли её рядом с телами, Айрес рыдала куда горше и искреннее, чем собиралась. В глубине души она надеялась, что ей будет не так больно. Наверное, капелька общей семейной глупости у них всё-таки была.

Она плакала и сейчас, глядя, как Уэрт замыкает круг, чтобы встать в центр; плакала, как научилась уже давно – без дрожащих губ, без жалобной гримасы, тихими незаметными слезами, тающими в уголках глаз.

Сотню раз виденным жестом перекинув нож из правой кисти в левую, Уэрт провёл лезвием по ладони. Кровь окропила серебряное лезвие, белые руны, белые одежды – совсем чуть-чуть.

Когда ритуальный рисунок активировался, засияв ярче, и мальчик в круге раскинул руки, чтобы заклятием призыва вознести Жнецу свою последнюю молитву, Айрес запоздало поняла: теперь она точно не сможет сказать ему «прощай».

* * *

Наверное, когда Ева подлетела к площади, без магии ноги её сбились бы в кровь – алую, как выстлавшие её дорогу маковые лепестки. Часть пути она пыталась преодолеть прыжками, активировав левитацию, но сознание, занятое чем угодно, кроме концентрации на полёте, тянуло её к земле, а счастливых мыслей Ева сейчас в нём не отыскала бы при всём желании.

Наверное, в другое время она бы полюбовалась по пути столь дивным зрелищем, как абсолютно пустые улицы. Ни души не было ни на дворцовой площади, ни на широком проспекте, с которого ей пришлось свернуть на улочку поменьше. Даже лавки заперли до завершения ритуала. Это после жители и гости столицы разбредутся кто куда, чтобы веселиться и гулять до утра, а лавочников ждёт отличный заработок, но сейчас лавочникам самим хотелось увидеть то легендарное зрелище, что Ева так спешила отменить.

Наверное, встретиться ей на этих улицах хоть кто-то, она не преминула бы спросить, не маг ли он. Даже если её не могли перенести прямо на трибуну, сэкономить пару бесценных минут уже было неплохо – хотя не факт, что она не потратила бы больше на расспросы и объяснения. Она надеялась, что Эльен сможет добраться быстрее, но всё оказалось не так просто: летать местные призраки не умели, оставаясь привязанными к памяти о том, как перемещались при жизни, да и срезать путь, проходя сквозь здания, в столице не представлялось возможным. Дома с привидениями для керфианцев были обыденным явлением, но чужих призраков они не жаловали; так что на большей части домов в центре города лежали чары, благодаря которым хозяева могли не беспокоиться о непрошенных привидениях. Когда живёшь в непосредственной близости от королевского дворца, ты можешь себе это позволить.

Всё это ей путано, зачем-то в подробностях рассказывал Эльен, опережавший её меньше чем на полшага. Дневник так и оставался у него в руках – отбирать его Ева не порывалась. Не до того сейчас было.

Пять минут – много или нет?..

Зрители толпились уже на подходе: там, где улица лишь приближалась к храмам, где нельзя было бы увидеть ничего, кроме ослепительной белой вспышки, которую восторженно описывали летописцы – вспышки, сопровождавшей нисхождение Жнеца, гаснущей лишь в миг, когда он оставляет Избранника. Конечно, керфианцы видели её только раз, но этого хватило, чтобы теперь все тянули шеи, надеясь узреть отблеск божественного света и крыльев за Его спиной.

Ева не стала кричать, чтобы они бежали. Просто принялась проталкиваться сквозь толпу – в ярости, что улица привела её не к Храму Жнеца, откуда легко было бы докричаться до Мирка, а к Храму Садовода ровно на противоположной стороне.

Если она успеет, бежать не будет нужды. Если не успеет – бежать будет бессмысленно.

– Дорогу! – закричал Эльен, каким-то чудом лавируя между зеваками разной степени знатности и разнаряженности, не теряя дневника; частичная материальность облегчала дело. Позже Ева думала, что стоило отобрать у него дневник и послать вперёд, чтобы он мог пройти сквозь толпу, но то было позже – и не факт, что помогло бы. – Дорогу королеве!

Глашатай из призрака вышел не хуже учителя и дворецкого. Даже в этот миг люди оборачивались – и расступались, толкая недовольных соседей, провожая удивлёнными взглядами Избранную, отчаянно рвущуюся к помосту.

– Герберт!

Она уже видела его, раскинувшего руки среди сияющих отблесков рунного плетения.

– Герберт, стой!

Её крик утонул в закате – несмотря на тишину, повисшую между кольцом из храмов. На неё оглянулись иные из зрителей, и только. Слишком много людей. Слишком большая площадь. Слишком много пространства между ней и трибуной, которое требовалось преодолеть. Руки... заклятие, он читает заклятие – и уже не сможет её услышать, ведь гексаграмма Берндетта – *настоящая* гексаграмма – отсекает все звуки снаружи и изнутри; только вот тот, кто внутри, этого даже не поймёт...

...«и руна Ройд запирает звук, ибо божественный глас верно не предназначен для смертных ушей»...

Строки из дневника ехидно прыгали перед глазами, пока Ева доставала смычок.

Невидимая струна расшвыряла впереди стоящих, заставив тех повалиться на соседей. Скелет, попавшийся на её пути, от удара рассыпался, беспомощно запрыгав косточками по утопанному снегу. Возмущённые крики кругами разошлись по людскому потоку, но Ева продиралась вперёд, взрезая воздух волшебным хлыстом. Трибуна, нужно дойти до трибуны, подняться наверх – Герберт увидит её и поймёт всё без слов, и остановится, и...

Первыми её заметили гвардейцы, охранявшие риджийцев – их помост оказался аккурат между Евой и трибуной. По лицам людей

Мираны Ева поняла, что те решительно не знают, как относиться к её выходке: будущей королеве дозволялось, конечно, больше других, но не настолько. Вторыми – риджийцы: они сидели к Еве спиной, укрытые магическим куполом, но крики не могли остаться для них незамеченными. Почётные гости стали оборачиваться, когда Ева уже приблизилась и активировала левитацию, пытаясь перемахнуть через помост сразу на трибуну.

Почти получилось.

Ева не знала, как был устроен этот защитный купол, но она сквозь него провалилась вполне успешно. Упав прямо перед тронном Повелителя дроу, торопливо откатилась к краю помоста: Дети Луны оцетинились клинками ещё в момент её прыжка. Вскочив, на миг встретилась с синими глазами Снежаны – Белая Ведьма следила за ней без удивления, лишь с сосредоточенным прищуром.

– Это ловушка! – всё-таки выпалила Ева, прежде чем прыгнуть, – уже с помоста, уже видя лицо Герберта, запрокинутое к небу, омытое плеском колдовского сияния. Секунды, считанные секунды...

...эти секунды – несколько мгновений полёта над небольшой прослойкой зрителей, отделявшей риджийцев от трибуны, над ошарашенными жрецами и лестницей в одиннадцать ступеней до гранитного ограждения – так и остались самыми долгими в её нежизни.

Что-то сверкнуло за спиной. Кто-то закричал: ещё громче, чем кричали от Евиного шествия. Мрамор под ногами Герберта, заклинавшего небеса с закрытыми глазами, треснул с отвратительным звуком разбивающихся надежд.

Гексаграмма вспыхнула светом острее, чем клинки дроу.

Прежде чем её отшвырнуло от трибуны, коснуться которой Ева так и не успела, прежде чем мир затопило сияние, от которого не было спасения, прежде чем Ева поняла, что всё-таки опоздала, – она увидела белые крылья, взвившиеся за спиной Избранного тем, к кому Герберт так стремился.

И стал свет.

* * *

Первая волна была прозрачной, как ветер, сбившей с ног всех, кто ещё стоял.

Вторая – медленный, тягучий, как патока, свет, хорошо знакомый тем, кто хоть раз видел в действии Мёртвую Молитву – лавиной катилась по площади, пока не упёрлась в незримую преграду, повиснув над трибуной и брусчаткой туманным ку – полом.

О том, что случилось после, каждый из видевших рассказывал разное. Но крики ужаса, раздавшиеся, когда люди на площади поняли, что скрывает сияние, описывали примерно одними словами.

Первыми кости увидели те, кто поднял головы у самой границы купола. Потом и остальные, встревоженные воплями, осознали: пульсирующий свет, клубившийся в воздухе, белым прибоем ласкает скелеты в праздничных одеждах, усыпавшие всю брусчатку от трибуны до места, где неведомое чудо остановило ползущую по площади смерть.

У эшафота Мирана Тибель встала на ноги. Дауд Дэйлион прижал к себе дочь. Аларена Дэйлион широко открытыми глазами смотрела на фигуру, сияющую в центре площади снежной звездой: её очертания терялись в густом сиянии – оно клубилось в воздухе перламутровыми разводами, словно тающее в воде молоко, – но крылья виднелись даже отсюда.

Вцепившись в парапет храмового балкона, Мирк, лицо которого цветом почти сравнялось с мрамором, смотрел на площадь, заваленную останками его подданных.

Мёртвая Молитва – сила, что Жнец дарует своим избранникам, – заставляла человека истлеть за минуту. Сила, что сопровождала явление Жнеца в этот мир, за секунды убила сотни, обратив прахом плоть, обточив до костей тех, кто жил и дышал мгновения назад.

Вопрос, что заставило эту силу остановиться, пришёл в головы присутствующих почти одновременно.

Никто после не помнил, кто первым оглянулся на эшафот. Кто первым увидел свергнутую королеву, выпрямившуюся на камне, где проливалась кровь осуждённых, воздевшую в воздух руки, окутанные серебристой дымкой творимых чар.

Кто первым увидел, что руки эти больше не обрамляют блокираторы, осколками блестящие у её ног.

– Не бойтесь, жители Айдена, – молвила Айрес Тибель, держа защитный купол, отделивший людей снаружи от плещущейся в нём смерти. – Та, от кого вы отреклись, не отеклась от вас.

* * *

Цвет забытья – чёрный. Это Ева, до недавних пор с потерей сознания почти незнакомая, за последний месяц усвоила хорошо.

Цветом этого забытья, на пару минут – или часов, она не знала – погрузившего её в ничто, был белый.

Цветом реальности, куда она вернулась, тоже был белый. Он лежал на брусчатке снегом. Он выглядывал черепами из платьев, ещё хранивших тепло тел, недавно бывших живыми. Он клубился вокруг, тянул за руки, гладил по щекам мертвенным холодом, поющим вечную колыбельную, влекущим вечным покоем.

Ева села. Посмотрела на скелеты вокруг, не думавшие танцевать.

Посмотрела перед собой: туда, где на трибуне, от которой её отшвырнуло первой волной силы, умертвившей половину людей, чествовавших на площади Жнеца Милосердного, угадывался сгусток крылатого света.

...в год двух лун придёт чудище с Шейнских земель, всем и каждому гибель неся...

Свет шептал её имя.

...у реальности и забытья, куда Ева провалилась, когда её швырнуло наземь, был общий цвет. Поэтому она не понимала, на что смотрит: на кошмар, который никак не мог стать явью, или явь, обернувшуюся кошмаром.

Она не могла не успеть. Не могла не остановить. Не могла допустить, чтобы случившееся случилось.

Не могла.

– ...лиоретта!

Зов того, кто был не живым, но определённо менее мёртвым, чем все вокруг, Ева расслышала не сразу.

– Я боялся, что вас... что вы... что вы тоже.

Большого Эльен, упавший на колени рядом, сказать не смог.

Большого и не требовалось.

– Мёртвая Молитва убивает только живых, – произнесла Ева глухо. – Мы к ним не относимся.

Происходящее она осознавала отстранённо, точно зритель в кино. Хотя и в кино у неё порой было чувство большей причастности, когда она верила тому, что происходило на экране.

В то, что происходило сейчас, она не верила. Не до конца.

– Мы... – Эльен всё ещё держал дневник, – мы должны рассказать.

Ева посмотрела мимо трибуны: туда, где сквозь море света, за границей купола угадывались очертания Храма Жнеца, у подножия которого за происходящим следила королева Керфи, так предусмотрительно не отрёкшаяся от своей власти.

Значит, у Айрес всё получилось.

...когда на троне воссядет та, чьё сердце холодно и черно, и ужаса шёпот звучать будет не громче, чем шорох листвы...

– А Герберт?

Её голос тоже звучал едва ли громче, чем шорох листвы. Немногим громче, чем потусторонний зов, отступивший, но всё ещё шелестевший подголосками в полифонии смерти, певшей сегодня на площади Одиннадцати богов.

– Придумаем что-нибудь.

Молчание, предшествовавшее ответу, было долгим. Непозволительно долгим.

Они оба читали, что Бернетт сделал – вынужден был сделать – с единственным Избранником Жнеца, удостоившимся чести стать Его сосудом. Единственным... до этого дня.

...сердца огнём и клинком чудище дева сразит...

То, куда в конечном счёте ведёт её путь, поприветствовавший иномирную гостью стрелой королевы в осеннем лесу, Ева поняла на удивление просто. Может, потому что в глубине души поняла это уже давно: в тот самый момент, когда увидела витражи в королевском дворце и услышала запечатлённую на них историю от величайшего убийцы Керфи. Или в тот, когда кузнец из Потусторонья так великодушно вернул ей клинок своей работы – зачарованную сталь, подобную той, что вонзилась в сердце Гансера почти четыреста лет назад.

– Люче, – сказала она.

Кожаная рукоять знакомо и уютно легла в ладонь.

Обнажив золотистое лезвие, она бросила ножны наземь – на васильковую мантию, недавно лежавшую на плечах юного колдуна или колдуньи, а теперь скрывавшую только кости, – и встала одновременно с призраком. Тот непонимающе смотрел на рапиру в ее руке.

– Шкатулка заколдована так, чтобы открыть её мог лишь законный король и его наследник. Мэт сказал мне. Люди должны узнать. – Она кивнула вперёд, мимо трибуны, туда, где живые ждали и заслуживали правды. – Идите, Эльен. Расскажите всё. Я позабочусь о нём.

Эльен встал на её пути прежде, чем она сделала хотя бы шаг.

Даже сейчас, даже когда его противником оказалась она, верный слуга Рейолей возобладал в нём над всем остальным.

– Лиоретта, вы не можете... я не могу позволить вам просто убить его. Я верю, есть возможность...

– Я не собираюсь его убивать. Только выволить из ловушки. – Её пальцы сжались крепче, греясь о кожу, ещё хранившую тепло дома Мираны Тибель. – В этом мире смерть – не всегда точка. Вам ли не знать.

...и жизнью своею заплатит, мир ею купив.

Сейчас смысл пророчества Лоурэн казался таким простым, таким до боли очевидным. Хотя Ева не была уверена, понимает ли это Эльен.

Зелёные глаза, расширившиеся в болезненном прозрении, подсказали ей ответ.

– Нет, – сказал призрак.

– Вы сами пели мне эти баллады. Слова я помню.

– Это не может быть единственным решением.

– Если оно и есть, у нас нет времени его искать. – Ева мягко толкнула его в грудь. – Идите.

Он не стал обнимать её на прощание. Как и прощаться. Просто посмотрел долгим взглядом, прежде чем отвернуться и побежать прочь. Может, думал: он успеет сделать что-нибудь раньше, чем она воплотит задуманное. Или что она не сумеет. В конце концов, ей требовалось приблизиться к тому, кто убивал всё вокруг, отделённому от неё стеной магии и рун.

Но, делая первый шаг к трибуне, Ева знала: только так всё и может закончиться.

Мирк думал, что судьбы не существует. Айрес думала, что её можно обмануть. Герберт – что судьбу можно расположить к себе,

разыграв спектакль, который заставит богов улыбнуться. Похоже, спектакли боги и правда любят не меньше демонов... только вот переписывать их сценарии смертным не дано.

И в минуты, когда боги улыбаются, актёрам будет совсем не смешно.

* * *

Мирана пришла в себя раньше других.

– Как... – она подступила к эшафоту, держа в опущенной руке шпагу, сотканную из серебристого воздуха, – ты...

– Ни одна клетка не удержит меня, если я того не захочу. Я позволила, потому что мой народ не хотел видеть меня свободной. Теперь, когда он нуждается в защите, я не могла остаться в стороне. – Айрес смотрела на людей вокруг: непонимающих, испуганных, зачарованных божественным светом, неспособных даже бежать. Те, кто оказался перед самым куполом, отступили подальше, но и только. – Я не знаю, что пошло не так, но рада, что сумела предотвратить гибель всех.

Она как будто усилила голос чарами. А может, он сам собой далеко разносился в морозном воздухе, пронизанном страхом и тишиной.

Мирана посмотрела наверх, на балкон. Мирк исчез, но она успела увидеть, как последний из охранявших его жрецов скрывается в храме. Посмотрела на Айрес – без блокираторов, не думающую ни бежать, ни призывать оружие для расправы со своими тюремщиками.

Многие матери в этой ситуации едва ли смогли бы мыслить ясно, охваченные ужасом за себя и за сына. Многие женщины зарыдали бы в панике – и мужчины тоже. Но Мирана Тибель была воином, а воин, не способный хранить трезвость мышления в любой ситуации, редко доживает до поста Советника по военным делам. Потому сейчас она не волновалась за Мирка, которого охраняли проверенные ею храмовники, и не позволяла думать обо всех, чьи кости усыпали снег на площади. Сейчас её куда больше интересовало, какую роль в происходящем сыграла Айрес и почему она не воспользовалась этим для побега. Или хотя бы мести тем, кому отомстить ей очень хотелось. Может, у свергнутой королевы просто не было сил? Учитывая, кто держал купол

на половину немаленькой площади, благодаря которому они все ещё дышат...

Против Мёртвой Молитвы не существовало блоков. Ни одному магу не удавалось защититься от неё куполом – никогда. С другой стороны, ни один маг (во всяком случае, за немаленькую жизнь и немаленький опыт Мираны Тибель) не был настолько силён, чтобы блокаторы разлетелись на его запястьях без посторонней помощи. Люди вокруг тоже об этом думали: Мирана заметила, как смотрят на свергнутую королеву даже её собственные гвардейцы.

Благоговение в этих взглядах могло бы её взбесить, если бы Мирана позволила себе чувствовать хоть что-то.

– Что произошло? Почему...

– Наверное, Уэрт ошибся с рунами. Призыв удался, но сила Жнеца прорвалась сквозь гексаграмму. Не знаю. – Айрес стояла на эшафоте, но смотрела сверху вниз тем же взглядом, каким взирала на подданных с тронного возвышения. – Я пойду к нему... постараюсь понять, что случилось. Думаю, мне удастся подойти достаточно близко.

Мирк выбежал из храма одновременно с тем, как Айрес подняла руки чуть выше. Мирана вскинула клинок, но о зачарованную мантию короля не разбилось ни смертоносное заклятие, ни арбалетный болт.

Лишь купол над трибуной немного сжался, отодвинув убийственный свет дальше от перепуганных людей.

– Надеюсь, Жнец скоро покинет его тело. – Кожа королевы выцвела почти добела: сдерживать божественную силу давалось ей нелегко. – Вам лучше уйти. На случай, если у меня ничего не выйдет.

– Ты...

– Забирай Мирка и уходи. – Обведя взглядом толпу, Айрес даже улыбнулась немного. – Не бойтесь. Я сделаю всё, чтобы сегодня в Керфи больше не оборвалась ни одна жизнь. Мы и так потеряли слишком многих.

Мирана не знала, действительно ли бывшая королева усиливает свой голос чарами, но, как бы там ни было, ушей слушателей он достиг.

Мирана не заметила, кто первым протянул руки к эшафоту. Должно быть, некто из тех, кто остался верен Айрес – такие были. Но благоговейное «спасибо, моя королева» она услышала: слова эхом зашелестели над площадью, сперва робко, потом всё громче, по мере

того как ширился лес рук, благодарно протянутых к женщине, сохранившей им жизни.

Так, должно быть, почти четыреста лет назад на этой самой площади протягивали руки к Берндетту.

Айрес не улыбнулась. Лишь коротко, почти незаметно склонила голову – великодушным, королевским жестом. Оглянувшись на гвардейцев, согнувшихся в поклоне за её спиной, кивнула и им, точно командуя «вольно». Медленными, осторожными шагами, словно удерживая на вытянутых руках невыносимую тяжесть, двинулась к лесенке, чтобы спуститься вниз... и Мирана поняла, почему Айрес Тибель не собиралась ни убивать их, ни бежать.

В этом не было нужды.

Только что свергнутая королева спасла всех заблудших, неблагодарных детей, которых боги определили ей в подданные, пока новый король беспомощно смотрел, как они умирают. Только что свергнутая королева рискнула жизнью, чтобы свергнувший её племянник мог спрятаться под матушкиной юбкой – или фалдами мундира, неважно. Спасти, бежать, отсидеться в стороне, ибо ничего большего он сделать не мог.

Только что Айрес вернула своё королевство без боя.

Мирана посмотрела на сына, сосредоточенно просчитывающего что-то на ступеньках Храма Жнеца. На Соммитов, прижавшихся друг к другу в стороне. На Дауда, обнимающего дочь – он следил за королевой с прищуром кота, готового к охоте.

...но Айрес не могла знать, что всё будет так. Или могла? Даже если это её рук дело, сейчас они бессильны: им ничего не доказать, не остановить её, не атаковать без риска для города и его жителей, не обвинить так, чтобы люди не начали роптать...

– Уходите, – повторила Айрес, неотрывно глядя на трибуну, где затерялся в белом свете её наследник. – Надеюсь, я смогу ему помочь.

– Лжёшь, тварь.

Одинокий, полный ненависти голос разнёсся над толпой звонко, как пощёчина.

Айрес посмотрела на того, кто проталкивался к помосту сквозь сбитых с толку людей, и мысок её туфли завис над первой ступенькой короткой лесенки.

– Вы подлая, лживая, двуличная тварь, Ваше Величество, – сказал Эльен, поднимая над головой книгу в старой, истрёпанной веками коже. – Потому что вы поможете ему лишь одним способом – кинжалом в сердце. И вы знали об этом задолго до сего дня.

* * *

– Если что, именно это я и подразумевал под глупостями.

Ева не ответила. Хотя слышать голос Мэта в кои-то веки было приятно – всяко приятнее, чем шёпот смерти впереди и хруст костей под ногами. Она старалась переступить через тех, кому не суждено было сегодня покинуть праздник, но их оказалось так много, что прикрывающая кости одежда почти закрыла собой и брусчатку, и снег. До трибуны оставалось едва ли полсотни шагов. Её отбросило дальше, чем тех, кто стоял на земле – наверное, из-за того, что в момент призыва она весила чуть тяжелее воздуха, – но не настолько далеко.

Очень маленькой, очень трусливой части её хотелось бы, чтобы этих шагов было больше.

– Ты обещала...

– ...не творить глупостей? Прости, соврала. Скрестила пальцы за спиной. Не говори, что не заметил.

Двигаясь сквозь море влекущего света, Ева думала о странных вещах. Например, что это не так уж плохо – закончить жизнь на фортиссимо. И, наверное, даже в мажоре. Чакона Баха, да и только. В оригинальном скрипичном варианте её завершала пустая квинта: мажор, минор, дорисовывай сам. Во времена Баха мажор звучал устойчивее, и он напрашивался, но маленькой Еве нравилось дорисовывать минор. Она вообще любила трагедии... когда-то. Их легко любить, когда ты толком не понимаешь, что за ними стоит, а в твоей жизни чертовски мало вещей по-настоящему трагичных; родители морщились и убегали от страданий и крови на экране или книжных страницах, а она внимала этому взхлёб.

От воспоминаний Ева почему-то улыбнулась – в ситуации, меньше всего располагавшей к улыбкам.

Надо же, какие глупости лезут в голову, когда остаются последние шаги до небытия...

– Ты всерьёз думаешь, что эта идиотская затея сработает? Ты труп, если забыла, – за привычной демонской издевкой сквозила лёгкая паника. – Тебе нечего ему предложить.

– Я попытаюсь.

Вместо ткани и костей ноги ощутили ледяную брусчатку – перед самой трибуной откуда-то возник просторный прямоугольник, чистый даже от снега. Лишь когда он остался позади, Ева поняла: совсем недавно здесь высился помост для почётных гостей.

А у риджийцев, похоже, всегда наличествовал козырь в рукаве...

– Ты ведь не хочешь умирать!

– Смерть – друг наш, а не враг. Ты сам говорил.

Когда-то эти слова казались ей ещё одной издёвкой. Сейчас – добрым советом.

Интересно, видят ли её снаружи? Едва ли... Крохотная белая фигурка в белом свете, густом, почти непроглядном. Наверняка Айрес заметила, как Ева пробивалась к трибуне, но это ничего не изменило. Теперь девчонка, из-за которой все планы королевы едва не полетели к чертям, вряд ли могла казаться ей опасной – Айрес позаботилась о том, чтобы Люче превратилась в кусок светящегося железа, и ей точно не докладывали о неожиданном гномьем великодушии. Даже знай королева, что клинок, способный умертвить вместилище бога, остался при ней, едва ли это её взволновало бы. Она мерила всё немножко другими категориями – и наверняка не думала о дурацких старых песнях, да и Ева не походила на девочку, способную убить того, кого любит.

Она и сама не знала, сможет ли сделать то, что должна сделать, если Мэт окажется прав.

– Есть вещи куда хуже смерти. Например, предательство. Эгоизм. То, что я сделала с человеком, которым восхищалась, потому что не хотела умирать. – Она замерла перед трибуной, запрокинув голову. – Спасибо за урок, Мэт. Тогда я боялась. Теперь – не боюсь.

Фигуру того, кто стоял в центре гексаграммы, не было видно даже отсюда. Всё заслоняло белое сияние, которым полыхали границы круга, судорожно пытавшиеся удержать внутри чудовищную силу, пойманную в капкан из крови, заклятий и рун. Лишь крылья – огромные, размашистые, шире не только круга, но и трибуны – теперь можно было разглядеть отчётливо до рези в глазах.

Наверное, если б Ева могла чувствовать хоть что-то, она бы и правда её ощутила.

Тихий внезапный смешок раскатился в ушах одновременно с тем, как Ева встала на первую ступеньку, перешагнув через разбитые, выпавшие из рук музыкантов скрипки, лютни, флейты.

– Спасибо за веселье, златовласка. – Она никогда не думала, что голос Мэта может звучать *умиротворённо* – в тон тому, что мерцало в её душе. – Занятное у нас вышло шоу. Заканчивай его, как считаешь нужным.

Ева снова улыбнулась. Несмотря на всё плохое и хорошее, что ей сделали; а может, благодаря этому, ведь хорошее всё-таки было.

Если бы не Мэт, её – единственной, кому под силу пройти сквозь смертоносный свет, чтобы закончить эту историю совсем не так грустно, как она могла бы закончиться, – сейчас бы здесь не было. Как и Люче в её руках.

– Досмотришь конец из Межгранья, – сказала она, поднимаясь навстречу финалу. – Думаю, там тебя уже заждались.

– Не могу сказать, что соскучился по товарищам.

– Прощай, Мэт.

– Если что, я всегда за то, что шоу должно продолжаться, но...

– Вон. Из моей. Головы.

Когда Евины босые ноги коснулись расколотого мрамора наверху, она не слышала ничего, кроме шёпота света, твердившего: она сполна заслужила всё, что сейчас произойдёт.

Жизнь за жизнь. Её – за жизни всех людей, драконов и глупых мальчишек, которых она не смогла уберечь. Герберта. Лёшки. Гертруды. Тима, Юми, Кейлуса, лелеявшего в душе обиженного ребёнка, которому так и не дали вырасти.

За всю красоту, что она не сумела спасти от мира.

Ева чувствовала, как зрачки её впитывают белизну, выжигавшую все сожаления.

Я хотела вернуться, Дин, подумала она, прежде чем шагнуть за сияющую границу. Правда хотела.

Надеюсь, ты pomoжешь маме бросить курить.

– Дневник Берндетта, – сказал Эльен, пока сотни глаз вглядывались в книгу, что призрак держал над головой. – Который хранился в королевской сокровищнице, в шкатулке, что может открыть лишь законный король. Который *ты* хранила. Всё это время. Все эти годы.

Лицо Айрес осталось спокойным и уместно скорбным:

– Вижу эту вещь впервые в жизни.

– Берндетт никогда не призывал Жнеца! – чтобы перебить ропот, всколыхнувшийся над толпой после подобного кощунства, Эльену пришлось почти кричать. – То, что все тогда узрели на площади, было представлением, спектаклем, вдохновившим керфианцев пойти за ним, объединиться, сбросить путы! Он видел призыв своими глазами, он сумел воспроизвести его досконально, сплести иллюзию столь блестящую, чтобы ни у кого не осталось сомнений – Жнец действительно снизошёл в тело смертного у них на глазах! Он прочёл Мёртвую Молитву, и даже следившие за ритуалом магическим зрением увидели его окружённым невероятной, несомненно божественной силой... Да только гексаграмма, которую он чертил, могла удержать внутри силу, дарованную ему богом, но не силу самого бога.

Многие в этот момент смотрели на призрака, на вещь, которую он держал в руках. Но Мирана смотрела на Айрес – только на неё.

Свергнутая королева владела собой лучше, чем кто-либо из живущих, но от Мираны не укрылось, как перед следующим ответом пальцы её чуть дрогнули: точно в мыслях их обладательница смыкала руки на чьём-то призрачном горле.

– Эльен, у нас нет времени на безумные теории. – Не опуская рук, Айрес чинно шагнула на лестницу, чудом не путаясь в длинной юбке, подобрать которую у неё не было возможности. – Твой господин нуждается в помощи, и я...

– Берндетт пытался совершить призыв. Но его держало на этой земле слишком многое, а Жнеца может призвать лишь тот, кто ради столь высокой цели готов преступить через всё! Его соратники тоже пытались – и умирали, или сходили с ума, или попытки их оставались безуспешными... Пока Гансер, вернейший его друг, талантливейший сподвижник, не предложил внести в заклятие ещё одно изменение. – Призрак открыл книгу с резкостью, не совсем дозволенной при обращении с таким раритетом, как утраченный дневник самой знаковой

фигуры в истории Керфи. – Он предположил, что в одиночку с призывом не справиться ни одному смертному. Ты умираешь, если тебе не хватает на это сил, или разум твой не выдерживает прежде, чем ритуал доводится до конца... Но если создать нерушимую ментальную связь между двумя, связь, подобную той, что соединяет некроманта с его слугой... если эта связь будет до последнего держать призывающего в этом мире, ритуал сработает – и прежде, чем совершить свою попытку, Гансер принёс Берндетту клятву вассала.

Позже Мирана не раз думала: в тот миг Айрес отдала бы всё, чтобы тоже быть Избранницей Жнеца. Только им дана власть упокоить мёртвых – или хотя бы заставить их замолчать.

Однако все некроманты, что слышали призрака в тот момент, вовсе не собирались его останавливать.

– Утраченные руны Берндетта. Те, что рисуют в гексаграмме призыва. Их смысл пытались разгадать веками, и он объясняется здесь. В сочетании с магией клятвы они создают связь, что помогает Избраннику завершить призыв, помогает ему держаться за своего сюзерена – даже помимо его воли, ибо все мысли вассала в этот миг должны быть заняты другим. Гансер был прав: его призыв увенчался успехом... И так Берндетт узнал, что свершивший ритуал в любом случае его не переживёт. – Под взглядами пары жрецов, бесцеремонно смотревших в книгу через его плечо, Эльен наконец пролистал дневник до нужной страницы. – *«Смертное тело становится Его клеткой. Он не может покинуть её, пока клетка цела, но ни одно тело не в силах выдержать сущность самой Смерти. Когда кинжал пронзил сердце Гансера, кожа осыпалась с него, словно пыльца с крыльев бабочки – то было лишь начало»...*

– Это смешно! – спускаясь по ступенькам, воскликнула Айрес очень, очень искренне. – Не знаю, где ты взял эту фальшивку, но...

– Почерк определённо принадлежит Берндетту, – возразил один из жрецов, изучающий фолиант придирчивым взглядом учёного.

Позже Мирана думала и о том, что это зрелище наверняка немало сместило богов: пародия на научный консилиум, собравшая сотню растерянных слушателей, разворачивающаяся в непосредственной близости от живого бога и останков тех, кому не суждено было дожить до разоблачения величайшей мистификации в истории Керфи. С другой стороны, бояться им было нечего...

До тех пор, пока Айрес держала купол.

– Берндетт далеко не сразу решился сделать то, что сделал. Но промедли он ещё немного, и от Гансера осталось бы то же, что от любого, кого коснулась сила Жнеца, – продолжил Эльен. – Он не стал обречь друга на такой конец – и заколол его единственным оружием, что способно навредить божественному сосуду...

– Зачарованная гномья сталь, – сказал Дауд удовлетворённо. Убийца успел вернуться к эшафоту; Аларены Дэйлион не было видно, но, естественно, главарь «коршунов» при первой же возможности отправил дочь подальше от опасности – в сопровождении вернейших своих людей.

– ...в качестве которой наше величество, полагаю, использовала бы кинжал Берндетта, призванный из храма. Оставалось лишь приблизиться на расстояние, которого хватило бы для броска. – Взгляд, что Эльен кинул поверх дневника на королеву, замершую у подножия лестницы, был оскорбительнее сотни самых изобретательных проклятий. – Тогда же Берндетт узнал, что призыв сопровождается выплеск смертоносной силы. Он остался цел лишь потому, что перед ритуалом всегда накрывал гексаграмму мощнейшим щитом из тех, которые мог сотворить. Подозревал, что может сопровождать призыв того, кто дарует своим избранникам силу для Мёртвой Молитвы, и что даже гексаграмма может не сдержать это. Позже Берндетт предположил, что защитит от этой силы способен лишь барьер, поставленный тем, кто связан с сосудом вассальной клятвой, его сюзереном... ибо в обмен на гибель вассала тот обретает почти безграничную магическую мощь.

– Сюзерен всегда сильнее вассала, – прошептала Мирана за секунду до того, как призрак повторил её слова.

– ...таков закон клятвы. Если в один миг магическая мощь вассала, вместившего могущество бога, вырастает стократ, сюзерену ничего не остаётся, как стать настолько сильным, насколько может стать человек. Это завершённый ритуал Гансера сделал Берндетта самым могущественным некромантом в истории. Это завершённый ритуал Гансера позволил ему играючи разобраться с захватчиками. И не было дня, когда бы наш освободитель не сожалел о том, что сила досталась ему такой ценой. – Эльен кивнул на эшафот: осколки блокаторов слегка светились в сумерках, отражая сияние, клубившееся в центре

площади. – Повелевать богом, конечно, не выйдет. Даже если ты сильнее всех живущих. Но тебе этого и не требовалось, верно? Браслеты запирают силу мага, не давая ей выплеснуться заклятием, но эта сила непрестанно давит на них, и когда давление вдруг вырастает до немислимого...

Негромкие аплодисменты, которые раздались в молчании, повисшем после многозначительно оборванной фразы, прозвучали резче набата.

– Bravo, – сказал Мирк, неторопливо смыкая ладони, спускаясь по лестнице Храма Жнеца. – Какой изящный план... сделать Уэрта своим вассалом, вырастить так, чтобы он наверняка сумел совершить призыв, пожертвовать тем, кто считает тебя матерью, чтобы получить силу, с которой никто и никогда не сможет тебе противиться... Да ещё и троны риджийских королевств опустели, и никто не смог бы предположить, что в этом виновна ты. Будь расклад немного иным, сегодня ты стояла бы на балконе, а я сидел на помосте для гостей – там, и погиб в те секунды, пока ты с ювелирной нерасторопностью ставила щит. – Король Керфи застыл на первой ступеньке: холодная ярость в лице делала его похожим на Айрес больше, чем когда-либо. – И как ты намеревалась поступить? Сказать, что всему виной ошибка Уэрта? Солгать, что Жнец открыл тебе, что нужно сделать? Убить его со слезами на глазах?

«Я оставляю эти записи тем глупцам из числа моих потомков, что возжелают повторить мой подвиг. Таковые будут, я знаю. – Это основатель династии Тибелей писал с той же аккуратностью, что научные выкладки, хорошо знакомые керфианцам, имевшим доступ к королевской библиотеке. Лишь хвостики букв, кое-где срывающиеся неопрятными длинными росчерками, выдавали, чего ему стоила эта аккуратность. – Повторите мой трюк, если будет нужда, но пусть Гансер останется первым и последним Избранником, достигшим этой проклятой цели...»

Мирана, подобравшаяся ближе к дневнику, чтобы не оставить в душе и тени сомнений, успела скользнуть по странице беглым взглядом, прежде чем напряжение разбил тихий смех.

– У вас не будет правителя лучшего, чем я, – сказала Айрес, отступая обратно на эшафот. – У вас не будет правителя могущественнее, чем я.

Она не стала отпираться. Это делало ей честь. Может, и стоило бы; но теперь, когда откровения Берндетта были в руках тех, к кому не должны были попасть никак и никогда, разоблачение оставалось вопросом времени, а бывшая королева была слишком умна, чтобы этого не понять.

– Мой отец оставил мне страну, на союз с которой соглашались разве что варвары, застрявшие в Имперских временах. Мой племянник получил от меня страну, союза с которой ищут все сильные мира сего, – продолжила Айрес, поднявшись ещё ступенькой выше, придерживая юбку: в показательных мучениях больше не было нужды. – После того, что я сделала для Керфи, после всего, что я сделала для вас – вы выберете позёра с арены, способного лишь на то, чтобы выйти под аплодисменты в нужный момент? Пожинать плоды, что взрастили для него другие?

– Ты дашь нам могущество и кровь, богатство и пепелища, сытость и страх, – сказал Дауд. – Он даст, пожалуй, меньше первого, но ничто из второго.

– Мой строй *работает*. Тем, кто верен мне, нечего бояться. Тот, кто согласен со мной, будет счастлив. Я хочу для Керфи величия – это всё, что имеет значение. – Королева скрестила на груди тонкие руки, облитые чёрными рукавами с меховой опушкой, делавшими их ещё тоньше. – Я положила на этот алтарь всё. Счастье. Семью. Любовь. Сына.

– Он не твой сын, – слова Миракла сыпались чеканной дробью. – Никогда не был и уже никогда не будет.

– Нам обоим была известна его мечта. Я помогла ему её исполнить. Взгляни на него... разве он не прекрасен? – Айрес смотрела на того, кто ждал освобождения в центре площади, почти любовно; отражённый свет плескался в её глазах, придавая им жуткое сходство со слепыми. – Я сделала это ради того, что выше меня и моих интересов. Ради того, за что стоит заплатить любую цену.

– Я видел кровь невинных, Айрес Тибель. Кровь детей. Я сам проливал её, – новый голос, раздавшийся на площади, прозвучал с гортанным акцентом жителей загорья. – Ничто в мире не может стоить этого.

Когда Айрес резко повернулась к тем, кто шёл к эшафоту сквозь толпу, впервые с момента призыва на лице её отразилась растерянность:

– Как...

– Мои Советники умнее, чем вам бы хотелось, – сказал Повелитель дроу. Его Советники, легки на помине, шли следом – как и знаменосец, сверкавший синими глазами из-под пушистой шапки, и десяток гвардейцев, одаривших Айрес Тибель очень недобрыми взглядами. – Запрет на перемещения им не помеха.

– Поэтому, к счастью, наши отношения с Керфи не омрачит убийство всего нашего посольства, – сказала Повелительница людей.

– Хотя на сей раз большую его часть мы предпочли оставить во дворце, – сказал Повелитель эльфов. Его жена сжимала в пальцах лук из искристых зелёных лоз.

– И без своевременного предупреждения от прелестной лиоретты могли и не успеть, – добавила Белая Ведьма, расчеркнув воздух ледяной папирой.

Первый Советник Повелителя дроу молчал – и от мягкой, рассеянной улыбки на его губах делалось страшнее, чем от злого золота в глазах дроу.

...позже маги Керфи единогласно сходились в том, что многое отдали бы за рунную формулу с колец риджийцев, позволявшую сбежать даже оттуда, где действовал магический запрет. И в любом случае решение начертать эту формулу на *помосте*, чтобы оставленный во дворце дроу смог призвать в безопасное место – со всем и всеми, кто с ним соприкасался, – было гениальным.

– Наши подданные должны были остаться у той трибуны, – продолжил Альянэл уже на риджийском. – *Мои* подданные. Мальчики, которым не суждено было бы вернуться домой. Советники, которые видели моё восхождение на трон. Я, как и вы, очень ценю тех, кто верен мне. Я видел детей рядом с нашим помостом. – Вскинув голову, посеребренную луной в его волосах, он встретился глазами с Мирком, свысока следившим за расстановкой сил. – Если вам нужна наша помощь, тирин Миракл, вы её получите.

Тот кивнул – полупоклоном, серьёзным и благодарным.

Айрес смотрела на тех, кто быстро окружал эшафот: дроу и эльфы, «коршуны» и гвардейцы, риджийцы и керфианцы. Люди, в глазах которых не осталось ни капли благоговения – лишь то, что видит с эшафота всякий кровавый убийца.

– Всё, что ты делала, ты делала для себя. Для себя одной, – сказал Мирк. Они с Айрес стояли вровень. – И никогда не спрашивала тех, кто верен тебе, чего они желают на самом деле.

– Если ты умён, ты знаешь чужие желания не спрашивая.

– Или заставляешь их жить *твоими* желаниями. Не сомневаясь, что их нельзя не разделять. – Коротким, не особо величественным, зато искренним жестом Миракл тирин Тибель указал на площадку, усыпанную костями. – Ты всю жизнь заставляла других платить цену, которую назначала сама. Ты считаешь, имперская корона стоит *этого*?

Стоя бок о бок с Даудом, Мирана Тибель крепче сжала пальцами воздух, что магия сделала плотнее стали.

Айрес Тибель смотрела на своих врагов, готовых к битве, ждущих знака от единственного, кто сейчас имел право его подать – даже для других королей.

– Если хотите противостоять мне, можете попытаться. Если не боитесь всего, на что я теперь способна. Если не боитесь того, что случится, если мой барьер исчезнет. – Она обернулась к племяннику, прекрасно понимая, почему тот медлит. – И раз уж мы заговорили о лжецах...

...о том, что случилось после, каждый из видевших рассказывал разное. В легендах об этом дне гибели Айрес Тибель уделяли не так много внимания: даже несмотря на то, что событие, которому *действительно* уделяли внимание, рассказчики никак не могли видеть своими глазами.

Истории о смерти тиранов, конечно, греют душу людям, мечтающим о справедливости, но истории о любви и жертвах во имя неё во все века были куда популярнее.

* * *

– Я рад, что тебе под силу взглянуть мне в лицо, дитя, – молвил Жнец.

Белыми были его глаза, белыми, словно меж ресниц его клубились летние облака, сквозь которые пробивалось сияние тысячи звезд. Белыми были крылья, взрезавшие сумерки осколками-перьями

дрожащего света – не холодного, не тёплого, бесстрастного, ждущего каждого в конце пути.

Ева думала, что не сразу увидит того, кто ждал её в центре круга. Не была уверена даже, что не ослепнет, оказавшись в эпицентре сияющей бури. Но зрачки привыкли к свету пугающе быстро.

В лице того, кто стоял перед ней, угадывались знакомые черты. В голосе – она не могла сказать, был то шёпот или рокот, или хор, поющий в её сознании, или всё вместе – знакомые нотки. Всё, что осталось в нём от Герберта – хрупкая златовласая оболочка, слишком маленькая, слишком смертная, так непохожая на мальчика, которого когда-то Ева увидела по пробуждению на алтаре.

Ева не знала, какими словами приветствуют бога, но все слова, что следовало произнести, заменил невольно сорвавшийся крик:

– Ты обещал мне, что вернёшься!

Всё отчаяние, вся боль разбились о покой, звёздно сияющий во взгляде Жнеца.

– Он не слышит тебя, дитя. – Шлейф подголосков тянулся за его словами, точно богу смерти вторили все души, которые он пожинал от начала времён. – У немногих хватает сил, чтобы заключить меня в клетку плоти, и быть в этой клетке мне невыносимо. Сделай, что должно. Освободи из ловушки нас обоих.

Всплеск отчаяния был коротким. Отчаиваться было бессмысленно.

Перед лицом смерти людям свойственно сознавать, как смешны, как неважны те обиды и чувства, что когда-то не давали покоя, – а Ева смотрела в лицо смерти буквальныйнее, чем кто-либо.

– Освобожу, если можешь сохранить ему жизнь.

Покой, манивший в его глазах, эхом отражался в ней. Наверное, поэтому – только поэтому – она так просто говорила с тем, кто видел, как умирают звёзды, планеты, вселенные.

– У всего есть цена. Ты знаешь плату за Обмен.

Ева знала. И торговалась не за то, чтобы жизнь Герберта отдали бесплатно.

Лишь за то, чтобы ей позволили расплатиться бракованной валютой.

– Ты примешь её от меня?

Жнец склонил голову набок: лицо его осталось бесстрастным, но в жесте читалось многое. Так любопытный мальчишка, ещё не знающий,

что такое смерть, смотрит на холодного зверька, отказывающегося вставать. Так люди смотрят на непостижимое – то, что очень хотели бы, что давно и безуспешно пытаются понять.

– Не боишься расстаться даже с тем, что осталось от твоей жизни?

– Всем, что от неё осталось, я обязана ему. Всё, что у меня осталось, мне не жалко ему отдать. Это справедливо.

Она не колебалась. Она не думала об ответах заранее – просто знала их давным-давно.

Жнец смотрел на неё. Наверное, будь он чуть более человечен – даже сейчас, заключённый в смертное тело, остававшийся бесконечно далёким от смертных, – Ева увидела бы в этом взгляде пытливость.

Керфианцы говорили, что Жнец милосерден, и молили его о любви, но само понятие любви было бесконечно чуждо ему, воплощавшему самую безжалостную силу всех миров.

– Да будет так, – молвил Жнец.

И, подступив ближе, Ева закрыла глаза.

Чтобы поразить цель, зачарованному клинку не требовался её взгляд. Достаточно было мысли.

Она не остановилась, даже ощутив, как лезвие вошло в плоть и кости под белым льном. Она замерла, лишь шагнув к нему так близко, что смогла бы его обнять: вогнав рапиру до основания, до рукояти.

Когда белизна, пробивавшаяся сквозь закрытые веки, померкла, посмотрела на Герберта – как раз вовремя, чтобы успеть подхватить его прежде, чем он упадёт.

Слушая тишину, сменившую симфонию смерти под закатным небом, вновь расстелившимся над ними вместо белизны, Ева выдернула клинок из его груди; сталь зазвенела о камень – ненужная, отброшенная прочь, оставившая за собой багряный след. Посмотрев в застывшие льдистые глаза, уложила Герберта на мрамор: он был тяжелее, чем думалось, глядя на его худобу.

Стоя на коленях, убрала с его лица пряди, растрёпанные светозарным ветром. Кажется, среди них появилась пара седых.

В памяти пел Эльен – подсказывая всё, что ей осталось произнести.

– *Путь мой стелется под ноги...*

Страха не было. Даже перед кровавым пятном, расползавшимся по ритуальным одеждам. Даже перед неподвижностью любимого,

знакомого лица, к которому Ева склонилась, чтобы завершить всё по правилам.

Страху не было места.

– *...жизнь моя позади, смерть и любовь моя перед моим лицом...*

Слова Финального Обмена слетали с губ легко: казалось, она твердила их уже не раз. Слова невесомыми бабочками касались других губ – бледных, сухих, покрытых чешуйками кожи, что начала умирать, не в силах вынести заключённую в ней вечность.

– *...Пожинающий судьбы, Владыка дорог...*

Она почти улыбнулась, думая, в какой ярости будет Герберт, когда очнётся. За то, что до самого конца она делала всё ему наперекор.

Наверное, потом он поплачет по мёртвой девочке, которая так хотела снова стать живой...

– *...прими мою душу взамен его души.*

Когда Ева выдохнула в его губы свою последнюю мольбу, они были тёплыми – как милостивая чернота, ответившая на её просьбу объятиями, стёршими и любовь, и боль, и кровь на её руках, и её саму.

* * *

...о том, что случилось после, каждый из видевших рассказывал разное. Сходились лишь в одном: никто не успел тронуть Айрес Тибель, когда та упала на эшафоте, будто один из нацеленных на неё клинков ударил бывшую королеву в сердце, заставив оборвать начатую фразу. И случилось это почти одновременно с тем, как свет на площади погас, растаяв, как и крылья Жнеца.

О причинах этого позже спорили до хрипоты. Случай был беспрецедентный, и наверняка сказать, что произошло, не мог никто; но Белая Ведьма, в замужестве получившая имя Сноуи Миркрихэйр, в своих воспоминаниях о тех событиях склонялась к тому, что всему виной вассальная клятва, укреплённая утраченными рунами Берндетта. Убей Айрес племянника своей рукой, как Берндетт убил Гансера, она фактически разорвала бы связь по собственной воле. Смерть Уэрта прошла бы для неё безболезненно, оставив лишь подарок в виде силы, которую свергнутая королева так желала. Сердце Гербеуэрта Рейоля пронзил не её клинок, пронзил, пока клятва ещё действовала – и вассал,

с которым после ритуала королеву связала ниточка куда прочнее, чем ей хотелось, утянул госпожу за собой.

Только за душу Айрес богам никто не предложил выкупа, чтобы сердце её смогло забиться вновь.

Эльфы, давно имевшие дело с магическими связями и ритуалами вроде эйтлиха, согласились, что это объяснение выглядит правдоподобно. И хотя объединёнными усилиями риджийцы и керфианцы наверняка одолели бы Айрес в бою, такой исход устраивал всех. Бой неизменно повлёк бы за собой жертвы, а их тот день Жнеца Милосердного и без того принёс немало.

Скелеты опознавали и выносили с площади три дня. Хоронили ещё дольше.

Насчёт дальнейших событий расхождения были куда разительнее. Кто-то говорил, что первым на трибуну взбежал король, и рыдания вырвались из его груди в момент, когда он подумал, что его брат лежит мёртвый. Кто-то кривился, что тирин Миракл не из тех, кто открыто проявляет слабость, и трибуну огласил лишь его радостный крик – в миг, когда тир Гербеуэрт сел, непонимающе оглядываясь. Кто-то клялся, что к минуте, когда тирин Тибель добрался до трибуны, наследник уже баюкал возлюбленную на руках; кто-то писал, что влюблённых обнаружил героический призрак, раскрывший коварство Айрес Тибель, и он же первым высказал догадку об Обмене...

В любом случае Обмен был единственным, что могло объяснить смерть Айрес Тибель, живого и невинного некроманта с алым пятном вокруг сердца и рапиру невесты короля, лежавшую рядом с её телом.

Конечно, слухи были. Как и негодование. Случившееся вскрыло слишком много тайн, которые переворачивали сложившуюся картину с ног на голову. Были те, кто поставил под сомнение легитимность власти Тибелей, ведь Берндетт не совершал того призыва, что, по всеобщему мнению, когда-то доказал благоволение Жнеца его роду; им справедливо указали – призыв в конечном счёте успешно свершил тир Гербеуэрт, королевский наследник, доказав благоволение Жнеца более чем убедительно. Были те, кто негодовал, что король скрывал деликатное состояние невесты; их голоса заглушили другие, восторгавшиеся прорывом некромантической науки, и те, кто не видел в этом состоянии ничего зазорного (в конце концов, лиоретта была скорее жива, чем мертва, и успешный Обмен тому свидетельство).

Были те, кто шушукался, что Миракл не заслуживает трона, раз напороченная Лоурэн дева отдала сердце вовсе не ему; но придворные пришли к выводу, что лиоретта попросту влюбилась в брата короля уже после помолвки (девичье сердце изменчиво), и второй её подвиг лишь подтвердил, что Лоурэн писала о ней, а посему корона украшает лоб Миракла совершенно законно.

Что победа над драконом была таким же «подвигом», как и величайшее деяние Берндетта, никто так и не узнал. Как и правду об убийстве Кейлуса Тибеля.

Это неизбежно повлекло бы слухи, заглушить которые оказалось бы далеко не так просто, – но Айрес Тибель умолкла прежде, чем успела об этом поведать. Кроме неё истину знали лишь король и его брат, а они умели молчать.

И всё это меркло в сравнении со спорами о том, почему тем вечером невеста тирина Миракла, по всем правилам свершившая Финальный Обмен, вместо склепа спала в дворцовых покоях наследника – отнюдь не вечным сном.

* * *

Что её разбудило, Ева не помнила. Помнила нырок из черноты, где не было ничего – ни чувств, ни воспоминаний, ни снов, – и как уставилась перед собой, пытаясь понять, кто она, где она и почему над головой её висит балдахин, похожий на те, какие пылятся над кроватями в средневековых замках.

Кусочками, словно пазл, сложила рывками возвращающуюся память.

Жнец. Призыв. Скелеты.

Обмен...

Она лежала на несносно мягкой постели, тонула в пушистой перине и думала, что это не слишком похоже на тот свет. Но если она ещё здесь, значит, Обмен не удался, а если Обмен не удался, значит, Герберт...

Она не сразу поняла, что не так в порывистом дыхании, которым тело отозвалось на всплеск отчаяния. И в ощущении тепла, которым окутывало её одеяло из мягчайшей шерсти, что Ева когда-либо видела.

И в запахах – воск и цитрус, – бивших в нос, и в мерных, едва заметных судорогах, с которыми что-то билось в груди, в ушах, затылке...

...она дышала.

Новый вдох замер в лёгких, позволяя сполна насладиться чудесными, давно забытыми ощущениями недостатка воздуха и возмущённо ускоренного сердцебиения.

Она дышит. Её сердце бьётся. Под её кожей пульсирует кровь: тёплая, отдающая это тепло шерсти, что хранила и грела её в ответ.

Это потрясающее открытие заставило Еву сесть – и увидеть Герберта, следившего за ней из кресла подле кровати.

– С пробуждением, – сказал он.

Бледно-золотые пряди, среди которых затесалось несколько серебряных, падали на белый хлопок домашней рубашки. Руки, сцепленные в замок, лежали на коленях, затянутых в тёмные брюки. Он казался чуть бледнее обычного – и осунувшимся не больше, чем в период одержимой работы над её воскрешением.

– Как себя чувствуешь?

Ева вспомнила далёкое, очень далёкое пробуждение на алтаре.

– Следующим вопросом будет «как тебя зовут»?

Ей почти удалось сказать это иронично и не слишком хрипло.

Он не улыбнулся – лишь в глазах Ева увидела то же облегчение, что осветило их в день, когда он впервые услышал её голос.

– Нет. – Герберт поднялся с кресла. – Через это мы уже проходили.

Ей хотелось задать ему тысячу вопросов. Но она лишь смотрела, как он садится на край постели, и пыталась поверить, что всё это не сон, не сладкий обман посмертья, подаренный глупой девочке за самопожертвование.

– Ты жив, – произнесла она, словно слова могли сделать всё более реальным.

– Твоими стараниями.

– Я жива.

– Не совсем твоими стараниями.

Глядя на его лицо, выбеленное не усталостью – бешенством, Ева вспомнила о своих последних мыслях перед концом. Предсказуемый несносный мальчишка...

– Я предупреждала: если потребуется умереть за тебя, я умру.

Его объятия были резкими, безжалостными до нехватки дыхания, до хруста костей; и это, и лёгкая боль в миг, когда его пальцы, зарывшись ей в волосы, потянули их назад, заставляя откинуть голову, были прекраснейшими ощущениями в мире.

Она *чувствует...*

– Сама не хотела жизни, купленной такой ценой, – Герберт выплюнул это с той же яростью, с какой впился в её губы после следующих слов. – Не подумала, что я буду делать со своей?

– Если ты забыл о существовании слова «спасибо», приму это в качестве благодарности.

Ева выдохнула ответ, когда ей позволили – шёпотом, срывающимся от давно забытых ощущений, с какими кружит голову разгорячённая кровь. И это всё же заставило его улыбнуться, а её – услышать щелчок, с которым ключ, подчиняясь нетерпеливому движению его руки, изнутри провернулся в замке.

Благодарить Герберт умел: просто безмолвные благодарности давались ему куда лучше.

* * *

Позже выяснилось, что вместо жизни лиоретта утратила Дар – в обмен на воскрешение. И не только Сноуи Миркрихэйр склонялась к тому, что к такому поразительному результату привёл Обмен, совершённый нежитью. Пословица «двум смертям не бывать» бытовала не только на родине прелестной лиоретты, да и минус на минус в керфианской арифметике тоже давал плюс. Авторитетные керфианские маги пришли к тому же выводу, что и Белая Ведьма: попытавшись отдать свою жизнь, будучи неживой, лиоретта отдала единственное, что у неё было – Дар. Ведь на тот момент в теле её оставался только сидис, тогда как в нормальной ситуации люди отдают роборэ. Видимо, при передаче посредством Обмена один тип энергии благополучно превратился в другой. Это ранее не представлялось возможным, но приходилось допускать; в конце концов, для лиоретты сидис приравнивался к роборэ, так что уравнение в целом не нарушалось. Однако чары некроманта сопротивлялись её упокоению так отчаянно, что вступили в конфликт с энергией Обмена, и эта реакция довершила

то, чего так и не смог сделать Гербеуэрт – вернула лиоретту за грань, за которую её отбросила стрела королевы. В конце концов, от этой грани её отделяло очень небольшое: ритуал послужил толчком, регенерация в её теле довершила остальное, и кровь снова побежала по венам от затрепетавшего сердца.

Снежана в своих записях сравнила это с восстановлением системы и откатом к сохранённым настройкам при перезагрузке компьютера, но эту фразу поняли немногие.

Лодберг Миркрихэйр предполагал, что связь некроманта с его созданием наверняка тоже сыграла роль. Особенно после того, как этому некроманту удалось призвать самого Жнеца. Да, в случае гибели «хозяина» лиоретта перешла бы на подпитку от собственного сидиса, но поскольку Гербеуэрт не успел толком умереть, Ева продолжала в первую очередь черпать силы у своего создателя. Помимо эфемерного чувства её связывало с некромантом нечто куда более реальное, и ещё вопрос, смогла бы она надолго пережить его гибель.

Белая Ведьма не преминула поспорить, что гибель внешнего источника питания не помешала бы лиоретте прекрасно подзаряжаться от внутреннего, но согласилась, что некромант продолжал оставаться для Евы основным энергетическим ресурсом, а её сидис – резервным. Эти пометки также поняли немногие.

Когда лиоретта отдала всю свою энергию тому, от кого подпитывалась этой энергией, возник парадокс, и заклятия некроманта вступили в конфликт с магией Обмена, препятствуя окончательной смерти. А ещё это позволило душе лиоретты уцепиться за незримую ниточку, которая всегда протягивается между умертвием и его хозяином, и не уйти в небытие.

Поэма Эльена Лейера – не только самое известное *его* сочинение, но и самое известное сочинение о том дне, – предлагала куда более романтическое объяснение. Ибо, говорилось в ней, впервые Жнец не просто откликнулся на молитву, прозвучавшую откуда-то с далёкой земли, а посмотрел в глаза девочке, что готова была отдать жизнь за любимого, – и это тронуло Его; а когда ещё бог мог проявить великодушие, как не в день, в который жители Керфи славили Его милосердие?

Споры скептиков и романтиков на эту тему звучали в Керфи ещё долгие годы. Но в конечном счёте каждый принимал то объяснение, что

было ему ближе, а факт оставался фактом: той ночью светильники в спальне наследника не гасли ещё долго. И это было хорошо, потому что даже сотни смертей не отменяют торжества жизни.

Особенно той, что обошлась своим владельцам так дорого.

* * *

– Это стоило того? – спросила Ева, когда они лежали в обнимку, обводя пальцем шрам на его груди. Место, где рапира пронзила его сердце, казалось почти незаметным: заколдованное лезвие было слишком тонким, чтобы оставить внушительный след. Просто бледный бугорок на бледной коже, ощутимый кончиками пальцев. – Призыв?

Наверное, это был не самый восхитительный секс. Не слишком долгий. Не слишком изобретательный. Точно не упоительный марафон, который можно красиво расписать на десять страниц в любовном романе. В конце концов, у них обоих было не то чтобы много опыта. Но секс был достаточно хорош, а Герберт – достаточно внимателен, чтобы Ева наконец уверилась: это занятие может быть приятным не только в романах.

– Правды, что Айрес растила меня как жертвенный скот? – уточнил Герберт сухо. – Сотен жертв?

– Если бы не было жертв.

Рука, лежавшая на её разгорячённой спине, задумчиво дрогнула.

– Я видел бесконечность, – сказал он после паузы долгой, как недавний поцелуй. – Я чувствовал, как звёзды обращаются в ничто. Был больше, чем вечность, больше, чем вселенная. Я видел тебя и то, что ты делала, потому что видел всё и каждого, но был слишком далеко, слишком... *многим*, чтобы понимать и помнить, что это значит. Я был Им – и ничтожной частью Его, неспособной действовать, неспособной мыслить, способной только наблюдать.

– И это стоило того? Всего, что ты делал, чтобы к этому прийти?

В том, как горько изогнулись его губы, она прочла ответ прежде, чем тот прозвучал:

– Ты стояла.

Потянувшись к нему, чтобы стереть эту горечь с его лица, Ева запоздало поняла, что ещё из важных атрибутов её не-жизни исчезло

после Обмена. Ехидные комментарии того, кто едва ли мог оставить происходящее без внимания.

Мысль об этом заставила её замереть.

– Мэт...

Ещё прежде, чем зов остался без ответа, по едва уловимому ощущению непривычной пустоты она поняла: демон исчез.

Что бы ни вернуло её к жизни – не-жизнь, в которой Ева заключила сделку, позволившую твари из Межгранья поселиться в её сознании, она честно отдала.

– Ушёл? – следя за её лицом, понимающе сказал Герберт.

– Ушёл. – Она отвела седую прядь, липнущую к его влажному лбу. – Забавно, что ни говори.

– Что именно?

– Я смогла по-настоящему жить лишь тогда, когда в мыслях примирилась со смертью.

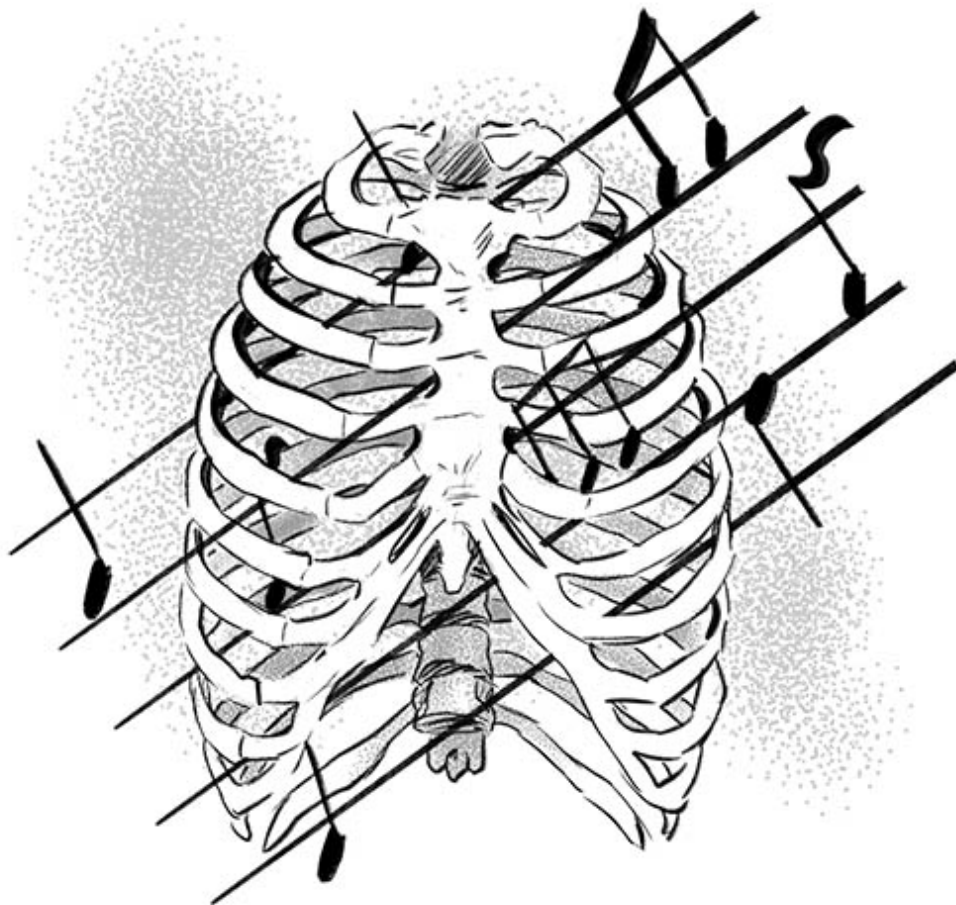
Седина в его волосах слегка мерцала в полумраке: звёздным серебром, сохранившимся отблеском белых крыльев.

– Знаешь, – сказал некромант, ещё недавно бывший мальчиком, отчаянно не желавшим умирать, – я думаю, в этом и есть весь смысл.

Кто-то, наверное, мог не понять, что он имеет в виду. Но Ева не была кем-то.

Глава 23

Abschieds-Symphonie^[29]

День, когда по ту сторону прорехи меж миров Ева увидела Москву, настал незадолго до весны.

– Прощаться на всякий случай не буду, – сказал Мирк накануне, когда они сидели в замке Рейолей, собравшись для очередного последнего совместного ужина. – В четвёртый раз это будет выглядеть немного смешно.

– А вдруг именно в этот раз выйдет, и придётся до конца своих дней жалеть, – почти весело заметила Ева, соскребая со дна тарелки самое восхитительное картофельное пюре, что она пробовала в жизни (правда, дома оно никогда не было зелёным, но эту особенность местный аналог картофеля с лихвой компенсировал вкусом).

Риджийцы долго торговались за право увезти Еву на свою территорию, чтобы организовать её возвращение на родину со всеми удобствами. Но Герберт на этот счёт был непреклонен, а Ева не слишком-то оспаривала его право говорить за неё категоричное «нет». В итоге некромант и Лодберг пришли к любовному соглашению – обменялись кристаллами, с помощью которых поддерживали связь. Маг дроу не забывал исправно анализировать возмущения в магической изнанке мира, вычисляя место и время появления следующей прорехи. Герберт не забывал «брать трубку», когда кристалл требовал его внимания, педантично проверять услышанное и отпиваться зельем от головной боли, изредка злорадно гадая, известен ли его рецепт риджийцам.

Пускай некромант смирился, что Ева его покинет, это не означало, что он проникся любовью к тем, кто ей в этом поможет.

Трещины между мирами всякий раз возникали в абсолютно рандомных местах. Что с той, что с другой стороны. Повлиять на это не было никакой возможности: лишь заставить прореху работать в оба конца и надеяться, что эти концы окажутся там, где надо. Снежане в своё время повезло: единственный проход, который Лод зачаровал для неё, вёл в Питер. Оттуда добраться до Москвы было бы несложно, но Белая Ведьма такой удачей не воспользовалась.

Еве (как и с очень многим) повезло куда меньше.

Несколько прорех открылись на иных континентах или посреди океана; телепорты на такие расстояния были нестабильными, а добраться морем они уже не успевали – возмущения в пространстве выдавали себя не раньше, чем за пять дней. Первая прореха, которую Ева в итоге увидела, явила по ту сторону прекрасный вид на тропический остров с пальмами, вынудив прелестную лиоретту вежливо отказаться от путешествия. Вторая показала Тауэрский мост – Ева успела поразмыслить, как будет искать русское посольство и рассказывать там фантастическую историю своей амнезии касательно всего, что случилось после встречи с машиной на пересечении Малой

Дмитровки и Страстного бульвара, но в итоге решила дожидаться, пока пункт назначения откроется поближе к исторической родине. За третьей ревел горный водопад – где он находился, ни Ева, ни Снежка так и не поняли, но топить Еву немедленно по возвращении не хотелось никому. Хотя бы потому, что к каждой прорехе её провожал Герберт, и порой Ева думала, что в лице некроманта Аид потерял ценного кадра: Церберу с его появлением точно можно было бы дать отставку.

В последний раз Лодберг вышел на связь три дня назад, чтобы сообщить: следующая прореха откроется в Ленджийских горах (разделительная черта между Риджией и Керфи, под которой целых триста лет дроу прятались от эльфов и людей). Таким образом теоретическое Евино отбытие запланировали на завтра – снова, и на четвёртый раз это превратилось почти в рутину.

– Будет лишним поводом тебе остаться, – без малейшего веселья откликнулся Мирк, бросив в темноту под столом очередной кусочек мяса во фруктовом соусе. Темнота отозвалась аппетитным чавканьем. – Вдруг совесть не позволит уйти, не сказав «до свидания» несчастному брошенному жениху.

– Мирк, сколько раз говорить, – устало произнесла Мирана, – не прикармливай Герберта со стола.

– Король имеет право время от времени не слушаться маму. Зачем вообще иначе нужна корона?

– Я запланировал на завтра особенный ужин, – жизнерадостно откликнулся Эльен. Он дежурил поодаль, не гнушаясь лично подливать гостям амелье вместо услужливых скелетов, и за тем, как Ева уминает третью перемену блюд, наблюдал с не меньшим умилением, что месяц назад. – На десерт лигитринские персики в шалфеевом меду, а такие кушанья лучше не пропускать...

Подняв глаза, Ева увидела Герберта, ожидаемо мрачного, ковыряющего своё жаркое на фоне камина.

В огромной столовой замка Рейолей они собрались вчетвером, не считая дракона под столом и призрака у дверей. Как ни странно, этого было достаточно, чтобы залу, что когда-то встретила Еву гулкой мертвенной пустотой, наполнила жизнь. Достаточно было даже двоих: с тех пор как Ева ожила, они с Гербертом неизменно ели вместе. На радость Эльену, которому всё же представилась возможность удивить дорогую гостью ещё и талантом распорядителя кухни.

Кажется, никто из собравшихся не верил, что повод, в честь которого они собрались, на сей раз может оказаться не пустышкой. Не верили и в первый раз, хотя тогда обстановка за столом была куда более нервной, а после третьей неудачной попытки разуверились окончательно. Наверное, Ева злилась бы, если б не понимала: за этим столом есть по меньшей мере один человек, который принимает эту перспективу всерьёз, и с этим человеком им ещё предстоит очередной серьёзный разговор.

Хотя эти «семейные ужины» ей в любом случае нравились. Они положили начало традиции, которая наверняка продолжит существование и после её ухода, и Герберту придётся чуть реже ужинать в компании скелетов за дверью и невесёлых мыслей в своей голове.

– Если я не вернусь, передайте мои наилучшие пожелания лиэру Дэйлиону.

– О, к четвёртому разу уже «наилучшие пожелания», – хмыкнула Мирана. – В первый, кажется, Дауд вообще не удостоился быть чести упомянутым.

– Мнится мне, к пятому разу будешь передавать пожелания счастливой жизни в новом браке...

Нож госпожи полковника укоризненно заскрежетал по серебру, резанув мясо куда суровее необходимого:

– Мирк!

– Ничего, мам, семь лет – приличный траур даже по моим меркам. – Ухмылку короля Керфи скрыла белизна столовой салфетки, поднесённой к губам. – Хотя называть его «папой» не обещаю. Много чести.

Жизнь продолжается, думала Ева, пока скелеты, бряцая костяными ступнями, уносили грязные тарелки, расчищая место для десерта. Продолжается – и продолжится, даже когда её уже не будет здесь. Герберт-младший будет расти, чтобы однажды затмить солнце блеском драконьих крыльев – на радость наблюдающей откуда-то маме и своему королю. Люди, с которыми она соприкоснулась, будут влюбляться, жениться, взрослеть и стареть, решать вопросы сердечные и государственные.

Иногда ей было интересно, присоединялся бы к ним Кейлус, сложись всё немного по-другому. Хотя, если бы сегодня он мог

составить им компанию, всё сложилось бы *сильно* по-другому. С ним Ева тоже попрощалась, всего один раз, но невянувший летоцвет в стеклянном фонарике должен стоять на могиле и теперь. Когда она попросила у Герберта вернуть ей давний подарок, тот даже не уточнил, зачем: Ева рассказала сама.

Он был не против.

Керфианский двор, естественно, не поставили в известность, что Избранная вскоре их покинет, но после Жнеца Милосердного Ева нечасто появлялась на дворцовых приёмах, предпочитая оставаться под крышей замка Рейолей. Учитывая обстоятельства, это осуждали не больше, чем её ветреность, однако Еве на слухи и домыслы о её персоне было немножко квинтово (в плане параллельности). Расстраивался, кажется, только добросердечный лиэр Соммит – от Мирка Ева часто получала его приветы. Иногда в цветочной форме.

Куда больше ей запомнился привет от Бианты. Коробку пряничных скелетиков, адресованных в замок Гербеуэрта Рейоля, Эльен привёз из очередной поездки в Шейн (почту для наследника, идущую от непроверенных лиц, традиционно оставляли в городском магистрате для проверки). Ева была рада, что коробка не успела сгинуть в аду магических инспекций: к скелетикам прилагалась записка от рыжей девчонки из застенков Кмитсвера, гласившая *«Спасительнице от меня и от папы»*.

Всю коробку они с аппетитом съели на пару с Гербертом за просмотром седьмого сезона «Игры престолов» (после эпичного Евиного пересказа предыдущих), и Ева подозревала, что это во многом повлияло на её великодушный вердикт «не так плохо, как когда-то казалось».

– Раз уж мы заговорили о пожеланиях, пускай Советники Альянэла передадут Повелителю моё почтение. – В том, как Мирк откинулся на спинку высокого стула, пока скелет-лакей переправлял предназначенную ему чашку с серебряного подноса на стол, скользнула небрежность истинно монаршей особы. – Заодно можете ненавязчиво узнать, что он думает касательно одиннадцатой статьи третьей главы договора о создании экономического союза, чтобы до следующей встречи я мог подумать над сотым вариантом правок.

– Раз уж ваши отношения зашли так далеко, могу заодно передать ему обручальный венец, – предложила Ева, украдкой почёсывая

Герберта-младшего по тёплому заливку: наевшись, дракончик пришёл бодаться о её колени.

– Если б это укротило его строптивость, я бы подумал. Боюсь, не поможет.

– Жаль. Потрясающая вышла бы пара, – невыразительно произнесла Мирана, с изяществом викторианской леди поднося к губам фарфор, впервые за долгие годы вновь белевший на столе замка Рейолей. – Не встречала людей, которые способны *перекоролить* моего сына. Возможно, надо было с самого начала искать нелюдей.

– К сожалению, возникли бы небольшие сложности с определением столицы объединённого королевства и большие – с рапирой Повелительницы Навинии, которую та при следующей встрече попыталась бы заточить о мой хребет.

Пытаясь не подавиться фейром, поверх чашки Ева поймала взгляд Герберта – и перестала улыбаться.

О том, что её планы касательно ухода остались неизменными, они впервые поговорили на приёме в честь отбытия риджийцев. Крайне оригинальным образом.

* * *

– *...исправляю досадную оплошность, лиоретта. Раньше мне не выдалась возможность поблагодарить вас, – сказал Альянэл, когда в сопровождении своего советника и своего знаменосца приблизился к ней, весь вечер державшейся в тени. – Жаль, что сегодня вы без инструмента. Вы больше кого-либо заслужили провести это сборище в праздном отдыхе, но я надеялся на прощание ещё раз услышать вашу игру.*

Ева уже заметила, что немногие могли без смущения выдержать взгляд дроу. Особенно этого дроу. И тем не менее, склоняя голову, не опустила глаз – потому что впервые за вечер, который она не смогла пропустить, не увидела напротив слепого обожания, скабрёзного намёка или призрака недавних сплетен.

В тени колонн тронного зала ей было куда уютнее, чем на свету безжалостного великосветского внимания. Здесь даже бальная

духота, теперь вовсю бившая по ноздрям диким коктейлем парфюмов и ароматов цветочных декораций, переносилась легче.

– К сожалению, после Жнеца Милосердного я уделяла виолончели куда меньше времени, чем требует мой внутренний критик, чтобы спокойно выпустить меня на сцену. Но буду польщена, если однажды мне и моему инструменту посчастливится преподнести Повелителю ещё один скромный дар.

Солнце в глазах дроу окрасил насмешливый блеск: кажется, он прекрасно понимал, каким образом последние две недели хозяин замка Рейолей мог отвлекать от виолончели дорогую гостью, вернувшуюся в его обитель. Справедливости ради, Ева отвлекала гостеприимного хозяина в той же степени, особенно когда замечала его уставившимся перед собой нехорошо пустыми глазами.

Призыв Жнеца, смерть и предательство женщины, бывшей ему ближе матери, не могли пройти для него бесследно.

– Не столь скромный, как вы думаете. Пусть и скромнее, чем тот, что вы преподнесли нам в день Жнеца.

– Но этот дар лучше оставьте единственным, – добавил Лодберг. – Второго подобного проявления вашей скромности эта прекрасная страна может не пережить.

Белая Ведьма только рассмеялась. Негромко, совсем не колюче. Ева потом не раз думала, что Снежана, от которой ждёшь подвоха, сильно отличается от Снежаны, на которую смотришь непредубеждённым взглядом, очищенным финалом затянувшегося маскарада.

Под аккомпанемент этого смеха и прозвучал тот злополучный вопрос:

– Тогда, смею полагать, ваше предложение ещё в силе?

Выпрямившись, пока сплетники акулами кружили вокруг приютившей её колонны, Ева посмотрела на Герберта, с которым они весь вечер ненавязчиво старались держаться порознь.

Во взгляде её было не меньше недоумения, чем в лицах риджийцев.

– Предложение, тир Гербеуэрт?.. – вежливо уточнил Повелитель дроу.

– Ваши маги говорили, – сказал некромант, глядя в упор – не на него, на Еву, – что знают, как вернуть лиоретту домой.

Слова ударили под дых. Как и этот взгляд. Как и то, что за две недели, минувшие со дня Жнеца, Еве в голову не приходило поднимать этот вопрос. И она никак не ожидала, что здесь и сейчас его поднимет вовсе не она. Рано или поздно, конечно, ей бы пришлось об этом подумать, но в тот момент она была слишком рада всем переменам в своей – наконец-то – жизни, чтобы её заботило что-то кроме настоящего. Что-то кроме вещей, естественных для семнадцатилетней девчонки, больше не обременённой ни зловещими предчувствиями, ни ежесекундной ложью, ни фальшивым венцом на голове, которую Ева в кои-то веки позволила себя потерять.

– Разумеется, в силе. – Лодберг первым разорвал тягучее молчание, заглушившее для них четверых даже звуки музыки. – Если Лиоретта этого хочет.

Выжидających взглядов риджийцев Ева так и не увидела. Почувствовала их, но не увидела. В тот момент она смотрела лишь на одного человека – того, кто так же неотрывно смотрел на неё поверх плеча дроу, облитого фиолетовым шёлком не по-королевски просто скроенной рубашки. И читала в глазах, которые она уже не могла ассоциировать со льдинками, немой вопрос.

Она не знала, зачем её ответ нужен здесь и сейчас, так внезапно, так резко разрубая идиллию этих двух недель. Но знала, что лжи от неё не примут.

Думать, что из возможных ответов будет ложью, ей не пришлось.

– Лиоретта хочет, – очень, очень тихо сказала Ева.

Она ожидала всего. Гнева. Презрения. Холода. Но Герберт лишь обречённо прикрыл глаза.

Причины этого она поняла гораздо позже.

* * *

– Эльен сегодня просто сам себя превзошёл, – сказала Ева, когда после ужина они разошлись по спальням, хозяйским и гостевым, пожелав друг другу доброй ночи так спокойно, словно завтра они с Гербертом не поднимутся ещё до рассвета, чтобы переместиться в Ленджийские горы. – Как подумаю, что следующий ужин может быть

ещё лучше... Тут и правда начнёшь надеяться, что завтрашняя прореха ведёт куда-нибудь на северный полюс.

Закрывая дверь в спальню, что они теперь делили вдвоём, Герберт молчал.

Не пытаясь больше подбодрить его фальшивой весёлостью, Ева отвернулась. Оставив позади бесконечные просторы тёмного ковра, упала на кровать по соседству с Мелком: тот лениво следил за вторгшимися людьми, возлежа на хозяйской подушке.

С тех пор как она вернулась в замок Рейолей, безлика спальня, когда-то походившая на гостиничный номер, стала куда уютнее. К боковине шкафа прислонился футляр с Дерозе. На тумбочке и каминной полке неровными стопками лежали книги: Герберт как-то незаметно приучился читать при ней. Ещё одну тумбочку – новую, с Евиной стороны кровати – завалили ноты: за керфианский месяц ожидания подходящей прорехи она успела разобрать все рукописи Кейлуса, найденные в особняке, и худо-бедно заучить половину. Отличить его сочинения от чужих, записанных, чтобы труды опальных коллег не пропали зря, было несложно; в особо затруднительных случаях помогли Дэйлион с дочерью. В изножье огромной постели поселился столик, где часто можно было увидеть кружки с фейром и печенье – Герберт поставил его там, когда они возобновили славную традицию совместных просмотров. Планшет обычно жил там же, но сейчас занял законное место во внешнем кармане футляра. Ева всегда собирала вещи заранее.

Пока Герберт выкидывал кота из комнаты, сглаживая горечь изгнания чесанием за ушком, Ева подползла по бархатистому покрывалу к своему краю. Лёжа поперёк кровати, коснулась Люче, сиротливо приткнувшейся между тумбочкой и деревянным изголовьем.

Она не скучала по Дару. Нисколько. Как и Кейлус, Ева так и не полюбила магию в себе. Во всяком случае, ту магию, что здесь принято было таковой называть. Снежана (в мыслях Ева всё чаще фамильярно звала её Снежкой) с Лодом (к сокращению имени колдуна за три встречи с риджийцами Ева тоже успела привыкнуть) оптимистично предполагали, что это увеличивает шансы на успешное возвращение домой: у того, другого мира отпадёт нужда чинить ей препоны, чтобы не пустить на свою территорию чуждое ему волшебство.

По Люче – Ева знала – скучать она будет.

– Пусть её не кладут на алтарь в каком-нибудь храме. И не вешают в сокровищницу как музейную реликвию, – попросила Ева, когда покрывало по соседству прогнулось. – Хочу, чтобы она осталась здесь. У тебя.

– Пока я жив, так и будет.

Поворачиваясь к нему, Ева думала, что всё, наверное, могло бы остаться так, как сейчас. Спальня, что теперь они делили вдвоём. Занятия музыкой днём, пока Герберт вершит управление Шейнскими землями (отныне не только ими). Фейр по вечерам. Ужины с Мирком и Мираной, возможность потрепать дракончика по чешуйчатой голове и почесать белое пузо Мелка. Если верить Мирку, после её выступления ценителей музыки Кейлуса заметно прибавилось, а парочка сольных концертов помогла бы закрепить результат – их Еве организовали бы без труда. В крайнем случае, она отправилась бы в Лигитрин: поступать в тамошнюю консерваторию и гулять по тем же улочкам, где когда-то Кейлус Тибель провёл счастливейший год своей жизни. Но чем больше кругов наматывали на её глазах стрелки часов, тем отчётливее Ева понимала – она не принадлежит этому миру.

Никогда не принадлежала.

«Что бы ни случилось завтра, спасибо тебе, – сказала Мирана, вслед за сыном обняв её перед сном. Крепкими, неженскими объятиями, куда более сердечными, чем Ева могла бы ожидать от госпожи полковника в начале их знакомства. – Керфи тебя не забудет. Мы тебя не забудем». И это лишь заставляло увериться: Ева сделала для этого мира всё что могла. Один синеглазый демон, ценивший хорошие шоу превыше собственной выгоды, прибавил бы, что и для этой истории, ведь ей не суждено (нет у неё ни сил, ни возможностей, ни желаний) справедливо править или нести прогресс в тёмные народные массы. Худшее, что Ева может сделать теперь – превратиться в бесполезный придаток. Вроде продолжения культовой классики, созданное Дарт Маусом, движимым Тёмной стороной и жаждой обогащения...

Ева часто ловила себя на том, что у её внутреннего голоса проскальзывают интонации Мэта.

Это пугающе не пугало.

– Ты не веришь, что я уйду, – сказала она, сев подле Герберта.

– Я надеюсь. – Он держался, как самурай – прямая спина, руки на коленях. В глазах, что полумрак выкрасил в почти серый, таяла печаль. – Но если сможешь... если получится... я тебя отпущу. Раз ты уверена, что там тебе будет лучше.

Ответ он прочёл в её молчании.

...она хотела обнять сестру и услышать ворчание родителей. Хотела ещё не раз выпить с однокурсниками за закрытую сессию и поесть суши. Хотела закончить колледж, вдохнуть запах свежевывданного диплома, найти своё имя в списке поступивших в консу – московскую, и никакую другую. Хотела узнать, сядет ли Мать Драконов на Железный Трон и как Тони Старк одолеет Таноса. Хотела снова услышать звук, оповещающий о новых уведомлениях в «Твиттере». Хотела увидеть любимые витражи в метро. Хотела опять ощутить себя Евой Нельской, студенткой, сестрой и дочерью, не обременённой Избранностью, не затянутой в круговерть сложных придворных танцев и подводных течений великосветской жизни. Хотела, в конце концов, не пачкать одежду кровью каждый месяц: она успела пережить два цикла особых дней, и при отсутствии нормальных средств интимной гигиены это превратилось в кошмар.

Казалось бы, мелочи. Но из этих мелочей складывалась жизнь, её жизнь, которую она вернула с таким трудом. И по ту сторону границы миров их оставалось слишком много, чтобы ими можно было пренебречь.

– Иди сюда, – сказал Герберт – и она подчинилась.

На четвёртый раз в рутину превратилось всё, кроме ночей, которые они теперь тоже делили на двоих. На четвёртый раз оказалось не менее больно: от осознания, что завтрашней может уже не быть. Ни одежды, разбросанной прямо по полу, привнося в когда-то безликую спальню ещё капельку жизни. Ни касаний, трепетных и требовательных. Ни краски, которую так непривычно было видеть на бледных щеках Герберта, и блеска во взгляде, где вместо льда гас голубой огонь.

Навсегда.

– Ты – единственное, о чём я буду по-настоящему жалеть, – сказала она потом, пока звёздные пряди в его волосах щекотали ей щёки. Они лежали кожа к коже, шрам к шраму: его – от стали, и её – от серебра и рубина, больше не пульсировавшего в груди. – Что я оставлю тебя одного.

Герберт убрал «имплантат» сразу, как убедился, что без рубина его принцесса не обратится в тыкву. Боль в рёбрах мучила Еву ещё с неделю: всю процедуру она провела в отключке, но когда тебе фактически заново выращивают часть грудины, которую некроманту для вживления рубина пришлось удалить, это не может пройти бесследно. Даже если в деле участвует магия.

– Как-нибудь справлюсь. – Кончики его пальцев гладили её скулы, губы, лоб: точно он был скульптором и пытался запомнить очертания её лица. – В конце концов, на мне теперь ещё Ковен и Звезда Магистров. Хватит дел, в которых можно прятаться от разбитого сердца. Глядишь, в один прекрасный день смогу дописать хоть одну работу, не поплакав над ней.

Ирония почти скрыла тоску. Гербеуэрт тир Рейоль, владыка Шейнских земель, которого после смерти королевы, призыва Жнеца и сотворения первого в истории разумного умертвия спешно повысили с поста Восьмой Звезды Венца Магистров до Первой (таким образом сделал Герберта самым юным главой Венца и Керфианского Колдовского Ковена за всю историю), всё ещё редко позволял себе быть уязвимым. Даже перед ней. Даже пока они лежали в постели нагими, когда кто угодно покажется уязвимым.

– Мне кажется, я буду плакать по тебе в каждой ноте. До конца жизни.

– Если будешь меня помнить. Если Мэт не врал.

В первый подобный разговор она тоже плакала – больше плакала, чем говорила. Слезы казались искреннее и уместнее любых слов, звучавших невыносимо фальшиво и наигранно, словно в дрянной мелодраме. В четвёртый – уже нет. И мелодрама оставалась такой же дрянной, но сказать то, что она могла не сказать больше никогда, было необходимо.

В конце концов, он же смог объяснить, почему одинокий мальчик, избранный Смертью, ещё недавно не желавший и слышать о её уходе, сам, спокойно (как мог) толкнул её уйти.

– Не надо, – не дождавшись ответа, сказал Герберт. – Не надо плакать. Тем более до конца жизни. – Перекатившись на край постели, он потянулся к тумбочке. Верхний ящик открылся с лёгким шуршанием дерева по дереву, почти растаявшим в шёпоте углей. – Как ты и говорила, тебе семнадцать. Мне немногим больше. Вероятность, что

через год мы не разругаемся в прах, учитывая мой восхитительный характер и твой исключительно кроткий нрав, не слишком велика. Вероятность, что через год ты не затоскуешь по родным и родному миру и не возненавидишь меня за это, тоже. – Достав знакомый пузырёк зелёного стекла, он педантично отмерил тягучее тёмное зелье в серебряную ложку, привычно пойманную из воздуха. Жест приправила терпкость разнотравья, примешавшаяся к вербене, которой всегда пахла его постель. – Я не хочу ломать твою жизнь. Даже учитывая мой восхитительный характер.

Он говорил так просто, будто они обсуждали персонажей очередного просмотренного аниме. И, зная, что ему так же хочется верить в свои доводы, как и ей – пока Герберт поил её с ложки, отсекая ей вероятность вернуться в свой мир будущей матерью-одиночкой, Ева ощущала горечь, которую не могла заглушить пряная сладость микстуры.

Больше всего на свете Гербеуэрт тир Рейоль боялся двух вещей. Первая – стать таким, как Айрес. Заставлять других жить его желаниями, не считаясь с ценой, платить которую придётся не ему. Вторая – снова оказаться преданным: игрушкой, брошенной, как только в ней отпала нужда, опять купившейся на фальшивку. Обменом Ева предоставила самое убедительное доказательство из всех возможных: она может уйти, и это не отменит того, что она любит его – до тошнотворного штампа «больше жизни».

Того, кого любишь, тоже можно покинуть. Так же, как он ушёл от неё навстречу Жнецу. В конце концов, он и сам не собирался оставлять родину и магию ради чуждого ему мира.

Ева тоже это понимала.

– Обещай, что будешь счастлива, – сказал он, затыкая пузырёк пробковой крышкой. – Что не будешь одна.

– Что найду кого-то не столь исключительного и венценосного, зато не настолько сноба? Та ещё задачка, но постараюсь. – Её губы были сладкими, когда она провела по ним языком. «Чтобы выпить лекарство, ложку сахара добавь», как пела лучшая в её мире няня... – И ты... обещай мне.

Говорить было ещё горше, чем слушать. Но она знала, что это правильно. Прощание без обид и собственничества. Свобода. Демократия.

Неважно, что сердце, лишь привыкающее заново чувствовать и болеть, идёт мелкими трещинами, стоит только представить, как Герберт смотрит этим же взглядом не на неё.

– Обещай, что не зароешься снова в свои книги. Даже когда меня не будет рядом, чтобы оттаскивать тебя от работы. – Ей казалось, ещё немного, и слова упадут на простыни самоцветами, рубиновыми каплями – цвета крови, которой стоило каждое из них. – Что будешь жить по-настоящему. Что найдёшь кого-то вместо...

Изрезанная ладонь зажала ей рот за миг до того, как её губы всё-таки задрожали.

– Я буду проводить с живыми не меньше времени, чем с мёртвыми. – Голубой огонь в глазах Герберта не допускал возражений. – Это я могу обещать.

Её опрокинули на подушки и, падая навстречу запаху вербены и сладости, не имевшей никакого отношения к зельям, Ева закрыла глаза.

Он понял её, как она понимала его. И оба они понимали слишком много и слишком хорошо, чтобы у их сказки мог выйти тот счастливый конец, на который надеялись все. Включая их самих.

Может, одному из них и стоило оказаться маленьким эгоистичным собственником, но некоторым историям лучше завершаться, пока они ещё достойны стать сказкой о любви, что сильнее смерти.

* * *

Эльен провожал их до ворот, пока они шли под сизым небом, сыпавшим гусиный пух густого радостного снега. Шёл Герберт, а Ева висела у него на спине, честно стараясь держаться за некроманта без удушения: к отбытию она переделалась в джинсовый сарафан, выжженную дыру в котором заботливо заштопали, и кеды.

Естественно, проблема незимней обуви легко решалась магией или банальной сменкой, но отказываться от столь роскошного предложения, как покататься на своём некроманте, Ева не могла.

– Буду ждать к завтраку, – неловко произнёс дворецкий, открывая им калитку. Снег крупной оседал на волосах Герберта, на плаще, что Ева набросила поверх сарафана и вельветовой куртки, но не на его камзоле:

пролетавшие сквозь снежинки кружились в лучах фонаря, озарявшего путь до моста. – Хотя бы одного из вас.

Ева красноречиво дёрнула ногами, которые Герберт поддерживал под коленками.

Кеды утонули в снегу, обжёгшем ноги в колготках холодом, но Ева считала это мизерной платой за прощание с единственным, кто до последних минут в сказочной стране дарил ей только добро.

– Если я не вернусь, присмотрите за ним, – попросила она, потёршись щекой о другую, колючую, как тафта, щёку. – Я буду скучать.

Снежинки летели сквозь него, пока её руки благонадёжно обвивали его шею в вычурном кружевном воротнике. Чёрт всё-таки знает, как здесь у призраков работает материальность...

– Я тоже, милая.

Если подумать, призракам не положено испытывать проблем с голосовыми связками, но Эльен растрогался до хрипоты. С другой стороны, если вспомнить фильмы ужасов, проблемы призраков с голосовыми связками можно было считать почти профдеформацией.

– И допишите ту поэму, о которой вы говорили.

– Только это и скрасит мою тоску, если сегодня я вынужден буду потчевать лигитринскими персиками не вас. – Её обняли – едва ощутимо, но Ева знала: объятие было столь крепким, сколь позволило ему посмертие и фонарь в руке. – Лучше возвращайтесь.

На мосту было темно и тихо: река спала до весны. Из тишины, окутывавшей зимний лес, они перенеслись в другую тишину – стелившуюся к горному утёсу, широкому и плоскому, нависшему над покатым склоном, что уходил в бескрайнее ватное поле лежащих внизу облаков.

– Да хранят вас звёзды, – сказал Лод, устроившийся на пёстром пушистом пледе, точно они с Белой Ведьмой выбрались сюда для пикника. – Пунктуальны, как всегда. Вижу, в Керфи нынче снегопад?

Кусачий ветер высокогорья трепал рукава его выдавшей виды серой мантии.

– Да. – Скинув с плеч виолончельный футляр, Ева бережно опустила его на плед, чтобы сесть рядом. – Нелётная погода.

– К счастью, тебе и не лететь, – заметила Снежка, доставая из кармана мел.

Здесь, выше облаков, властвовал кристальный холод. Спасал лишь плащ, подбитый чарами и мехом. Рассвет розовым заревом разгорался меж заснеженных горных пиков впереди – красиво до безобразия, точно другой мир желал обставить очередную сцену ухода Избранной, выкрутив драматичность и пафос на полную.

– Надеюсь, теперь нам повезёт, – сказала Ева неуверенно.

– Если мои экзерсисы с теорией вероятности не врут, не зря, – загадочно откликнулась Белая Ведьма, рисуя руны на плоском красноватом камне. – Кстати, Криста передаёт привет. Жалеет, что ты так и не заглянула в гости.

От Повелительницы эльфов на приёме в честь отбытия риджийцев Ева весь вечер скрывалась с истинной виртуозностью (куда там пассажирам Поппера). Просто не имела ни малейшего желания сдерживать обещание и всё-таки рассказывать Кристе свою потрясающую историю.

Особенно после того, как эту историю уже во всех возможных вариациях обсудили все сплетники Керфи.

– Передайте в ответ мои искренние извинения. Можете сказать, что меня посадили под домашний арест за плохое поведение.

– Что-то такое она и предположила. Когда узнала, что вас связывало. – Снежка покосилась на Герберта: сидя по другую сторону от виолончельного футляра, тот безмолвно следил за движениями её руки. – У неё в анамнезе полный набор стереотипов о некромантах и не слишком приятный опыт привязки магическим поводком. Криста – не тот человек, который может отделить объективную реальность от своих проекций.

– Полагаю, на этом месте мне положено посыпать голову прахом, – откликнулся Герберт равнодушно, – но я рад, что из нас двоих для Повелительницы эльфов гнусный садист и труполоб я, а не мой брат.

Лод тихо засмеялся, и под его прозрачным смеющимся взглядом Еве снова сделалось не по себе. Этот взгляд всякий раз вызывал в ней не очень приятное чувство, что на них смотрят как на детей, и смотрит вовсе не ласковый дядюшка: скорее забавляющийся директор школы. Он, конечно, заинтересован в лучшей ученице шестого класса, которую можно выставить на доске почёта и однажды выдвинуть на медаль, но видит больше ходячий и досадливо разговорчивый табель оценок, чем милого маленького человечка.

«Вы ведь учёный, – сказала Ева с безжалостной прямоотой, когда они с Гербертом прибыли на такую же встречу впервые. – Вам просто хочется, чтобы ваш эксперимент увенчался успехом. Доказать, что это не вы ошиблись в расчётах. Что неудачи связаны с неподходящими подопытными».

Ответом ей был ровно такой же взгляд. Он, да ещё поощряющая улыбка – словно ребёнок проявил смекалку, не совсем свойственную его нежным двенадцати годкам.

«Даже если так, это не отменяет того, что я желаю тебе добра, – сказал колдун. – Выбор всё равно останется за тобой. Ты сама решишь, без чего на самом деле не сможешь жить. Прореха лишь подтвердит это. Или опровергнет».

– Готово. – Возложив зеркальце в центр рунной звезды, Снежка протянула ей знакомую шпильку. Даже когда место встречи позволяло притащить с собой ритуальный кинжал, Белая Ведьма предпочитала эффектному разрезу практичный укол. – Ты знаешь, что делать.

Ева знала. Знала и то, почему каждая встреча начинается с того, что ей увечат указательный палец. Ей рассказали про одну девочку, сестру по несчастью, которую Лод когда-то не смог отправить домой: вернуться можно лишь к кому-то, а та девочка слишком быстро и слишком глупо привязалась к сказке, в которую угодила. Чистота эксперимента – если во время очередного ритуала зеркало останется пустым, это раньше прорехи покажет, что в действительности Ева не особо-то и хочет снова увидеть сестру.

«И если я не смогу отказаться... от этого мира... я не уйду?»

«Нет. Просто выйдешь по другую сторону – здесь же. Как будто прошла сквозь арку».

Давний ответ Лода звучал в ушах, пульсируя, как кровь в ранке, когда Ева прижала палец к стеклу – ледяному кусочку розовеющего неба над их головами.

На те мгновения, пока это небо затягивал перламутровый туман, она перестала дышать.

...на сей раз они застали Динку в ванной. Она красилась (Ева вдруг задумалась, что ритуал чреват явлением картинки, которую ей совсем не хотелось показывать даже Герберту, но за пять раз обошлось). Похоже, готовилась к эфиру: Ева давно научилась отличать «профессиональный» макияж сестры от каждодневного, хотя в

зеркальце было плохо видно. Отсутствие окон не позволяло определить время суток и года, но Снежке хватило и предыдущих попыток, чтобы с серьёзным видом поблагодарить Еву за вклад в исследование межмировых временных соотношений. Прежде Белая Ведьма предполагала, что время на Земле стабильно идёт где-то в девять раз быстрее, но Динка два раза подряд явилась им в пуховике на заснеженных московских улочках, и один из них – на фоне праздничной иллюминации в виде гигантских цифр «2019». По теории Снежаны между этими попытками в Москве должно было пройти полгода. Пришлось сделать поправку, что время не просто убегает вперёд, а скорее течёт с вариативной скоростью, синхронизируясь с параллельным миром в определённых точках.

Похоже, единственное, с чем Еве по-настоящему повезло – очередная точка синхронизации примерно совпала с первой зимой после её ухода. Скажи риджийцы, что она вернётся домой после трёхлетнего отсутствия, и это сильно поколебало бы Евину уверенность в том, что возвращаться стоит.

Возможно, поэтому ей ничего не сказали. Пока не выяснилось обратное.

– Есть контакт, – констатировала Снежка, когда Ева убрала руку, вернув в зеркало небо. Проворно вскочила, полами белого плаща коснувшись меловой звезды. – Прореха скоро появится. Оставим вас... по традиции.

Традиция заключалась в том, что риджийцы деликатно отходили поодаль, давая им с Гербертом возможность попрощаться. Но, сидя на плече, сквозь который всё равно пробивался холод горного камня, глядя, как бывшая попаданка и колдун отходят к низкорослой сосенке, нависшей над облачной пропастью, Ева – тоже по традиции – понимала: все слова, всё, что она могла бы подарить Герберту на прощание, она подарила ночью. Здесь, даже когда посторонние демонстративно повернулись к ним спиной, она не могла произнести ничего, что стоило бы произносить.

Решить, без чего она на самом деле не сможет жить...

– Возьми.

Напряжение в воздухе натянулось так туго, что голос Герберта заставил её вздрогнуть, точно вместо тихого слова рядом жалобно взвизгнула лопнувшая струна.

– Возьми, – повторил он, протягивая знакомый голубой кристалл на кожаном шнурке. – Попробуешь связаться со мной оттуда. Если сможешь. Если захочешь.

Ева подставила руку: подвеска упала на ладонь, щекоча кожу приятной тяжестью.

Она не стала ни благодарить, ни задавать глупых вопросов. Лишь один, надеясь, что он не такой глупый:

– Почему только сейчас?

– Думал, это ни к чему. Думал, это помешает тебе уйти. Артефакт из нашего мира. Вдруг прореха не пропустит предмет, несущий в себе магию. К четвёртому разу решил, что рискнуть всё же стоит. – В лице его стыло то же спокойствие, что в небе над их головами. – Если ты готова на этот риск.

Ева накинула шнурок на шею, заправив под футболку. Не колеблясь.

Это распустило в его глазах мягкость, видеть которую было для неё мукой.

– Спасибо, – молвил он, одним до жути затасканным словом ударив ещё сильнее.

– Герберт...

– Пора!

Сердце отбило ломкую стаккатную дробь ещё прежде, чем Ева обернулась.

Знакомое марево – неровная прозрачность с человеческий рост – кривило воздух в десяти шагах за её спиной. Лод под надзором Снежки вычерчивал руны, зависавшие сапфирной паутинкой, тающим кружевом последних чар, что Ева может увидеть в жизни.

Скинув плащ, она торопливо цапнула за ручку футляра.

Марево обернулось голубым: тем же бледным сапфиром, что руны, точно впитав их гаснущий свет. Когда Ева сделала шаг к пятой прорехе меж мирами, открывшейся на её глазах, колдовские сполохи померкли, уступив место нежной зелени, дождливым сумеркам и красному кирпичу.

Проход в другой мир завис над землёй овальной картинкой в дрожащей рамке жидкого стекла.

Пару секунд Ева смотрела на мост, перекинутый над широкой пешеходной дорожкой, красовавшийся кокетливыми башенками и

стрельчатыми проёмами в высоких стенах. Дождевые капли кругляшками стыли в воздухе: с этой стороны прореха держалась дольше, чем с другой, и пока здесь текли минуты, там суждено было пройти едва ли паре секунд.

– Царицыно, – сказала Снежка тоном экскурсовода, за которым так удобно было спрятать едва уловимое педальное эхо тоски. – Фигурный мост.

– Знаю, – сказала Ева.

Москва. Царицыно. И даже от дома недалеко – до родного Ясенева часа за два-три пешком дойти легко. Кошелёк Ева оставила в замке Рейолей, потому что исчезнуть на год и вернуться со всеми ценными вещами было бы ещё подозрительнее, чем просто исчезнуть на год. Она сунула оставшиеся у неё рубли в карман сарафана, но для органичности ещё одной легенды, которую ей предстоит создать – теперь уже для собственной семьи – предпочла бы прийти домой на своих двоих.

Лучше возможности у неё не будет.

Руки сами опустили наземь карбоновый футляр, чтобы рвануть застёжку молнии.

– Держи. За помощь. – Достав планшет, докстанцию и зарядку, Ева всучила их Снежане. – Герберт расскажет, как его заряжать. Полагаю, ты найдёшь ему применение.

Рот Белой Ведьмы, большеватый для её миниатюрного лица, изобразил безмолвную букву «о».

Разум в этом действе почти не участвовал. Разум лихорадочно пытался смириться с мыслью, что шаг за грань, откуда уже не будет возврата – шаг, с которым она оставит позади всё, что так не хочет оставлять, – всё-таки случится. И не когда-то, а прямо сейчас.

...без чего она не сможет жить...

– Найду. – Снежка прижала гаджет к груди бережно, как новую куклу. Улыбнулась: по-детски светло и широко. – Спасибо тебе.

– Время, – сказал Лод, замерший подле прохода, неумолимый, как маятник По.

Набросив на плечи лямки футляра, Ева повернулась к Герберту. Безнадёжность в его лице ясно дала понять – объяснить, что на сей раз открылось по ту сторону прорехи, не требовалось.

– Иди, – сказал он. Без сантиментов, без объятий.

Ева оглянулась на мост, связавший весну и зиму, горный утёс и дорогу в низинке, любовь и всё, что звало блудного ребёнка по ту сторону застывшего дождя.

...без чего она не сможет жить?

– Иди.

Она почти его ненавидела. За то, что так осторожно, так великодушно говорит лишь слова, не способные её удержать. Почти так же, как себя – за то, что отчаянно, до боли в кулаках, до крови под ногтями хочет быть удержанной.

...не сможет...

– Ну же, – сказал Герберт.

Шёпот обескровленных губ звучал страшнее крика.

В прореху Ева врезалась почти бегом.

Она ждала головокружения. Давления. Хоть чего-то. Но переход лишь хлестнул по лицу ливнем, после горной зимы казавшимся тёплым. По инерции пробежав ещё немного по пустой дороге, Ева посмотрела назад: там не было ничего, кроме размытого жёлтого абриса фонарей.

Выбор сделан и подтверждён. Мене, мене, текел, упарсин. Вычислено, измерено, проверено.

Эксперимент завершён успешно.

Она постояла в дождливых сумерках, осознавая, что сделала, или хотя бы пытаюсь. Смутно вспомнив, что к ближайшему выходу идти как раз туда, где была прореха, развернулась.

Лишь добредя до пруда, отзывавшегося на песню дождя весёлой рябью, поняла: ждать, что следующий шаг вернёт её под рассветное небо, не стоит. История «Ева Нельская» обзавелась подзаголовком «или туда и обратно». Жирной, бесповоротной точкой в конце, подводящей двойную тактовую черту.

Они так и не сказали друг другу «прощай».

Первый шаг с этим знанием дался тяжело, словно вместо плавного откоса плиточной дороги перед ней вздымались последние сто метров вершины Эвереста.

...«хоть представляешь, дурилка, что с тобой будет, если вернёшься оттуда»...

Следующие были легче.

Ева шла сквозь сумерки, пахнувшие мокрой землёй и немного – бензином. Не чувствуя ничего, даже дождя. Шла к сестре. К родителям. Домой.

Если она и плакала, весенний ливень слизывал слёзы с её лица.

Глава 24

Fine [\[30\]](#)

Мелодичное бульканье скайпа раздалось, когда Ева высыпала в миску с будущим тестом для печенья первый стакан муки.

– Привет, коть! – Дина Нельская – двадцать девять лет, всемирно известный киберспортивный комментатор и начинающий покоритель горных вершин, в расстёгнутой куртке и флисовом свитере с оленями – радостно помахала сестре, сидя на фоне панельной обшивки стены

высокогорного приюта. – Рада, что ты дома, как все нормальные люди, а не потеешь на «Щелкунчике».

– Привет, альпинист! – Ева Нельская – двадцать три года, студентка третьего курса МГК им. Чайковского, с осени артистка оркестра Большого Театра – поставила на паузу «*One More Time, One More Chance*», лившую печальные гитарные переборы из колонок ноута. – Ну да, не доросла ещё играть в новогоднем спектакле с Рождественским.

– Это пока! Помяни моё слово, в следующем году уже будешь в основном составе.

– Пожалей меня, а? И так после этой сессии хвостатая по правоведению. – Ева села со смартфоном на стул, прикрытый тряпочной сидухой в фиолетовый ромбик. – Вы в приюте, значит?

К вершине Эвереста Динка решила двигаться постепенно. Начала с Монблана, продолжила Араратом, а на этот Новый год сделала себе ещё один подарок – Эльбрус. Зимнее восхождение считалось тяжелее летнего, но Динка только отмахивалась словами «с Эверестом не сравнить».

– Ага! Здесь круто. Горячая вода, даже голову можно помыть. И вон ещё какая красота! – сестра отвела мобильник в сторону: камера продемонстрировала огромное панорамное окно с, несомненно, потрясающим видом на кавказские хребты, сейчас скрытые вечерней тьмой. – Утром буду здесь чай пить и рассвет смотреть. Завтрак like a sir...

– А само восхождение когда?

– Пятого, я же говорила. Пока акклиматизируемся. Сегодня сползали до «Приюта одиннадцати»... ну, ещё чу-уточку выше, до четырёх двести. Четырёх тысяч. Метров.

– Я поняла.

– Теперь вот обратно уползли. Скоро будем шампанское открывать.

– Вам не вредно?

– За пять дней протрезвеем, а сейчас имеем право на праздничный ужин. Ты там одна ещё?

– Ага, – подтвердила Ева бесстрастно. – Печеньки пеку. Оливье уже нарубила, утку запекла, а печеньки забыла...

Динка проницательно воззрилась на её сверхъестественно беззаботную улыбку:

– Что-то случилось?

Всё же никто не знал младшую из сестёр Нельских лучше, чем старшая.

– Ничего серьёзного.

– Мама опять брюзжит?

– Да ну тебя! Созванивались с ней час назад. – Ева возмутилась почти искренне. – Она только на тебя дуется. Ты ей тоже позвони, а то она там с ума сходит, представляя твой хладный труп на дне ущелья.

– Позвоню, позвоню. Сразу после тебя. Точно всё нормально?

– Точно, точно. – *Во всяком случае, я точно не собираюсь портить Новый год ещё и тебе*, прибавила Ева. – Ладно, альпинист, давай позже созвонимся? Если хочешь. А то восемь уже, и я рискую остаться без десерта.

– Окей, я как раз маме пока позвоню.

Нажав «отбой», Ева кинула мобильник на стол. Снова включив музыку (хаотично перемешанные треки из плейлиста ВКонтакте, скрашивавшие готовку и хоть как-то отвлекавшие от пакостного чувства, поселившегося внутри со вчерашнего вечера), вернулась к миске, пока гирлянда ободрающе мигала мятными лампочками с карниза для штор.

Сегодня просторная кухня казалась ещё просторнее. Слишком просторной для одного. После смерти бабушки (снос старенькой хрущёвки переселил её в новостройку неподалёку от родительских пенатов) чета Нельских, недолго думая, сселила в освободившуюся квартиру младшую дочь (старшая к тому времени успешно въехала в дом по соседству – своими, честно накопленными силами). Прочли трогательную речь о том, что пора «вылетать из гнезда», и намекнули, что уж собственной жилплощадью грех не пользоваться для свиданий. Учёба учёбой, но на третьем курсе можно и на мальчиков внимание обратить. А то здравствующих пока бабушку с дедушкой очень волнует, что обе внучки даже не смотрят в сторону появления правнуков.

Ева была не против – и, заучивая программу для конкурсного прослушивания в оркестр, мучила соседей уже здесь, в своей персональной однушке. Даже мальчиком послушно обзавелась. Новое жильё, новая работа, новый кавалер. Новый этап в жизни. Шикарно.

Во всяком случае, для родителей и бабушки с дедушкой эта картинка точно вышла шикарной.

Доставая соду из шкафчика, по белой дверце которого мазками розовой краски летели лепестки сакуры (бабушка не смотрела аниме, просто любила Японию), Ева слушала, как проникновенный голос Масаеши Ямазаки сменяет тишина, чтобы в этой тишине полночным боем часов монотонно зазвенели знакомые «ре». Сен-Санс... Тема полуночи сегодня, конечно, актуальна, но «Пляска Смерти» не особо подходит новогоднему вечеру. Во всяком случае, в мире, где новый год никак не связан с танцующими скелетами.

Жалко, что в своё время «Пляска» не завалилась у неё на планшете. Герберту бы понравилось...

Имя, которое она запретила себе произносить даже в мыслях, пронеслось за миг до того, как дрогнувшая ложка рассыпала соду по пластиковой столешнице кухонного гарнитура.

Кого ты обманываешь, Ева, ехидно пело внутри, пока она тянулась за тряпкой. Запретила, как же. Сколько раз ты себе это запрещала? Сколько срывалась? Сколько доставала то, что лежит сама-знаешь-где?..

Взгляд притянулся к среднему ящику тумбочки рядом с раковиной.

...её успели признать погибшей. Все камеры и видеорегистраторы, которые могли бы зафиксировать её исчезновение, заглянули ровно в этот момент – видимо, так электроника реагировала на прореху. И несмотря на то, что по крайней мере десятков человек видели, как она растворяется в воздухе, в полиции все они в один голос показали, что Еву затащили в машину с заляпанными грязью номерами, после чего увезли в неизвестном направлении. Показания, правда, слегка разнились: кто-то грешил на белый джип, кто-то на серый минивэн, но суммы слагаемых это не меняло.

Еве становилось почти смешно от мысли, что не только в сказочной стране она успела побывать мёртвой и воскреснуть.

Конечно, бюрократическая машина вернула её к жизни, неохотно выплюнув необходимые документы. И, конечно, её возвращение – вымокшей до нитки, почти год спустя, в той же одежде, с вещами, но без памяти обо всём, что произошло после её встречи с машиной – выглядело чертовски подозрительно. Для всех, и для родителей в первую очередь. Но врачи, к которым Еву пытались отправить, чтобы побороть амнезию и посттравматический шок, до странного легко верили её честным глазам и лаконичному «ничего не помню». Полиция

отказалась искать неведомых маньяков, заявив, что девочка просто воспользовалась случаем, чтобы сбежать из дома, и хорошо, что вернулась. Мама, пару дней бушевавшая ураганом в халате, намереваясь обратиться в вышестоящие инстанции, через эту самую пару дней вдруг задумчиво заметила за ужином, что и правда: главное, что Ева вернулась. Так ли важно, откуда и почему? И надо ли тратить на поиски злодеев время и силы, которое они могут провести вместе? Раз уж она в целости, сохранности и даже без следов насилия, ну, не считая шрама на груди...

Динка и вовсе на злодеев плевала с самого начала. Просто радовалась, что может снова обнять свою дурилку и с чистой совестью отобрать у мамы сигареты. Как папа радовался, что может поить воскресшую младшенькую куриным бульоном, пока та оправляется от воспаления лёгких: прогулка под дождём, да ещё после высокогорного прощания, не прошла бесследно...

Выключив вдруг опротивевшую мелодию, споласкивая тряпку под тёплой водой, Ева всё ещё смотрела на средний ящик. Там среди открывашек, половников, рулонов фольги и прочей кухонной утвари лежало то, что едва ли можно отыскать на кухне среднестатистической российской хозяйки, даже если эта хозяйка – не-совсем-среднестатистическая студентка консы и артистка оркестра Большого Театра.

Мир затирает следы. Юлил, подтасовывал факты, подкидывал улики, стараясь залатать возникшую дыру всеми возможными способами. Как мог, восстанавливал порядок вещей, так грубо нарушенный девочкой, которая не должна была вернуться из сказки, куда её так грубо отправили.

Мир и правда хранит свои границы – и правду о том, что эти границы существуют.

Интересно, что бы Ева делала, если бы всё оказалось не так просто. Если бы окружающие решили копать до конца. Если бы её упорному «ничего не помню» не верили. Сидела бы она сейчас в палате с мягкими стенами? Или всё так же сошло бы с рук – и ей, и несуществующим похитителям? В конце концов, полиция и без всякой магии частенько не любит ловить даже существующих преступников, да и врачи врачам рознь...

Масло, взбитое с яйцами и мёдом, таяло в миске, когда Ева всё-таки открыла ящик. Вытащив пластмассовую коробку с делениями для столовых приборов, достала из-под неё голубой кристалл на кожаном шнурке.

Так себе тайник. Но она и не дневник Берндетта прячет.

...шесть лет назад, прежде чем позвонить в родительскую дверь, она сунула в горшок с искусственным цветком, украшавший подъездный подоконник, две вещи. Кристалл – и карту памяти, куда заранее сбросила с планшета и телефона всю ценную инфу, включая фото, сделанные в другом мире. Естественно, карту она вытащила задолго до того, как отдала планшет Снежке: мысль, куда пристроить гаджет, если всё выгорит, скользнула у неё ещё во время сборов к третьей попытке. В горшок та отправилась, потому что Ева знала – все её вещи будут обшарены в поисках возможных зацепок, и лучше позаботиться о том, чтобы этих зацепок не нашли.

Опасения, что за неделю, через которую она смогла вернуть свои сокровища, кому-то в кои-то веки понадобится протереть пыль с пластмассовых листьев, не оправдались.

Карта сгорела. Просто не читалась ни одним устройством, обернувшись бесполезным куском пластмассы. Кристалл, как ни странно, уцелел. Ожидать, что он рассыплется на кусочки или превратится в пыль, было бы логично, но нет. Артефакт пережил путешествие между мирами в целостности и сохранности.

Телефон, заёрзав по скатерти за её спиной, замурлыкал *«стёжкой малою заплутала я»*, пока Ева смотрела, как зачарованная подвеска качается между пальцев.

Новая работа, новый кавалер, новая жизнь...

...пожав плечами, она бросила кристалл туда, где он точно не будет искушать и мозолить глаза: в мусорку. Вернувшись к столу, взяла трубку.

– Привет, – сказала Ева. – Ты где? А, ясно... Печеньки пеку. Скоро будешь? Хорошо. Люблю тебя.

И, нажимая «отбой», чтобы вернуться к печенье, которое в эту ночь они будут делить на двоих, точно знала: она сделала правильный выбор.

Глядя, как мятный свет бликует в прохладной кварцевой глубине, Ева почти улыбалась. Лишь теперь понимая, какие чувства вкладывали в свои фирменные улыбки представители одной аристократической семьи.

Наверное, так закончить её историю было бы правильнее. Оригинальной, конечно, после Льюиса её всё равно не назовёшь, но тогда в ней по крайней мере читалась бы мораль. Девочка выросла и заземлилась. Вынесла уроки из пережитого в юности и живёт дальше – в реальном мире. Кесарю кесарево, сказкам сказочное.

К сожалению, жизнь и человеческие чувства не особо любят правила.

Грани кристалла вжимались в кожу, когда Ева подошла к столу.

Нажав боковую клавишу, вырубив звук, она смотрела на экран, пока тот не погас, оставляя укоризненное уведомление о пропущенном вызове.

Его зовут Миша. Он рыжий, кудрявый, романтичный и юморной. Хороший кулинар, хороший парень, хороший скрипач. Учится с ней на одном потоке. С прошлого года они вместе играют в квартете. Он ничем не напоминает одного венценосного сноба. Наверное, потому Ева и уступила настойчивым ухаживаниям, которыми её добивались с первого курса.

Вчера он сделал ей потрясающий подарок: обручальное кольцо. Очень быстро, но Миша и так ждал два года, прежде чем дама сердца соизволила ответить ему благосклонностью, и не хотел давать ей возможность убежать. Он сказал, что с первого взгляда понял – эта потрясающая девушка, похожая на грустного эльфа, станет его женой. Он сказал, что делает это не в праздничную ночь, чтобы в новый год они вступили уже в других отношениях.

В ответ Ева сделала ему не менее потрясающий подарок: сказала, что их отношения были ошибкой. Поняла, что не может и дальше смотреть в его влюблённые глаза, вспоминая совсем другие.

Понять бы теперь, что с этим делать. Едва ли разрыв хорошо скажется на квартете...

Сев за стол, Ева – в который раз за шесть лет – закрыла глаза, прижав ладони к губам, словно для молитвы.

Что-то общее с эльфом у неё точно было. Например, за шесть лет внешне она не повзрослела ни на йоту. Смерть и другой мир всё же

оставили на ней свою печать: пока это влекло одни шуточки Динки, что такими темпами её дурилке и в тридцать без паспорта алкоголь продавать не будут, но в перспективе грозило ещё теми проблемами. Хотя о перспективах дальше тридцати и более туманных, чем концертмейстерский пульт, Ева предпочитала не ду – мать.

– Привет.

Чтобы сквозь сжатые пальцы пробился тусклый свет – утекающий, как вода, как песок в часах, как всё, что уносит с собой былое, – ей не требовалось вызывать в памяти его лицо. Оно и так стояло перед глазами: не стёртое ни годами, ни страстным желанием забыть, ни бесконечной голодной пустотой, полной безглазых хищных наблюдателей, лежащей меж гранями двух миров.

– Давно я не выходила на связь.

За окном, приоткрытым на щёлку, сквозь которую в кухню ледяной змейкой вползала морозная свежесть, громыхнул чей-то нетерпеливый фейерверк. Совсем как когда Ева жила с родителями: наверное, в каждом дворе найдутся весёлые чудачки, что начнут праздновать чуточку раньше.

– У нас сегодня праздник. Новый год. Пеку тут печенье и вспомнила о тебе. Представляешь, осталась одна вещь, музыка, которую мы с тобой так и не послушали, а она...

Ракеты, разрываясь прямо напротив её двадцатого этажа, завыли, засвистели, озаряя разноцветьем обратную сторону полузадёрнутых штор.

– Если можешь, поговори со мной. Пожалуйста. – За этот срывающийся голос она презирала себя больше, чем за равнодушие, с которым вчера разбила сердце влюблённого в неё мальчишки. – Я... мне тяжело без тебя, я не думала, что это будет так...

Знакомое головокружение повело её в сторону одновременно с тем, как меж локтей, упирившихся в маки на хлопковой скатерти, расплылась багровая клякса.

Когда кухня перестала плыть перед глазами, Ева тыльной стороной ладони промокнула кровь под носом. Посмотрела в окно, где в черноте праздничного неба расцветали зелёные «хризантемы».

Бросив потухший кристалл на стол, пошатываясь, побрела к раковине.

Она никогда не получала ответа. Давно перестала надеяться, что получит. Даже если кристалл действительно работал, даже если переход не сломал его, оставив одну лишь возможность светиться, за которую теперь Ева почему-то расплачивалась собственной кровью, наверняка её слова не могли долететь до адресата, тонули в той черноте, где над ними многоголосым хором смеялись безглазые наблюдатели. Но почему-то – в такие минуты, как сейчас, когда фасад счастливой в общем-то жизни давал трещину, из которой вползал в душу холодный мрак – она вновь и вновь брала кристалл в руки, чтобы наболтать глупые, мелочные, ежесекундные послания в один конец.

Всё равно что говорить с мёртвым, всякий раз зарекаясь делать это снова.

Умывшись, Ева посмотрела на миску: мука, напитываясь маслом и мёдом, с каждой секундой приближалась к состоянию неудобоваримых комков.

Всё-таки её истории следовало закончиться в день Жнеца Милосердного. Некоторые истории следует заканчивать строго в определённый момент – тогда в них появляется смысл и красота. Тогда ты не видишь, как сказку сменяет обыденность. Как принц с принцессой бьют посуду и скандалят из-за детей. Расстаются под грузом быта или по другим причинам, старым как мир, не менее тривиальным.

Порой Ева понимала брата. В чём-то Лёшка закончил красиво...

Стряхнув капли с подбородка, Ева промокнула лицо кухонным полотенцем, оставив на жёлтой махрушке бледно-розовые разводы.

Красиво. Полный бекар. О чём она вообще думает? Это было её решение. Она выбрала дом, семью, музыку. Блага цивилизации. Всю свою жизнь. И с этим у неё всё хорошо. Всё это не может перевесить один-единственный мальчишка, в которого ты влюбилась, когда тебе было семнадцать. Который, может, уже и думать о тебе забыл. Она пережила восстание в ином мире, пандемию и войну по возвращении в родной, – а теперь, когда всё это позади, собралась умирать от разбитого сердца?..

Смешно.

Привстав на цыпочки, чтобы открыть верхний шкафчик над плитой, Ева достала банку с молотой корицей.

Дыши, Ева. Дыши. Тебе может казаться, что ты сделала неправильный выбор, но ты и сама знаешь: это вредные, ежесекундные всплески, которые случались уже не единожды. О которых ты завтра и не вспомнишь, потому что...

Белая вспышка – куда ярче и ближе, чем любой фейерверк – полыхнула за спиной, когда Ева уже закрывала дверцу, одной рукой прижимая к себе пёструю керамическую баночку для специй.

Она обернулась.

...хотя бы потому, что иногда, бросив историю на скучном или грустном моменте, ты можешь не дожидаться множества других моментов. Которых никогда не случилось бы без скучных и грустных.

– Давай сразу перейдём к той части, где ты не думаешь, что это сон, возвращаешь себе дар речи и веришь своим глазам, – сказал Герберт.

Кухню огласил короткий, оглушительный, невыносимый звон – резче колокольчиков, истеричнее литавр. Это банка, выскользнув из пальцев, разбилась о плитку и раскатилась осколками по кухне.

Герберт посмотрел на корицу, душным коричневым облачком осыпавшую пол, Евины пушистые тапочки и пёстрые гольфы с совами. По домашней юбке из розового вельвета и футболке, принт на которой возвещал *«today is a perfect day to start living your dreams»*, поднял взгляд к её лицу.

– Гексаграмма, которую чертил Мэт. В доме Кейлуса. Через которую он собирался уволочь тебя в Межгранье. Её скопировали, прежде чем стереть. – По небывалому, невозможно бережному терпению в его голосе Ева поняла, какая степень охрещения (никаких культурных эвфемизмов) сейчас читается в её глазах. – Мы с Лодом и Белой Ведьмой решили сотрудничать, чтобы изучать прорехи. Я предположил, что чертёж Мэта может оказаться полезным. На его основе мы вывели другой. Вплели руны, которыми Лод настраивал проход в этот мир, подобрали заклятие. Создали ритуал, что позволяет открыть прореху сюда. По собственному желанию. К конкретному объекту. Оставалась лишь одна загвоздка: основной принцип прохода на эту сторону остался в действии. Пройти может только тот, кто действительно хочет увидеть кого-то здесь, и только к нему. – Скинув с плеча холщовую сумку, Герберт бросил её на стол, по соседству с кристаллом. Дешёвое дерево отозвалось звяком, с каким стучат друг о

дружку очень дорогие вещи из очень чистых драгметаллов. – Я собрался не сразу, на мне как-никак Ковен и Шейн. Нужно было найти надёжных заместителей и передать дела. Белая Ведьма поднатаскала меня в ваших языках, за иностранца должен сойти. Мне сделали что-то очень похожее на ваши документы. У меня с собой широкий ассортимент зелий и артефактов для ментальных манипуляций. Того, что можно обменять на ваши деньги, я прихватил в избытке. Эльен присматривает за замком и Мелком и передаёт привет в самых изысканных выражениях, которые можешь представить, ибо я сломаю язык, пытаюсь пересказать все. Мирк присматривается к заморским принцессам и передаёт, что он тебя, конечно, любит, но не за то, что из-за тебя на его венценосную голову свалилась острая необходимость обеспечить династию новым наследником. Надеюсь, ответил на все твои «как», «откуда» и «почему».

Ева только чихнула: от корицы, ударившей в нос, когда она наконец вспомнила о такой досадной мелочи, как потребность дышать.

Герберт – почти не изменившийся, лишь волосы отпустивший чуть длиннее – небрежным движением вскинул руку, отбросив за спину тяжёлый плащ, так неуместно смотревшийся рядом со стульями из Икеи. Зажёг над ладонью язычок белого пламени, так неуместно смотревшийся рядом с электрической гирляндой.

Склонил голову набок, прислушиваясь к ощущениям.

Смяв пламя в руке, как ненужный чек, он поднёс ладонь к носу:

– Вот как. – След, который оставили на его пальцах кровавые капли, некромант разглядывал почти удовлетворённо. – Стало быть, магия здесь всё-таки есть. Только цену требует несравнимо большую.

Ева не знала, какими словами приветствуют возлюбленного из другого мира, шесть лет спустя объявившегося на твоей кухне в спальном районе Москвы. Но все слова, что следовало произнести, заменил один хриплый, почему-то оказавшийся самым важным вопрос:

– Ты... ты даже не знал, есть ли в этом мире магия?

– Откуда? Да это было и неважно. – Тонкие, почти музыкальные пальцы, расстегнув серебряную пряжку в виде цветка мака, аккуратно свернули плащ; перебросили его через спинку стула, оставив его владельца в штанах и почти гражданской рубашке. – Я идиот, что не сразу это понял. Но то, что ждёт меня здесь, куда важнее. Надеюсь, ждёт.

Ева ухватилась за столешницу, чтобы не упасть.

Магия. Цена. Головокружение...

Нет, то, что сейчас кружит ей голову и подкашивает ноги, точно не имело отношения к её экспериментам с сеансами ментальной связи. Вдруг оказавшимися не такими уж безответными.

– Я... у меня вроде как молодой человек, – зачем-то сказала она. – Был. До вчерашнего вечера.

– Я предполагал подобную возможность.

Его выдержкой можно было резать металл.

– И что бы ты делал, если бы сейчас он вышел из комнаты?

Улыбка, тенью заигравшая на губах Герберта, получилась очень тибелистой.

– Тебе бы это не понравилось. Но если бы ты сдержала своё обещание и была счастлива, вряд ли бы ты пыталась выйти со мной на связь.

...точно не безответными.

– Так ты слышал меня?

– Не слышал. Но мой кристалл светился. Тридцать шесть раз за два года.

Они стояли, разделённые тягучим молчанием и двумя метрами глянцевої бежевой плитки, на которой вспыхивали весенние отблески следующего зала «хризантем».

– Я считал, – добавил Герберт.

– И, видимо, не снимал его.

– Никогда.

– И этого тебе хватило, чтобы... чтобы сделать... *это*?

Хрипотца так и не ушла из её голоса, когда Герберт наконец шагнул вперёд, стирая проклятые два метра, лежавшие между ними последней чертой.

Когда его ладони легли ей на плечи, Ева вдруг поняла: к тому, что в самом ближайшем будущем ей сулил его взгляд, хрипотца придётся только кстати.

– А как же доводы «мы разругаемся через год»? Твой восхитительный характер и мой невероятно кроткий нрав?

– *Исключительно* кроткий, – поправил он. – Люди меняются. Иногда даже к лучшему.

– Ты хоть подумал...

– Я в жизни так много думал, что немного устал.

– Ты...

– Помолчи, будь добра.

– Но...

Фейерверки за окном затрещали, заглушив её протестующее мычание, – очень быстро сделавшее диминуэндо, чтобы модулировать в не такое уж протестующее.

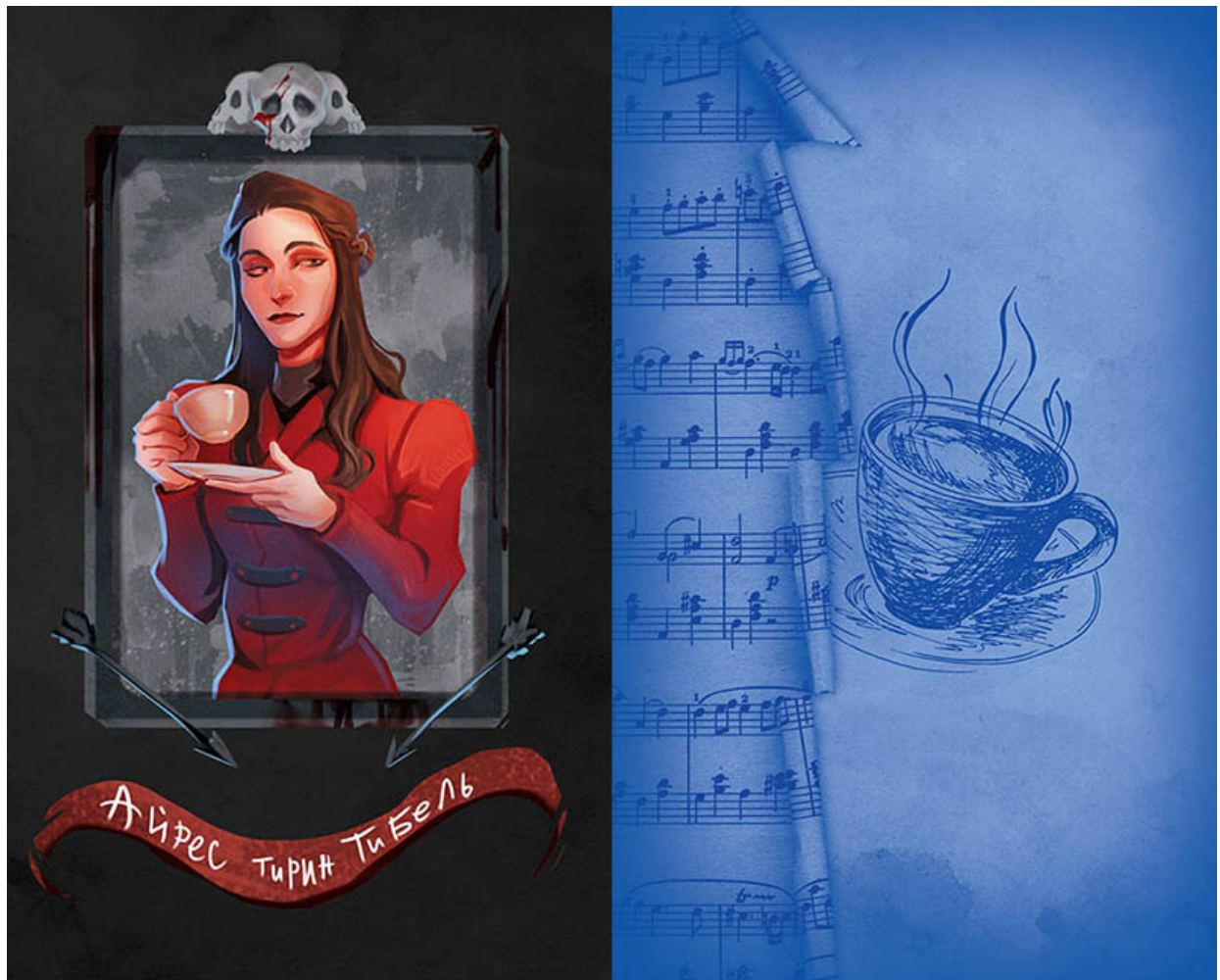
– Единственный недостаток живой девушки – приказывать ей замолчать далеко не так эффективно, – сказал Герберт, отстранившись. Подхватив её за талию, легко посадил на столешницу, где грустило тесто, которому так и не суждено было сегодня стать печеньем. – Хорошо, что есть другие методы.

...в одном Мэт был прав: корица идеально подходит к подобным моментам.

5 января 2019 г.

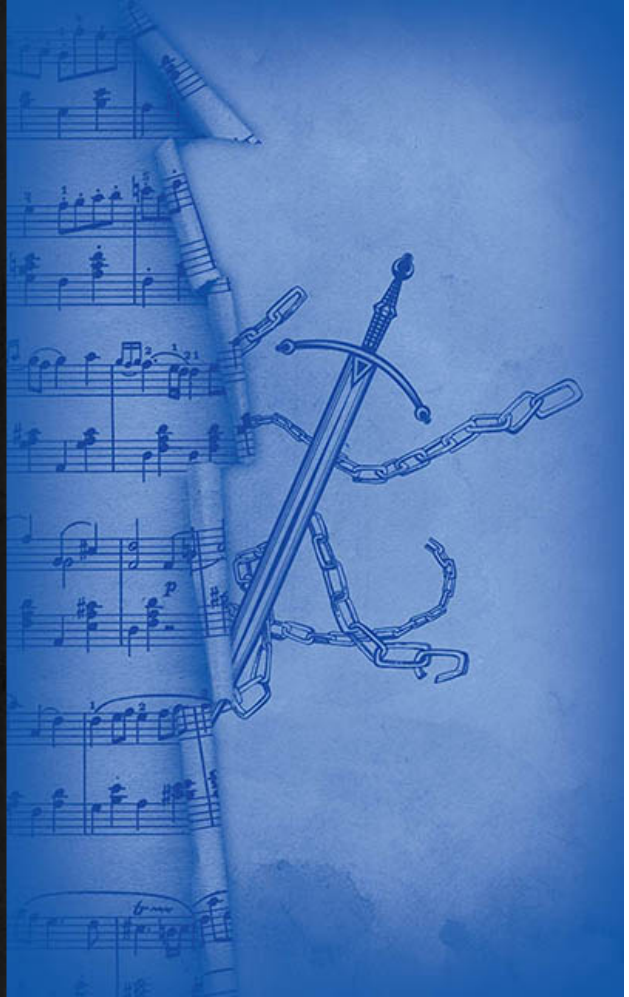
Казань

Иллюстрации

notes

Примечания

1

Горестно, грустно (*муз.*).

И зря: где знания о работе мобильных аккумуляторов, там и до российского рока недалеко. А подглядел ли демон когда-то концерт из Межгранья или просто покопался в Евиной голове, уже не суть важно.

3

Objet de la flame – предмет страсти или поклонения (*устар.*), (*фр.*).

Действительно: фонарь из сказки про мальчиков, потерявшихся где-то между жизнью и смертью, был ей к лицу.

5

Очень нежно, мягко, томно, страстно, порывисто (муз.).

6

Буквально «ударяя молотом», отрывистая игра с резким, сильным извлечением звуков.

7

С ГНЕВОМ (муз.).

Воинственно (муз.).

Внезапные смены динамического уровня, типичные для музыки барокко (муз.).

Aria – «воздух» (*итал.*). Вокальное произведение для одного голоса с аккомпанементом, соответствующее драматическому монологу, обычно в составе оперы, оперетты, оратории или кантаты. Под арией может также подразумеваться музыкально-инструментальная пьеса певучего характера.

Стихи Марка Шейдона.

Певуче (муз.).

Nocturne – «ночной» (*фр.*). В музыке – инструментальная или вокальная пьеса лирического, мечтательного характера; в живописи – картины, изображающие ночные или сумеречные сцены.

Duetto – дуэт, «двойка» (*итал.*): 1) Музыкальное сочинение для двух инструментов или двух голосов с инструментальным сопровождением; 2) ансамбль из двух исполнителей.

Квинтовый круг тональностей – система расположения тональностей по принципу возрастания и убывания в них ключевых знаков: диэзов и бемолей.

Рубато, *tempo rubato* (дословно «украденное время», от итал. *rubare* «красть») – свободное в ритмическом отношении музыкальное исполнение, ради эмоциональной выразительности отклоняющееся от равномерного темпа.

Ослабленно, приглушённо, угасающе (муз.).

Пугающе (муз.).

Мрачно, зловеще, печально (муз.).

Свободно, смело (*муз.*).

Гневно (муз.).

Победоносно (муз.).

Блестящий, великолепный, величавый (муз.).

Жалобно, горестно (муз.).

В инструментальной музыке эпохи барокко обозначение игры всего оркестра; то же, что tutti (муз.).

Указание для участников ансамбля, предупреждающее о разделении партии на несколько самостоятельных голосов (муз.).

Безмолвие, молчание, тишина (муз.).

Апофеоз (муз.).

«Прощальная симфония», название 45-й симфонии Гайдна (нем.). В процессе исполнения музыканты один за другим прекращают играть, гасят свечи на пюпитрах и покидают сцену. В год сочинения симфонии работодатель Гайдна, князь Эстерхази, слишком задержался в своей летней резиденции; музыканты его капеллы, мёрзшие и тосковавшие по семьям, не могли самовольно покинуть её, если не хотели лишиться работы. Симфония оригинально и убедительно намекнула князю, что пора и честь знать.

Конец (муз.).